ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА СССР имени В. И. ЛЕНИНА

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

ДНЕВНИК
Д. А. МИЛЮТИНА
1876—1877

ТОМ ВТОРОЙ

МОСКВА
1947

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА СССР
имени В. И. ЛЕНИНА

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

ДНЕВНИК Д. А. МИЛЮТИНА

Том второй

1876—1877

Редакция и примечания
П. А. ЗАЙОНЧКОВСКОГО

Текст приготовлен к печати
А. В. АСКАРЯНЦ

Указатель имен составлен
В. Г. ЛАПШИНОЙ

МОСКВА 1949

ОТ РЕДАКТОРА

Второй том Дневника Д. А. Милютина в основном посвящен восточному кризису 1876 г. и русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

Занимая пост военного министра и являясь одним из наиболее близких к Александру II лиц, Д. А. Милютин стоял в центре описываемых им событий, вследствие чего его Дневник представляет большой интерес *.

Впервые в мемуарной литературе освещается подробно и последовательно политика царского правительства в период восточного кризиса семидесятых годов прошлого столетия. Принимая постоянное участие в совещаниях Александра II по делам внешней политики, Милютин сообщает новые важные сведения, касающиеся переговоров с Австро-Венгрией и Германией по восточному вопросу, а также описывает подробно совещания в Ливадии осенью 1876 г.; в Дневнике пространно излагается ход переговоров по поводу созыва Константинопольской конференции и подготовки Лондонского протокола, разоблачающих предательскую политику английского правительства по отношению к славянским народам.

Много места отводится во втором томе Дневника и описанию военных событий на Балканском полуострове. Находясь вместе с Александром II на Дунае, Милютин рисует яркую картину положения в императорской Главной квартире и Штабе главнокомандующего. Несмотря на верноподданническое отношение к монарху, он дает убийственную характеристику Александру II, приносившему немалый вред своим пребыванием в армии, а также главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу, проявлявшему полнейшую неспособность к руководству военными операциями.

Освещая обстановку на Балканском театре войны, Милютин сообщает ряд новых интересных деталей, значительно дополняя многочисленные мемуары, посвященные военным действиям 1877-1878 гг. (Газенкампф, Скалон, Паренсов, Чичагов и др.).

Описывая события сквозь призму личного восприятия и давая им оценку, естественно, с либерально-монархических позиций, Милютин передает эти события с фактической стороны достаточно достоверно.

---

* См. наш биографический очерк «Д. А. Милютин» в первом томе «Дневника Д. А. Милютина», М. 1947.

Характеризуя тех или иных деятелей, Милютин не всегда беспристрастен. В этой связи необходимо остановиться на оценке, которую дает он кн. А. М. Горчакову. Военный министр явно преуменьшает роль канцлера в решении восточного вопроса, пытаясь изобразить его пустым фразером, потерявшим вследствие своего преклонного возраста способность к логическому мышлению. Подобная характеристика кн. Горчакова определялась личной неприязнью к нему Милютина, вызванной расхождением в политических взглядах, а также различными точками зрения на ряд конкретных вопросов внешней политики России.

Таким образом, Дневник Д. А. Милютина, при достаточной его достоверности в отношении передачи событий с фактической стороны, требует к себе критического отношения. Нельзя также забывать и того обстоятельства, что Милютин рассчитывал на публикацию своего Дневника впоследствии в печати, а это неизбежно налагало на него определенный отпечаток апологетического характера.

Принцип публикации Дневника сохраняется прежний *. Подстрочные примечания автора, сделанные им как во время написания Дневника, так и впоследствии, даются в тексте в круглых скобках.

Публикуя Дневник, мы опускаем приложения к нему, поскольку они сделаны Милютиным много лет спустя. Так, в настоящем томе нами не публикуется рассказ министра иностранных дел Н. К. Гирса о кн. А. М. Горчакове, записанный Милютиным в 1886 г.

---

* См. введение «От редакции» в первом томе «Дневника Д. А. Милютина».

ДНЕВНИК Д. А. МИЛЮТИНА

1876-й год

1-го января. Четверг.—По заведенному порядку, явился я сегодня к государю с громоздким багажом разных отчетов. Представляя краткий свой отчет за 1875-й год, я доложил, что будущий, 1876-й, год начинается для Военного министерства при благоприятных условиях в финансовом отношении, потому что от предыдущих смет открылись значительные и совершенно неожиданные сбережения, позволяющие исполнить в наступившем году * многие из предположенных мер для развития наших вооруженных сил, но что подробный доклад по этому предмету будет представлен особо вслед за сим. Государь видимо был доволен таким заявлением,—и вообще в последнее время был в отношении ко мне любезен и внимателен.

Объехав все дворцы с поздравлениями, т. е. записав свое имя у всех швейцаров, я должен был еще поздравить юбиляра—кн. Суворова, который сегодня празднует свое 50-летие службы. Я застал у него множество посетителей; небольшая зала его квартиры была набита битком; депутации от разных учреждений, обществ, городов одна за другой подносили ему адресы, и он ** с самодовольствием обнимался то с одним, то с другим. Казалось, будто в самом деле чествуют мужа государственного, оказавшего важные заслуги. Можно ли после того придавать серьезное значение всем подобным манифестациям в нашей официальной жизни?

4-го января. Воскресенье.—Опять военные торжества и церемонии, повод к тому—выдача нового знамени вновь сформированному 4-му батальону л.-гв. Финляндского полка. Вчера была при-

---

* несколько более в широких размерах

** с наслаждением целовался то с одним, то с другим.

бивка знамени во дворце вел. кн. Константина Николаевича, как шефа полка, а сегодня—освящение знамени с обычным по этому случаю молебствием и парадом в манеже.

Новый год начался погребальными церемониями. Почти в одно время скончались гр. Армфельд (министр—статс-секретарь В[еликого] княж[ества] Финляндского), ген.-ад. Краббе и гр. Модест Андр. Корф [1]. Первые два долго страдали, и смерти их ожидали ежедневно. Особенно для Краббе надобно было желать скорейшей кончины, потому что под конец жизни он впал в идиотическое состояние, едва узнавал людей, не мог произнести ни одного слова, а между тем по временам приходил в ярость и с последними остатками прежней силы вымещал свою злобу на прислуге и на врачах. Напротив того, гр. Корф умер тихо, как-будто заснул, от старческой слабости. Эти два человека—Краббе и Корф—были две противуположности в нравственном отношении: один—топорный, малообразованный, другой—с высокой культурой и государственным умом; один—грубый до цинизма, шутник, сквернослов, другой—олицетворение деликатности, приличия в формах и речах. Краббе прикрывал свою хитрость и изворотливость постоянным юмором и паясничанием; никто не говорил с ним серьезно, а между тем он умел забрать в свои руки все морское ведомство, сделаться правой рукой генерал-адмирала, Константина Николаевича, и пользовался расположением всех членов императорской фамилии. Граф Корф—всю жизнь провел за кабинетной работой; много важных дел государственных прошло чрез его руки и по званию государственного секретаря, и по заведыванию II отделением собственной е. в. канцелярии, и по председательству в Департаменте законов; он был * человек тонкий, обладал способностью хорошо говорить и писать; но, воспитавшись в школе Сперанского и Блудова, в эпоху Николая I, бар. Корф, как и все современные ему государственные люди, отличался изворотливостью в ведении дела, прилаживанием к чужим взглядам и неустойчивостью собственных убеждений. До высших чинов и званий он оставался ловким чиновником и за то не пользовался тем уважением, которого заслуживал бы по своим способностям, образованию и уму. **

5-го января. Понедельник.—Сегодня было погребение графа Корфа в Александро-Невской лавре. Государь был утром на выносе из дома, а в лавру не приехал; от этого отпевание происходило без особенной торжественности; съехалось не много, и мне казалось, что тень государственного мужа, целую жизнь искавшего

---

* правда

** Никогда не забуду фразы, сказанной им раз в Государственном совете: когда по какому-то делу, поступившему в общее собрание чрез Департамент законов, он заметил, что председатель вел. кн. Константин Николаевич не одобряет заключения Департамента

почестей, обижена невниманием к почившему. Даже товарищ гр. Корфа по выпуску из лицея, князь Алекс. Мих. Горчаков, не почтил покойника своим присутствием.

7-го января. Среда.—Каждый день что-нибудь заставляет терять время и отвлекает от дела. Вчера по случаю праздника крещения большая часть утра проведена во дворце; обычный выход на иордань обошелся благополучно благодаря довольно теплому времени (градуса 2 мороза). Сегодня же весь день был занят разными церемониальными обязанностями: утром погребение адмирала Краббе и поздравление князя Николая Сергеевича Голицына с 50-летним его юбилеем, а вечером—свадьба молодого офицера гв. Финляндского полка Иванова, пасынка моего брата Бориса.

Ген.-лейт. кн. Голицын—почтенный, высоконравственный человек. Я знаю его с 1835 года, когда учился в Военной академии, он же был тогда адъюнкт-профессором по кафедре стратегии и военной истории и составлял по лекциям барона Медема записки, отличавшиеся сухостью и длинностью. *

По выходе моем из Академии я принимал некоторое время участие в предпринятом кн. Голицыным составлении полного курса военной истории, от древнейших до наших времен. На мою долю досталась Тридцатилетняя война; но я недолго оставался сотрудником в этой работе: уезжая на Кавказ, я предоставил подготовленную мною статью в полное распоряжение главного редактора и позабыл совсем о предпринятом составлении Курса военной истории; да и сам кн. Голицын должен был покинуть эту пенелопину работу, получив место директора Училища правоведения. Лет пять тому назад, т. е. по прошествии более 30 лет после прекращения

и что некоторые члены также говорили против него, он спокойно встал и своим мягким голосом объявил: «Все, что до сих пор я слышал, не убеждает меня... в необходимости остаться при моем мнении». Это отречение от своего мнения было высказано так плавно и спокойно, что многие из членов Совета, не имеющие привычки скоро схватывать смысл слышанных слов, не поняли настоящего значения высказанных Корфом слов и почти готовы были удивиться его гражданскому мужеству.

* Первоначальный текст после слов «...пасынка моего брата Бориса.» (строка 12 св.): «Кн. Голицын—тип бездарного труженика и доброго человека. Я знаю его с молодых лет, когда я учился в Академии (1834 г.), а он поступил в адъюнкты к старику барону Медему по кафедре стратегии и военной истории. И тогда уже мы, неучи, смотрели на него, как на бездарного труженика; он составлял по лекциям Медема записки, отличавшиеся сухостью и длинностью».

работы, кн. Голицын задумал вернуться к ней и докончить ее единоличным трудом. Когда он заявил мне об этом намерении своем, признаюсь, я усомнился в осуществлении такого обширного предприятия,—и что же?—с тех пор он ежегодно печатает по нескольку томов, так что теперь уже появилось томов 8 или 9. * Читать эту сухую компиляцию, конечно, невозможно; но труд добросовестный и может служить, по крайней мере, в виде справочной книги. Не могу не преклониться пред такой выдержкой и усидчивостью. Сегодня, приехав к кн. Николаю Сергеевичу с поздравлением, я с удовольствием припоминал ему давнопрошедшие времена и выражал с искренностью удивление мое его постоянству и терпению. Замечательно, что он с тех же времен, т. е. с 1835 года, не только не изменил своего образа жизни, но даже живет в той же самой квартире, в доме Анненской церкви.—Это тип своего рода. Последние 10 или 12 лет он добросовестно исполнял обязанность председателя в учрежденной мною Комиссии для раздачи пособий отставным военнослужащим и семействам их.

9-го января. Пятница.—Большую часть утра провел в клинике баронета Вилье, составляющей часть Медико-хирургической академии. Слушал лекции Красовского, Боткина и Корженевского, обходил их больных и присутствовал при операции Красовского над женщиной, у которой посредством прокола выпущено из живота громадное количество жидкости. Вильевская клиника выстроена уже при мне; это прекрасное лечебное заведение, устроенное со всеми удобствами и для больных, и для профессоров.

---

* Первоначальный текст после слов «... полного курса военной истории, от древнейших до наших времени.» (стр. 9, строка 9 сн.): «На мою долю досталась Тридцатилетняя война; другие периоды взяли на себя мои товарищи по Гвардейскому генеральному штабу Горемыкин и Кузминский и товарищ по выпуску из Академии Штюрмер. Однакож я недолго был сотрудником в этой работе: не мог сойтиться во взглядах с нашим главным редактором и предоставил составленную мною Тридцатилетнюю войну в полное распоряжение его. После того, побывав на Кавказе и принявшись за многообразные другие занятия, я позабыл о начатом учебнике; да и сам кн. Голицын должен был покинуть эту пенелопину работу, получив назначение директором Училища правоведения. Не мало я удивился, когда лет пять тому назад, т. е. по прошествии 30 лет после того, как перестали и говорить о затеянной «Всеобщей военной истории», кн. Голицын задумал вдруг приняться снова за эту работу и издавать постепенно, по мере составления одного тома за другим. Признаюсь, я усомнился в исполнении этого предприятия,—и что же?—с тех пор он ежегодно печатает по нескольку томов, так что теперь уже появилось томов 8 или 9».

Перед обедом было у меня совещание с ген.-ад[ъютанто]м Кауфманом, Крыжановским, гр. Гейденом и ген.-л. Богуславским по делам туркестанским, именно о средствах к усилению войск в том крае, ввиду необходимого занятия всего ханства Коканского. Последние известия оттуда подтверждают неизбежность этой меры, несмотря на все сопротивление со стороны Министерства иностранных дел.

После совещания участвовавшие в нем остались у меня к обеду.

10-го января. Суббота.—Утром доклад, потом заседание соединенных департаментов Государственного совета по делу о новом положении для найма рабочих и прислуги. По всему видно, что дело это протянется долго и потребует не мало заседаний. Решено собираться по два раза в неделю. Не знаю, откуда я возьму время. Мне не удалось устранить себя от этого дела, мало касающегося военного ведомства.

Вечером был приглашен к ген. Баранцову на бал, а после того ездил к новому турецкому послу Кабули-паше, у которого назначен был официальный прием. Я приехал, когда уже никого не было у него; вообще, говорят, съезд был не блестящий.

15-го января. Четверг.—Получена телеграмма из Ташкента о новом успехе наших войск против коканцев: ген.-м. Скобелев овладел Андижаном, где сосредоточились враждебные нам скопища кипчаков Абдурахмана-Автобачи. Судя по телеграмме, наши войска овладели городом без больших потерь; штурм был подготовлен продолжительным бомбардированием. С этой телеграммой явился я к государю вместе с ген. Кауфманом. Пользуясь случаем, я доложил государю представление ген. Кауфмана о необходимости окончательного занятия всего ханства Коканского и выработанное вместе с ним предположение о средствах к усилению войск Туркестанского края. Государь * изъявил согласие на занятие Кокана предстоящей весной и поручил нам, т. е. мне вместе с Кауфманом, объявить об этом решении государственному канцлеру, который постоянно противился и противится всякому распространению наших владений в Азии. Меры к усилению войск также утверждены.

Я имел сегодня еще затруднительный доклад—относительно военно-судной части, на которую повторяются по временам нападки со стороны строевых начальников, поддерживаемых в этом отношении молодыми великими князьями. Такие же нападки выдерживает и гражданское судебное ведомство; на военный же суд жалуются с точки зрения мнимого нарушения дисциплины; из-за этого готовы поколебать все основания нового суда. При последнем моем докладе, во вторник, государь прочел мне письмо вел. князя Михаила Николаевича, который пишет, что все было бы на Кавказе благополучно и прекрасно, если б не военный суд, который навлек на се-

---

* без особенного затруднения согласился на занятие Кокана

бя неудовольствие августейшего главнокомандующего двумя своими решениями. По этим-то двум делам я и должен был представить объяснения, а также еще по третьему делу, которое еще в 1874 году производилось в Петербурге над одним гвардейским солдатом и возбудило негодование наследника цесаревича и вел. кн. Владимира Александровича. Рассмотрев все эти три дела, я не нашел в них ничего неправильного или ошибочного и вынужден был в этом смысле объяснять государю, в присутствии обоих великих князей, которые вмешались в дело очень горячо и заставили меня также погорячиться. Они не имеют ни малейшего сознания юридической постановки вопросов, несмотря на то, что Владимир Александрович несколько лет заседал в Сенате. Государь скорее усваивает себе представляемые ему объяснения и, несмотря на свое предубеждение против нового военного суда, не настаивал на своем прежнем взгляде. Тем не менее все эти препирательства, видимо, были ему неприятны. *

Уже был 1-й час, когда мы с Кауфманом приехали к госуд[арственному] канцлеру. По обыкновению своему, он принял нас любезно, с шуточками, даже без неудовольствия выслушал привезенное нами известие о решении государя относительно Кокана и, не слишком внимательно войдя в наши объяснения, предпочел прочесть нам отправленную им на днях в Вену инструкцию нашему послу [2] относительно турецких дел, в особенности же Черногории.

В час пополудни приехал я в Государственный совет, в заседание соединенных департаментов, по делу о найме рабочих. Заседание это имело особый характер: приглашены были в качестве экспертов некоторые из лиц, принимавших участие в разработке проекта, под председательством Валуева. От них мы должны были выслушать объяснения по некоторым основным вопросам, постановленным в предшествующем заседании. В числе этих экспертов были: предводители дворянства петербургский—гр. Андр. Павл. Шувалов и московский—гр. Алекс. Вас. Бобринский, известный строитель мостов и заводчик инженер-полковник Струве, московский гласный Наумов и еще несколько других. Показания этих лиц были довольно интересны; почти все говорят складно и толково. Вообще сегодняшнее заседание выходило из ряда обыкновенных сухих заседаний департаментов Госуд[арственного] совета.

16-го января. Пятница.—Сегодня был смотр на Дворцовой площади большей части войск петербургского гарнизона. После

---

* Первоначальный текст после слов «... несколько лет заседал в Сенате.»: «Государь, несмотря на свое предубеждение против военного суда, скорее усваивает себе объяснения и не настаивал на своих прежних ⌊неодобрител[ьных]⌋ ⌊зам[ечаниях]⌋ впечатлениях. Однакож мне казалось, что он был не в духе, и по окончании длинного моего доклада я вышел из кабинета не совсем довольный».

смотра все начальствующие лица были приглашены во дворец к завтраку.

Киевский генерал-губернатор кн. Дондуков-Корсаков (который некогда был в числе коноводов враждебной мне партии) вошел ко мне крайне взволнованный, бросился ко мне на шею, рыдая и с трудом высказывая свое горе. Я был крайне удивлен такому патетическому состоянию его, пока не понял, в чем дело. Оказалось, что старший сын его, которого он и жена его обожали, едва только произведенный в офицеры Кавалергардского полка, на 22-м году, тайно женился на какой-то певице, десятью годами старее его, и вследствие того должен был выйти в отставку. Отец и мать в отчаянии, не хотят видеть сына, хотя и сознают, что он поступил, как легкомысленный и слабохарактерный мальчишка, которого провела хитрая и ловкая женщина. Князь Дондуков приехал ко мне прямо от государя, у которого он просил помилования сыну за противузаконное вступление в брак на службе и об определении его снова на службу в армию. Тяжело было видеть огорченного отца; я обещал ему все содействие, какое от меня зависит в этом щекотливом деле.

17-го января. Суббота.—В числе дел, о которых я докладывал сегодня государю, было проектированное особой комиссией положение о воинской повинности в Финляндии. Проект этой комиссии, состоявшей исключительно из одних финляндцев, прислан был на мое заключение. В заготовленном отзыве моем я должен сделать много замечаний и возражений, но в особенности восстать на общее направление этого проекта, создающего новую армию, совершенно независимую от центрального правительства империи и не имеющую ничего общего с русской армией. Такой отзыв я не решился подписать, не удостоверившись в том, что смысл его согласен с взглядом государя. Он одобрил его безусловно и даже сказал, что сам не раз высказывал финляндцам те же самые мысли.

После доклада я поспешил навестить князя и княгиню Дондуковых, чтобы объявить им об окончательном разрешении государя определить снова на службу сына их, не ожидая истечения годичного срока, и не поднимать дела о противузаконной женитьбе.

Сегодня было опять заседание соединенных департаментов Государственного совета по делу о найме рабочих, с участием тех же экспертов.

20-го января. Вторник.—Опять горячее прение в Комитете министров по поводу представленного государственным контролером во всеподданнейшем его отчете обвинения Военного совета в неправильных решениях по одному пустому подрядному делу (в Виленском округе, в период 1867-1870). Не в первый раз поставленный в необходимость отстаивать права Военного совета и опровергать универсальную компетентность Государственного контроля, я старался быть сколько можно хладнокровным и спокойным; однакож не выдержал роли и, по мере того как говорил, чувствовал сам, что

невольно горячился и не достиг своей цели. Нынешний контролер Грейг и прежний—Абаза, а также Рейтерн упорно отстаивали неограниченные права Госуд[арственного] контроля во все вмешиваться и быть судьей во всех делах и распоряжениях кого бы то ни было. Валуев попробовал вмешаться в прение в смысле примирительном. Кончилось тем, что дело, подавшее повод к этим прениям, отложено до другого заседания.

Сегодня происходили похороны рижского генерал-губернатора князя Багратиона. Я не был на этой церемонии, так как имел доклад у государя, а потом следовало быть в Комитете. Во время доклада государь заговорил о кн. Багратионе и сказал: «Теперь надобно подумать, кем заменить его». Я позволил себе отвечать на это: «Не изволите ли признать своевременным оставить место незамещенным?»—Государь не согласился с этим мнением, которое уже не раз высказывал и министр внутренних дел Тимашев. Об этом была речь еще при назначении кн. Багратиона (на смену Альбединского); тогда прежний Рижский военный округ был упразднен, и можно было рассчитывать, что такое распоряжение по военной части наведет на соответственную меру и по гражданскому управлению в Прибалтийском крае; но на представление Тимашева не последовало высочайшего согласия. Как объяснить себе систематическое потворство стремлениям прибалтийских немцев к сепаратизму. Неужели объяснение это заключается в одном личном сочувствии немецкому элементу, властвующему до сих пор в этом финском крае, завоеванном русской кровью?—* Надобно сознаться, что немецкие бароны так называемого «Ост-зейского» края, чувствуя за собой опору германского императора, умеют хитрее и искуснее вести свои дела, чем польские иезуиты и паны, которым папа мало может оказать помощи.

Сегодня я обедал у герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого; обед был парадный, в честь гостя его, старшего брата [3], совершенно слепого. Хозяева очень любезны и хорошо кормят, но до крайности скучны.

22-го января. Четверг.—Государь был на охоте вместе с приехавшим новым гостем: великим герцогом Мекленбург-Шверинским [4]. Поэтому у меня не было обычного доклада, и я употребил свободное утро на обычный объезд военно-учебных заведений; но потом должен был снова сидеть в заседании соединенных департаментов Государственного совета по делу о найме рабочих. Заседание это происходило без участия экспертов.

---

* Первоначальный текст после слов «...но на представление Тимашева не последовало высочайшего согласия.»: «Как объяснить себе систематическое упорство всероссийского императора поддерживать сепаратизм в этих трех губерниях? Неужели объяснение это заключается в одном личном и инстинктивном сочувствии немецкому элементу, властвующему до сих пор в этом финском крае, завоеванном русской кровью?—»

23-го января. Пятница.—Сегодня был второй высочайший смотр на Дворцовой площади тем войскам петербургским, которые не были на первом смотру в прошлую пятницу. Погода была теплая, на 0°. Присутствовали на смотру вел. герц. Мекленбург-Шверинский и пр[инц] Александр Гессенский. Все обошлось удачно, и к концу смотра были внезапно вызваны по тревоге полки Кавалергардский и Конногвардейский.

В 6 часов был большой парадный обед в Зимнем дворце. Не знаю, с какой целью и в честь кого был этот обед. Ни иностранные принцы, ни королева Ольга Николаевна не присутствовали, а приглашены были послы, все министры и некоторые высшие сановники с их женами.

Тимашев с торжеством объявил мне, что ему удалось наконец убедить государя не замещать должности генерал-губернатора прибалтийских губерний. Известие это обрадовало и удивило меня. Немцы опять поднимут тревогу.

24-го января. Суббота.—Доклад сегодня был продолжительнее, чем обыкновенно, за пропуском четверга. Потом было опять заседание по вопросу о найме рабочих; мы должны были выслушивать многоречивых экспертов относительно введения рабочих книжек: одни доказывали необходимость обязательного введения этого документа, другие опровергали это мнение. В окончательном выводе оказалось разногласие только в практическом применении предположенной книжки.

27-го января. Вторник.—В воскресенье, после развода, было у меня совещание по вопросу об устройстве железнодорожной части в военное время. Вопрос этот уже несколько лет не подвигается вперед из-за того, что Главный штаб и инженерное ведомство препираются между собой о том, в чьем ведении должна быть эта часть, а в последнее время еще заявило притязание и ведомство путей сообщения. Так или иначе приходилось рассечь узел: предложенная мною комбинация, как кажется, удовлетворила все три стороны. Разработка на постановленных основаниях подробного проекта положения распределена между Главным штабом, Гл[авным] инженерным управлением и Гл[авным] военно-кодификационным комитетом. *

---

* Первоначальный текст после слов «...об устройстве железнодорожной части в военное время.» (строка 11 сн.): «Вопрос этот уже несколько лет не подвигается вперед из-за того, что Главный штаб и инженерное ведомство тянут это дело к себе, а в последнее время еще заявило притязание и ведомство путей сообщения. Надобно было так или иначе рассечь узел, и я предложил такую комбинацию, которая, как кажется, удовлетворила и ту, и другую сторону. Железнодорожные батальоны будут в составе саперных бригад, и назначение их будет исключительно строительное; для эксплоатации же жел[езных] дорог в военное время, в районе действий армии, будут формироваться в ведении инспектора военных сообщений

Сегодня, после доклада, я осматривал в здании Соляного городка некоторые из коллекций, предназначенных от Военного министерства на филадельфийскую выставку. Наше время можно назвать эпохой выставок; кроме универсальных, открываемых периодически то в одной стране, то в другой, устраиваются в течение каждого года в разных пунктах специальные выставки. Так, в нынешнем году готовятся выставки: в Лондоне — педагогическая, в Брюсселе—санитарная, в Берне—выставка о б у в и! Наше Военное министерство не отстает от других и везде является экспонентом.

В Комитете министров происходило довольно продолжительное заседание: * главными предметами прений были—представление министра внутренних дел об ограничении празднования юбилеев, размножившихся в последнее время до смешной мании, и представление министра путей сообщения по вопросу о концессии на Сумскую железную дорогу. Я ожидал возобновления препирательства моего с Грейгом по делу, оставшемуся нерешенным в предыдущем заседании, но об этом деле не было речи, может-быть, вследствие вчерашнего моего разговора с Грейгом a parte[5] в Государственном совете.

К обеду я был приглашен к их величествам.

29-го января. Четверг.—После доклада, продолжавшегося опять довольно долго (по случаю полученных ген. Кауфманом телеграмм о новых успехах Скобелева в Кокане), я осматривал в здании Гл[авного] артиллерийского управления предметы, назначенные к отправлению на филадельфийскую выставку, по артиллерийской части. Затем сидел опять в присутствии соединенных департаментов Госуд[арственного] совета по делу о найме рабочих. На этот раз, по крайней мере, пришли хоть к какому-нибудь заключению,—именно о значении, которое следует дать в новом законодательстве «рабочей книжке». В этом спорном вопросе пришли неожиданно к единогласному заключению: что рабочая книжка необязательна ни для нанимателя, ни для работника, но что книжке этой следует присвоить значение документа на случай возникнове-

---

особые команды, приготовление которых в мирное время будет возложено на попечение Главного штаба и непосредственно в ведение состоящих на жел[езных] дорогах офицеров Генерального штаба. Ведомство же путей сообщения при мобилизации армии откомандирует требуемое число инженеров и техников в распоряжение инспектора военных сообщений армии, а кроме того, обязано будет установлять непосредственно от себя эксплоатацию жел[езных] дорог в тылу армии. На таких главных основаниях поручено разработать подробные проекты положений, частью в Главном штабе, частью в Гл[авном] инженерном управлении, частью в Гл[авном] военно-кодификационном комитете».

* ⌊длинные споры⌋ горячие споры по представлению министра внутренних дел

ния каких-либо недоразумений или столкновений между двумя сторонами, так чтобы обе они находили * выгодным для себя ** пользоваться таким документом. В чем именно должно выражаться это полезное для обеих сторон значение рабочей книжки—об этом речь впереди, и, вероятно, предстоит еще много долгих прений по этому вопросу.

Обедали у меня сегодня ген. Драгомиров, К. Дм. Кавелин и еще кое-кто.

Возвратившись домой пред обедом, я нашел у себя на столе знаки мекленбургского ордена Вендской короны. Потом узнал, что орден этот привезен был генерал-адъютантом гросгерцога Мекленбург-Шверинского Цюловым.

30-го января. Пятница.—Утро провел в клиническом госпитале и на лекциях Медико-хирургической академии. Потом ездил к гросгерцогу Мекленбург-Шверинскому, в новой ленте, благодарить его за оказанный мне знак внимания. Затем принимал доклады по разным частям министерства.

31-го января. Суббота.—Утром было торжество 50-летнего юбилея II отделения собственной е. в. канцелярии,—впрочем, довольно скромное.

Вечером раут у австрийского посла бар. Лангенау.

3-го февраля. Вторник.—Вчера был на бале у наследника цесаревича.

Получены довольно важные известия из Кокана: смуты и раздоры дошли до такого предела, что обе соперничествующие партии нашлись вынужденными положить оружие пред русской силой. Предводитель кипчаков Абдурахман-Автобачи сдался Скобелеву; претендент на ханство Фулат-бек бежал в горы, и шайка его разбита флиг.-ад[ъютантом ротмистром Меллером-Закомельским у подошвы Каратегенских гор; в то же время из Кокана пришло приглашение к Насредину-хану вступить снова на престол; но, когда он подошел к Кокану, враждебная ему партия напала на него, так что он едва спасся. Депутации от разных городов просят о принятии ханства в подданство русского царя.

Ген. Кауфман приехал ко мне с этими известиями, и мы согласились между собой испросить высочайшее дозволение ныне же, по телеграфу, разрешить ген. Колпаковскому лично ехать в Кокан и объявить народу, что белый царь, снисходя к его просьбе и желая положить конец его бедствиям, принимает его в свое подданство. Прежнее ханство Коканское присоединяется к Российской империи под названием области Ферганской (древнее название страны в верховьях Оксуса—Фергана).

---

* в большей части случаев

** иметь такой полезный документ

Государь одобрил наше предположение, и телеграмма вчера же отправлена к Колпаковскому. Министерство иностранных дел уже не возражает и само пришло к убеждению в неизбежности присоединения Кокана к империи.—Но что скажут англичане?—Уже и теперь английская пресса * злобствует на Россию; надобно ожидать еще большего ожесточения.

Между тем общие дела политические запутываются. Сегодня при докладе государь говорил, что, несмотря на советы наши, князья сербский [6] и черногорский [7] вошли в соглашение между собой и отправили агентов в Грецию, чтобы заключить с нею оборонительный и наступательный союз. Повидимому, инсургенты не намерены положить оружие, и с весною может вспыхнуть война на всем полуострове Балканском. Русское правительство заявило обоим князьям, что все последствия падут на их ответственность и чтобы они не рассчитывали на помощь России.

При таком обороте дела, угрожающем весьма серьезными усложнениями, я спросил государя, не полагает ли его величество нужным приступить к каким-нибудь предварительным приготовлениям по военной части. Государь положительно выразил, что не видит никакой надобности, прибавив, что уже и без всяких с нашей стороны приготовлений не перестают распускать слухи о том, будто мы вооружаемся.

Сегодня в Комитете министров опять было горячее заседание, продолжавшееся до 6-го часа. Вопрос о добавочном отпуске сумм из облигационного капитала на Лозово-Севастопольскую дорогу возбудил довольно оживленное и резкое препирательство между Посьетом и Грейгом; на этот раз министр финансов изменил своему союзнику Грейгу, приняв сторону министра путей сообщения. Под конец же заседания назначено было обсуждение внесенного мною, по особому высочайшему повелению, вопроса о том, выгодны ли или невыгодны для заготовления провианта долгосрочные поставки, подобные, напр[имер], 9-летней операции петербургской (1867-1876). Вопрос этот возбужден мною вследствие ежегодно повторяющихся в отчетах Государственного контроля нападок на эту операцию. Ввиду близкого истечения срока заключенного контракта, необходимо, прежде устройства новой операции на будущее время, разъяснить положительно, кто ошибается: Военное ли министерство или Государственный контроль. По моей просьбе в заседание был приглашен главный интендант ген.-ад. Кауфман 2-й (Михаил Петрович). Прения продолжались более 2 часов; Грейг, как всегда, был беззастенчив до нахальства. Разъяснения, данные Кауфманом дельно и спокойно, не укротили ярого судью над всеми министрами. На сей раз даже оба союзника его — Рейтерн и Абаза — не поддержали его и высказались в смысле умеренном и примирительном. В том же смысле говорил и Валуев; совершенно в пользу Военного министерства заявили мнения Тимашев, Потапов, пр[инц]

---

* мещет огнь против России;

Ольденбургский. На беду, в то время, когда уже почти приходили к соглашению, вдруг сам председатель[8] поднимает голос против Военного министерства. Он прямо напоминает, что уже много лет тому назад, когда он председательствовал в комиссии, разбиравшей по высочайшему повелению годичные отчеты Военного министерства, он был противником новой системы долгосрочных поставок, но что тогда мнение его не было уважено, и вследствие того теперь он предлагает поместить в журнале что-то вроде порицания долгосрочности всяких поставок. Услышав это, Грейг, который совсем было утих, опять заартачился, и чуть было не возобновилась буря; но час был уже поздний, и решено было составить журнал в смысле большинства, к которому и я охотно присоединился, с тем, однакоже, что сам председатель и Грейг предоставили себе, смотря по тому, как будет редактировано мнение большинства, согласиться с ним или высказать в журнале свои отдельные мнения. Таким образом, надобно ожидать, что будущее заседание Комитета начнется с тех же желчных и раздражительных прений, которыми нынешнее заседание закончилось.

Сколько времени и сил тратится на подобную бесполезную борьбу в самой среде министров! *

5-го февраля. Четверг.—Состояние великой княгини Марии Николаевны возбуждает опасения; государь и императрица вчера были у нее поздно вечером, она едва узнала их. Приехав сегодня во дворец, я узнал, что назначенный на завтрашний день большой бал во дворце отменен.

Перед докладом я был у государственного канцлера, который болен, не выезжает и желал со мною видеться, чтобы условиться по некоторым вопросам, касающимся как турецких дел, так и среднеазиатских. Порта приняла с покорностью ноту, предъявленную ей тремя императорскими кабинетами и поддержанную прочими государствами; но теперь задача—как склонить самих инсургентов к прекращению военных действий и как привести в исполнение требуемые Европой от Турции реформы в восставших областях. Об этом идет теперь дипломатическая переписка. С другой стороны, получены из Лондона депеши гр. Шувалова, возбуждающего некоторые новые вопросы по поводу назначения Литтона генерал-губернатором Индии.

По тому и другому предмету я доложил государю соображения государственного канцлера и, получив одобрение его величества, заехал опять к кн. Горчакову, чтобы передать ему слова государя.

Сегодня было опять заседание в Государственном совете по делу о найме рабочих. Дело подвигается медленно, каждая статья проекта подает повод к бесконечным прениям.

8-го февраля. Воскресенье.—Вчера, после доклада, присутствовал в Никол[аевском] кавалерийском училище на просмотре сочи-

---

* Сколько испорченной крови!

нений юнкеров на темы из военной истории и тактики; при этом находился австрийский второй агент кап. Клепш. Потом был в заседании Госуд[арственного] совета; дело о рабочих тянется невыносимо тяжело.

Сегодня утром осматривал в Интендантском музее вещи, отправляемые на филадельфийскую выставку. Обычный воскресный развод был отменен по тому случаю, что государь и императрица немедленно после обедни поехали к великой княгине Марии Николаевне; говорят, она приобщалась (уже вторично). *

9-го февраля. Понедельник.—В прошедшую ночь скончалась великая княгиня Мария Николаевна после продолжительной и мучительной болезни. Эта женщина совершенно выделялась из той среды, в которой она родилась и выросла: страстная и своеобычная натура ее не могла подчиниться условному, стеснительному, лишенному внутреннего содержания формализму дворцовой жизни и царской семьи; еще в царствование отца своего, несмотря на тогдашнюю суровую дисциплину, она одна решилась сбросить с себя путы, увлеклась любовными своими наклонностями и потом вышла замуж за графа Григория Строганова. С тех пор она держала себя почти как обыкновенная смертная; тон ее, речи, обращение были крайне развязны и бесцеремонны; жила большей частью за границей, позволяла себе разные эксцентричности; только профиль ее лица напоминал, что она дочь императора Николая. В молодости она была красива, но и тогда этот профиль придавал ее физиономии некоторую жесткость и строгость. В последние годы она вдруг сильно опустилась и так исхудала, что трудно было узнавать ее. Муж ее, гр. Григорий Строганов — личность весьма типичная: в молодости он был красавец, всегда был добрый малый и ** кутила. Несмотря на свою связь с царской семьей, он всегда держал себя чрезвычайно просто, без принуждения, и остается до сих пор прежним добрым малым и кутилой, несмотря на свои уже немолодые лета.

Утром, во время моего обычного (по понедельникам) приема в канцелярии Военного министерства, дали мне знать, что в час пополудни назначена панихида во дворце великой княгини Марии Николаевны у Синего моста и что заседание Государственного совета начнется только в 2 часа. Едва поспел я на панихиду; по окончании же ее поехал в Государственный совет, где мне пришлось немного поспорить по делу об улучшении положения врачей, служащих в разных ведомствах, преимущественно в военном и по Министерству внутренних дел. К сожалению, дело это не получило окончательного разрешения; надобно было ограничиться полумерой

---

* Однакож это не помешало государю все-таки приехать на развод; но я уже избавил себя от этого ежевоскресного спектакля, повторяющегося каждую неделю с математическим единообразием.

** пресловутый

и обещаниями на будущее, более благоприятное время. Авось когда-нибудь и наступит то время, когда министр финансов, государственный контролер и другие влиятельные члены правительства будут шире понимать интересы государственные *.

10-го февраля. Вторник.—После доклада был в Инженерном замке, где показывали мне вещи, предназначенные к отправлению на филадельфийскую выставку по инженерной части. Кстати обошел Инженерную академию и училище. Затем был на панихиде по великой княгине Марии Николаевне, а потом в заседаниях трех комитетов, происходивших один за другим: Комитете министров, Кавказском и Польском.

В Комитете министров между прочим читался журнал прошлого заседания по делу о долгосрочных поставках; Грейг опять покушался вставить свои наглые нападки на действия Военного министерства; но так как никто не поддерживал его и общее настроение в Комитете было примирительное, то строгий цензор укротился и отказался от всех своих претензий. Заключение Комитета вышло более в пользу Военного министерства, хотя и с разными оговорками: существенно важно то, что Комитетом признаны некоторые преимущества и выгоды за подрядами, заключаемыми на несколько лет, наперекор государственному контролеру, который** в своих всеподданнейших отчетах не переставал заявлять о мнимых убытках, наносимых казне долгосрочной провиантской операцией в Петербурге. Он до конца продолжал настаивать, что ежегодные поставки выгоднее, однакож решился подписать журнал, составленный в противуположном смысле.

12-го февраля. Четверг.—Доклад обыкновенным порядком, а потом процессия перевозки в крепость тела покойной великой княгини Марии Николаевны. Погода теплая, градуса 2 мороза. Государь сел верхом в $12^1/_2$ час. у Зимнего дворца, откуда мы проехали галопом по фронту войск, расставленных шпалерами до дворца покойной великой княгини. Около часа пополудни шествие тронулось по обычному церемониалу, а в 2 часа тело было уже внесено в Петропавловский собор (в крепости).

13-го февраля. Пятница.—Погребение великой княгини Марии Николаевны происходило с обычным обрядом в соборе св. Петра и Павла.

14-го февраля. Суббота.—Получено по телеграфу известие из Ниццы о кончине княжны Вяземской. Бедняжка много настрадалась, и для нее смерть была избавлением от мучительной болезни;

---

* когда полезнейшие и необходимые меры не будут встречать непреодолимого сопротивления от упрямой инерции и односторонности.

** несколько лет сряду

но окружавшие и сердечно любившие ее будут в отчаянии, в том числе и дочери мои, особенно же Надя, которая была с нею очень дружна. Теперь озабочивает нас вопрос — как устроить Ольгу и Надю, которые с отъездом Вяземских и Вельяминовых останутся в Ницце совершенно одни.

16-го февраля. Понедельник.—Вместо общего собрания Государственного совета назначено было заседание соединенных департаментов опять по делу о найме рабочих. На этот раз заседание заключалось в том, что разыграна была * пьеса, заранее сочиненная ** в домашнем совещании у великого князя Константина Николаевича: убедившись в невозможности продолжения споров по каждому пункту объемистого проекта, *** великий князь вместе с кн. Урусовым и некоторыми другими членами соединенных департаментов уговорили Валуева и Тимашева отказаться от дальнейшего рассмотрения проекта в настоящем его виде, а передать его в канцелярию Государственного совета для извлечения из него некоторых только основных статей, подлежащих утверждению в законодательном порядке; а затем разработку всей прочей мелочной регламентации предоставить подлежащим министерствам. Такой оборот дела, конечно, не мог быть приятен для самолюбия Валуева, неприятен был также и Тимашеву и даже составителю первоначального проекта — П. Н. Игнатьеву. Тем не менее, они должны были покориться необходимости и, как говорят французы: faire bonne mine à mauvais jeu[9]. Притом же представление было разыграно в таких ловких формах, с такими заранее условленными речами, что не было и предлога обижаться. Тем не менее мы назвали нынешнее заседание похоронами проекта, похоронами с церемонией и почестями.

Из Ниццы получена телеграмма, несколько успокоившая нас относительно положения моих дочерей: Мария Николаевна Вельяминова решилась там остаться на 2 месяца ради своего брата, страдающего легкими. Таким образом, нам уже нечего заботиться о том, с кем останутся Ольга и Надя.

19-го февраля. Четверг.—Во вторник, на 9-й день по смерти великой княгини Марии Николаевны, отслужена была по ней панихида в Петропавловском соборе. Прямо из крепости отправился я в Комитет министров, где происходило опять очень продолжительное заседание.

Сегодня после доклада остался я во дворце, выстоял обедню и молебствие. 19-е февраля будет надолго великим днем в памяти русского народа. Но государь обыкновенно в этот день неохотно принимает поздравления, а сегодня в особенности он показался мне сумрачным и грустным. Впрочем, он в таком же настроении

---

* комедия

** и приготовленная

*** составленного бестолку,

уже несколько дней. Все замечают сильную перемену в его лице, он как будто разом постарел на несколько лет. Напротив того, императрица, несмотря на недавнюю еще простуду, имеет вид более оживленный и здоровый, чем привыкли мы видеть.

Сегодня при докладе моем окончательно последовало высочайшее повеление о присоединении к империи бывшего ханства Коканского под именем области Ферганской. Губернатором назначен ген.-м. Скобелев, завоевавший с ничтожными силами эту новую территорию.

22-го февраля. Воскресенье.—Обычный наш воскресный вечер принял сегодня необычную физиономию: молодежь моя давала представление, в котором отличались Вас. Евд. Давыдов (полковник, состоящий при начальнике главного штаба), Александра Петровна Арапова, Пав. Ник. Попов, маленькая Алека Гейден, племянница моя Паша Милютина, брат ее Юрий и сын мой. Гости разъехались далеко за полночь.

23-го февраля. Понедельник.—В Особом присутствии Государственного совета по воинской повинности рассматривался проект положения об ополчении; окончательные заключения отложены до получения письменного отзыва от министра финансов.

Обедал в Зимнем дворце.

25-го февраля. Среда.—Вчера в Комитете министров окончательно решена железная дорога от ст. Ворожбы (Курско-Киевской дороги) до Мерефы (Азовской) чрез Сумы.

Обед у пр[инца] Петра Георгиевича Ольденбургского.

26-го февраля. Четверг.—После доклада был с поздравлением в Аничковском дворце по случаю дня рождения наследника цесаревича.

27-го февраля. Пятница.—Совещание у министра финансов Рейтерна касательно результатов экспедиции полковника Сосновского, который был командирован для исследования торгового пути из северо-западных областей Китая к границам Семипалатинской области. Сосновский прошел по этому пути с доктором Пясецким и заключил с китайским генерал-губернатором в Лан-Чеу договор, на основании которого обязался доставить для его армии в Гучен известное количество продовольствия по баснословно высокой цене. Нам предстояло обсудить значение этой спекуляции и сообразить, можно ли извлечь из нее пользу для установления на будущее время постоянных торговых сношений с той частью Китая. В совещании участвовали, кроме Рейтерна и меня, Гирс (товарищ мин[ист]ра иностр[анных] д[ел]), Казнаков (генерал-губернатор Западной Сибири), гр. Гейден, Бутовский и Ермаков.

28-го февраля. Суббота.—При докладе моем государь заговорил о теперешнем положении дел в Герцеговине и Боснии и прочел телеграмму, полученную из Вены от нашего посла Новикова,

о том, в каком смысле Андраши дал поручение генералу Родичу к князю Николаю черногорскому. Телеграмма эта возбуждает некоторые темные опасения насчет политики Австрии: не хочет ли она опять разыграть двуличную роль. В таком смысле пишет и наш посол Игнатьев из Константинополя. Государь, как мне показалось, не так спокойно смотрит на эти дела, как прежде. Очевидно, что нота Андраши, поддержанная почти всеми европейскими кабинетами, и вынужденная уступчивость Порты не поведут к спокойному разрешению турецкого вопроса[10]. Инсургенты не верят никаким обещаниям турок, да и не могут удовольствоваться никакой полюбовной сделкой с своими исконными притеснителями. С своей стороны и турки, даже при самом искреннем желании примирения,* не могут исполнить своих обещаний. Уладить запутанные дела Турции—не зависит от одной лишь доброй воли султана и его министров. Тут в основе лежат такие затруднения, присущие самому организму мусульманской державы, которых нет возможности преодолеть иначе, как полным государственным и социальным переворотом. Надобно рассечь мечом гордиев узел.

С этими размышлениями поехал я после доклада к князю Горчакову, который заболел и не мог приехать во дворец с докладом. Однакож я нашел государственного канцлера на ногах, в кабинете, в обычном его длиннополом сюртуке и туфлях. По обычаю своему, он ходил по комнате и что-то диктовал Гамбургеру. После первых же слов он выложил предо мной свою последнюю переписку с Игнатьевым и Новиковым. Заметно, что и кн. Горчаков начинает смотреть на теперешнее положение дел с меньшей самоуверенностью, чем прежде. Да чего же и мог он ожидать иного от одного «дипломатического давления» на Порту? Разве можно было рассчитывать на магическое действие султанского «ираде»? [11] Государств[енный] канцлер уже предусматривает, что европейской дипломатии не удастся удержать Сербию, Черногорию, а быть может, и Румынию от явного вмешательства в борьбу. Если весной все славянские области Турции возьмутся за оружие, то наш канцлер полагал бы предоставить обе стороны на произвол судьбы: пусть оружие и решит, которая сторона одолеет и которая погибнет. Чтобы эта местная борьба не превратилась в общую войну европейскую, нужно только удержать Австрию от всякого вмешательства. Кн. Горчаков ссылается на какой-то «безмолвный» уговор свой с Андраши (convention tacite) [12]; но что может значить подобная загадочная сделка, когда и формальные, самые торжественные договоры не обеспечивают точного исполнения. **

---

* ничего не могут исполнить из своих обещаний.

** Первоначальный текст после слов «...(convention tacite);»: «но что может значить подобная безмолвная сделка, когда и формальные договоры, даже самые громогласные, не всегда обеспечивают точное исполнение».

В заседании соединенных департаментов Государственного совета снова рассматривалось предположение Министерства внутренних дел об образовании новой губернии—Таганрогской. В марте прошлого года по этому же делу произошло разногласие: я был в меньшинстве, с 6 другими членами, против большинства из 15 голосов, поданных тогда в пользу учреждения этой безобразной губернии. Так как мысль о включении в новую губернию Миусского округа Донской области была уже признана окончательно устраненной, то в новом проекте Таганрогской губернии вышла еще большая, чем ныне, чресполосица. Присоединяемые к Ростовскому уезду три другие уезда Екатериносл[авской] губернии: Мариупольский, Бахмутский и Славяносербский были бы отрезаны казачьими землями от предполагаемого губернского города. Я решился сегодня восстать сильнее прежнего против этого нелепого проекта: первый я поднял голос,—и с радостью увидел, что многие из членов прежнего большинства объявили тут же, что отступают от своего мнения. Защита проекта Тимашевым была крайне слаба, в моем же смысле говорили бар. Николаи, Грейг,—и кончилось тем, что все единогласно забраковали проект. Положено: новой губернии не учреждать, а предоставить министру внутр[енних] дел придумать другие меры собственно для устранения местных неудобств, встречаемых в Ростове-на-Дону и в Таганроге от чресполосного географического положения этого оторванного от Екатеринославской губернии уезда. Предложение прежнего меньшинства (давно уже заявленное со стороны Министерства военного) об учреждении ростово-таганрогского градоначальства было поддержано многими; но по просьбе самого Тимашева положено было не включать этого предположения в журнал заседания, дабы не связать последующих соображений Министерства внутр[енних] дел.

Сегодня приехала в Петербург великая княгиня Мария Александровна с своим супругом, герц[огом] Альфредом Эдинбургским.

2-го марта. Вторник.—После доклада заехал к государственному канцлеру, который все еще не выезжает из дому по болезни. Дела герцеговинские запутываются. Из секретных телеграмм, получаемых от консулов в Белграде и Цетинье [13], от послов в Константинополе и Вене, можно догадываться, что затевается какой-то закулисный план и что наши братья славяне морочат нас[14]. Сербия с Черногорией ведут тайные переговоры о войне против турок. Намерения венского кабинета также не совсем ясны. Можно опасаться, что с весной разыграется кровавая драма. Наше положение в отношении к славянам будет самое фальшивое.

В Комитете министров сегодня обсуждался, в присутствии вел. кн. Константина Николаевича, вопрос о том, на каких основаниях продолжать правительственную субсидию Русскому обществу пароходства и торговли на Черном море по истечении в будущем году 20-летнего срока договора. Вопрос этот давно уже составляет предмет горячей журнальной полемики. Общественное мнение силь-

но раздражено против Общества, которое злоупотребляет своим привилегированным положением, как самый бесцеремонный монополист. Однакож надобно было ожидать, что в Комитете министров Общество найдет сильную поддержку. Всем известно, что в числе его акционеров есть высокопоставленные особы, начиная от самого вел. кн. Константина Николаевича. Так и оказалось. Долго и горячо рассуждали и препирались, но в результате вышло, что Обществу и на будущее время сохранена почтенная субсидия в форме помильной платы за дальние рейсы. Нам удалось выторговать только незначительные изменения в проекте, составленном особой комиссией под председательством Грейга, именно: ввести некоторые обязательные для Общества рейсы от Севастополя, чтобы хотя сколько-нибудь поддержать этот воскресающий город, в защиту от притеснений со стороны Общества пароходства, и постановить некоторые условия, чтобы хоть сколько-нибудь ограничить произвол управления этого Общества.

6-го марта. Суббота.—Сегодня был у меня датский генерал Raasloff, бывший военным министром, а теперь возвратившийся в Европу из Японии и Китая, куда был послан датским правительством для приведения в лучшее положение телеграфного сообщения, устроенного Датским обществом, чрез всю Россию и Сибирь до японских и китайских портов. Ген. Рааслов человек умный и энергичный.

На этой неделе (3-го числа) сын мой отправился за границу, куда командирован для изучения паровозов, двигающихся без рельсов (routières) и, как кажется, весьма пригодных для военных целей. В Италии уже решено ввести их в употребление в обширном размере.

9-го марта. Вторник.—Доклад мой, вместо вторника, был вчера, по случаю поездки сегодня государя на охоту. После доклада присутствовал я на экзамене в Военно-топографическом училище, а потом в Государственном совете. После общего собрания было заседание Особого присутствия по воинской повинности. Пришлось мне поспорить по делу о выкупе квитанций[15]: однакож решено противно моему мнению.

Сегодня было опять бурное заседание в Комитете министров. По поводу чтения проекта журнала прошлого заседания по делу о Русском обществе пароходства на Черном море я был выведен из спокойного состояния систематическим устранением всякого предложения, которое имеет в виду интересы военного ведомства. У некоторых из наших государственных мужей вошло в привычку подниматься на дыбы лишь только касается дело военных надобностей; c'est un parti pris[16]. К числу их в особенности принадлежат Рейтерн и Грейг. По поводу сделанного мною замечания о необходимости выговорить при новых условиях с Обществом, чтобы войска перевозились по уменьшенному тарифу, Рейтерн позволил се-

бе отвечать таким тоном, что я вспылил и потребовал, в случае отказа со стороны Комитета, занести мое особое мнение в журнал. Эта стычка была только прелюдией к другой, более продолжительной баталии по делу о виленской провиантской поставке 1868-1870 годов, по которому было уже в одном из прежних заседаний Комитета министров, несколько недель тому назад, весьма горячее объяснение между мною и Грейгом. Я надеялся, что доставленные мною в Комитет обстоятельные разъяснения по этому делу укротят нападки госуд[арственного] контролера на решения Военного совета; однакож надежда моя не сбылась: Грейг попрежнему доказывал правильность его нападок и, несмотря на общее настроение Комитета в смысле согласительном, упорствовал в обвинении Военного совета в неправильных решениях, имевших будто бы последствием ущерб казны. Председатель наш на сей раз клонил суждения Комитета в пользу Военного министерства и затронул вопрос о компетентности Комитета министров в таких делах, окончательное решение которых предоставлено Военному совету. Кончились прения постановлением заключения в такой неопределенной редакции, которая казалась совершенно безобидной для той и другой стороны. *

10-го марта. Среда.—Большой парадный обед во дворце по случаю дня рождения императора германского. В первый раз явился в своей роли новый посол ген. Швейниц, заместивший недавно принца Рёйсса. Лет шесть тому назад Швейниц был здесь военным агентом прусским; тогда он был в чине полковника, держал себя скромно и более походил на школьного учителя, чем на дипломата. И действительно, он начал свою службу учителем; это человек весьма образованный, даже ученый; никому тогда не могло прийти в голову, что он будет послом. С поста военного агента в Пе-

---

* Первоначальный текст после слов «...имевших будто бы последствием ущерб казны.» (строка 13 св.): «Председатель наш на сей раз клонил суждения Комитета в пользу Военного министерства и пробовал отклонить компетентность Комитета министров в делах, решаемых Военным советом по предоставленному ему законом праву. Кончились прения тем, что положили ограничиться в журнале Комитета такими общими выражениями, которые пощадили бы обе стороны. Решением этим, конечно, я не мог быть вполне удовлетворен и вышел из Комитета взволнованным и озлобленным. Невозможно переносить хладнокровно беззастенчивое нахальство Грейга, подкрепляемое крепким союзом с Рейтерном и Абазой. Впрочем, я должен сказать, что сегодня оба последние были весьма умеренны и старались дать делу примирительное направление. Теперь, вечером, успокоившись и обдумав хладнокровно происходившее утром, я должен признать, что в общем итоге результат прений был все-таки не слишком невыгоден для Военного министерства: могло бы быть хуже. Последую примеру доктора Панглоса [17]».

тербурге он сначала был назначен послом в Вену; здесь он выказал свои дипломатические способности и, как говорят, обнаружил в некоторых случаях не совсем дружественное расположение к России, где столько лет пользовался радушным гостеприимством. В начале текущего года пр[инц] Рёйсс женился на одной из принцесс Саксен-Веймарского дома [18], родственного с нашим императорским домом, вследствие чего признано было неудобным оставить его послом в Петербурге,—и вот перевели его в Вену, а на место его в Петербург—Швейница. Последний заметно постарел и изменился с тех пор, как оставил Петербург. *

11-го марта. Четверг.—Вчера, после обеда во дворце, принц Петр Георгиевич Ольденбургский сказал мне, что имеет надобность со мною переговорить о каком-то серьезном деле; я обещал ему приехать к нему сегодня в пятом часу, недоумевая, какой может быть предмет нашего разговора. Полагал, что он возобновит прерванные переговоры о подчинении ему наших ** женских медицинских курсов. Вышло не то: он завел речь о давнишнем предмете его мании—о вечном мире, о необходимости обезоружения Европы, о том, что государь должен теперь, при настоящих обстоятельствах, взять на себя великую роль примирителя, а для этого немедленно собрать в Петербурге конгресс. Все это говорилось до такой степени нескладно, несвязно, перепутывалось самыми нелепыми суждениями о посторонних предметах, чтением собственных сочинений и даже своей эпитафии, что можно было усомниться в нормальном состоянии его рассудка. С полчаса продолжался этот бред больного мозга; я молчал все время и вышел от него с таким чувством, какое выносишь из больницы умалишенных.

12-го марта. Пятница.—В Зимнем дворце, в большой церкви отслужена, в присутствии государя, панихида по умершем генерал-адъютанте Витовтове, который пользовался особенной милостью государя как потому, что в день 14 декабря 1825 г. он командовал гвардейским саперным батальоном, с которым явился из первых на защиту дворца и царской фамилии, так и потому, что был начальником штаба гвардейского корпуса, когда нынешний государь был корпусным командиром. Витовтов был человек *** малообразованный, но добрый, честный и здравого ума. Он уже мно-

---

* Первоначальный текст после слов «...где столько лет пользовался радушным гостеприимством.» (строка 4 св.): «В прошлом году пр[инц] Рёйсс женился на принцессе одной из германских фамилий, родственных с нашим императорским домом; вследствие этого признано было неудобным оставаться ему послом в Петербурге, и вот Швейница перевели сюда. Он заметно постарел с тех пор, как оставил Петербург; он уже женился и принял вид важной особы. Посмотрим, как он покажет себя в делах».

** женских курсов Медико-хирургической академии.

*** недальнего ума,

гие годы сошел со сцены и жил в Москве, в постоянных страданиях от водяной.

15-го марта. Понедельник.—Сегодня я имел доклад у государя, вместо завтрашнего дня. Это не помешало обычному моему приему в канцелярии В[оенного] м[инистерст]ва. Затем было заседание в Государственном совете, весьма короткое, а после него—совещание по амурским делам, под председательством вел. кн. Константина Николаевича. Совещание это продолжалось до пятого часа; долго не могли сойтиться в мнениях, но спор велся в пределах приличия и без раздражения. Признаюсь, я готовился к более горячим прениям, зная по прежним совещаниям, как великий князь мечтает о том, чтобы всю приморскую полосу по берегам Восточного океана подчинить исключительно морскому начальству, изъяв из ведения восточно-сибирского генерал-губернатора.. Я был постоянным противником этой комбинации, не обещающей ничего хорошего для благосостояния и развития края. Притом же я убежден, что в подобной отдаленной окраине невозможно оставить рядом два независимые друг от друга начальства: одного в приморской полосе, подчиненного непосредственно Морскому министерству, другого—в Благовещенске, подчиненного иркутскому генерал-губернатору. Вообще нахожу непрактичными заявленные предположения о переделении Азиатской России с уничтожением генерал-губернаторств. Проект комиссии, существовавшей в 1874 году под председательством д[ействительного] с[татского] с[оветника] Деспот-Зеновича, был совершенно несообразный. К счастью, Тимашев почему-то отступился от прежних своих предположений и, к удивлению моему, явился сегодня моим союзником. Мы оба предложили принять проект теперешнего иркутского генерал-губернатора бар. Фредрихса. К нам присоединился и Потапов. Рейтерн искал только, как бы уладить дело в угоду великому князю, но сознавал несообразность его предположений. Посьет только путал дело, придумывая то одну, то другую комбинацию, всегда невпопад. Гирс говорил мало и неудачно. Мы уже отчаивались прийти к какому-либо заключению; наконец остановились на том, чтобы области Амурскую и Приморскую оставить в теперешних границах, но отделить их от восточно-сибирского генерал-губернаторства, образовав особое генерал-губернаторство в Благовещенске; губернатора Приморской области перевести в Хабаровку, отделив эту должность от командира морской станции во Владивостоке, заведующего только морской частью и портом владивостокским с ближайшей его окрестностью, на правах градоначальника. Такое решение, конечно, устранило все затруднения и несообразности прежних предположений, но оно сопряжено с значительным увеличением расходов, и я не мог не подивиться сговорчивости министра финансов, который обыкновенно так горячо отстаивает интересы государственного казначейства. *

---

* Первоначальный текст после слов «...отделив эту должность от командира морской станции во Владивостоке,» (строка 8 сн.):

16-го марта. Вторник.—Погребение ген.-ад. Витовтова происходило обычным порядком, в присутствии государя.

В Комитете министров опять была у меня схватка с Грейгом. Не могу равнодушно выносить * нахальный тон этого человека и, к крайнему своему сожалению, выхожу иногда из пределов подобающей в официальных заседаниях сдержанности. Потом сам упрекаю себя в излишней горячности. Особенно сегодня досадую на себя потому, что не было прямого повода к возобновлению препирательств с Грейгом. Читались выборки из всеподданнейшего отчета государственного контролера за 1875-й год, и тут общее внимание обратили на себя, с одной стороны, ** чрезмерные и неуместные восхваления, воздаваемые Министерству государственных имуществ, а с другой—нападки на *** Министерство путей сообщения. Некоторые из министров поставили вопрос: не имел ли в виду государственный контролер восхвалением одного ведомства косвенно сделать упрек всем другим. Тогда я не вытерпел и высказал все, что́ у меня давно накипело на сердце по поводу неподобающей роли судьи, присваиваемой себе государственным контролером в отношении к министрам. Посьет с своей стороны также вышел из обычной своей флегмы и горячо сцепился с Грейгом.—Вот на что́ тратятся и время и силы министров. Не было бы ничего подобного, если б государственный контролер держался в пределах своей компетентности, ограничиваясь поверкой правильности и законности расходования казенных сумм. Но в таком случае, какие же заслуги мог бы он выставлять в своих ежегодных всеподданнейших отчетах?—Дело именно в том, что в эти отчеты включаются преждевременные заключения контроля по вопросам спорным, еще не разъясненным, и суждения не об одной правильности расходов, но вообще об образе действий управлений, министерств, даже высших коллегиальных учреждений, пользующихся по закону правом окончательного решения. Вот эти то притязания Государственного контроля на универсальную компетентность, на

которому сохранить только заведывание морской частью и подчинить ему порт владивостокский с ближайшей его окрестностью, на правах градоначальника. Такое решение, конечно, устранило все затруднения и несообразности, но я удивился, как поддался на это нерасчетливое решение вопроса министр финансов. Для такого безлюдного и дикого края иметь столько начальств и управлений—есть совершенно излишняя роскошь. Потребуется огромное увеличение расходов, которому обыкновенно Рейтерн так горячо противится».

* нахальство этого человека

** неуместные восхваления министру государственных имуществ,

*** министра путей сообщения.

высшую авторитетность и подают повод к беспрестанным пререканиям между министрами и государственным контролером. *

18-го марта. Четверг.— Перед докладом заехал к канцлеру, который желал переговорить со мной о двух заботивших его предметах: во-первых, по случаю приезда ген.-м. Франкини, которого великий князь Михаил Николаевич прислал сюда, чтобы лично настоять на разрешении произвести задуманную кавказским начальством новую экспедицию от Красноводска к текинцам, на что́ не последовало высочайшего соизволения в прошлом феврале месяце; а во-вторых, по делам Герцеговины. Князь Горчаков очень опасается, чтобы государь не поколебался в прежних своих решениях: с одной стороны, всякое наше движение к стороне Мерва встревожило бы опять английское правительство; опасно было бы шевелить эту больную рану англичан, и приехавший на днях из Лондона наш посол гр. Шувалов весьма сильно выражал по этому предмету свои опасения. Осторожный и сдержанный лорд Дерби в разговоре с гр. Шуваловым сказал, что движение наше к Мерви есть casus belli[19]. Канцлер убедительно просил меня при докладе государю отстоять прежнее решение, сообщенное мною великому князю Михаилу Николаевичу в письме от 19 февраля. Я исполнил желание канцлера и чрез час обрадовал и успокоил его, привезя ему известие, что государь остается твердо при прежнем своем приказании, чтобы кавказское начальство вточности руководствовалось инструкцией, данной в начале прошлого года относительно образа действий в Закаспийском крае [20].

Что касается до герцеговинских дел, то кн. Горчакова тревожила мысль, вынесенная им из последнего его разговора с императрицей, что, в ее понятиях, дипломатия наша не довольно энергично действует в пользу христианского населения Турции, что этот взгляд может иметь влияние и на самого государя. Канцлер прочел мне последние свои инструкции нашим послам в Вене и Констан-

---

* Первоначальный текст после слов «...нападки на Министерство путей сообщения.» (стр. 30, строка 13 св.): «Я не стал бы и говорить, если б некоторые другие министры не подняли, почти в шутку, вопрос: не имел ли в виду государственный контролер похвалой одного ведомства косвенно сделать упрек всем другим. Я высказал то, что у меня накипело на сердце; а потом Посьет также сцепился с Грейгом.— Вот на что́ тратятся и время и силы министров. Роль государственного контролера такова, что ему нет другого средства выставить свои заслуги в отчетах, подаваемых им ежегодно государю, как выставляя вкривь и вкось все, что только может выкопать сомнительного в делах министерств, причем бесцеремонно и нахально постановляет свои приговоры, набрасывающие тень на действия и распоряжения то одного, то другого министра. И все это прикрывается маской спартанской добродетели—говорить всю правду царю и ⌊блюсти⌋ помимо всех личных соображений оберегать казенные интересы!»

тинополе (Новикову и Игнатьеву), в которых развивалась та основная мысль, что нам нет повода не доверять австрийской политике, пока во главе ее стоит Андраши, что враждебные ему партии стараются раздуть славянский вопрос собственно в надежде сломить шею Андраши, которому, по чувству самосохранения, необходимо искренно и решительно вести дело в том именно смысле, в каком мы желаем. Я старался успокоить кн. Горчакова, так как при всех разговорах во время моих докладов о современном положении дел на театре восстания замечал в государе самое твердое, непоколебимое желание не допустить общего разгара войны на Балканском полуострове.

Сегодня был я на экзамене в Артиллерийском училище, а вечером—в I-й военной гимназии на годичном музыкальном вечере.

19-го марта. Пятница.—Утром присутствовал на разборе практических задач выпускных офицеров Академии генерального штаба, потом на практических упражнениях судопроизводством в Военно-юридической академии, а затем было у меня совещание по делам азиатским, именно по вопросу о нашем дальнейшем образе действий относительно Китая и Кашгара. В этом совещании участвовали три генерал-губернатора: туркестанский, западно-сибирский и оренбургский, с их начальниками штабов, товарищ министра иностранных дел Гирс с директором Азиатского департамента Мельниковым и чиновником Вейнбергом, и некоторые лица от Главного штаба[21].

22-го марта. Понедельник.—В субботу получено из Берлина печальное известие о кончине Юрия Федоровича Самарина. Проездом чрез этот город, на возвратном пути из Парижа в Россию, он поместился в какую-то больницу, где ему произведена была хирургическая операция на руке, вопреки предостережениям парижских врачей. Говорят, что после этой опасной операции сделалась у него гангрена, от которой он и умер в самое короткое время. Жаль этого умного и даровитого человека; горячо преданный России, он был замечательный писатель и необыкновенно остроумный собеседник. Незадолго до смерти он отпечатал за границей последнюю, 6-ю, книжку своих «Окраин России»,—издания, из-за которого он приобрел несметное множество врагов. Немцы Прибалтийского края ненавидели его за то, что он беспощадно изобличал их антирусские тенденции. Благодаря им же он прослыл в высших сферах либералом, человеком задорным, крайним славянофилом. В действительности же Самарин был далек от этой репутации. Он отличался редкой диалектикой, блестящей способностью вести спор о предметах самых разнообразных; выражался изящно на многих языках: по-немецки и по-французски говорил с такой же легкостью, как по-русски. Эта личность сохранится неизгладимо в памяти многочисленного кружка его приятелей и почитателей. Вчера и сегодня повсюду не было другого разговора, как о кончине Юрия Федоровича.

23-го марта. Вторник.—После доклада был в Академии генерального штаба, где молодой великий князь Николай Николаевич читал решение последней заданной ему стратегической задачи. При этом чтении и разборе решения присутствовали отец молодого великого князя, Николай Николаевич старший, принц Петр Георгиевич Ольденбургский и довольно много других лиц. Решение задачи признано весьма удовлетворительным, и после сделанных поочередно профессорами частных замечаний начальник Академии ген.-л. Леонтьев очень ловко высказал общее заключение о занятиях и работах великого князя в продолжение трехлетнего пребывания его в Академии. Заключение это было так лестно для молодого великого князя, что не только он сам, но и отец его прослезились и бросились в объятия друг другу.—Остается пожелать, чтобы познания, приобретенные великим князем в Академии, дали ему серьезное направление в дальнейшей его жизни и службе и чтоб из него вышел человек дельный, не похожий на двоюродного его брата Николая Константиновича, также кончившего довольно успешно курс Академии несколько лет тому назад. Во всяком случае, пример двух великих князей, прошедших курс Академии генерального штаба, имеет в моих глазах особенное значение: далеко ли то время, когда и Академия, и весь Генеральный штаб * были в загоне, когда каждый офицер, носивший мундир генерального штаба, считался бесполезным теоретиком, скучным педантом, самонадеянным либералом **. Я помню, как великий князь Михаил Павлович, удостоивавший меня милостивым вниманием в первые годы моего офицерства, огорошил меня, когда в первый раз увидел меня в мундире генерального штаба. Впрочем, надобно сказать, что в то время и Генеральный штаб стоял совершенно иначе, чем теперь: офицеры генерального штаба ограничивались в своих знаниях и служебных обязанностях самой узкой специальностью — расстановкой «жалонеров», ведением маневров, составлением планов учений и т. п. В войсках их прозывали то планщиками, то свитскими чиновниками и давали им всякие sobriquet[22]. Как изменилось все это в настоящее время! Счастливому этому изменению более всего содействовала Академия, получившая в последние 10, 15 лет совершенно практическое и разностороннее развитие.

В Комитете министров сегодня обсуждалось опять дело Черноморского пароходного общества [23]; *** но я должен был уйти из

---

* презирались в высших сферах;

** и бог знает чем еще.

*** Первоначальный текст после слов «...практическое и разностороннее развитие.»: «В Комитете министров сегодня обсуждалось представление министра путей сообщения о новой железной дороге от Балашова к одной из станций Тамбово-Саратовской желе[зной] дороги. Могу сказать, что проект этот провалился ради моих возражений. После того опять занялись делом Черноморского пароходного общества;»

заседания ранее конца, чтобы предварительно осмотреть размещение картографических работ, приготовленных к завтрашнему осмотру государем.

Кончил день на музыкальном вечере во 2-й военной гимназии.

24-го марта. Среда.—С 10 часов утра и до четвертого был на ногах в залах Зимнего дворца по случаю высочайшего осмотра картографических и других работ *. В нынешнем году выставка была обширнее, чем обыкновенно: целая Георгиевская зала была занята китайскими вещами и картинами, привезенными подполк. Сосновским и д[октоpо]м Пясецким. Государь был очень доволен выставленной массой разных работ.

25-го марта. Четверг.—В числе докладов сегодня взял я с собой записку, составленную генералом Обручевым о том, какие политические соображения и данные следует принять в основание для предпринятой разработки плана мобилизации нашей армии в случае войны. После неоднократных наших бесед по этому предмету мы с Обручевым пришли к тому заключению, что необходимо приготовить несколько планов мобилизации на разные, наиболее вероятные случаи при тех или других политических обстоятельствах, что необходимо ясно определить эти различные комбинации прежде, чем приступить к сложной и копотливой работе; но подобная постановка основных задач, очевидно, должна быть указана теми, которые ведут внешнюю нашу политику, а потому мы и решились просить предварительно указаний у государственного канцлера и самого государя.

Едва я завел об этом речь, полагая оставить государю записку Обручева для прочтения, его величество прервал меня приблизительно такими словами: «Могу тебе сказать только одно,—что я признаю войну в близком будущем невозможной и совершенно уверен, что мы избегнем ее».—Меня несколько удивил самоуверенный, почти торжественный тон этих выражений; я позволил себе сказать, что если можно иметь подобное положительное убеждение, то нужно ли нам и составлять какие-нибудь планы мобилизации, даже нужно ли продолжать в таких размерах и с такими громадными пожертвованиями приготовления на случай войны?—Тогда государь сказал: «Так я тебе открою то, что́ никому не известно, кроме меня, кн. Горчакова и наследника». (Цесаревич присутствовал при этом разговоре, так же как и великий князь Владимир Александрович).—«Только я прошу вас всех троих отнюдь не открывать никому того, что́ я скажу».—Затем государь рассказал такие обстоятельства, которые совершенно изменяют общие соображения и взгляды на европейскую политику. Дав обещание хранить тайну, не считаю себя вправе сказать что-нибудь лишнее даже и в своем дневнике, хотя и веду его не для публики. Сожалею, что чрез это умолчание лишаю себя возможности сохранить для истории

---

* и страшно устал.

некоторые любопытные данные. Конечно, сущность дела рано или поздно сделается известной, но жаль будет, если утратятся некоторые подробности, характеризующие личные отношения [24]. *

Выказанное мне сегодня государем доверие тронуло меня и навело на такие мысли, которые во многом изменяют мои убеждения и взгляды. К сожалению, мне трудно входить в дальнейшее развитие этих размышлений, не касаясь самого существа дела, о котором писать не считаю себя вправе. Скажу только, что я высоко ценю этот знак царского доверия, эту откровенность в столь важном деле. До сих пор, т. е. до поздней ночи, остаюсь еще под впечатлением утреннего знаменательного разговора, несмотря на всю внешнюю суету нынешнего дня.

Сегодня полковой праздник Конной гвардии; по заведенному и неизменному порядку надобно было ехать в 1 ч. к церковному параду, происходившему в полковом манеже, убранном еще наряднее, чем в прежние годы; из манежа пошли вслед за государем чрез все казарменные помещения полка до квартиры полкового командира, полк. бар. Фредрихса; здесь ожидал роскошный завтрак; а в 6 часов вечера обед в Зимнем дворце.

Сегодня же утром узнал о смерти нашего хорошего приятеля, Захара Ник[олаеви]ча Мухортова, пострадавшего целую зиму. Жаль бедную вдову и детей.

Вчера забыл записать любопытный разговор с графом Шуваловым, послом нашим в Лондоне. В ожидании выхода государя для осмотра картографических работ, мы довольно долго расхаживали по приемной комнате и беседовали о современном настроении в Англии и Берлине. Шувалов со свойственной ему болтливостью рассказал мне свои разговоры с кн. Бисмарком во время двух вечеров, проведенных у него проездом чрез Берлин. Германский канцлер прикинулся простодушным добряком и развивал ту мысль, что настоящая эпоха есть самая выгодная для России, чтобы распорядиться Турцией совершенно по своему усмотрению; Бисмарк говорил, как он поступил бы на месте русского императора, и ручался за то, что ни Австрия, ни Германия не помешают нам. Что касается до Англии, то гр. Шувалов сам отзывался о нынешних ее государственных людях почти иронически: англичане, говорил он, не имеют другой точки зрения, кроме денежной; по их понятиям,

---

* Первоначальный текст после слов «...сказать что-нибудь лишнее даже и в своем дневнике,» (стр. 34, строка 3 сн.): «хотя и веду его не для публики и хотя сожалею крайне, что чрез это умолчание я лишаю себя возможности сохранить для истории некоторые подробности, которые слышал от государя и которые, быть может, останутся неизвестными. На память свою не полагаюсь: она становится чрезвычайно слабой, так что мне приходится часто скорбеть о том. Сущность дела, конечно, рано или поздно сделается достоянием истории; но жаль, если утратятся черты, характеризующие личные отношения и анекдотические подробности»

человеку можно простить самые ужасные преступления, кроме одного,—если он не платит своих счетов. Сказать о человеке, что он не платит счетов, а также, что не отдает знакомым обедов,—есть самый обидный отзыв. Такой взгляд британцев отражается и на политических делах: давно ли Англия была горячей заступницей Турции и поддерживала все безобразия, все бесчинства, какие только ни творились под властью султана над угнетенными райями. Но вот Турция обанкрутилась, перестала платить свои счеты,—и вдруг общественное мнение всей Великобритании перевернулось: теперь уже не слышно в Англии ни одного голоса за Турцию, и никогда Россия не была так беспощадна в своих требованиях от турок в пользу христиан, как ныне английское общественное мнение. Гр. Шувалов высказал и кн. Горчакову, и самому государю впечатления, вынесенные им из Лондона и Берлина; но,—прибавил он,—«кажется, в Петербурге настроение иное, и на слова мои не обращается внимания». Я же прибавлю, что было бы крайне прискорбно, если б давалось значение словам такого легкомысленного человека, каков гр. Петр Шувалов. Теперь, после того, что́ слышал сегодня утром, я убедился, что не только в Лондоне, но и здесь, в Петербурге, на посла нашего не смотрят серьезно. Странно, что наша дипломатия вверена таким личностям, которым само высшее правительство не доверяет и от которых скрывает существенные начала своей политической системы. Посла в Лондоне—остерегаются, как болтуна, который часто проговаривается за стаканом вина, а посла в Константинополе—признают лгуном и хвастуном.

26-го марта. Пятница.—Утром был на экзамене в Артиллерийской академии и в училище, а в 1 ч. представлял императрице выставленную в Георгиевской зале китайскую коллекцию. Императрица была любезна, внимательно рассматривала картины д[окто]ра Пясецкого и вещи Сосновского.—Заехал к бедной Александре Николаевне Мухортовой. Вечером был на большом обеде у французского посла Лефло.

27-го марта. Суббота.—Несколько дней тому назад, при одном из моих докладов, государь заговорил о статьях, помещаемых в газете «Русский мир», исполненных злобных нападков на наши военно-учебные заведения. Хотя государю хорошо известно, что эта газета имеет специальной целью извергать хулы на Военное министерство и лично на меня, однакож помещаемые * в ней почти ежедневные клеветы и порицания, доводимые добрыми людьми до высочайшего сведения, не проходят бесследно, и мне казалось, что помещенные в нескольких последних номерах статьи против военно-учебных заведений действительно произвели некоторое впечатление. Иначе государь не стал бы и говорить о них. Между прочим «Русский мир» порицал и занятия музыкой в военных гимназиях, выставляя в том смысле, будто занятия эти отвлекают учеников от

---

* в этом гнусном издании

серьезного учения и ведутся только напоказ, чтобы давать пред публикой концерты. Такое толкование очевидно лишено всякого основания, * тем не менее заметно было, что у государя родилось сомнение. Так как мною принято за непременное правило не входить в полемику с враждебными Военному министерству газетами, то мне ничего другого не остается, как представлять опровержения статей «Русского мира» в записках, составляемых собственно для государя. Такую записку, написанную самим ген. Исаковым, и представил я сегодня, при докладе. Чрез несколько часов спустя, еще до возвращения моего домой, записка эта была уже возвращена мне с следующей собственноручной резолюцией: «Дай бог, чтобы и впредь военно-учебные наши заведения приносили ту пользу, которую они приносят и о которой свидетельствуют почти все начальники строевых войск». Конечно, я поспешил отослать эту резолюцию к ген. Исакову, чтобы успокоить его и вместе с ним достойных его помощников, так усердно и так разумно потрудившихся, чтобы довести наши военно-учебные заведения до настоящего их превосходного состояния.

Между этими заведениями низшее место занимают военные прогимназии, которые были учреждены с весьма малыми средствами, на развалинах прежних батальонов военных кантонистов, переименованных еще в 1857 году в «училища военного ведомства». Военные прогимназии, естественно, унаследовали много нехорошего от прежнего уродливого учреждения «кантонистов», и нужно было много усилий, много настойчивости, чтобы искоренить прежний кантонистский дух и прежний характер этих солдатских училищ. Петербургская прогимназия и до последнего времени удерживала этот характер, несмотря на частые с моей стороны внушения. Только с прошлого года, с увольнением прежнего начальника (полк. Гарина), зачерствевшего в старой школе, и с назначением на его место полковника генерального штаба Рудановского, Петербургская в[оенная] прогимназия начала принимать другой вид, так что я стал уже охотно посещать это заведение. Затронутое самолюбие Рудановского дало очевидные результаты: сегодня я имел удовольствие в этом удостовериться. Рудановский пригласил меня послушать составленный из воспитанников прогимназии хор и оркестр; я был удивлен быстрыми успехами, достигнутыми в несколько месяцев. Конечно, тут для меня имела важность вовсе не музыка, а та перемена, которую я нашел в воспитанниках сравнительно с недавним еще временем: они облагорожены, смотрят весело, смело, а не имеют вида забитых и осолдаченных кантонистов. Мы с Исаковым предполагаем пойти далее: некоторые из теперешних военных прогимназий обратить в гимназии, а другие — слить с последними в виде вспомогательных отделов их, собственно для малоспособных детей.

---

* совершенная ложь.

Сегодня же, после доклада моего, представлял я государю топографические работы, произведенные в Азиатской Турции офицерами Кавказского округа. Ими пройдены многие пути по разным направлениям, и снятые маршруты составляют уже богатый материал для составления карты. При этом представлялся государю генер. Франкини, которому его величество лично объявил свою непременную волю, чтобы в Закаспийском крае ни под каким предлогом не предпринимать никаких движений к стороне Мерва.

Во 2-м часу назначена была панихида на станции Николаевской железной дороги по умершем Ю. Ф. Самарине. Тело его перевозят в Москву. На панихиду собралось довольно большое число его родных, приятелей и почитателей. Известный проповедник и профессор богословия Янишев сказал пред панихидой речь не совсем удачную, а по окончании панихиды о. Горчаков, профессор богословия в здешнем университете, произнес короткое, но сильное надгробное слово. В обеих речах преобладала, разумеется, религиозная сторона характера и жизни покойного Юрия Федоровича: ему воздавалась хвала, как бойцу за православие в тех окраинах империи, где оно было подавлено иноземным влиянием

Вечером был на панихиде по Зах. Ник. Мухортову.

28-го марта. Воскресенье.—Утром был на отпевании покойного Зах. Ник. Мухортова, а потом на разводе.

30-го марта. Вторник.—Посещая сколь возможно чаще военно-учебные заведения уже много лет сряду, я постоянно твержу начальству их и преподавателям, что в этих заведениях, более чем в каких-либо других, по специальному их характеру и назначению, необходимо обратить особенное внимание на два предмета: 1) в классах русского языка и словесности приучать воспитанников к толковому, правильному и сжатому изложению на темы научного или практического характера; * развивать в них не столько фантазию и воображение, сколько логичность мышления и систематичность изложения; и 2) в курсе математики не ограничиваться теоретическим заучиванием теорем и формул, но сколь можно более упражнять в механизме вычислений и в применении теории к решению разнородных задач. К сожалению, до сих пор я замечаю мало успеха в обоих этих требованиях; указания мои остаются без исполнения. Учителя словесности продолжают задавать темы на сюжеты, заимствованные из сочинений Гоголя, Грибоедова, теряют дорогое время на пустую болтовню под фирмой «разбора образ-

---

* Первоначальный текст после слов «...необходимо обратить особенное внимание на два предмета:»: «1) в классах русского языка и словесности не столько занимать воспитанников поэтическими и бельлетрическими образцами и упражнениями на темы литературные, сколько приучать их к толковому, правильному и сжатому изложению на темы научного или практического характера;»

цов»; а учителя математики не уделяют довольно времени на механизм вычислений и графические решения задач. В прошлом году в журнале Министерства народн[ого] просвещения обратила мое внимание статья: об испытаниях выпускных воспитанников гимназий; в этой статье были, между прочим, указаны и темы, которые задавались по разным предметам преподавания и решение которых обусловливало получение свидетельства зрелости. Мне пришла мысль сделать опыт в военных гимназиях: насколько наши воспитанники развиты, чтобы решать удоветворительно такие же задачи. Для этого я распорядился, чтобы из старшего (VII-го) класса 1-й и 2-й военных гимназий и Пажеского корпуса отобрана была четвертая часть воспитанников, лучших по баллам, чтобы в назначенный мною день и час они были собраны в одном из заведений и в моем присутствии решили одну и ту же задачу из каждой части гимназического курса математики. Я сам придумал такие задачи, которые дали бы возможность испытать, насколько воспитанники усвоили себе пройденное из математики, насколько находчивы для приложения своих знаний к вопросам совершенно для них новым и, наконец, насколько приучены к механизму вычислений. Это сравнительное испытание происходило вчера, 29-го ч[исла], в библиотеке 2-й военной гимназии. Собрано было 35 воспитанников от всех трех названных заведений. Темы были нелегкие, и потому бедные мальчики не легко справились с ними. Я не мог дождаться до конца их работы и приказал дать им время до 5 часов, после чего отобрать от них тетради, хотя бы и недоконченные. Вчера же вечером мне были доставлены эти работы, и сегодня не мало стоил мне труда пересмотр целой пачки испещренных цифрами и фигурами листков. Я имел терпение исполнить сам эту скучную работу и написать подробную рецензию *. Произведенный опыт убедил меня в верности прежних замечаний моих: даже лучшие воспитанники оказались очень слабыми в механизме вычислений,—многие не решили даже арифметической задачи. Сравнительно заметно более успеха в 1-й военной гимназии; воспитанники же 2-й гимназии, вопреки моим ожиданиям, оказались самыми слабыми **. Такой результат, конечно, прискорбен для меня, но я воспользуюсь настоящим опытом, чтобы побудить преподавателей и начальников исполнить давнишние мои требования. Я объявил, что на будущее время буду повторять подобные испытания.

Сегодня же назначено было воспитанникам тех же заведений писать сочинение на данную мною тему: «Географическое и историческое значение Средиземного моря». Они должны были исполнить это в своих заведениях, в присутствии начальников; тема была послана мною прямо в каждое заведение к тому часу, который был назначен для сбора воспитанников. Сегодня же вечером получил я толстый пакет с полсотней тетрадей. Я, конечно, не успел еще рас-

---

* в заключение которой дал подобающее наставление

** даже слабее пажей.

смотреть их, да едва ли и найду время, чтобы внимательно исполнить такую работу; однакож, сколько можно судить по поверхностному взгляду, мне кажется, что этот опыт дал результат более утешительный, чем вчерашний по математике. В особенности произвели на меня хорошее впечатление работы пажей.

Вчера опять возобновились в Государственном совете заседания соединенных департаментов по вопросу о найме рабочих. На рассмотрение предъявлен уже новый, сокращенный проект, выработанный в Государственной канцелярии. Он наполовину короче прежнего; однакож все-таки не обошлось без продолжительных споров по каждой статье.

Сегодня я* пропустил заседание Комитета министров; никакого не было дела, для которого мое присутствие было бы нужно.

31-го марта. Среда.—По случаю говения был сегодня два раза в церкви, вечером исповедовался. Однакож заседание Военного совета прошло своим порядком.

1-го апреля. Четверг.—После обедни и причащения в большой церкви Зимнего дворца имел по обыкновению доклад. Государь заговорил о делах герцеговинских и выразил сомнение в том, чтобы можно было ожидать успешного исхода дела на основании предложенного в ноте Андраши соглашения. По мнению государя, ** следовало бы прямо требовать полной автономии областей, населенных христианами, наподобие Сербии. Когда я заметил, что на подобное предположение едва ли согласится Австрия, то государь сказал, что надеется уладить это дело с Андраши лично, во время предстоящего проезда своего чрез Берлин, куда приглашен к тому же времени и австро-венгерский министр иностранных дел.

После доклада был у меня барон Жомини, привез переделанный проект международной конвенции относительно прав и обязанностей воюющих сторон. В разговоре с ним я узнал, что от Андраши уже получен ответ: что он с радостью принял приглашение; но что в нашем Министерстве иностранных дел несколько озабочены тем, что предположенное в Берлине соглашение между тремя империями может возбудить *** неудовольствие и претензии в других кабинетах, не призванных к участию в соглашении.

2-го апреля. Пятница.—Утром осматривал во всей подробности вновь возведенное здание для военной тюрьмы. Постройка громадная, со всеми современными усовершенствованиями, но стоила дорого—до 650 т. р.

3-го апреля. Суббота.—После доклада заехал к государственному канцлеру для объяснения с ним по одному делу. Кн. Горчаков показал мне последнюю дипломатическую переписку по делам

---

* поленился ехать в Комитет министров;
** придется, вероятно,
*** зависть и неудовольствие в других кабинетах,

Герцеговины и Боснии и говорил о затруднительности настоящего политического положения, не по силам 80-летнему старику. Фраза эта часто повторяется, собственно для того, чтобы вызвать комплимент. На сей раз, однакож, старика озабочивало предположенное совещание в Берлине, где в один или два дня пребывания государя, среди суеты и треволнений, трудно вести серьезное дело с Бисмарком и Андраши, не возбудив ревности представителей Франции, Англии и других. Наш государственный канцлер надеется *, что Австрия пойдет заодно с нами к предположенной цели, т. е. к дарованию автономии Герцеговине и Боснии; но ему не хотелось бы допустить Бисмарка разыграть любимую им роль посредника и примирителя, решителя судеб Европы. Я спросил канцлера, считает ли он возможным, добившись от турок дарования автономии христианским областям, предоставить затем этим областям полную свободу устраиваться собственными своими средствами и по своему разумению? Могут ли они организоваться сами в самостоятельные государства, без постороннего материального вмешательства? Кн. Горчаков сказал мне, что государь непрочь допустить вступление австрийских войск в Боснию на определенных, точных условиях.

После этого разговора, возвратившись домой, я застал у себя полковника Кишельского, родом болгарина, поступившего в русскую службу после Крымской войны и с тех пор игравшего ** роль нашего секретного поверенного по делам христианских областей северной Турции. Настоящие обстоятельства заставляют его покинуть русскую службу, чтобы принять непосредственное и деятельное участие в событиях, готовящихся на Балканском полуострове. Согласно желанию кн. Горчакова и самого государя, я отклонил Кишельского от намерения выйти в отставку, но при этом выслушал от него крайне печальные известия о современном положении Болгарии. Положение ее еще труднее других областей потому, что христианское население *** обезоружено, а мусульманское **** все вооружено. Кишельский говорит, что там опасаются ежедневно поголовного истребления христиан. Я советовал Кишельскому, для блага его земляков, предостеречь их от неосторожной, преждевременной вспышки и выждать еще несколько времени, ввиду ***** близкого разъяснения дел в Боснии и Герцеговине. Если суждено решить вопрос оружием, то Болгария должна последней примкнуть к общему, дружному поднятию оружия.

Заезжал к бар. Жомини, чтобы сообщить ему мои замечания на составленную им новую редакцию статей Брюссельской конференции. Он безусловно принял все мои указания.

---

* убедить Австрию
** деятельно
*** т. е. масса народа
**** меньшинство
***** неизбежного

6-го апреля. Вторник.—Первые дни праздника св. пасхи прошли обычным порядком: заутреня на светлое воскресенье во дворце, потом разгавливание в Белой зале, утром разъезды по дворцам, семейный обед и т. д. Сегодня, после обыкновенного доклада, представлял я государю офицеров, окончивших курс в Академии генерального штаба; в числе их, третьим по экзаменному списку, стоял великий князь Николай Николаевич (младший), уже в мундире генерального штаба.

8-го апреля. Четверг.—После моего доклада происходило в кабинете государя совещание по поводу случившейся на днях уличной демонстрации при похоронах бывшего студента Медико-хирургической академии Чернышева, высидевшего 2 года в крепости и тюрьме, освобожденного на поруки и по прошествии нескольких дней кончившего жизнь в сильнейшей чахотке (в клинической больнице Вилье) [25]. Так как в похоронной процессии участвовали некоторые студенты Академии и, как говорили, слушательницы состоящих при Академии женских курсов, то, вероятно, по этому именно поводу и я был приглашен в совещание. Участвовали в нем, кроме великих князей, наследника цесаревича и Владимира Александровича, министры внутренних дел и юстиции, шеф жандармов, ст.-секр. кн. Урусов и петербургский градоначальник Трепов. Государь выразил мнение о необходимости принятия мер, чтобы на будущее время полиция имела возможность не допускать уличных демонстраций, подобных означенной похоронной процессии. Гр. Пален первый просил слова и объяснил, что, по его мнению, необходимо установить законодательным порядком то, что существует во всех государствах,—именно предоставить полицейскому начальству право своей властью установлять и объявлять известного рода правила или запрещения касательно соблюдения внешнего порядка и благочиния, с тем притом, чтобы установлены были в законе и наказания за нарушения подобных полицейских распоряжений. С этим мнением согласились все, но Тимашев и Потапов подняли другой вопрос, не относящийся прямо к предмету совещания,—они настаивали, чтобы лица, арестованные по политическим делам, ни в каком случае не освобождались от ареста на поруки до окончания дела. Гр. Пален, к чести его, возражал довольно настойчиво, кн. Урусов, по своему обыкновению, извернулся общей фразой, а Трепов с своей стороны настаивал на одном: чтобы всех сколько-нибудь компрометированных лиц высылать из Петербурга. На это возразили гр. Пален и я, и вследствие этого государь сказал, что в этом вопросе есть и pro и contra, что на сей раз ничего не решается окончательно, но что министрам внутр[енних] дел и юстиции поручается войти в ближайшее между собою соглашение по затронутым вопросам и затем войти с представлениями в установленном порядке.

Я порадовался тому, что совещание имело такой спокойный и безличный характер, что не было вовсе никаких нареканий на Ме-

дико-хирург[ическую] академию, несмотря на то, что первоначально сваливали на нее всю вину случившейся демонстрации.* Приученный уже к нападкам по всякому поводу, я ожидал, что не обойдется без них и сегодня. Однакож не было сказано ни слова. Вообще сегодня было заметно со стороны государя более обыкновенного любезное ко мне расположение. По выходе из совещания, я получил приглашение к царскому столу.

Пользуясь часом промежутка между совещанием и назначенным сегодня же, в час пополудни, осмотром графических работ Корпуса путей сообщения, я заехал к генеральше Ермоловой, инспектрисе женских курсов при Академии. Эта почтеннейшая, благородная личность, принявшая на себя безвозмездно тяжелую ответственность за слушательниц женских курсов, была встревожена дошедшими до нее слухами об участии в бывшей уличной демонстрации некоторых из ее «студенток» (как их называют в обыкновенном разговоре) и желала видеться со мною. Я успокоил ее, но воспользовался случаем, чтобы предостеречь на будущее время от справедливых нареканий на поведение «студенток».

В 1 ч. государь вышел, вместе с императрицей, в зал, где разложены были работы Корпуса путей сообщения. Императрица пожелала, собственно, видеть некоторые из топографических работ военного ведомства. Работы эти и были выложены в концертном зале; подобрано было, разумеется, только то, что могло интересовать императрицу. Более всего внимание ее величества остановилось на карте Турции, показывавшей нынешнее распределение турецких войск, направленных против Боснии, Герцеговины и Сербии. Императрица принимает близко к сердцу нынешние дела турецких славян и не скрывает своего негодования на то, что наша дипломатия держится в этом вопросе такой пассивной роли. Императрица выражалась в этом смысле при многих офицерах генерального штаба и других лицах, присутствовавших при осмотре карт; в том же смысле возобновила со мною разговор и позже, пред обедом. С глубокой скорбью говорила она о страшном кровопролитии, которое именно теперь происходит на театре войны. По последним телеграммам, инсургенты четыре дня дрались с сильными турецкими войсками и, не имея уже боевых припасов, бились на ятаганах. Когда я сказал, что надобно возлагать надежды на лучший оборот дел, когда государь поедет за границу, императрица со вздохом сказала: «А до тех пор?—сколько бедствий вынесут эти несчастные!»

За обедом я сидел между императрицей и великой княгиней Марией Александровной. К обеду были приглашены вел. кн. Николай Николаевич, Мария Максимилиановна принцесса Баденская,

---

* В самом деле, со стороны академического начальства была маленькая оплошность, и я распорядился уже, чтобы на будущее время был принят более строгий порядок.

княгиня Мария Вас. Воронцова и гр. Ламберт как дежурный генерал-адъютант. Кроме того, обедали * фрейлина великой княгини Марии Александровны и брат ее, молодой офицер английской конной гвардии. Они уезжают завтра в Англию, и по этому случаю сегодня был для них прощальный обед. За обедом много было разговора о картографических работах, представленных утром императрице; великая княгиня Мария Александровна также выразила желание видеть завтра некоторые из означенных работ, обратившие на себя особенное внимание императрицы.

9-го апреля. Пятница.—Утром осматривал Николаевский военный госпиталь, в котором не был уже несколько лет. Главной целью моего посещения было сообразить, как приспособить верхний этаж госпиталя к предположенному перемещению туда женских курсов из клинического госпиталя. Перемещение это признано необходимым для того, чтобы завести более порядка на женских курсах и устранить нарекания на сближение слушательниц с академическими студентами.

В $1^1/_2$ ч. был у великой княгини Марии Александровны с полковниками Штубендорфом и Жилинским. Первый объяснял ее высочеству устройство голубиной почты, а второй—работы по нивелировке и осушению Припятских болот. Молодая герцогиня Эдинбургская выслушала эти объяснения с большим вниманием и любезностью.

10-го апреля. Суббота.—Я нашел государя озабоченным более обыкновенного вчерашней телеграммой из Константинополя от посла Игнатьева о том, что в диване взяла верх партия воинственная и что решено объявить войну Черногории. Если это справедливо, то, повидимому, турки ставят последнюю свою карту: надобно полагать, что нападение их на черногорцев будет сигналом войны для Сербии, а может быть, и Дунайских княжеств, и восстания Болгарии. Европа не может остаться равнодушной зрительницей этого общего кровопролития и предоставить случаю будущие судьбы Балканского полуострова. Вместе с тем посол наш в Берлине Убри сообщает, что день, назначенный по маршруту государя для приезда в Берлин, очень неудобен для берлинцев, как церковный праздник, который проводится обыкновенно в молитве и уединении. Государь сказал, что, быть может, изменит день отъезда своего, назначив его ранее или позже 25-го числа. Я воспользовался случаем, чтобы отпроситься в отпуск, сначала за границу, а потом в Крым, на все время отсутствия государя. На это он сказал мне, что «согласен, разумеется, если только политические обстоятельства не воспрепятствуют».

После доклада ездил поздравить великого князя Владимира Александровича.

---

* леди Мэри.

13-го апреля. Вторник.—Известия из Константинополя о воинственных решениях Порты оказались преувеличенными; последние известия несколько успокоительны, хотя все-таки мало еще вероятия, чтобы дела в Турции уладились мирным путем. Ожидают приезда государя в Берлин, чтобы рассечь гордиев узел; но, к сожалению, отъезд его не только не ускорен, но даже замедлен на два дня и назначен 27-го числа. Эта перемена заставляет и меня выехать за границу несколько позже, чем я рассчитывал.

При докладе моем государь объявил мне свое решение по спорному вопросу о штыках. Государь давно уже склонился к мнению герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, чтобы в пехоте нашей, по примеру прусской, был принят вместо нашего прекрасного трехгранного штыка немецкий тесак-штык (sabre-bayonette) и чтобы стрельба производилась без примкнутого штыка. Великий же князь Николай Николаевич и почти весь генералитет (за исключением стрелковых) отстаивали наш штык и стрельбу с примкнутым штыком. Я был постоянно того же мнения и старался по возможности отклонить государя от предположенного изменения. По настоянию герцога вопрос этот был снова возбужден в последнее время и по моему предложению подвергнут обсуждению в многочисленном собрании компетентных военных лиц, под председательством великого князя Николая Николаевича. Участвовали в этом совещании и наследник цесаревич, и вел. кн. Владимир Александрович. Вопрос был решен почти единогласно в пользу стрельбы с примкнутым штыком. Только два стрелковые генерала и вел. кн. Владимир Александрович подали отдельное мнение. Наследник, склонявшийся прежде на их же сторону, отступился от этого мнения, убедившись доводами большинства. Все протоколы совещания, с приложением отдельных записок, были представлены мною государю, который, по рассмотрении их, принял среднее решение, приказав ввести новые штыки-тесаки и стрельбу без примкнутых штыков только в стрелковых батальонах и в гвардии; во всей же армии—оставить попрежнему. Таким образом, является новое усложнение, новая пестрота; опять отсутствие единства и единообразия, столь важных в деле организации и образования войск. Тем не менее решение это все-таки предпочитаю тому, которого опасался и на которое государь заметно склонялся до сего времени.

Сегодня полковой праздник лейб-Гренадерского полка. Я уклонился от парада под предлогом двух заседаний—Комитета министров и Комитета польского (в последнем я председательствую), но должен был явиться на обычный в дни полковых праздников парадный обед во дворце.

15-го апреля. Четверг.—Вчера государь смотрел на дворцовой площадке молодых солдат гвардии, поступивших в последний призыв. Новобранцы возбуждают общее удивление: так скоро они принимают солдатскую осанку и быстро усваивают себе строевое образование.

Сегодня, при докладе, государь прочел полученные вчера две телеграммы от посла нашего в Вене. Он сообщает о новом предложении Андраши относительно условий замирения Герцеговины и Боснии. Предложение это не имеет никакого практического значения, и если б турки согласились, то оно осталось бы мертвой буквой. В таком смысле заготовлена ответная депеша от государственного канцлера. Видно, в Вене смотрят очень легко на настоящее положение дел и не видят еще необходимости обратиться к более радикальным мерам лечения больного.

После доклада заехал я к кн. Горчакову, чтобы узнать подробнее настоящее положение дел. Застал его одного и просидел у него часа полтора; разговор был весьма интересный. Кн. Горчаков вошел в самые откровенные объяснения своих соображений относительно программы предстоящих совещаний в Берлине и дал мне прочесть секретную записку, составленную им по этому предмету для государя. В этой записке он разбирает различные предположения для дальнейшего направления дела, сознавая важность настоящего момента для решения судьбы Турецкой империи в Европе. Государственный канцлер рассчитывает на безусловную поддержку нашей политики со стороны Пруссии; графу Шувалову поручено было, при проезде его чрез Берлин на обратном пути в Англию, выразить кн. Бисмарку благодарность за его открытое, положительное заявление готовности Германии итти заодно с Россией, даже служить ей всей своей армией в случае надобности. Продолжительные, дружеские беседы Бисмарка с гр. Шуваловым в оба проезда последнего чрез Берлин возбудили ревность в нашем после при берлинском дворе. Убри написал кн. Горчакову, что он чувствует себя оскорбленным, так как Бисмарк не удостоивает его почти никогда прямых объяснений по делам, тогда как с гр. Шуваловым проводит целые вечера в конфиденциальных беседах обо всех вопросах современной политики. Убри просит увольнения от должности. Кн. Горчаков в ответе своем, весьма ловко редактированном, старался успокоить посла и считает дело улаженным.

Кн. Горчаков не в первый раз рассказывает мне о своих разговорах с императрицей, которая ставит его в неприятное положение, выражаясь с упреком о нашей теперешней примирительной и сговорчивой политике. Но государь твердо держится этого направления и не поддается женским влияниям. По этому случаю кн. Горчаков рассказал мне несколько очень характеричных анекдотов о государе и о некоторых случаях своих с ним столкновений. У государя часто проявляется прекрасная черта характера: он великодушно делает уступки, жертвуя своим самолюбием, когда признает это нужным для пользы государственного дела. У него много мягкости и гибкости в характере и образе действий. Я вспомнил 1873-й год, когда сам имел случай испытать это лично на себе.

16-го апреля. Пятница.—Экстренное заседание Военного совета для рассмотрения некоторых законодательных дел по военно-

учебным заведениям. Горячее прение возбудило представление Главного управления об изменении общего начала распределения малолетних по разрядам для приема на казеннокоштные вакансии в военных гимназиях. Кроме ген.-ад. Непокойчицкого, все прочие члены согласились на проектированные новые правила.

Вечером проводил на Николаевскую железную дорогу жену, которая с младшими дочерьми отправилась на лето в Крым.

22-го апреля. Четверг.—Целую неделю не заглядывал в свой дневник; время было хлопотливое; собираясь вскоре в путь, заканчиваю дела, которые как-то особенно плодятся.—В политическом мире мало замечательного: то телеграмма из Константинополя возвещает блистательную победу Мухтара-паши и занятие им Никшича, то из Рагузы опровержение мнимых успехов турок и, наоборот, известие о торжестве инсургентов. Все ожидания и надежды сосредоточиваются на близком свидании императоров и канцлеров в Берлине[26].

Назначенный сегодня парад войскам отменен по случаю холодной погоды. Врачи оберегают здоровье государя.

29-го апреля. Четверг. Париж.—Последние дни минувшей недели провел в прощальных визитах, откланивался особам императорской фамилии, имел в субботу последний доклад у государя, а в воскресенье, 25-го ч[исла], утром выехал из Петербурга. Не останавливаясь нигде, прибыл в Париж утром 28-го ч[исла]; на станции железной дороги встретили меня сын и адъютант мой бар. Фредрихс, проживающий в Париже уже несколько лет в должности второго военного агента. Немедленно по приезде поехал я к гр[аф]ине Ольсуфьевой, у которой остановились дочери мои Ольга и Надя, выехавшие ко мне навстречу из Ниццы. * До Парижа доехали они вместе с Мар. Ник. Вельяминовой при гробе покойной княжны Вяземской. Утром мы навестили гр. Муравьева-Амурского, обедали вместе с графиней Олсуфьевой и И. П. Арапетовым в ресторане, а вечер закончили у Олсуфьевых за чайным столом.

Здесь узнал я новость, что консулы германский и французский[27] в Салонике убиты турками и что эскадры европейские отправлены к берегам Турции. Этот случай может послужить в пользу для более решительной развязки турецкого вопроса**. Сегодня наш государь должен приехать в Берлин и чрез несколько дней, может быть, начнут толковать в газетах о результате самых сокровенных дипломатических совещаний.

---

* С удовольствием нашел я их здоровыми и веселыми, несмотря на продолжительное печальное пребывание их в Ницце.

** в Берлине.

Вчера, по приезде в Париж, я нашел уже записку ко мне от княгини Трубецкой, известной под именем Л и з ы Трубецкой. Она живет здесь уже несколько лет и старается играть роль политической женщины; в гостиной ее собираются все политические личности Франции и Европы, самых разнообразных оттенков. Княгиня Трубецкая возымела странную идею — познакомить меня с Гамбеттой. Я уклонился от этой встречи, которая неизбежно была бы истолкована * в неблаговидном смысле, так как я, находясь в Париже только проездом, ни у кого из политических лиц не буду и даже, может быть, не увижу нашего посла кн. Орлова, которого сегодня утром не застал.

8-го мая. Суббота.—В прошедшую пятницу, 30-го апреля, утром был у нашего посла кн. Орлова, завтракал у него с советником посольства Фонтоном, секретарем Бутеневым и консулом Кумани. Главным предметом разговора, конечно, были турецкие дела и настоящее свидание двух императоров и трех канцлеров в Берлине.

В тот же день, отобедав у Олсуфьевых, вечером выехал из Парижа вместе с обеими дочерьми. 2/14 мая, в воскресенье, рано утром прибыли мы в Вену, где нам приготовлено было нашим военным агентом полковником Фельдманом помещение в Hôtel impérial. Везде преследовала нас холодная погода; мы зябли даже в комнатах и по случаю дурной погоды большую часть дня провели в гостинице. На другой день, едва успев окончить кое-какие закупки, выехали из Вены в 11 ч. утра чрез Краков и Львов и ровно чрез сутки были в Волочиске, где был для нас приготовлен особый вагон. 5-го мая, в среду, в $9^1/_2$ ч. утра были в Одессе. На станции встретили меня генерал-адъютант Семека с главными лицами Военно-окружного управления и войск. Евгений Мих. Понсэ приготовил нам помещение в Швейцарской гостинице, но, к сожалению, мои вещи из Петербурга получены были только на другой день утром, так что весь день среды, не имея военного костюма, я не мог никуда выйти из гостиницы. В четверг посетил я ген. Семеку и вместе с ним осматривал новые постройки юнкерского училища и госпиталя, затем самое училище, где застал экзамены. Училище это, так же как и все другие юнкерские училища, поставлено весьма удовлетворительно и выполняет успешно свое назначение.

В 3 часа пополудни мы вышли из одесской гавани на пароходе «Коцебу»; до ночи имели самое спокойное плавание, но утром следующего дня (7-го ч[исла], пятница) несколько покачало между Евпаторией и Севастополем. В Севастополе не выходил я на берег, но виделся на пароходе с тамошними властями и полк. Гемельманом. В 6-м часу вечера прибыли в Ялту, где уже ожидала нас жена с экипажем, и мы все немедленно отправились в Симеис. С любопытством ожидал я увидеть наше жилье в оконченном и

---

* весьма

благоустроенном виде. Однакож сегодня утром, к великой нашей досаде, не удалось нам вполне насладиться прелестями нашего скромного, но живописного приюта: поднялся страшный ветер с дождем, к полудню он обратился почти в ураган, так что трудно было на ногах удержаться вблизи дома. Таким образом, мы должны были целый день оставаться в комнатах, занимаясь приведением в порядок своей домашней обстановки.

Проездом чрез Одессу узнал я о последних политических новостях. В Болгарии решительно готовится восстание; в Константинополе — волнение, уличная толпа осмелилась даже остановить султана и заставила его выйти из кареты,—случай небывалый. Послы и посланники, по слухам, переезжают на ночь на пароходы, считая опасным оставаться в городе; однакож ген. Игнатьев, как говорят, решился переехать, по обыкновению, в место загородного пребывания посольства — Буюк-Дерэ. В газетной телеграмме из Берлина говорится, что на конференции, по соглашению между тремя империями, постановлено: «возложить на Россию принять энергичные меры к приведению в исполнение решения Конференции по турецким делам». Телеграмма эта несколько встревожила меня; не совсем еще отдаю себе отчет в значении ее, не зная, в чем именно заключается постановленное в Берлине разрешение турецкого вопроса. Если под словом «энергичные меры» можно подразумевать употребление силы оружия, то, вероятно, мне не удастся воспользоваться своим двухмесячным отпуском и придется поспешить обратно в Петербург ранее срока.

14-го июня. Понедельник.—Более месяца не заглядывал в свой дневник, предавшись полному far niente[28] в своем безмятежном уединении. А между тем было что́ записывать в дневнике за это время. Неожиданная для всех революция в Константинополе, свержение с престола одного султана и возведение другого, потом подозрительное самоубийство свергнутого калифа, убийство новых министров и в то же время проделки английского правительства, разыгравшего комедию в Константинополе для поддержания своей популярности, с высылкой в то же время сильной эскадры английской в Безикскую бухту * в видах поддержания распадающегося государства, наперекор последним стараниям пяти больших континентальных держав уладить мирным путем дела на Балканском полуострове,—все это ** составит любопытную главу в истории нашего времени. Вся Европа пришла в тревожное состояние; заговорили о неизбежной войне; уже толковали о том, что Англии удастся снова, по примеру Восточной войны 1853-1855 годов, восстановить всю Европу против России; поднялась опять враждебная нам газетная полемика. Обо всем этом я узнавал частью из газет, частью из письменных сообщений ген. Семеки из Одессы; из

---

* старания Англии выказать свое сильное влияние в Константинополе

** в такое короткое время

Петербурга же редко получал сведения. Однакож я ни на минуту не терял уверенности в сохранении мира, с тех пор как узнал в общих выражениях о результате бывшего месяц тому назад берлинского совещания. После того, что́ я слышал от самого государя об установившемся секретном соглашении между тремя императорами, я не имел до сих пор повода усомниться в прочности этого союза. Ни переворот в Константинополе, ни самодурство англичан не представляют пока достаточных причин к изменению политики трех империй. Поэтому, несмотря на получаемые животрепещущие новости, я оставался спокойно в своем Симеисе, занимаясь устройством своей библиотеки * и стараясь позабыть о делах, ожидающих меня по возвращении в Петербург. Однакож в продолжение этого времени ко мне присылали двух фельдъегерей с деловыми бумагами и письмами; навещали меня, кроме некоторых ялтинских старожил, проезжавшие случайно ген. Семека, ген. Кауфман (Михаил Петрович), Данилевский (Ник. Яковл., из Мшатки). Припоминаю еще, что получил письмо от сербского военного министра Николича, который просит моего ходатайства о том, чтобы русское правительство не препятствовало доставке в Сербию всего нужного ей, ввиду предстоящего разрыва с Турцией. Письмо это я отправил к государственному канцлеру в Эмс. С подобной же просьбой обращались ко мне болгары; приезжал полковник Кишельский, чтобы лично просить о выпуске из одесской таможни конфискованного оружия, предназначавшегося для болгар несколько лет тому назад; также о снабжении болгар старым русским оружием и о дозволении самому Кишельскому окончательно выйти в отставку, чтобы принять открыто деятельное участие в восстании. **

Возвращение государя из-за границы отсрочено до 28-го июня; однакож я все-таки считаю своей обязанностью быть в Петербурге не позже 25-го или 26-го числа, т. е. к сроку моего отпуска. Поэтому мне остается наслаждаться отдыхом еще одну неделю. В будущий понедельник выеду из Ялты на пароходе в Одессу, завезу младшую дочь Лёлю и племянницу Аню к графине Гейден, в деревню в Киевской губернии, и затем направлюсь чрез Киев и Москву к своему месту.

30-го июня. Среда. Петербург.—Пароход («Юнона»), на котором я должен был отправиться 21-го числа из Крыма в Одессу, был задержан бурей у кавказских берегов и вышел из Ялты сутками позже назначенного по расписанию. Поэтому я должен был отказаться от своего намерения заехать в имение гр. Гейден, где предполагал провести один день; вместо того на ближайшей от этого имения станции Гнивань я расстался с моими спутницами, передав

---

* любовался окружающей прелестной местностью и старался на это время позабыть о делах,

** Кишельскому, как видно, предназначена важная роль в этом восстании.

их на попечение графини Елизаветы Николаевны Гейден, встретившей нас на станции с обычным своим радушием.

Приехав в Петербург в прошлую субботу, 26-го июня, я был встречен на станции железной дороги старшей моей дочерью и адъютантами. С первого же дня меня завалили бумагами. В воскресенье утром поехал я в Петергоф представиться императрице и другим членам царской фамилии и оставался там до вторника. В понедельник встречали государя, а вчера, во вторник, я имел первый доклад у его величества и затем должен был остаться у обедни и на завтраке по случаю дня св. Павла (именины вел. кн. Павла Александровича). К обеду вернулся в город и нашел здесь сына, только что возвратившегося в то утро из поездки за границу и в разные губернии.

В Петергофе, так же как и здесь в Петербурге, исключительные предметы разговоров и толков — здоровье государя и восточный вопрос. До приезда государя ходили самые зловещие слухи о расстроенном его здоровье и упадке нравственном; с прибытием же его несколько успокоились; однакож нашли его сильно исхудавшим. Доктор Боткин (осмотревший государя во вторник) говорил мне, что не нашел в нем никаких симптомов опасных *.

Возвращения государя ожидали с нетерпением, чтобы узнать что-нибудь верное о настоящем положении политики. В последние дни телеграммы с театра войны не заключали в себе никаких замечательных событий. С объявления войны Сербией и Черногорией (о чем я узнал только в Одессе) и с перехода сербских войск чрез границу прошло уже 9 дней; по первым телеграммам о наступлении Черняева в публике уже составилось понятие о победоносном его шествии прямо к Константинополю. Но вместо того в последующих телеграммах видно, что наступление сербов не имеет такого решительного характера, и теперь можно догадываться, что оба противника выжидают, пока стянутся их силы. При этом фазисе войны, как всегда бывает, получаемые с той и другой стороны известия нередко противоречат друг кругу. Вчерашние телеграммы дают повод думать, что западная колонна сербская имела успехи в Боснии и Герцеговине и вошла в связь с черногорцами. Из этого можно также заключить, что Мухтар-паша с войсками своими

---

* и намекнул, что истощение его может отчасти происходить от излишеств в отношении к женщинам. Говорят, что, кроме постоянных сношений с княжной Долгорукой, бывают и случайные любовные «авантюры». Рассказывают, что, напр[имер], в Эмсе, где государь большую часть своего времени проводил у княжны Долгорукой, за ним бегали стаи женщин разного сорта. Впрочем, мне кажется, что тут есть некоторое преувеличение: не всякая встреча в саду, не всякая интимная беседа глаз на глаз имеют значение любовной связи. Можно даже приписывать эти рассказы о любовных похождениях государя более назойливости самих женщин, чем его похотливости.

потянулся из Боснии к главной армии в Нише. По имеющимся в Главном штабе сведениям, кажется, что силы обеих сторон почти уравновешиваются, с малым, разве, перевесом на стороне турок. В Болгарии восстание пока в малых размерах. Бедняки эти не имеют оружия, а потому турки и черкесы производят в Болгарии возмутительные жестокости, истребляя тысячами безоружное и беззащитное население. Никто не приходит на помощь болгарам, а, напротив того, говорят, что шайки мадьяр, переходя из Венгрии в Турцию, помогают туркам [29].

При таком положении дел в Турции, естественно, возникает вопрос: неужели Европа, и в особенности Россия, могут продолжать твердо сохранять принцип невмешательства, особенно ввиду явного, гласного сочувствия, оказываемого туркам Англией и Венгрией. Любопытно было бы узнать, на чем же остановились союзные императоры после последних свиданий в Эмсе и Рейхенберге[30]. В понедельник, когда я мимоходом спросил бар. Жомини (приехавшего с государем и кн. Горчаковым), он, конечно, не дал мне никакого определительного ответа, а вместо того кинул какую-то странную фразу о нашей неготовности к войне. Так как я замечал уже, что и в публике слышались какие-то смутные толки о том, будто бы Россия н е м о ж е т воевать и вынуждена во что бы ни стало избегать войны, собственно по расстройству военных сил, то я счел нужным при первом же моем докладе государю взять с собой работы, подготовленные Мобилизационным комитетом при Главном штабе, чтобы объяснить государю и великим князьям истинное положение дела и устранить, по крайней мере, в них ту тревожную мысль, будто мы теперь уже вовсе не можем вести войны. Из означенных работ ясно видно, что, несмотря на многие еще остающиеся в нашей военной организации недостатки, никогда армия наша не была в такой готовности к войне, как теперь. Конечно, мы находимся в переходном положении, все у нас еще в разработке, и, во всяком случае, мы не можем выставить армию в том идеальном составе и устройстве, которое проектировано в последнее время; но все-таки можем ныне выставить несравненно большие и лучше устроенные силы, чем когда-либо в прежние времена, и в особенности несравненно в кратчайший срок. Все это я доложил вчера государю, присовокупив, что если для скорой мобилизации армии в нынешнем ее составе можно ожидать серьезных затруднений, то, разве, единственно со стороны финансов наших и, кроме того, по неразрешению Государственным советом давно уже разработанного проекта положения о военно-конской повинности. Государь выслушал мои объяснения без особенного внимания, как бы оставаясь попрежнему в убеждении, что войны не будет. Он прочел, разумеется, под условием соблюдения строгой тайны, составленный после Рейхенбергского свидания протокол, в котором подтверждалось желание трех императоров воздерживаться от вмешательства в происходящую на Балканском полуострове борьбу, однакож уже не безусловно, а с оговоркой, что такой образ действий будет стро-

го соблюдаться только до тех пор, пока будет возможно смотреть равнодушно на эту борьбу, и при этом предусматриваются два случая: решительного перевеса турок над христианами или христиан над турками[31]. На тот и другой случай установляются на сей раз уже более, чем прежде, определительно намерения трех императорских кабинетов: если восторжествует мусульманство, то Европа потребует восстановления quo ante bellum[32]; в противном случае намечены в общих выражениях следующие предположения: расширение пределов Сербии и Черногории, возможность образования отдельных государств Болгарии, Румынии, Боснии, присоединения Фессалии и Македонии к Греции, образования Вольного города в Константинополе, прирезки некоторых клочков турецкой территории к Австрии (на берегу Адриатического моря и в северо-западной Боснии), а вместе с тем возвращения России отторгнутой от нее части Бессарабии на левом берегу нижнего Дуная и присоединения порта Батумского. Таким образом, теперь, по крайней мере, выяснилось, чего можно ожидать или надеяться в будущем. Однакож, по выслушании этого любопытного акта, я позволил себе сделать некоторые замечания: во-первых, что система невмешательства возможна лишь при том условии, что и другие европейские державы будут строго соблюдать ту же систему и не будут помогать даже косвенно одной из сторон; а во-вторых, что уже в настоящее время совершаются в Болгарии и в других частях Турции такие возмутительные жестокости над беззащитным христианским населением, что христианские державы, в особенности Россия, едва ли могут оставаться равнодушными зрительницами. Вместе с тем я коснулся и двусмысленного отношения Австро-Венгрии к настоящей борьбе славян с турками: если даже и не сомневаться в чистосердечии и твердости самого императора Франца-Иосифа и Андраши, то остается еще вопрос, в какой мере их личные виды и желания могут служить гарантией для будущего в государстве конституционном, при существующем дуализме и при известном настроении Венгрии. В разговоре государь коснулся еще некоторых частностей, которых я уже не припомню; но общее впечатление, вынесенное мною из государева кабинета, было то, что, сохраняя попрежнему надежды на продолжение мира в Европе, он уже не смотрит так спокойно на близкую будущность. Между прочим государь говорил о предположении Игнатьева собрать сильный корпус в Закавказье на турецкой границе, под видом учебного лагеря; отзывался с негодованием о поступке Черняева, которому было объявлено чрез Потапова высочайшее воспрещение отъезда в Сербию; упомянул о какой-то записке Фадеева (вероятно, той, которую он подал * недавно наследнику), о занятии нами Дарданелл и проч. Замечательно, что о последнем этом химерическом предположении ** государь упомянул с некоторым сочувствием,—и это в то время, когда в Бе-

---

* наследнику, быв недавно в Петербурге

** похожем на бред больного,

зикской бухте стоит сильный флот английский и когда в Англии сделаны все приготовления к высадке, в случае надобности, на любом пункте Архипелага 27/ т. войска.

Прежде выезда из Петергофа я посетил канцлера кн. Горчакова и имел с ним продолжительный разговор. Он несколько раздосадовал меня своими бессмысленными упреками военному ведомству: зачем оно, издерживая ежегодно до 180 милл. р., не имеет там, где оказывается нужным, ни одной части войск в полной готовности к войне? зачем, напр[имер], три дивизии в Одесском округе находятся в слабом численном составе и зачем нужны особые денежные средства для приведения этих войск на военное положение.—Как ни пытался я объяснить великому нашему дипломату всю несообразность его упреков и требований, он, как и всегда, не хотел вовсе слушать, говоря, что он не понимает моих объяснений и что не его дело входить в наши военные дела. Напрасный был бы труд настаивать, так как мне уже хорошо знакомо легкомыслие, с которым наш знаменитый канцлер говорит обо всех предметах, сколько-нибудь выходящих из тесной рамки дипломатической канцелярии. Впрочем, мы и на сей раз расстались с ним друзьями. Я успел переговорить с ним о просьбах болгар относительно пропуска оружия чрез наши таможни, хотя мало ожидаю успеха в этом деле для бедных болгар.

1-го июля. Четверг.—Доклад в Петергофе. Ничего нового по делам политическим. Телеграммы с театра войны неопределительны, противуречивы. Повидимому, обе стороны стягивают свои силы. Сербы организуют партизанские отряды и народную войну. Румыния, как кажется, намерена держаться в стороне,—может быть, до тех пор, пока не выкажется явный перевес в пользу той или другой стороны. Сегодня государь мало говорил о делах политических; у меня было в докладе много мелких дел, занявших все время. После меня вошел в кабинет кн. Горчаков, но он оставался у государя не более 10 минут; мы вышли с ним вместе, и я подвез его в своем экипаже до его квартиры. Он говорил мне о стараниях сербов сделать заем или получить пособие от России; кн. Горчаков отклоняет всякое официальное содействие славянскому делу.

Посетив летнее помещение воспитанников военных гимназий и прогимназий, я возвратился в Петербург к обеду. Со мною ехал Валуев, и всю дорогу мы проговорили о современном положении дел. Валуев видит все в мрачном цвете, критикует нашу дипломатию; досталось и гр. Шувалову, с которым во время оно Валуев шел рука в руку.—На станции я познакомился с новым итальянским послом—Нигра.

От ген.-м. Горлова получил письмо (из Лондона) о том, что англичане не на шутку заняты военными приготовлениями.

Завтра государь с императрицей отправляются в Финляндию дней на пять. Я полагал, что не избегну этой поездки, тем более, что имеются в виду смотры войск Финляндского округа. Однакож

и на этот раз меня оставляют в покое; ни слова не было мне сказано о предстоящей поездке. Все больше и больше склоняюсь к тому предположению, что присутствие мое во время «высочайших путешествий» неприятно для гр. Адлерберга. Я же, конечно, не стану плакать, оставаясь спокойно дома.

8-го июля. Четверг.—Ничего замечательного в течение целой недели. Можно, разве, упомянуть о побеге из Николаевского военного госпиталя одного из главных политических арестантов, обвиняемых в революционной пропаганде среди народа,—князя Крапоткина. Обстоятельства этого побега явно выказывают искусно замышленную подготовку.

Восточный вопрос в каком-то застое: ни сербы, ни турки ничего решительного не предпринимают; повидимому, обе стороны чего-то поджидают. Только черногорский князь продолжает двигаться в северную часть Герцеговины и уже подошел к Мостару. Турки оказывают ему слабое сопротивление; кажется, Мухтар-паша обратился на помощь главным силам турецким против Черняева. Из Главной же квартиры сербской получаются неутешительные известия: Черняев уже успел перессориться со своими подчиненными. Один из них, Стратимирович, напечатал в иностранных газетах статью, в которой упрекает Черняева в нерешительности, колебании и бестолковости. Да чего же и ждали от него? На чем была основана громкая его слава?—Вероятно, увидим еще развенчанный кумир.

В прошедший вторник государь возвратился из Финляндии. Сегодня я был с докладом в Петергофе. У государя флюс и маленькая лихорадка. Сегодня же был официальный прием турецкого посла с новыми верительными грамотами. Говорят, что новый султан в полном идиотизме и что в Константинополе уже поговаривают о том, не следует ли опять сменить и нового повелителя правоверных. Все признаки конечного * разложения империи Османов.—Румыния заявила Порте такие требования, которые похожи на ультиматум пред объявлением войны. Вмешательство Румынии даст заметный перевес христианам.

В прошедший понедельник, 5-го июля, я закончил последние расчеты с Миллером по крымской постройке.

10-го июля. Суббота.—Весь день провел в Петергофе. Утром доклад и визиты, потом большой парадный обед во дворце для итальянского наследного принца и, наконец, вечер с цыганами в Александрии у наследника цесаревича. К обеду были приглашены, кроме свиты итальянского принца, и другие иностранные генералы и офицеры, прибывшие на красносельские маневры: французы, австрийцы и германцы. Вечер был устроен для принцессы Маргериты, которая особенно желала видеть и слышать цыган. Не знаю, какое вынесла она впечатление, прослушав всю коллекцию бессмыс-

---

* распадения империи Османов.

ленных романсов и пошлых солдатских песен, распеваемых гнусливым голосом цыганками и цыганами *. Мне всегда совестно, что мы угощаем иностранцев такими безобразиями.

При докладе моем государь заговорил о неблагоприятном ходе дел для сербов; в высшем петергофском обществе также слышал общее сокрушение о том, что славянам не везет; начинают осыпать Черняева упреками и только теперь спрашивают, на чем же основана была вся его громкая слава. Впрочем, в газетных телеграммах я не нахожу еще ничего такого, что оправдывало бы ** тревогу; ничего решительного до сих пор еще не было на театре войны, и вольно же было публике по первым телеграммам вообразить себе, что Черняев так и пойдет вперед триумфатором прямо в Константинополь. Худо только то, что он перессорился с теми людьми, на которых должен был опираться; худо то, что начались раздоры в славянском стане.—С другой стороны, я узнал сегодня, под строгой тайной, что государственный канцлер несколько отступил уже от своей системы безусловного нейтралитета и согласился на то, чтобы смотреть сквозь пальцы на провоз оружия к сербам и болгарам. Государь разрешил министру финансов дать соответственные секретные инструкции нашим таможням.—Императрица усугубляет свое сочувствие к балканским славянам, посылает от общества Красного креста врачей и госпитальные вещи.

12-го июля. Понедельник.—Вчера вечером в Красном Селе был объезд лагеря и обычная парадная заря, а сегодня утром большой смотр. Не знаю, какое впечатление произвели эти оба угощения на итальянских гостей. Погода благоприятствовала, и войска представились во всем блеске. Прямо с парада итальянский принц и принцесса отправились в Петербург; улицы на пути их были разукрашены флагами. Они пробудут здесь весь завтрашний день.

13-го июля. Вторник.—Сегодня доклад мой был очень продолжителен ($1^1/_2$ часа), так что пришлось некоторые дела отложить до другого раза. Получив приглашение к обеду у их величеств, я должен был остаться в Петергофе почти на весь день. Кроме меня, были за обедом бар. Жомини и гр. Григорий Александрович Строганов. За обедом императрица с особенной скорбью говорила о неблагоприятном ходе дел для турецких славян, о последних неудачах их, о новых пособиях, приготовляемых по санитарной части как в Петербурге, от общества Красного креста, так и в Москве.

14-го июля. Среда.—Приглашение на спектакль и иллюминацию, приготовленные сегодня вечером в Петергофе, на «островках», пришло так поздно (по возвращении моем из заседания Военного совета), что я воспользовался этим предлогом, чтобы совсем не ехать туда, и, спокойно оставшись дома, имел время приготовиться к завтрашнему докладу.

---

* мне же это странное пение кажется крайне антиэстетическим.
** это отчаяние;

15-го июля. Четверг.—Приехав в Петергоф в обычный час (с первым поездом жел[езной] дороги), я узнал, что сегодня, в 10 ч. утра, принц и принцесса итальянские уезжают из Петергофа на пароходе в Петербург и что вся царская фамилия съехалась в большой Петергофский дворец, чтобы проститься с гостями. К тому же сегодня именины великого князя Владимира Александровича, а потому должна быть обедня. Доклад назначен мне после обедни. Я воспользовался свободным временем, чтобы повидаться с государственным канцлером и поговорить с ним о настоящем положении дел. Передав ему сведения, полученные в Военном мин[истерст]ве из Лондона, я навел разговор на возможность разрыва с Англией и на крайнее возбуждение общественного мнения в этой стране против России. Кн. Горчаков хотя и возражал мне, что, напротив того, теперь заметна в Англии сильная реакция против воинственных затей Дизраэли, который уже рассорился с министром иностранных дел Дерби и, быть может, близок к падению, однакож сам же кн. Горчаков выражал опасение, что, при всем нашем твердом намерении избегнуть во что бы ни стало войны, могут быть такие случайные, непредвидимые обстоятельства, которые сделают для нас войну неизбежной. Для примера он указал на возможность оскорбления нашего посла в Константинополе и в этом отношении радовался тому, что отъезд Игнатьева в Россию устранил на время хотя одну эту случайность. Вообще я заметил, что взгляд государственного канцлера теперь уже не совсем тот же, какой был у него в первые наши с ним свидания: он уже говорит иначе о допущении неофициальной помощи турецким христианам, о пропуске к ним оружия и военных запасов под видом транзитного товара; в довершение он признался, что виделся с Ростиславом Фадеевым и даже принял от него записку, которую тут же и дал мне прочесть [33]. По всему видно, что этот краснобай * обладает талантом пускать пыль в глаза; наш канцлер признал его человеком умным, хотя и не заслуживающим доверия. Фадеев нахвастался, будто имел огромное влияние на египетского хедива[34] и вел его к тому, чтобы он воспользовался нынешними трудными обстоятельствами Турции для приобретения новых для себя выгод. Повидимому, и в записке, поданной Фадеевым наследнику цесаревичу, проводилась также мысль,—будто по милости его, Фадеева, хедив поможет христианским подданным султана освободиться из-под ига мусульманского и доконает блистательную Порту [35]. Кн. Горчаков, впрочем, и сам находит, что совершившиеся уже факты не подтверждают мечтательных надежд Ростислава Фадеева. Тем не менее заметно, что этот нахал все-таки несколько обморочил престарелого канцлера.

Пред концом обедни я отправился в Александрию, дождался возвращения из церкви всей царской фамилии, поздравил именин-

---

* остался тем же и теперь; тем не менее он имеет талант пускать пыль в глаза;

ника, позавтракал,—и затем потребован был в кабинет государя с докладом. После первых незначительных предметов доклада пришлось, естественно, коснуться нынешних политических отношений, и тогда у государя невольно вырвалось сознание затруднительности настоящей минуты. Давно уже не случалось мне слышать от него такого искреннего, откровенного излияния занимающих его мыслей и задушевных забот. «Постоянно слышу я упреки, зачем мы остаемся в пассивном положении, зачем не подаем деятельной помощи славянам турецким. Спрашиваю тебя, благоразумно ли было бы нам, открыто вмешавшись в дело, подвергнуть Россию всем бедственным последствиям европейской войны?—Я не менее других сочувствую несчастным христианам Турции, но я ставлю выше всего интересы самой России». Тут государь обратился к воспоминаниям Крымской войны; слезы навернулись на его глазах, когда он заговорил о тогдашнем тяжелом положении покойного императора Николая, об упреках, которыми тогда осыпали его и друзья, и недруги за то, что он вовлек Россию в бедственную войну. Затем государь, отвечая на мои вопросы, сказал: «Конечно, если нас заставят воевать,—мы будем воевать; но я не должен сам подать ни малейшего повода к войне. Вся ответственность падет на тех, которые сделают вызов, и пусть тогда бог решит дело. Притом не надобно забывать, что секретный союз, заключенный мною с Германией и Австрией,* есть исключительно союз оборонительный; союзники наши обязались принять нашу сторону, если мы будем атакованы; но они не сочтут себя обязанными поддерживать нас в случае инициативы с нашей стороны, в случае наступательных наших предприятий, и в этом случае может выйти то же, что́ было в Крымскую войну—опять вся Европа опрокинется на нас...»

В таком смысле разговор или, лучше сказать, монолог государя продолжался с полчаса, так что мне трудно припомнить все его слова; он был растроган, так что были минуты, когда не мог говорить. Он сознался, что эти именно заботы и беспокойства постоянно гложат его и подкапывают здоровье. «Может быть, по наружности я кажусь спокойным и равнодушным; но именно это и тяжело—показывать лицо спокойное, когда на душе такие тревожные заботы. Вот отчего я и худею, отчего и лечение мое в Эмсе не пошло впрок».

Это искреннее излияние, этот скорбный голос, вырвавшийся так неожиданно для меня из глубины сердца государя, растрогал меня и оставил сильное впечатление. Доклад нынешнего дня останется у меня всегда в памяти.

Замечательный этот разговор не помешал, однакоже, мне докончить весь доклад мой, и государь выслушал его со вниманием до последнего дела. После меня еще были другие доклады: Посьета, бар. Шернваль-Валлена (по делам Финляндии) и проч.

---

* как бы ни имел я доверия к нему, имеет целью т[олько?]

Возвратившись в Петербург в 5 часов, я как-то неохотно принялся после обеда за свои текущие дела и поехал развлечься на Аптекарский остров к А. П. Заблоцкому. Он показывал мне свои работы по жизнеописанию гр. Павла Дмитриевича Киселева и прочел несколько отрывков. Уже прежде он присылал мне некоторые приготовленные главы, именно относящиеся к пребыванию гр. Киселева в Париже, в качестве посла. Судя по поверхностному обзору этих отрывков, можно надеяться, что сочинение, за которое взялся Заблоцкий, будет в высшей степени интересно в историческом отношении. Это будет не только изображение одной замечательной личности, но и материал для изучения целой эпохи.

16-го июля. Пятница.—Утром заехал в Зимний дворец расписаться у принца Гумберта [36], который сегодня же, в 9 ч. вечера, уезжает в Москву .Весь остальной день сидел дома за бумагами, в полном одиночестве.

17-го июля. Суббота.—Утром, по обыкновению, был в Петергофе с докладом. Государь был сегодня бодрее и в лучшем расположении духа, чем прежде. Он рассказал мне во всей подробности, как вчера ночью он нежданно приехал в Красное Село, поднял войска по тревоге и затем произвел общий маневр. Сегодня ожидали прибытия королей и королев датских [37] и греческих [38] с датской принцессой Тирой. Но я не остался в Петергофе для встречи их.

Известия с театра войны очень неутешительны. Черногорцы, кажется, побиты Мухтаром-пашой. Но прискорбнее всего то, что князь Николай оказался плохим полководцем; при первой неудаче он растерялся, бросился поспешно отступать, а чрез это храброе его воинство несколько упало духом. У сербов дела идут не лучше. Зато в самом Константинополе страшный ералаш: уже открыто заявляют, что Мурад V не может долее оставаться султаном и что вскоре предстоит новая перемена царствования.

18-го июля. Воскресенье.—Напрасно съездил утром в Красное Село. Назначенный там церковный парад и лагерный развод отменены по случаю дождя.

19-го июля. Понедельник.—В Петергофе парадный обед для королей и королев датских и греческих. После обеда сам государь представлял им министров и других приглашенных к обеду. Король Георг узнал меня сам.

Поздно вечером отправился из Петергофа в Красное Село.

21-го июля. Среда.—Весь вчерашний день и сегодня утро провел в Красном Селе. Вчера два раза был на учении, сегодня опять часа 3 сидел верхом. Верховая езда начинает отзываться на здоровье моем; кроме большой усталости, сегодня почувствовал сильнее, чем когда-либо, геморроидальные страдания.

В последние дни получены с театра войны телеграммы довольно благоприятные для славян: черногорцы (судя по телеграммам) сильно побили Мухтара-пашу под Билечем.

В понедельник в Петергофе я виделся с Игнатьевым (Ник. Павл.), только что приехавшим из Константинополя. После обеда он приехал ко мне, и мы проговорили с ним часа полтора. По его рассказам, разумеется, все дело на Балканском полуострове пошло бы совсем иначе, если б послушались его, а не передали в руки Андраши. Игнатьев рассказал мне много интересных подробностей; жаль только, что, слушая его, не знаешь, сколько в словах его правды и сколько хвастовства.

Вчера были наконец прения в обеих английских палатах по восточному вопросу. По телеграммам трудно составить себе верное понятие о характере этих прений; надобно дождаться подробных отчетов.

22-го июля. Четверг.—После обычного доклада в Петергофе и принесения поздравлений императрице, цесаревне и герцогине Эдинбургской, возвратился в город, уклонившись от приглашений к «министерскому столу» и на бал к наследнику цесаревичу. Мне так нездоровилось, что я даже отпросился у государя на несколько времени от учений в Красном Селе.

Впрочем, кроме физического расстройства, и настроение душевное как-то не гармонирует ни с придворными обиходами, ни с пустотой красносельских упражнений. Мне казалось, что и при дворе какое-то мрачное настроение; императрица удостоила меня несколькими выражениями скорби о бедственном положении дел в Сербии; государственный канцлер, обыкновенно лучезарный и шутливый, сегодня говорит как-то шопотом, нахмурившись; все, до самой молодой фрейлины, спрашивают, нет ли новых телеграмм с театра войны. Но главное дело не в том, сербы ли вчера атаковали турок, или турки вторглись на сербскую территорию и разорили несколько деревень, а в том, что вообще европейский политический горизонт видимо омрачается. У нас начинает колебаться прежнее безграничное доверие к непоколебимости тройственного союза и даже к немецкой дружбе. Кажется, в самом государе уже нет полной уверенности в сохранении европейского мира, и является опасение, что нас вовлекут в войну даже против собственной нашей воли.

В таком же смысле выражался кн. Черкасский, приехавший из Москвы и навестивший меня пред обедом. Он является как бы представителем общественного мнения в Москве и, повидимому, приехал на самое короткое время, собственно только для того, чтобы понюхать, что́ делается у нас в высших правительственных сферах. Он * передал мне толки, которые ходят в публике, недовольной безучастным отношением правительства к делу турецких славян; говорил, что и мне лично, как военному министру, достается сильно. Хотя я пробовал опровергать эти суждения публики, выставляя их неосновательность и легкомысленность, однакож поне-

---

* высказывал мне неутешительные симптомы;

воле, увлекшись приятельским разговором, не мог сам не сетовать на полное расстройство нашей административной машины, на непростительную апатию и бездействие правительства, в общей его совокупности. Приведу маленький образчик: на Южном берегу Крыма давно уже жалуются на то, что, под предлогом ловли рыбы и специально дельфинов, турецкие промышленники нахально пристают к берегу, выходят на взморье и распоряжаются как у себя дома. В прошлом году и в нынешнем бывали даже примеры насилий и грабежей. Ровно год тому назад, возвратившись из Крыма, я докладывал самому государю о тамошнем бессилии русских властей; тогда же, по высочайшему повелению, обсуждали этот вопрос в особом совещании подлежащих министров; мне казалось, что объяснения мои произвели на них впечатление; признано было нужным принять разные меры по министерствам: иностранных и внутренних дел, финансов, морскому, по корпусу жандармов и т. д. Началась переписка, обменялись значительным числом бумаг,—и в течение целого года ровно ничего не сделано ни по одному министерству. Теперь же вдруг встрепенулись: министр внутр[енних] дел и шеф жандармов одновременно получают официальные донесения о бывших недавно происшествиях на берегу; вооруженные турки начинают уже открыто нападать на жителей. Об этих происшествиях пишет мне и жена в последнем письме, при котором приложено письмо к ней от нашего хорошего знакомого, Ник. Яковл. Данилевского, из Мшатки, где был один из случаев грабежа. И вот, тот же министр внутр[енних] дел, который не признавал нужным принять какие-либо меры к усилению полиции, тот же министр финансов, который не хотел подкрепить таможенную стражу, тот же министр иностранных дел, который затруднялся возбудить вопрос о пересмотре законов относительно прав иностранцев по рыбной ловле,—все разом обращаются к военному министру и заявляют о необходимости военных мер к охранению берега. Хотя и не дело войск исполнять обязанности полиции и таможенной стражи, однакож я воспользовался случаем и принял на себя распоряжения: сегодня же испросил высочайшее повеление учредить по всему южному берегу кордон из пехоты и казаков и уже отправил соответственные приказания начальству Одесского округа.

Другое распоряжение, с высочайшего дозволения, сделано по Кавказскому округу: предписано войска, собранные в лагере под Карабулаком (близ Башкичета), немедленно передвинуть к Александрополю. Давно уже ген. Игнатьев и полк. Зеленый писали из Константинополя, что было бы полезно сделать со стороны Закавказского края демонстрацию, чтобы удержать в Азиатской Турции хотя часть тех войск турецких и тех полудиких орд, которые нахлынут на Балканский полуостров против несчастных славян. Лагерь под Александрополем мог бы держать турок в недоумении относительно наших намерений. Однакоже мысль эта до сих пор оставалась без исполнения. Великий князь Михаил Николаевич, за границей, объяснил государю, что и лагерь под Карабулаком не да-

лек от границы (Карабулак в 70 верстах от Александрополя). Таким образом упущено было много времени, и вся сволочь азиатская уже выброшена на Балканский полуостров.—Я снова поднял вопрос о лагере под Александрополем, и хотя государь сначала полагал это ненужным, однакож согласился дождаться приезда Игнатьева, который, разумеется, поддержал свою прежнюю мысль. Таким образом, дано наконец по телеграфу приказание князю Мирскому [39] исполнить предположенное передвижение войск.

24-го июля. Суббота.—Утром ездил в Красное Село с докладом, но не был на учениях и возвратился в город с намерением оставаться здесь спокойно и завтра, и в понедельник, хотя в эти дни государь остается в Красном Селе. Я почти рад, что имею предлог (расстройство здоровья) уклониться от красносельской суеты и скачки.

27-го июля. Вторник.—По случаю дня рождения императрицы был выход в большом Петергофском дворце. Государь принял мой доклад пред выходом, в том же дворце. Я был немало удивлен, услышав от его величества, что он открыто объявил в Красном Селе о разрешении офицерам выходить временно в отставку, чтобы ехать на театр войны, с обещанием, что каждый возвратится потом в свой полк, не потеряв своего старшинства. Таким образом, то, что́ до сих пор допускалось только негласно, на что́ смотрели сквозь пальцы, обратилось теперь в открытое, официальное разрешение непосредственно от самого императора. Говорят, что множество охотников воспользуется этим дозволением; даже из царского конвоя несколько мусульман вызываются ехать в Сербию, и во главе их второй сын Шамиля[40], уверяющий, что он соберет шайку черкесов для действия п р о т и в турок.—* Можно ли тому поверить?

Пока шла обедня, я имел в одной из зал дворца разговоры с кн. Горчаковым и с Игнатьевым (послом),—разумеется, с каждым отдельно. Первый положительно отвечал на мой вопрос, что не намерен брать на себя инициативу каких-либо новых дипломатических переговоров; Игнатьев, разумеется, осуждает все действия Министерства иностранных дел. Теперь он опять настаивает на усилении войск наших, выдвинутых к Александрополю, куда уже перемещен лагерный сбор Кавказской гренадерской дивизии из Карабулака.—После обедни, при baise-main [41], императрица подошла ко мне и высказала свое удовольствие по поводу отправления в Сербию многочисленного санитарного персонала, снаряженного обществом Красного креста **.

---

* Не очень этому доверяю.

** и когда я заметил, что Военное мин[истерст]во уступило очень большое число врачей, в которых само терпит недостаток, то императрица ответила, что и она находит благоразумным теперь несколько приостановиться в нашем усердии в пользу воюющих славян.

После выхода было совещание под председательством великого князя Константина Николаевича, в занимаемых им комнатах, в большом Петергофском дворце. Участвовали в этом совещании кн. Горчаков, Рейтерн, Игнатьев (посол), Лесовский, Грейг и я. Дело шло об усилении денежных средств, ассигнуемых Морскому министерству на кораблестроение, дабы ныне же воспользоваться выгодным случаем, по предложению Игнатьева, купить три судна, заказанные в Англии турецким правительством, которое теперь, по неимению финансовых средств, отказалось от уплаты за эти суда. Строитель судов продает их со сбавкой 40% с условленной им с Портой цены. Однакож и с этой уступкой все-таки требуется за все три судна до 6 или 7 милл. рублей, а за одно из них, самое сильное, приходилось бы уплатить около $3^1/_2$ милл. Суждения по этому вопросу, как и следовало ожидать, привели к отрицательному заключению; министр финансов объявил, что при настоящем положении финансов он признает решительно невозможным перевод за границу какой-либо значительной суммы, как бы расход ни был полезен. Когда же перешли затем к другому вопросу—о добавочном, чрезвычайном ассигновании ежегодно по нескольку миллионов сверх нормальной сметы Морского министерства ($20^1/_2$ милл.), собственно для усиления постройки броненосных судов как для Балтийского моря, так и для Черного,—то Рейтерн, с поддержкой своего постоянного союзника Грейга, указал на нерациональное расходование Морским министерством отпускаемых ему сумм по нормальной смете и привел к тому заключению, что для желаемого усиления кораблестроительных расходов возможно найти средства в самой смете. Решено в таком смысле доложить государю с тем, чтобы для изыскания этих средств образована была особая комиссия. *

По окончании совещания я обратил внимание генерал-адмирала и Лесовского на два общих дела обоих министерств—военного и морского, именно: во-первых, об охранении крымского берега и, во-вторых, о взаимном содействии обоих ведомств для укладки,

---

* Первоначальный текст после слов «...Рейтерн, с поддержкой своего постоянного союзника Грейга,» (строка 11 сн.): «указал на нерациональное расходование Морским министерством тех сумм, которые отпускаются по нормальной смете, и привел к тому заключению, что если, с одной стороны, можно и необходимо отпускать лишние против этой сметы средства на кораблестроение, то, с другой стороны, необходимо и в самой нормальной смете найти средства для той же надобности, в большей соразмерности, чем было до сих пор. Решено было в этом смысле доложить государю и спросить разрешение на образование особой комиссии, которая сделала бы разборку морской сметы, чтобы определить, какие суммы могут быть из нее уделены собственно на кораблестроение, а затем уже определить и цифру необходимой добавки из Государственного казначейства».

в случае надобности, подводных мин в наших портах и приморских крепостях.

Я не остался в Петергофе ни к «министерскому» обеду, ни на вечерний праздник на Ольгином и Царицыном островах и возвратился к обеду в Петербург. Чувствую себя не в силах прикидываться спокойным и веселым среди пустого общества придворного и пестрой кучки иностранных гостей. Мне даже противно видеть в других это напускное благодушие, эту поддельную беззаботность в такое время, когда у каждого порядочного человека сердце обливается кровью при мысли о событиях на Востоке, о бессовестной, презренной политике европейской, об ожидающей нас близкой будущности.

Мрачному моему настроению не мало содействует и личная досада, причиняемая беспрестанно доходящими до меня толками о том, что мы будто бы не готовы к войне, что у нас нет ни армии, ни пороха, ни ружей и т. д. Почему и кем распускаются подобные толки — не берусь доискиваться; но разве не больно слышать подобные речи не только в праздной и легкомысленной толпе, но даже от высших государственных сановников, которые распускают подобные, вредные для нас ложные сведения даже за границей. Мне случается получать безымённые письма, наполненные самыми грубыми, площадными ругательствами, будто бы за расстройство армии, и все это после 16-летних тяжелых забот об устройстве и усилении наших военных сил. Никогда еще, положительно никогда Россия не имела в готовности такой силы, со всеми материальными средствами, как теперь; никогда и не могло быть прежде такого подготовления к быстрой мобилизации.—Досадно, что на все превратные толки, злые клеветы и ругательства приходится отвечать молчанием. Не публиковать же нашего плана мобилизации, цифры наших сил, наших запасов. Да если б и публиковали — ничему не поверили бы, когда атмосфера пропиталась уже зловредными миазмами недоверия, подозрения и порицания. Одна война может фактически выказать, насколько мы готовы к ней. Но ужели для своего оправдания, для удовлетворения своего оскорбленного самолюбия желать бедствия России.—А по моему убеждению, война была бы для нас неизбежным бедствием,—потому, что успех и ход войны зависят не от одной лишь подготовки материальных сил и средств, но столько же от подготовки дипломатической, а с другой стороны—от способности тех лиц, в руках которых будет самое ведение военных действий. * К крайнему

---

* Первоначальный текст после слов «...А по моему убеждению, война была бы для нас неизбежным бедствием,» (строка 6 сн.): «потому, что успех и ход войны зависят не от одной большей или меньшей подготовки материальных сил и средств, но столько же от условий, не зависящих от деятельности и забот Министерства военного: от дипломатической подготовки и от интеллигенции тех личностей, в руках которых будет ведение военных действий».

прискорбию, должен сознаться, что в обоих этих отношениях мало имею надежд: дипломатия наша ведется так, что в случае войны, мы неизбежно будем опять одни, без надежных союзников, имея против себя почти всю Европу; а вместе с тем в среде нашего генералитета не вижу ни одной личности, которая внушала бы доверие своими способностями стратегическими и тактическими. У нас подготовлены войска и материальные средства, но вовсе не подготовлены ни главнокомандующие, ни корпусные командиры. Мне даже неизвестно, есть ли в потаенном ящике государевого письменного стола список тех генералов, которым он намерен, в случае большой войны, вверить свои армии.

30-го июля. Пятница.—В нескольких газетах одновременно появились наконец статьи по поводу распространившихся толков о нашей неготовности к войне. Статьи эти очевидно написаны лицами невоенными и не имеющими никакого отношения к военному ведомству. Это дало мне повод написать кн. Горчакову, чтобы он прочел одну из таких статеек в «Новом времени», и при этом высказал ему несколько элементарных понятий о том, что́ значит быть г о т о в ы м к войне и быть п о д г о т о в л е н н ы м. «Смело могу сказать, что н и к о г д а еще военные силы России не были так п о д г о т о в л е н ы к войне, как теперь»,—писал я и в конце прибавил: «Мне казалось нелишним, чтоб все это было известно русскому государственному канцлеру».

Кроме того, я поручил редакции «Р[усского] инвалида» собрать некоторые данные о нынешних наших военных силах и средствах сравнительно с эпохой 1853 года и предложить этот материал редакции одной из газет, напр[имер], «Голоса». Надобно же наконец хоть что-нибудь сказать в опровержение ложных и крайне невыгодных для нашей политики толков.

Дела у сербов положительно идут плохо: они уже вынуждены покинуть оборонительную линию по Тимоку; турки жгут, режут и опустошают в пределах Сербского княжества. Общественное мнение в России все громче и громче высказывает неудовольствие на бездействие нашей дипломатии. Популярности и славе нашего государственного канцлера грозит опасность.

Сегодня ездил я в Красное Село по случаю общего «корпусного» маневра. Ровно неделю я не садился верхом. Первый опыт обошелся удачно; учение было непродолжительно, и большой скачки не было. Маневр был более похож на спектакль, приготовленный для дам: королева греческая, цесаревна и сестра ее, принцесса Тира, с обоими королями и многочисленной свитой иностранцев любовались зрелищем из-под приготовленных навесов на возвышенных points de vue[42]. Государь вспомнил, что в этот самый день, ровно 50 лет тому назад, когда ему было 8 лет отроду, в первый раз надели на него мундир Павловского полка и поставили в строй, рядом со старыми гренадерами. В память такого события, сегодня же, будущего наследника российского престола,

старшего сына нынешнего наследника цесаревича, облекли в первый раз в форму л.-гв. Павловского полка, и, когда в заключение всего маневра (pour la clôture[43]) Павловский полк бросился с криком «ура» на штурм той высоты, на которой стоял царский навес, государь сам вывел своего внука вперед, поставил его в ряды и заставил его взбежать с ротой на высоту. Ребенку также 8 лет отроду.

При одном из последних моих докладов государь завел речь о том, что пора бы этого ребенка взять из женских рук и дать ему в дядьки дельного и честного человека, в том роде, каков был Кавелин. Государь поручил мне подумать и рекомендовать такого человека. Задача нелегкая.

После маневра я осматривал привезенные из Англии, по заказу моего сына, два дорожные локомотива (routières). Они ходили в гору и под гору, и по дороге и по кочковатому, изрытому полю. Полагаю, что можно будет во многих случаях употреблять их с пользой для военного дела.

1-го августа. Воскресенье.—Утром ездил в Николаевский военный госпиталь. Хотя меня там никак не могли ожидать, однакож я нашел все в порядке. Остальное утро все прошло в совещаниях и докладах. Ген.-ад. Лесовский приезжал с контр-адм. Пилкиным, чтобы условиться, что́ сделать для решения возбужденного мною вопроса о средствах к скорейшей, в случае надобности, укладке подводных мин в наших портах. Затем было длинное совещание с вызванными из разных округов офицерами ген[ерального] штаба относительно временных мер к скорейшему, в случае нужды, снабжению войск лошадьми. Среди этих совещаний заезжал ко мне П. А. Валуев, чтоб отдать вчерашний мой визит к нему.

3-го августа. Вторник.—При докладе сегодня государь опять говорил о настоящем настроении общественного мнения в России, о подстрекательных статьях русской печати, при этом высказал предположение, что агитаторы пользуются случаем для своих зловредных видов; «но,—прибавил он,—я твердо надеюсь, что последствия выкажут выгоды того сдержанного положения, которое мы приняли в восточном вопросе». Мне показалось сегодня, что государь смотрит на вещи гораздо спокойнее, чем случалось мне замечать в прежние раза. По удачному выражению Серг. Петр. Боткина (с которым я встретился пред докладом в приемной), государь имеет такой вид, как будто он держит в кармане загаданную карту. Между прочим он выразил намерение командировать кого-нибудь из наших офицеров в Главную квартиру сербской армии, чтоб иметь там официальное лицо, подобно тому как полк. Боголюбов назначен при черногорском князе, и на том же основании, на каком при турецкой армии состоит английский генерал Кемпбель. Однакож государь приказал мне остаться после моего доклада, чтоб узнать мнение кн. Горчакова, который отсоветовал посылать официальное лицо в том соображении, что сербский

князь, как вассальный, не может быть поставлен в один ряд с черногорским, пользующимся политической независимостью. Решено, вместо командирования особого лица, возложить доставление официальных донесений из Сербии на кого-либо из офицеров, ныне же оставляющих службу и отправляющихся в Сербию в качестве добровольцев,—именно на полк. генер[ального] штаба Дохтурова и на ротм. Кавалергардского полка гр. Келлера.

Государь говорил о программе своего пребывания в Варшаве и спросил меня, не желаю ли ехать туда, так как давно не видел тамошних войск. Разумеется, я принял приглашение с удовольствием, хотя в душе и не очень радуюсь. Кроме нерасположения моего вообще к суетливой придворной жизни, ко всяким церемониям * и торжествам, которыми будет преисполнена целая неделя пребывания в Варшаве, еще ожидает меня там случайная, частная неприятность — встреча с фельдмаршалом кн. Барятинским. Мне придется соблюсти в отношении к нему все приличия, а между тем крайне претит надевать маску хоть на одну минуту.

Сейчас надобно собираться на железную дорогу в Красное Село, где государь ночует. Завтра первый день больших маневров.

8-го августа. Воскресенье.—Почти всю неделю провел на маневрах, между Красным Селом, Гатчиной, Царским Селом и Усть-Ижорой. Праздник Преображенского полка и Гвардейской артиллерии, 6-го августа, справили обычным порядком в Усть-Ижорском лагере. Маневры этого года отличались тем, что были связаны с осадными работами. В ночь с 5-го на 6-ое августа государь осматривал сапные работы, а в течение 6-го числа присутствовал при стрельбе осадных батарей боевыми зарядами. В этот же день представляли мы государю в первый раз употребление дорожных локомотивов.

Вчера в Царском Селе был спектакль, а сегодня провожали короля и королеву датских, но я был так утомлен после нескольких дней маневров, что уехал в город, и сегодня отдыхаю; вечером же опять еду в Царское Село: завтра и послезавтра последние дни маневров.

Государь следит с видимым интересом за ходом маневров, хотя в то же время ежедневно получаются политические известия весьма неблагоприятные. Дела сербов идут плохо. Наоборот, черногорцы, если верить телеграммам, опять одержали блестящую победу над турками у Подгорицы. Консулам союзных держав в Белграде поручено убеждать кн. Милана, чтобы он пошел на примирение; но, кажется, это не удалось. Да и как сербам просить мира в теперешних, невыгодных для них, обстоятельствах. На помощь к ним из России стремятся в большом числе и офицеры, и врачи, и сестры милосердия; даже много волонтеров из простонародья. Трудно было ожидать такого одушевления, такого порыва. В этом отношении явление утешительное. Государь, повидимому,

---

* торжествам и беготне

поощряет все, что делается в пользу балканских славян со стороны частных лиц и общества, но остается в твердом намерении не оказывать никакого вмешательства официального.

В числе желающих ехать на театр войны явился ко мне сегодня и знаменитый наш художник Микешин. Я взялся доложить о его желании государю. Цель его — увековечить посредством рисунков подвиги славянских героев. Микешин принадлежит к числу горячих славянофилов.

На днях получил я странное письмо на языке бирманов, от тамошнего министра иностранных дел. К подлинному письму приложен французский перевод, из которого видно, что император бирманский [44] предлагает свою дружбу императору российскому и выражает желание, чтобы молодые бирманцы присылались в Россию учиться военному делу и, наоборот, чтобы русские специалисты приезжали в Бирманию устраивать войско, заводы, крепости. Письмо это я передал кн. Горчакову, на его усмотрение.

11-го августа. Среда.—Еще вынес два утомительных дня маневров — в понедельник и вторник. Маневры были очень удачны; государь совершенно доволен; погода также благоприятствовала. Вчерашний маневр кончился только в четвертом часу пополудни, так что доклад мой пришлось отложить до нынешнего дня.

Сегодня опять должен был съездить в Царское Село. При докладе государь неожиданно предложил мне ехать с ним из Варшавы в Крым, что вовсе не входило в мои планы.

Вчера, по окончании маневров, на лужайке, где приготовлен был походный завтрак, собрались все начальники частей войск; государь, по заведенному порядку, высказывал им свои замечания, выражал несколько раз благодарность и в заключение произнес несколько слов в том смысле, что в случае надобности войска сумеют поддержать честь русского знамени и достоинство русского имени. Слова эти, намекавшие на современное политическое положение, были высказаны с одушевлением; государь был так растроган, что голос дрожал от слез. Не знаю, слышали ли и поняли ли сказанное присутствовавшие при этом иностранные офицеры. В числе их был и французский посол ген. Лефло. Германский посол ген. Швейниц был на маневрах накануне и простился по случаю отъезда в Берлин.

12-го августа. Четверг.—Возвращаюсь домой с большого дипломатического обеда у французского посла Лефло. За обедом я сидел между хозяином дома и бар. Зеебах, старым дипломатом, игравшим некогда роль в высшем кругу Петербурга. В первый раз случилось мне сойтиться с ним и вести разговор. После обеда меня отвел в сторону новый итальянский посол Нигра; он завел речь о настоящем политическом положении дел на Балканском полуострове и высказал опасение, чтобы русское правительство, при всем своем желании удержаться в нейтральном положении, не было ранее или позже увлечено проявляющимся в русском народе воз-

бужденным настроением и сочувствием к турецким христианам. По мнению итальянского дипломата, лучшим способом для предохранения Европы от опасных усложнений было бы созвание конференции, которая нашла бы возможность уладить дело. Итальянский посол думает, что даже Англия легко склонилась бы на предоставление славянскому населению Турции необходимых гарантий; противудействия в этом случае можно опасаться разве только со стороны Австрии; но, к сожалению, прибавил он, кн. Горчаков не сочувствует созванию конференции, признавая эту меру пока несвоевременной. *

После этого разговора я подошел к французскому генералу Корна́, чтобы проститься с ним и пожелать ему счастливого пути. Он воспользовался случаем, чтобы заговорить со мной о необходимости установления братства (confraternité) между армиями русской и французской. По его словам, французское правительство весьма желало бы, чтобы русские офицеры приезжали во Францию на маневры, подобно тому как ездят они в Германию и Австрию; но республиканское правительство,—говорил ген. Корна,—не может быть так щедро в своем гостеприимстве, как императорское; оно не имеет на то широких денежных средств, и потому не считает для себя возможным п р и г л а ш а т ь гостей; когда же они приедут, то примет их радушно и с удовольствием. Когда я сказал, что русские офицеры, командируемые за границу, вполне обеспечены в своем содержании русским правительством, то он признался, что

---

* Первоначальный текст после слов «...После обеда меня отвел в сторону новый итальянский посол Нигра;» (стр. 68, строка 6 сн.): «сначала он заговорил о предметах весьма неважных, но потом свернул разговор на настоящее политическое положение. Мы были одинакового мнения, что в настоящую минуту было бы невыгодно для христиан Турции вмешательство европейской дипломатии, но что, с другой стороны, было бы нежелательно, чтобы это выжидательное положение Европы, ввиду кровавой борьбы на Балканском полуострове, продлилось слишком долго. Итальянский дипломат смотрел на эту проволочку не столько в видах человеколюбия, сохранения крови бесчисленных жертв, сколько в том смысле, что общее настроение умов в России, народное движение, замечаемое повсеместно, может рано или поздно увлечь и самое правительство, которое не в силах будет удержать свой нейтралитет наперекор народному инстинктивному движению. Я, конечно, поддержал итальянского посла в этих мыслях; он высказал мнение, что со стороны одной Австрии можно опасаться противудействия в вопросе об устройстве будущего положения славянского населения Турции; по мнению его, даже Англия легко склонится на ⌊известные⌋ некоторые необходимые гарантии в пользу славян; необходимо было бы прибегнуть к общей конференции; но, по словам Нигры, созванию конференции не сочувствует кн. Горчаков, признающий эту меру пока несвоевременной».

есть еще другая причина, почему французскому правительству неудобно п р и г л а ш а т ь русских,—тогда пришлось бы также приглашать и немцев. В разговоре этом принял участие и сам посол Лефло, подтвердив, что французское правительство давно уже выражало желание видеть русских офицеров на маневрах французских войск и примет их радушно. В заключение было условлено, что французский посол телеграммой спросит, в какие пункты и к каким срокам могли бы прибыть русские офицеры, чтобы видеть что-нибудь интересное.—Вообще французы очень с нами любезничают.

14-го августа. Суббота.—Прежде моего доклада государь принял кн. Горчакова, который вышел из кабинета е. в. с озабоченным видом и мимоходом сказал мне, что известия неуспокоительные. От государя же я узнал, что получены две телеграммы от Черняева от одного и того же дня 12/24-го августа, совершенно противуположные: утренняя извещала о поражении сербов и бегстве их пред неприятелем, вторая же, вечерняя, напротив того, возвещала совершенную победу сербов и поражение турок. Думаю, что в той и другой было некоторое преувеличение, довольно естественное при характере Черняева. В обеих телеграммах выставляется геройское поведение русских офицеров, большая часть которых (31 из 40) и положила голову. После успешного боя кн. Милан мог смело заговорить о перемирии и мире. Вот почему наши дипломаты и пришли снова в движение. Вместе с тем Черняев в своей телеграмме просит не посылать более русских офицеров на театр войны, поэтому и приказано государем приостановить отставки впредь до разъяснения обстоятельств.

Не успев докончить моего доклада в Царском Селе, я поехал в Петербург с государем; но и на железной дороге не удалось докладывать: я уступил место Грейгу и Потапову, а свой доклад докончил уже в Зимнем дворце. Государь ездил в Петропавловскую крепость: таков обычай его пред всяким путешествием. Он принял меня в комнатах, называемых половиною Ольги Николаевны, потому что весь фас дворца, занимаемый собственными покоями государя, капитально ремонтируется.

15-го августа. Воскресенье.—Весь день провел в Царском Селе: после обедни представлялись государю вновь произведенные офицеры и камер-пажи (императрица не могла выйти по болезни); потом был большой обед, на 200 чел., для военных начальников по поводу окончания красносельских лагерных занятий.—Общий и исключительный разговор—о последней победе сербов; много толков о погибших русских офицерах; старались угадывать и разъяснять ход дела. Дипломаты (в том числе Н. П. Игнатьев) таинственно рассуждают о предстоящих переговорах.

Возвратился я домой в 10-м часу вечера.

16-го августа. Понедельник.—Весь день оставался дома, чтобы в последний раз пред отъездом видеться со всеми своими помощниками.—Газетная телеграмма извещает о возобновлении боя под Алексинацом 14/26 числа. Стало быть, турки не потерпели такого поражения, как можно было думать по телеграмме Черняева.

23-го августа. Понедельник. Варшава.—Вот ровно неделя, что я не мог ни разу заглянуть в свой дневник. В прошедший вторник после доклада я остался в Царском Селе, откуда и выехал с государем в Варшаву. Сюда приехали на другой день в 11-м часу вечера; несмотря на поздний час и дождь, толпы народа наполняли улицы. Мне отвели помещение в Мысловицах — одном из флигелей Лазенковского дворца; в самом же дворце помещены великий князь Николай Николаевич и фельдмаршал кн. Барятинский.

В четверг, к 10 ч. утра, вся свита государя и начальство варшавское собрались в Бельведерском дворце, где поместились государь, наследник цесаревич с цесаревной и младшие великие князья. При въезде моем во двор Бельведера я прямо наткнулся на стоявших среди двора великого князя Николая Николаевича и кн. Барятинского. Не было возможности избегнуть встречи с кн. Барятинским, который поздоровался со мною так, как будто между нами никогда ничего не было неприятного; он сказал, что намерен был ехать ко мне, чтобы пригласить к себе в Скерневицы в воскресенье на обед, спектакль и ужин. Приглашение это ошеломило меня; прямо отказаться было невозможно, и я придумывал предлог, чтобы уклониться от поездки в Скерневицы. Предлог скоро отыскался: мне непременно хотелось побывать в Новогеоргиевске, а единственный свободный день для этого—воскресенье. При первом докладе моем я прямо попросил у государя разрешения избавить меня от поездки к фельдмаршалу, и государь без затруднения и любезно обещал мне сам объяснить кн. Барятинскому причину моего отсутствия. Как камень свалился с плеч.

Возвращаюсь к последовательному рассказу с утра четверга. В 10 ч. государь и за ним вся свита поскакали в русский собор. На улицах опять толпы народа; погода несколько прояснилась. Из собора возвратились в Бельведер и оттуда в $12^1/_2$ ч. поехали верхом на Макатовское поле, где назначен был смотр всем собранным под Варшавой войскам. В свите государя опять было много иностранцев: кроме красносельских наших гостей австрийских и прусских, приехал в Варшаву приветствовать государя от имени императора австро-венгерского генерал Нейперг, командующий войсками в Галиции; с ним приехали еще некоторые офицеры; также прибавилось несколько пруссаков, саксонец и один англичанин из бенгальской армии. Смотр был вообще удачен. После того я сделал несколько нужнейших визитов, отобедал один в своей комнате, а вечером, после церемонии прибивки нового штандарта, данного л.-гв. Уланскому его вел[ичества] полку, высидел в театре, в ложе графини Коцебу, два акта какого-то бессмысленного балета.

Следующий день (пятница) был очень утомительный: сначала на Уяздовском плаце церемония освящения нового штандарта л.-гв. Уланского е. в. полка, потом учение всей кавалерии на Макатовском поле; в 2 часа приехал ко мне, по моему приглашению, начальник местных войск Варшавского округа ген.-лейт. Соболевский, с которым я поехал сперва в Уяздовский госпиталь, обошел это огромное здание, затем в Александровскую цитадель, где осмотрел тамошний госпиталь и все прочее, что помещается в цитадели, так же как и самые укрепления. Домой возвратился в исходе 6-го часа, так что едва-едва успел переодеться и поспеть к большому обеду в Лазенковском дворце. Устав до изнеможения, я, однакоже, должен был вечером ехать на бал к генерал-губернатору гр. Коцебу. Впрочем, оставался там недолго и в 1-м часу ночи был уже дома.

В субботу доклад у государя; назначенная в этот день стрельба пехоты была отменена по случаю дождя. Я воспользовался удобным случаем, чтобы еще осмотреть некоторые военные учреждения. Заехав за ген.-ад. Минквицом, помощником командующего войсками, я с ним посетил Военно-окружной суд, во время заседания, помещение Юнкерского училища, военную тюрьму и военную хлебопекарню. В 6 часов обед в Бельведере. Вечер провел дома за бумагами.

В воскресенье, 22 числа, в 8 часов утра у подъезда моего уже стояла четверка почтовых лошадей. В сопровождении ген.-м. Деппа, начальника инженеров Варшавского округа, съездил я в Новогеоргиевск. Мне было весьма интересно ознакомиться лично с этой огромной крепостью и осмотреть в окрестностях ее те пункты, где предположено возводить передовые отдельные форты. Более 8 часов времени употребил я на осмотр крепости; с одного из фронтов производилась прицельная стрельба и примерная установка на валганге нескольких орудий. Все огромные склады, госпиталь, разные хозяйственные учреждения найдены в порядке. К 7 часам вечера, когда уже начало темнеть, я посетил солдатскую чайную и потом офицерское собрание, где меня угостили обедом. Выехав из крепости почти в 9 ч. вечера, возвратился домой уже в 12-м часу, не чувствуя под собою ног. Несмотря на крайнюю усталость, я должен был заняться привезенными бумагами,—и зато спал таким крепким сном, что сегодня утром меня разбудили в 10-м часу, так что едва поспел на учение, назначенное в 11 часов утра на Повонз[ков]ском поле.

Сегодня была стрельба артиллерии. Тут увидел я прусского фельдмаршала Мантейфеля, присланного с особым дипломатическим поручением. Он прибыл еще вчера в Скерневицы; мне пока неизвестно, в чем именно заключается его миссия; знаю только, что кн. Горчаков был сильно озабочен ожидаемым ответом Германии относительно предложений о созвании конференции по турецкому вопросу. Наш государственный канцлер настаивает, чтобы в конференции участвовали главные руководители политики каждого государства и чтобы инициативу в этом деле приняла на себя

Германия; но гр. Бисмарк отказывался от личного участия в конференции. Между тем дело славян в настоящее время идет весьма худо; последние известия с театра войны очень неблагоприятны; есть телеграмма об отступлении сербов из Алексинаца; значит, они понесли решительное поражение. При таких обстоятельствах трудно надеяться на выгодные для славян условия перемирия или мира. С Мантейфелем обменялись мы на учении только несколькими фразами обычной учтивости, но серьёзного разговора, конечно, вести не могли. Заметно только, что государь был с ним ласков, как всегда бывает он с пруссаками. Стало-быть, можно полагать, что, по крайней мере, дурных известий Мантейфель не привез из Берлина.

После артиллерийской стрельбы государь смотрел работы сапер, преимущественно же кавалерийских команд, обучавшихся при саперной бригаде порче и исправлению железных дорог и мостов. Когда все было кончено и несколько мостов взлетело на воздух, я поехал с ген.-л. Соболевским в Белянский лагерь гренадер, чтоб осмотреть устроенную в Белянах санитарную станцию для глазных больных. По дороге остановился я в лагере Фанагорийского гренадерского полка, где сегодня рано утром случилось необыкновенное происшествие. Во время сильной грозы (которую, впрочем, я и не слыхал, так крепко спал) удар молнии поразил в нескольких палатках до 70 солдат. Из них 7 чел. убиты во сне, до 40 — более или менее сильно пострадали. Я видел тела убитых, ожоги и контузии живых и, осмотрев места, где ударила молния, решительно не могу себе объяснить, как могла она о д н и м ударом попасть в такое большое число точек. Пораженные лежали не только в нескольких соседних палатках, но даже в разных ротах и батальонах. Только в одном месте видел явный след молнии, ударившей в тесак и ружье в одной палатке, пробившей затем отверстие в земляном валике и попавшей в людей, лежавших в другой, соседней, палатке.

По возвращении из Белян, около 4 часов, я остался дома в ожидании некоторых желавших видеться со мною посетителей. К тому же я чувствовал себя не совсем здоровым и рад был провести спокойно остальную часть дня.

31-го августа. Вторник. Ливадия.—Более недели не имел я возможности заглянуть в свой дневник. Последние два дня пребывания государя в Варшаве были такие же суетливые и утомительные, как и предыдущие. Во вторник, 24-го числа, я имел продолжительный доклад пред смотром стрельбы стрелков и кавалерии. Между смотром и обедом посетил архиепископа Леонида; обед в Бельведере. Вечер провел дома за работой.

В среду, 25 ч[исла], все утро прошло в маневре на Повонз[ков]ском поле; затем большой обед в Лазенках, а вечером спектакль в Померанчарне (оранжерее). Я уехал оттуда рано, после первой пьесы, чтобы покончить все дела пред отъездом из Варшавы.

В четверг, в 9 ч. утра, после молебствия в Бельведерском дворце, выезд из Варшавы по жел[езной] дороге на Брест и Одессу, куда прибыли в пятницу в 8 ч. вечера и прямо с жел[езной] дороги переехали на императорскую яхту «Ливадия», на которой при совершенно тихой погоде прибыли в субботу, 28-го числа, в 2 ч. дня в Ялту.

В последние дни пребывания в Варшаве и затем в продолжение всего переезда до Ялты мне пришлось часто быть с кн. Горчаковым, слушать его разъяснения современного положения дипломатических сношений по восточному вопросу и читать получаемые с разных сторон депеши и телеграммы. Из этих разговоров и чтений я мог вывести заключение, что настоящее положение дел вовсе не внушает доверия к успешному результату нашей дипломатии. Присылка фельдм[аршала] Мантейфеля не имела другого значения, как только личное от императора Вильгельма удостоверение в сохранении чувств благодарности к нашему государю; о том же, как намерена Германия держаться при дальнейшем ведении дела, еще не разъяснено. Спокойно проживающий в Варцине немецкий канцлер не высказался до сих пор, ограничиваясь, как пифия, неопределенными ответами. Англия и Франция неохотно идут на предлагаемую конференцию; Италия охотно вызывается на участие, даже на инициативу в этом деле, но у нее свои расчеты и надежды; ей хочется поживиться на счет Австрии, предоставив последней вознаграждение в спорных славянских областях Турции. Сама же Австрия не может действовать откровенно, не может искренно итти с нами заодно. Сам кн. Горчаков смотрит на нынешнее положение дел уже не в розовом цвете, уже произносит слово: «isolement»[45], на которое Россия должна быть готова; а isolement — весьма близко от войны. Между тем кн. Горчаков опять показывает странное нежелание вникнуть в соображения военные, повторяет прежнюю бессмыслицу, что мы должны быть готовы вести войну, не требуя особых финансовых средств сверх обыкновенного мирного бюджета.—Трудно верить, что государственный человек может серьезно, не в шутку говорить такую нелепость. Но у кн. Горчакова конек— экономия, сбережение финансов. Он * хвастается тем, что одни его дипломатические депеши ограждают интересы России, без помощи войск и без расстройства финансов. Когда же дипломатическая переписка чуть начинает принимать характер резкий, сомнительный, тот же кн. Горчаков кричит, зачем у нас армия не готова во всякую минуту прийти к нему на помощь. Теперь он пока настаивает только на усилении наших войск, собранных при Александрополе под видом лагерного сбора.

Наслушавшись от дипломатов (с нами ехали бар. Жомини, Амбургер[46], Фредрихс) всяких неутешительных известий о положении восточного вопроса, я счел уже невозможным оставаться долее в стороне и при докладе государю, во время пути, завел речь о воз-

---

* хвастливо кричит, что его дипломатия, одни его депеши

можности войны. Государь удивил меня своим спокойным и почти равнодушным взглядом на военную сторону возбужденного дела; он одобрял все мои предложения, соглашался на все, что я говорил относительно приготовлений к войне, но все это имело вид, как будто и теперь он вполне убежден в сохранении мира quand-même[47]. В продолжение поездки получались многие известия с театра войны; на одной из станций нашли мы кн. Цертелева, дипломатического чиновника, ездившего в Болгарию с той целью, чтобы доставить положительные сведения о совершавшихся там турецких зверствах. Присланный из Константинополя навстречу государю и госуд[арственному] канцлеру, он получил приказание ехать в Крым. Рассказы его дополнили то, что́ было уже известно из телеграмм и газетных статей.

Вообще переезд от Варшавы до Ливадии оставил невеселое впечатление. Это впечатление еще усилилось, когда, прибыв в Одессу (27-го ч[исла] вечером), мы перешли с железной дороги на яхту «Ливадия». При самом отходе яхты от берега, в виду всей одесской публики, толпившейся на пристани, вдруг приключился у ген. Потапова сильный нервный пароксизм. * С трудом увели его в каюту, но всю ночь он кричал страшным голосом, так что никому не дал спать. Утром он успокоился, но со всеми признаками умственного расстройства. По приезде в Ливадию его сначала поместили было в «свитском» флигеле, но потом нашли необходимым перевезти его в Ялту с тем, чтобы при первой возможности отвезти в Петербург.

По приезде в Ялту (28-го ч[исла] в 2 ч. дня) я узнал, что для меня отведено помещение в том же «свитском флигеле», из чего я заключил, что мне предстоит оставаться в Ливадии, при государе. **

Вот четвертый день, что я веду жизнь по установленным здесь порядкам и обычаям. Три раза в день все общество собирается в столовой (она же и зала): к завтраку (в 12 ч.), к обеду (в 7 ч.) и на вечернее собрание (в $9^1/_2$ ч.). С первых же дней уже заметна написанная на всех лицах скука. Сам государь мрачен и озабочен; императрица нездорова, не выходит из комнаты и не принимает; между лицами свиты, особенно женского пола,—разлад. Для меня, впрочем, есть некоторое утешение — присутствие дочери. В самый день нашего приезда в Ливадию жена моя приезжала сюда повидаться со мной, так как я не мог отлучиться накануне торжественного дня 30-го августа. Только сегодня, в день доклада

---

* Он начался в разговоре его со мною

** В Варшаве государь высказал мне свое желание, чтоб я сопровождал его до Крыма, и при этом прибавил, что при настоящих обстоятельствах присутствие мое было бы полезно в Крыму; но не было ясно определено, на каких основаниях останусь я здесь.

моего, я отпросился навестить свою семью; сейчас отправляюсь в Симеис, где надеюсь пробыть до пятницы, т. е. до следующего дня доклада.

3-го сентября. Пятница.—Пробыв два дня в Симеисе, среди своей семьи, я возвратился в Ливадию вчера вечером и нашел здесь прежнее мрачное настроение. Во дворце за обедом и на вечернем собрании, как передавали мне, толковали о неизбежности войны; сам государственный канцлер говорил это всем направо и налево; при этом громко сетовал о моем отсутствии и поручал сказать мне, что имеет крайнюю надобность видеться со мной прежде моего доклада государю.

Однакож я не мог исполнить желания канцлера: он помещен в Орианде, во дворце велик. кн. Константина Николаевича; ехать туда я не решился, опасаясь опоздать к докладу. Только что вошел я в кабинет государя, его величество с удовольствием сказал мне, что в мое отсутствие дипломатическая переписка приняла очень благоприятный оборот, что английское правительство само предложило весьма удовлетворительные условия для будущего мира, такие условия, на которые мы сей же час дали свое согласие; от Франции и Италии также получено согласие; от Германии было уже предварительное одобрение, и только со стороны Австрии английские предложения встретили какое-то недоверие. Кажется, чего же лучше? и почему же в эти два, три дня заговорили о войне? Государь передал мне свои разговоры с кн. Горчаковым по этому предмету; я понял, что вопрос о войне возбужден был не государем, который судит о возможной войне совершенно правильно, опровергая суждения государственного канцлера, имеющего о военных вопросах понятия самые смутные, совершенно детские. Он думает, что начать войну и вести ее можно с такой же легкостью, как сочинить дипломатическую ноту. Сколько раз уже приходилось мне опровергать взгляд кн. Горчакова. Из разговора с государем я догадался, что дело шло о том, что́ будем делать в случае решительного несогласия Порты на перемирие и на предложенные шестью державами условия мира? Спрашивается, почему же в таком случае обязанность побуждения Порты к большей сговорчивости ляжет на одну Россию?—Неужели, в случае отказа Порты, сама Англия, предложившая условия перемирия, сочтет это посторонним для себя делом?

После длинного доклада у государя я поехал к кн. Горчакову в Орианду, а потом заехал к Н. П. Игнатьеву, который поместился там же, в отдельном домике, так называемом «адмиральском». Государь пожелал, чтобы я все-таки лично переговорил с канцлером и с послом. Из разговоров с первым я вынес снова печальное убеждение, что все его действия и речи вертятся около одного слова—я. Что ж оказалось?—он получил на днях анонимное письмо, в котором восхвалялась прежняя его блестящая деятельность, доставившая ему громкую славу и популярность, а затем выставля-

лась настоящая его старческая дряхлость, не соответствующая трудной задаче современной политики, и советовалось ему добровольно уступить место другому, более молодому и энергичному министру иностранных дел. Такое послание, хотя и безымённое, заживо затронуло * больное место его; и вот он стал на дыбы, заговорил пред фрейлинами и флигель-адъютантами о достоинстве и чести России, о сочувствии славянам,—о войне! У французов есть особое выражение—poser[48]; наш государственный канцлер, при всем его уме и способностях, имеет огромный недостаток—всегда «позировать»; по выражению же покойного моего брата—он всегда пускает фейерверки. К прискорбию, эти фейерверки могут быть иногда опасной игрой.

При мне получена была канцлером шифрованная телеграмма из Константинополя о том, что турки и слышать не хотят о перемирии, ставят условия мира совершенно невозможные. Кн. Горчаков просил меня передать эту телеграмму государю, что́ я и исполнил. Государь призвал меня и прочел уже написанную им карандашом резолюцию в том смысле, что после такого ответа Порты ничего другого не остается, как прервать дипломатические сношения с Портой, а затем— и объявить войну. Такая поспешность в решении столь важного дела испугала меня. Я передал государю свой разговор и с кн. Горчаковым, и с Игнатьевым, стараясь при этом выставить все невыгоды нашего положения, когда море во власти наших противников и когда мы не знаем еще намерений Австрии. Я возвратился к той мысли, затронутой при утреннем докладе моем,—о том, что было бы всего выгоднее, если б удалось убедить Австрию действовать совместно с нами занятием северных областей Евр[опейской] Турции. В этом отношении я случайно сошелся в мнении с ген. Игнатьевым, который, как оказалось, сам вызывался ехать чрез Вену, чтобы убедить Андраши действовать заодно с нами с целью прекращения резни в славянских землях Турции. Игнатьеву очень не хочется теперь ехать прямо в Константинополь, как он говорит—с пустыми руками, не имея никакой положительной программы. И мне кажется даже опасным появление его в Константинополе при настоящем положении дел; оно может быть сигналом преждевременной развязки, подобно тому как было в 1853 г. посольство кн. Меншикова.

Когда я выходил из кабинета государева, мне показалось, что он счистил резиной свою резолюцию на телеграмме. Я поспешил домой, чтобы приготовить бумаги к отправлению с фельдъегерями в Петербург и на Кавказ. Начальнику главного штаба посылаю длинное письмо, в котором извещаю его о современном положении дел и тех предположениях, которые следует принять в основание при разработке в Главном штабе планов на случай войны.—Спешу вписать это утро в свой дневник, собираясь сегодня же вечером отправиться в Керчь для осмотра крепости и решения на месте не-

---

* самое

которых вопросов по приведению ее в оборонительное положение в особенности относительно укладки подводных мин.

5-го сентября. Воскресенье.—Сегодня утром возвратился из Керчи. Поездка эта совершилась весьма удобно и спокойно; в распоряжение мое был предоставлен пароход «Эльбрус», на котором я отправился из Ялты в пятницу, в 9 ч. вечера, а на другой день, в 8 ч. утра, вышел на пристань крепости Керчи. В течение всего дня, до наступления темноты, обходил и объезжал крепостные верки, произвел смотр расположенным в лагере крепостным батальонам, смотрел укладку подводных мин, а к 5 часам пригласил на совещание в квартиру строителя крепости инженерного ген.-м. Седергольма начальников разных отделов управления крепостного и частей войск. Я высказал им, как необходимо в настоящее время быть вполне готовым к ежеминутному появлению турецкого флота в Черном море и для того принять ныне же самые энергичные меры; указал им, как мало еще сделано в этом отношении в крепости, какие именно распоряжения наиболее необходимы, и предложил немедленно по отъезде моем собраться на совещание, под председательством коменданта ген.-м. Олохова, чтобы составить подробную ведомость всем таким мерам, и прислать эту ведомость ко мне для надлежащих с моей стороны распоряжений. В 8 ч. вечера было другое совещание на пароходе «Эльбрус» с лицами, составляющими минную комиссию: ген.-л. Вансовичем, контр-адм. Пилкиным, полк. Боресковым, кап. 1 р[анга] Казнаковым, кап. 2 р[анга] Дьяковым и подполк. Афанасьевым. При этом присутствовал и ген.-м. Седергольм. Обсудив составленные комиссией предположения относительно скорейшей укладки, в случае надобности, мин в Керчи, Севастополе, Балаклаве и Очакове, мы условились насчёт плана дальнейших действий по этому предмету. По окончании совещания некоторые из названных лиц возвратились в Керчь, а прочие вместе со мной отправились на «Эльбрус», который снялся в 10 ч. вечера.

Поездка моя в Керчь убедила меня в необходимости поездок и в другие пункты черноморского берега: Очаков с Николаевом и Севастополь. Я ужаснулся, увидев, как мало думали начальства инженерное и артиллерийское о готовности приморских крепостей к обороне и о защите других неукрепленных пунктов так, как будто у них не было и помышления о том, что неприятельский флот может появиться внезапно пред нашими берегами и что на море мы не имеем ни одного военного судна. При таком положении на море едва ли благоразумно быть слишком задорными.

Приехав сегодня утром в Ливадию, я видел государя при выходе его из церкви; он спросил меня, доволен ли я своей поездкой, но я ответил коротко, что должен доложить подробно; государь * ничего на это не сказал; видимо, его мало интересуют подробности наших приготовлений на случай войны; он озабочен лишь ходом

---

* не полюбопытствовал

политических дел, как кажется, не очень удовлетворительным. Из Константинополя получено известие, будто Англия потребовала от турок, взамен месячного перемирия, приостановки наступательных действий на 10 дней. Такое требование похоже на насмешку; однакож наши дипломаты ободрились. Тем не менее все заметили сегодня, что государь едва мог выстоять обедню; он имел вид болезненный и утомленный.

6-го сентября. Понедельник.—Наши дипломаты так успокоились известием, привезенным от сэра Генри Эллиота племянником его, командиром парохода «Антилопа», что уже начинают строить проекты о действии на Черном море и в Турции заодно с англичанами. Ген. Игнатьев предложил даже допустить английский флот в Босфор, с тем только, чтобы сделать возможным отправление части наших войск морем, на пароходах Товарищества, в Варну или Бургас, пока другие войска пойдут сухопутно на Дунай. Государственный канцлер с обычной своей легкостью вообразил себе, что для занятия Болгарии достаточно послать одну бригаду!—

Верно только то, что общественное мнение в Англии произвело сильное влияние на образ действий великобританского кабинета [49]. При всем том я сомневаюсь, чтобы Дизраэли (новый граф Биконсфильд) вдруг сделал полный volte-face [50] и вступил в союз с нами п р о т и в Турции. Думаю, что благоразумнее и осторожнее для нас продолжать готовиться к войне с Турцией без союзников, а для этого не оставляю своих забот о нашем Черноморском побережье. Сегодня я имел у государя специальный доклад по этому предмету, подробно изложил ему все, что́ нашел в Керчи, какие распоряжения сделал и какие еще считаю нужным сделать неотлагательно,— а также и о других прибрежных пунктах. Государь все одобрил, все разрешил, хотя слушал как-то рассеянно, без особенного внимания. Видно было, что в мыслях у него совсем другое. Его * встревожило новое сумасбродство Черняева, который вздумал провозгласить князя Милана королем сербским. Если Милан примет этот титул и объявит себя совершенно независимым от Порты, то этим станет вразрез с нынешним направлением политических переговоров; этот эпизод крайне затруднит нашу дипломатию. Соглашаясь на восстановление для Сербии status quo ante bellum [51] и добиваясь этого скромного условия, вопреки нахальным требованиям Порты унизить Сербию, мы могли еще рассчитывать на содействие в этом деле других держав; теперь же условие это уже покажется низвержением Сербии, отнятием у нее того, что́ она уже присвоила себе.— Тем не менее мне кажется, что государь придает слишком большую важность безумной затее Черняева; государь даже сказал мне, что предвидит намерение Черняева свергнуть кн. Милана и провозгласить республику, приготовляя себе звание президента.—

---

* особенно как-то

Большую часть дня провел я за бумагами. Сделав все распоряжения касательно Керчи и приготовив завтрашний мой доклад по текущим делам, намереваюсь завтра же, после доклада, отправиться снова на пароходе «Эльбрус» в Очаков, Николаев и Севастополь.

10-го сентября. Пятница.—В прошедший вторник, при докладе государю, был разговор о современных политических делах. По окончании же доклада государь приказал мне остаться вместе с кн. Горчаковым, чтобы выслушать составленный им проект письма к австрийскому императору. * В письме ставится категорически вопрос о дальнейших планах Австрии: хочет ли она итти заодно с нами, на основании английских предложений, и ввести свои войска в Боснию, когда мы введем свои в Болгарию, а союзный флот вступит в Босфор? Тон письма твердый, хотя дружественный.** Предполагается послать письмо с ген.-ад. графом Сумароковым-Эльстоном, которого приказано вытребовать по телеграфу из Харькова. Кн. Горчаков и слышать не хочет о командировании Игнатьева, которого Андраши считает личным своим врагом.

После доклада, покончив со всеми бумагами, я отправился в 2 часа пополудни на «Эльбрус», на котором в течение трех дней совершил предположенную поездку в Очаков, Николаев и Севастополь. В Очакове, куда прибыл в среду в 8 ч. утра, я нашел ген.-ад[ъютанто]в Семеку и Аркаса с инженерами, артиллеристами и моряками; мы осмотрели места для батарей и минных заграждений, потом поднялись по Бугу до батарей пред Николаевом, производили стрельбу с одной из них; затем, оставив моряков в Николаеве, мы с ген.-ад. Семекой пошли обратно в Очаков и оттуда в Севастополь. Туда пришли в четверг, в 11 ч. утра, осмотрели «Поповку», места, предназначенные для минных заграждений и для постройки новых батарей. Сговорившись обо всех подробностях, я расстался с ген. Семекой и возвратился в Ливадию около 8-ми часов вечера.

Здесь нашел я массу бумаг; сегодня утром докладывал их государю; при этом опять были разговоры о политике: о двуличности Австрии, о ненадежности английского кабинета; была речь о мобилизации войск в некоторых округах. После доклада поехал в Орианду к кн. Горчакову. Вместе с Игнатьевым пробовал я снова объяснить нашему канцлеру, что при ведении дипломатических дел, особенно когда они принимают такой острый характер, как теперь, не может он пренебрегать условиями военными и игнорировать ма-

---

* Редакция очень хороша.

** Первоначальный текст после слов «...а союзный флот вступит в Босфор?»: «В противном случае угрожается Австрии положением, враждебным с нами. Тон решительный, хотя и в дружественной форме; но не знаю, какие материальные средства имеем мы, чтоб привести наши угрозы в исполнение?»

териальные средства для ведения войны. Но все старания наши вразумить его остались напрасными; он не хотел вникнуть в наши объяснения, горячился и твердил свое,—что все это детали, до него не касающиеся. Гр. Сумароков-Эльстон уже приехал, получил инструкции и завтра отправляется отсюда чрез Одессу в Вену.

Государь сказал мне, что завтра я могу съездить к своей семье, если до утра не будет получено ничего нового, что́ могло бы задержать меня.—Сегодня был большой обед во дворце. Государь и императрица вчера и сегодня обедали за общим столом. Императрица поправилась в здоровье, но похудела и постарела. Вечером герцог Эдинбургский с пр[инцем] Баттенберг (сыном пр[инца] Александра Гессен-Дармштадтского) и адъютантом отправился на пароходе «Антилопа» в Безикскую бухту.

15-го сентября. Среда.—Прошлые субботу, воскресенье и часть понедельника провел спокойно в своей семье, в Симеисе. По возвращении в Ливадию узнал, что последние известия из Лондона были неблагоприятны; британский кабинет, подавший было хорошие надежды на сближение с русской политикой, опять колеблется и потакает мерзостям константинопольским.

Вчера, во вторник, при докладе государю, я испросил разрешение сообщить министру финансов о настоящем положении дел, дабы он мог приготовить финансовые средства на тот случай, если б мы были вынуждены мобилизовать войска.

Вчера же утром приехал с Кавказа начальник окружного штаба ген.-м. Павлов, присланный великим князем Михаилом Николаевичем для словесного разъяснения некоторых вопросов по настоящему положению дел и по сосредоточению войск на кавказско-турецкой границе. Павлов способный и прекрасный офицер *. Я представил его государю по окончании обедни и потом имел с ним продолжительные совещания.

Сегодня утром государь выслушал доклад ген.-м. Павлова, в присутствии посла ген.-ад. Игнатьева и моем. Давнишняя мысль Игнатьева—что в случае разрыва с Портой самое больное ее место—Азиатская Турция и что потому наши главные наступательные действия должны быть направлены из Закавказья. Поддерживая настойчиво эту мысль, Игнатьев постоянно оказывал усердную помощь кавказскому начальству в собирании точных сведений об этом театре войны. И теперь он с любовью, как к детищу своему, ободряет кавказское начальство в его планах наступательных действий, хотя бы даже с неприведенными еще на военное положение войсками. Результатом нашего доклада было высочайшее разрешение на первый раз усилить запряжку артиллерии и обозов, о чем и посылаю с тем же Павловым уведомление главнокомандующему Кавказской армией. Все сделанные им распоряжения о сосредоточении и расположении войск на границе утверждены государем. Кроме того, в собственноручном ответе своем на собственноручное

---

* это не то, что интриган Свистунов.

же письмо великого князя я изложил общие соображения о значении настоящего сбора войск и о необходимости на будущее время некоторых изменений в организации и дислокации Кавказской армии.

Сегодня же вечером, когда все ливадское общество было в сборе, доложили государю о приезде в Ялту императора бразильского дона Педро II и принесли от него письмо. Письмо это было прочитано государем вслух и возбудило общий смех оригинальностью своего содержания и языка. Император дон Педро приглашен завтра к императорскому завтраку.

16-го сентября. Четверг.—Сегодня ливадское общество имело развлечение; оно занято было исключительно бразильскими гостями, которые своей оригинальностью, простотой и развязностью произвели резкий диссонанс с натянутым, сдержанным тоном наших придворных нравов. * Бразильский император путешествует до того скромно и неприхотливо, что, приехав в Ялту, не имел при себе шляпы и, чтобы приехать сюда, взял в гостинице чью-то чужую. Дон Педро II имеет вид старца (хотя ему с небольшим 50 лет), с седой окладистой бородой, высокого роста и довольно тучный. Он напомнил мне нашего крымского соседа и приятеля Н. Я. Данилевского ** не только наружностью, но и манерами. С государем и с императрицей он обращался, как с близкими, давнишними друзьями, чуть не трепал по плечу. Свита состоит из гофмаршала Buon-Retiro — толстого, *** смуглого человека, который беззастенчиво болтал все время за завтраком и за обедом на каком-то уродливом языке полуфранцузском, полупортугальском. Другой спутник императора—французский ориенталист Гобино, занимающий место посланника французского в Стокгольме; наконец, **** молодой, довольно благообразный секретарь. Все эти личности возбуждали в среде придворной челяди насмешки и были предметом всяких острот и шуток. Тем не менее своеобразность и добродушие императора, путешествующего простым туристом, не подчиняющегося общепринятым при европейских дворах формам этикета, не могли не внушать некоторого уважения даже и в нашем пошлом кружке. После обеда, когда все общество с обычной чопорностью расположилось в гостиной вокруг царственных хозяев, бразильский император, пожелав переговорить о чем-то со своим министром и другом, бесцеремонно взял его под руку и отвел в соседнюю, неосвещенную ком-

---

* Первоначальный текст после слов «...оно занято было исключительно бразильскими гостями,»: «которые своей оригинальностью, своей бесцеремонностью и развязностью произвели резкий диссонанс в здешнем дворском натянутом и подобострастном хоре».

** (натуралиста)

*** черномазого господина,

**** секретарь, имевший вид более благообразный и приличный, чем оба первые.

нату—кабинет императрицы. Затем гости распростились с хозяевами, не торопясь забрали свои пледы и все четверо уселись в извощичью двухместную коляску, чтобы возвратиться в ялтинскую гостиницу. Завтра рано утром они уезжают в Одессу и оттуда в Константинополь.

В политике нет ничего нового, кроме телеграммы из Вены, извещающей о приеме, оказанном императором ген.-ад. графу Сумарокову-Эльстону. Франц-Иосиф, прочитав письмо государя, ограничился одними фразами в смысле непоколебимой дружбы и согласия, но вместе с тем прибавил, что по важности дела ему нужно несколько дней на размышление, прежде чем дать ответ на письмо. Отъезд Игнатьева в Константинополь задержан.

22-го сентября. Среда.—В прошедшую пятницу и в субботу при докладах моих государю было много говорено о современных политических делах. Последние известия вообще не очень благоприятны, и когда я уехал в субботу из Ливадии в Симеис, то оставил все ливадское общество в мрачном настроении. Воскресенье и утро понедельника провел спокойно в Симеисе и возвратился в Ливадию в понедельник к обеду. Меня встретил ген. Игнатьев; он привел ко мне некоего Пороховщикова, богатого москвича, известного антрепренёра, владельца Славянского базара, а в последнее время самого * ретивого воротила в Славянском комитете. Он приехал в Ливадию с намерением разжалобить об участи Сербии, дошедшей, по его мнению, до последней крайности и близкой к окончательной гибели. Пороховщиков принадлежит к числу тех личностей, которые расплодились в последнее время под названием «общественных деятелей». Они обыкновенно составляют как бы оппозицию правительственной власти, которую называют «бюрократией», и принимаются за то или другое дело с намерением вести его «силами общества», помимо правительственной администрации. Большей частью это люди, одаренные от природы живым воображением, чувствуют неодолимую потребность деятельности; люди иногда и способные, и образованные, но почти всегда увлекающиеся собственными созданиями воображения и почти всегда многоречивые. Они говорят больше, чем делают.

Пороховщиков также много, очень много говорит, также не без способностей, очень ретивый **. По собственным его словам, он был главным в Москве вербовщиком так называемых «добровольцев», отправленных Славянским комитетом в Сербию. Он рассказывает, как ежедневно тысячи народа всякого звания толпились у него в доме, на лестнице, на улице, чтобы получить билет и пособие для отправления в Сербию. Поэтому-то преимущественно у него на совести судьба этих тысяч людей, теперь обреченных, может быть, на гибель, в случае подавления сербского восстания. Он хлопочет, что-

---

* деятельного руководителя Славянского комитета.

** но и многое делающий.

бы правительство снова оказывало поддержку Сербии и приняло какие-либо меры, чтобы спасти славянское дело от печальной развязки. При этом Пороховщиков много говорил о настроении русского народа, об опасности, угрожающей, по его мнению, правительству в случае, если будет продолжаться видимое его бездействие и равнодушие к славянскому делу.

В этом смысле Пороховщиков говорил и Игнатьеву, и гр. Адлербергу, и мне, и всем, кого только здесь встречал; сегодня он должен быть у кн. Горчакова и даже надеется быть принят государем. Мыслимо ли было в прежнее время, чтобы частное лицо, которого имя даже не было известно в правительственных сферах, осмелилось прямо явиться с советами высшему правительству, самому государю и заявлять требования от имени всего русского народа. При настоящем настроении можно вперед сказать, что рассказы и фразы Пороховщикова произведут впечатление.

Между тем вчера утром получена из Вены успокоительная телеграмма насчет ответа австро-венгерского кабинета. По словам Новикова, император Франц-Иосиф при прощальной аудиенции гр. Эльстона вручил ему ответное письмо, в котором выражает полное согласие на предложение русского императора о совместном вооруженном вмешательстве. Из Лондона еще нет положительного ответа; только сегодня назначено там совещание министров по вопросу о русских предложениях. Несмотря на то, государь вчера же решил приступить к мобилизации войск Одесского, Харьковского и частью Кавказского округов, чтобы в случае надобности ввести наши силы одновременно с австрийскими как в Европейскую Турцию, так и в Азиатскую. Государь озабочен тем, чтобы наши войска были готовы к наступлению не позже австрийских. Я предложил теперь же приступить к тем распоряжениям, которые требуют наиболее времени (именно—к покупке лошадей и заготовлениям интендантским), не произнося пока слова мобилизации.— Кн. Горчаков и Игнатьев одобрили это мнение мое; после обедни (по случаю дня рождения вел. кн. Павла Александровича) и завтрака государь вторично потребовал меня, вместе с кн. Горчаковым и Игнатьевым, и тут окончательно было решено приступить к распоряжениям в предложенном мною порядке, имея в виду окончательно объявить о мобилизации войск тогда только, когда не будет уже сомнения в необходимости вооруженного вмешательства. Я несколько раз обращал внимание государя и дипломатов на крайне невыгодные условия предпринимаемой кампании в позднее осеннее время года и при совершенной беззащитности черноморских берегов, если Англия откажется от содействия своим флотом. На беду нашу, распоряжения, сделанные мною при поездках в Керчь, Очаков и Севастополь для защиты этих пунктов, не могли еще быть приведены в исполнение; хотя работы и начаты, при побуждениях с моей стороны, однакож нужно много времени на перевозку больших орудий из Кронштадта и Петербурга, также мин для одесского порта, который решено также привести в оборонительное положение.

Для приведения в исполнение нового высочайшего повеления я должен был работать целый день: рассылать телеграммы, писать во все части Министерства, так как вчера же вечером было отправление очередного фельдъегеря, с которым нужно было послать и обыкновенные, текущие бумаги. Очень некстати пришлось вчера же празднество в честь вел. кн. Павла Александровича; после фейерверка, когда начали сбираться к танцам, я скрылся и проработал до поздней ночи. Эти увеселения вовсе не клеились с общим * настроением духа и опасениями за будущее.

23-го сентября. Четверг.—Вчера вечером опять пришел ко мне Пороховщиков, чтобы передать мне разговор, который он имел с самим государем, разговор, длившийся полтора часа. По словам Пороховщикова, государь принял его до такой степени милостиво, что вошел с ним в самые задушевные объяснения, два раза даже заплакал и как будто оправдывал свои действия. Я не поверил бы такой неуместной со стороны государя откровенности ** и доверчивости к человеку, которого видел в первый раз и которого имени даже не знал ***, если б в рассказе Пороховщикова не узнавал выражений, прежде слышанных мною. Пороховщиков является каким-то трибуном народным, он заявляет **** ожидания и надежды от имени народа, и верховный владыка 80 миллионов подданных считает нужным поведать пред этим самозванным представителем народа сокровенные свои мысли, заботы и предположения!!

Пороховщиков после разговора с государем обратился снова ко мне с домогательствами о разрешении набрать из бессрочно-отпускных солдат 10-тысячный отряд для Сербии, об отпуске оружия и проч. и проч. Я объяснил ему снова невозможность удовлетворения этих просьб. Сегодня же утром, явившись опять ко мне, чтобы проститься, он уже сам отказывается от прежних своих домогательств, признавая возможным обойтиться одними отставными солдатами и тем оружием, которое куплено в Германии.

Появление Пороховщикова в Ливадии выказало рельефно некоторые личности. Престарелый наш канцлер, назначив этому приезжему «аудиенцию», чтобы выслушать его заявления, сам говорил целый час о себе, так что Пороховщиков на вопрос государя относительно кн. Горчакова отвечал прямо, что не мог ничего высказать ему, а только слушал самого канцлера. Сегодня кн. Горчаков после доклада у государя зашел ко мне и в присутствии Игнатьева завел речь о Пороховщикове, придавая серьезное значение его росказням. Я подумал про себя—как то Пороховщиков будет отзываться о кн. Горчакове, когда, возвратившись в Москву, станет трезвонить о своем посещении Ливадии. Если б даже он и не был

---

* мрачным

** такому мягкосердечию, такой доверчивости

*** прежде

**** требования и надежды от имени целого народа,

болтуном, проникнутым колоссальным самомнением, и тогда он имел бы полное право хвастаться своим успехом и глумиться над всеми нами. Жалкое понятие он должен был вынести отсюда о так называемой «высшей власти».

Сегодня получены неблагоприятные телеграммы из Лондона о результате вчерашнего совещания великобританских министров. Они согласны требовать от Порты перемирия на один месяц, согласны и на занятие Боснии Австрией, но не хотят и слышать о вступлении наших войск в Болгарию, ни о вступлении союзного флота в Босфор. Очевидно, что между Австрией и Англией существует тайная сделка и что Андраши действует двулично. Игнатьев торжествует; сам канцлер уже сознался, что на прежнего его друга полагаться нельзя. Государь сегодня еще более мрачен, чем когда-либо; он прочел мне лондонские телеграммы, одобрил представленный мною проект распределения войск и начальников на случай войны с Турцией, но не вошел ни в какие разговоры и ни слова не упомянул о вчерашнем своем свидании с Пороховщиковым. Думаю, что ему самому неловко вспомнить о нем.

Сегодня при докладе опять я должен был спросить приказания относительно тех офицеров, которых отставки были приостановлены, но которые, не дождавшись формального увольнения, уехали в Сербию и давно уже там воюют. * Государь разрешил им всем дать отставки и как-то неохотно согласился ** на мое предложение произвести расследование, каким образом офицеры эти могли получить заграничные паспорты, не получив предварительно отставки, ни отпуска за границу. Ясно, что во всем этом деле движения волонтеров в Сербию сам государь действовал двойственно *** и отчасти сам способствовал распространению убеждения, что правительство поощряет это движение. Всем известно, что наследник цесаревич принимал и продолжает принимать самое деятельное участие в славянском деле. К сожалению, **** к нему втираются в доверие такие ***** пройдохи, каков, напр[имер], Ростислав Фадеев и ему подобные. Исходящая из Аничковского дворца агитация идет совершенно вразрез принятой официально политике; государь это знает ****** и смотрит сквозь пальцы. При такой двойственности может ли быть какая-либо определенная система в действиях, какой-нибудь ясный план!

---

* И тут государь оказал чрезвычайную мягкость

** лишь

*** колебался

**** он неразборчив на личности и входит в сношения с такими

***** презренные личности, каков, напр[имер], Ростислав Фадеев и другие.

****** попускает и смотрит сквозь пальцы, иногда даже и сам как-будто сочувствует.

Краснобайство Пороховщикова, несомненно,* повлияет на настроение государя; а вслед за сим ожидают приезда наследника цесаревича. Говорят, будто государь давно уже под влиянием странного предчувствия, что его ожидает такой же конец, как и отца его, если начнет войну; что ныне, видя неизбежность войны, он потребовал сюда наследника цесаревича, на плечо которого может пасть развязка начинаемой драмы.

25-го сентября. Суббота.—Вчера при докладе моем государь был неразговорчив и в мрачном настроении. Сведения из Лондона и Константинополя неблагоприятны. К вечеру приехал гр. Сумароков-Эльстон с ответным письмом императора Франца-Иосифа. Государь долго держал Эльстона у себя в кабинете, и перед обедом и после обеда, а на вечернем собрании имел грустный вид. Мне он не сказал ничего о впечатлении, произведенном письмом австрийского императора, но передал для прочтения телеграмму из Константинополя, в которой Нелидов (оставшийся за отсутствием ген. Игнатьева старшим в посольстве) извещает, что Порта, поддерживаемая Эллиотом, показывает крайнюю несговорчивость и что, по мнению его, Нелидова, разрыв или, по крайней мере, отозвание посольства неизбежны.

Сегодня прибыл наследник цесаревич; всей свите приказано было ехать навстречу ему в Ялту, около полудня. До этого часа я имел продолжительное свидание с ген. Семекой, вызванным сюда из Одессы; потом, в назначенный час, был у государя, чтобы доложить ему некоторые спешные телеграммы, полученные вчера и сегодня утром. Государь прочел мне ответное письмо императора Франца-Иосифа и несколько телеграмм из Лондона. Письмо Франца-Иосифа, весьма длинное, полное любезных фраз и уверений в неразрывной дружбе, вместе с тем заключало в себе признание в том, что он, как государь конституционный, не может действовать так свободно, по внушению собственных своих чувств, как монарх российский; что потому он не считает себя вправе принять участие в предлагаемом государем с полным бескорыстием занятии войсками северных, славянских областей Балканского полуострова; что, по мнению австро-венгерского кабинета, военное вмешательство в предположенных Россией пределах не вознаградится результатами, так как поставленная задача заключается не в окончательном решении восточного вопроса, а лишь во временном** улажении (replâtrage); затем император Франц-Иосиф прямо заявляет, что в случае, если Россия решится одна вмешаться с оружием для занятия Болгарии, то Австрия не будет тому препятствовать, но

---

* еще ⌊усилит⌋ более прежнего

** замазании его

сохранит за собой право свободы действий и предоставляет себе ввести войска в Боснию и Герцеговину для достижения своих собственных целей и интересов.

Такое откровенное, хотя и циничное, признание, составляет весьма важный фазис в продолжающемся уже так долго дипломатическом imbroglio [52]. Дело становится ясным: Австрия непрочь действовать вместе с Россией, если ей обещают добычу—присоединение Боснии, но не хочет впутываться в дело бескорыстно, из-за того только, чтобы славянам доставить автономию, которая притом вовсе ей и не по вкусу. С другой стороны, также сделалось ясным, что лондонский кабинет, выступив вдруг с предложениями весьма похвальными, вполне одобренными Россией, Германией, Францией и Италией, имел при этом в виду только успокоить раздражение и негодование в английском обществе, нисколько не намереваясь действительно привести в исполнение свои предложения и рассчитывая заранее на отказ со стороны Австрии, чтобы прикрыть свой двуличный образ действий. Нет сомнения в том, что послу британскому в Константинополе [53] указывалось из-под руки ободрять турок к упорству, обнадеживая их поддержкой Великобритании.*

Государь спросил мое мнение, полагаю ли я возможным при такой обстановке устранить войну. Сам он уже потерял надежду на коллективное решение вопроса и с прискорбием видит необходимость ** изолированного действия. Я с своей стороны вполне высказал, что не предвижу успеха от дальнейших дипломатических переговоров, что *** Англия и Австро-Венгрия, видимо, хотят втянуть нас в войну и на нас одних свалить всю ответственность, что поэтому мы должны **** готовиться к войне, но что на дипломатии еще остается обязанность сделать все возможное, чтобы война началась при условиях наименее для нас неблагоприятных. В этом отношении важно, чтобы, по крайней мере, Турция не имела открытой поддержки которой-либо державы и, напротив того, чтобы заручиться сочувственным отношением хотя некоторых держав. Затем я снова обратил внимание государя на неблагоприятное для нача-

---

* Первоначальный текст после слов «...успокоить раздражение и негодование в английском обществе,» (строка 13 св.): «нисколько не думая привести действительно в исполнение свои собственные предложения. С одной стороны, послу британскому в Константинополе указывалось из-под руки — ободрять турок к упорству, положиться вполне на поддержку Великобритании, а с другой стороны, лондонский кабинет снюхался с Андраши и рассчитывал, что отказ Австрии на англо-русские предложения прикроет двуличные действия лондонского кабинета.»

** даже изолированных действий.

*** давно уже мне казалось, что Англия и Австрия

**** решительно

тия войны время года. Государь в заключение сказал, что при настоящем * фазисе вопроса будет уже недостаточно ввести в Европейскую Турцию только два корпуса, т. е. 4 пехотные и 2 кавалерийские дивизии, как прежде предполагалось, а необходимо добавить еще хотя один корпус. Вследствие этого предложено мною мобилизовать и войска Киевского округа.

Беседа была прервана докладом камердинера, что пароход «Ливадия» уже близок и что чрез 20 минут наследник цесаревич будет в Ялте. Поэтому государь поехал на пристань, и я вслед за ним. По заведенному порядку, мы все в парадной форме встретили наследника в павильоне на пристани. Возвратившись в Ливадию, сейчас же все собрались к завтраку, по окончании которого государь позвал к себе на совещание наследника цесаревича, госуд[арственного] канцлера, ген. Игнатьева и меня, а потом еще был призван и граф Сумароков-Эльстон. Государь сначала объяснил в кратком очерке, собственно, для сведения наследника цесаревича, ход предшествовавших переговоров по восточному вопросу и, дойдя до настоящего положения дела, прочел часть ответного письма императора Франца-Иосифа. Государь видимо был взволнован; когда кн. Горчаков начал высказывать свои соображения и прочел проектированную им ответную телеграмму императору Францу-Иосифу, государь ** резко возразил ему и вместе с тем отозвался с горечью о печальных результатах поднятой славянофилами агитации, о бесплодных *** жертвах, принесенных в помощь славянам. При этом государь припомнил свои разговоры с Пороховщиковым и упрекал государственного канцлера в том, что он, поддержав предположение об отправлении в Сербию 10/т солдат из запаса, противоречил тем своим же стараниям добиться прекращения военных действий. В этих упреках государь был не совсем прав; но, видимо, говорил не столько в укор государственному канцлеру, сколько в косвенное назидание наследнику цесаревичу. Он даже упомянул об излишнем и неуместном усердии некоторых гвардейских начальников, которые побуждали молодых офицеров брать отставку, чтобы отправляться в Сербию. Совещание, продолжавшееся более часа, не привело ни к какому определительному, практическому заключению. Государь принял на себя самого составление проекта ответной телеграммы императору Францу-Иосифу; относительно же дальнейшего ведения дела положил разъяснить окончательно намерения других кабинетов по вопросу о перемирии и об условиях мира; в случае положительного отказа Порты на наши крайне умеренные требования, прервать дипломатические сношения, отозвать посольство и в то же время мобилизовать войска. В случае же заключения перемирия — принять участие в пред-

---

* новом

** возражал ему с горячностью и даже резкостью.

*** и нерасчетливых

положенных конференциях, но все-таки готовиться к войне с тем, чтобы в случае безуспешности конференции взяться за оружие и вести войну самостоятельно, уже не связывая себя прежними условиями и договорами. * Впрочем, все это было выражено в виде предварительного соображения, а не положительного плана действий.

Вскоре после совещания, покончив с некоторыми спешными делами, я уехал из Ливадии, чтобы отдохнуть хоть один день в своей семье — в Симеисе.

27-го сентября. Понедельник.—Вчерашний день провел в Симеисе. Под вечер неожиданно заехал туда ген. Тотлебен на пути из Севастополя в Ливадию, куда он вызван с той целью, чтобы возложить на него все меры обороны черноморского берега. Вечером и я возвратился в Ливадию в то время, когда во дворце разыгрывалась какая-то пьеса, сочиненная нашими дипломатами.

Сегодня утром мы все ездили в Ялту провожать великую княгиню Марию Александровну. Жаль было смотреть на бедняжку, покидавшую родительский кров, чтобы поселиться на скучном острове Мальте, среди англичан, проникнутых враждой к России. Герцог Альфред Эдинбургский служил в английской средиземноморской эскадре. Государь, проводив свою дочь до яхты «Ливадия», на возвратном пути сделал вторично смотр расположенным здесь двум ротам. Повидимому, он был спокойнее духом, чем прежде, даже имел иногда веселый вид; однакож полагаю, что веселость эта напускная. Завтра, при докладе, вероятно, узнаю содержание проектированного ответа императору Францу-Иосифу.** Между тем во время вечернего собрания государь показал мне телеграмму из Лондона, в которой гр. Шувалов извещает, что лишь только распространился слух о нашем предположении занять Болгарию, немедленно же общественное мнение поворотило против нас. Поворота этого надобно было ожидать. Возможно ли было рассчиты-

---

* Первоначальный текст после слов «...отозвать посольство и в то же время мобилизовать войска.» (стр. 89, строка 2 сн.): «В случае же заключения перемирия — принять участие в предположенных конференциях, но в случае, если они окажутся безуспешными и несообразными с крайне умеренными требованиями России, приготовиться к войне, и в таком случае вести ее уже самостоятельно, не связывая себя прежними условиями и договорами».

** Первоначальный текст после слов «...однакож полагаю, что веселость эта напускная.»: «Мне сказали, что вчера, в мое отсутствие, было опять совещание по поводу сочинения ответа австрийскому императору. По словам Игнатьева, наш государственный канцлер опять нагородил столько неловкости и легкомысленности, что пришлось остановить его проект и переделать его. Государь назначил мне завтра доклад; вероятно, тут узнаю, в чем именно заключается ответ».

вать на то, что Англия благодушно поможет нам ввести наши войска в пределы покровительствуемой ею Турции!

28-го сентября. Вторник.—Сегодня имел я длинный доклад, в присутствии наследника цесаревича. У государя новая мысль: поручить командование действующей армией против Турции — Тотлебену, и в таком случае Семека останется в Одессе; начальство же в Крыму—возложить на кн. Воронцова, с званием корпусного командира. Мысль эта явилась вследствие случайного обстоятельства: Тотлебен, на пути своем в Крым, читал присланные бывшим его адъютантом Шильдером корректурные листы русского перевода сочинения Мольтке о войне 1828 и 1829 годов и в разговоре с государем упомянул об этом сочинении, заключающем в себе рассуждения знаменитого немецкого стратега о театре войны в Европейской Турции. Из этого разговора государь заключил, что ген. Тотлебен не исключительно только специалист по инженерной части, но вместе с тем и авторитет в военном деле вообще. В пользу назначения его командующим действущей армией его величество приводил, кроме личных достоинств Тотлебена, также и «prestige» его имени. Я не возражал, однакож не мог не заметить, что его тяжелый характер и щепетильность могут быть большим неудобством в командовании армией. * После моего доклада государь призвал в кабинет гр. Адлерберга и советовался с ним относительно выбора Тотлебена. Гр. Адлерберг не выразил никакого мнения. Затем были приглашены Тотлебен, Семека, Аркас и Игнатьев. Речь была уже только о мерах, принятых для обороны приморских пунктов.

После завтрака—новое совещание с кн. Горчаковым, Игнатьевым и гр. Адлербергом, в присутствии же наследника цесаревича. Говорили вообще о политическом положении; прочли составленный наконец проект ответного письма к императору Францу-Иосифу и разошлись под тем впечатлением, что на успешный исход дипломатических переговоров нечего рассчитывать, что если даже и до-

---

* Первоначальный текст после слов «...возложить на кн. Воронцова, с званием корпусного командира.» (строка 7 св.): «Мысль о Тотлебене явилась вследствие случайного обстоятельства: Тотлебен в дороге читал присланные бывшим его адъютантом Шильдером корректурные листы русского перевода сочинения Мольтке о войне 1828 и 1829 годов; он говорил государю об этом сочинении и указаниях относительно театра войны в Европейской Турции. Государь увидел, что Тотлебен интересуется вообще военным делом и занимается не одними инженерными вопросами. Я не возражал на предположение государя и соглашался с его доводами относительно достоинств Тотлебена, в пользу которого государь приводил и «prestige» его имени; однакоже не мог не заметить, что тяжелый и мелочной его характер много повредит ему в качестве главнокомандующего».

бьемся перемирия и открытия конференции в Константинополе, то благоприятного результата от этих конференций ожидать нельзя, что все-таки дело кончится войной, в которой против нас будет не одна Турция.

29-го сентября. Среда.—Утром государь прислал мне для прочтения телеграмму от Нелидова из Константинополя: он извещает, что завтра Порта даст ответ представителям шести держав в том смысле, что согласна на перемирие до будущего марта месяца; при этом Нелидов предостерегает, что в этом неожиданном предположении, внушенном, без сомнения, Эллиотом, кроется намерение Турции выиграть время, чтобы оправиться и к весне приготовить против нас целую коалицию. Игнатьев разделяет это мнение. Государь приказал мне, вместе с гр. Адлербергом, прочитать депеши, полученные от Нелидова за последнее время. В этих депешах весьма * живо рисуется печальная картина нынешнего настроения в Константинополе, объясняются замыслы разных держав, с которыми приходится нам сговариваться,** и почти отчаянное положение турецкой армии, которая, по словам Нелидова, не будет иметь возможности держаться даже против сербов в течение осени и зимы.

Сегодня представлялась государю депутация от Румынии, состоящая из президента кабинета Братиано, военного министра Сланичано, гофмаршала и адъютанта князя. Они приглашены к обеду. Братиано наговорил мне много комплиментов; по всему видно, что Румыния хочет нам угодить; Игнатьеву он говорил, что войска румынские готовы служить авангардом русской армии.

Был у меня сегодня утром главный военно-медицинский инспектор тайн. сов. Козлов. Мы переговорили с ним о распоряжениях по военно-медицинской части на случай войны. Тотлебен уехал в Севастополь, Николаев и Одессу.

1-го октября. Пятница.—Каждый день государь сзывает к себе государственного канцлера, гр. Адлерберга, Игнатьева и меня; прочитываются полученные телеграммы и депеши, обсуждаются ответы, и почти всякий раз расходимся в полном недоумении — как выйти из ловушки, в которую мы попали. Вчера и сегодня подтвердилось решение Порты предложить 6-месячное перемирие; выдумке этой радуются в Лондоне и Вене, несмотря на наши возражения.

Сегодня приехали в Ливадию министр финансов и ген.-л. Обручев. С первым я успел только обменяться несколькими словами пред обедом; с Обручевым же просидел несколько часов. Он привез массу всяких сведений и соображений касательно театра предстоящей войны. Первоначально я прочил его в начальники штаба

---

* верно рисуется

** безнадежность единогласного разрешения восточного вопроса.

предполагаемой действующей армии, но если главнокомандующим будет Тотлебен, то Обручев не пойдет к нему в начальники штаба, и, в свою очередь, Тотлебен не пожелает Обручева: они давно уже в отношениях неприязненных, с тех пор как Обручев, руководя ежегодными стратегическими поездками офицеров генерального штаба в районе Варшавского округа, откровенно высказал свои суждения о недостатках наших крепостей. Тотлебен не может допустить, чтобы кто-либо, а тем более офицер генерального штаба, смел* вмешиваться в его владения—т. е. в сферу инженерного ведомства. Тотлебен до крайности самолюбив и обидчив.

4-го октября. Понедельник.—В последние два дня всё ожидали чего-нибудь положительного из Вены, Лондона и Берлина; получались телеграммы, сходились мы по обыкновению на совещание у государя, но дело все еще нисколько не выяснилось. Вчера, пред обедней, государь принял ген. Обручева, который представил в сжатом очерке соображения о плане кампании в Европейскую Турцию[54].

Вчера же приглашена была к обедне и завтраку моя жена с дочерьми. Она приехала с двумя младшими и провела в Ливадии большую часть дня.

Министр финансов представил государю записку, в которой изобразил в черных красках невыгодные для России последствия ожидаемой войны. Государь по прочтении этой записки назначил сегодня совещание, в котором, кроме наследника цесаревича, приняли участие кн. Горчаков, Игнатьев, гр. Адлерберг, Рейтерн и я. С самого начала государь напал на Рейтерна за его записку, из которой, по словам государя, можно заключить, что совершившиеся в его царствование великие реформы испортили положение России, так что в случае войны последствия ее будут гораздо тяжелее, чем были бы до этих реформ 20 лет назад. Если в этом заключалась главная тема записки, то, конечно, нельзя не признать, что вопрос был поставлен неудачно, и хотя Рейтерн старался** объяснить иначе свои мысли, однакож государь возвратил ему записку, сказав, что он вызвал его не для того, чтобы узнать его мнение, следует ли начать войну или нет, а чтобы изыскать средства к покрытию тех издержек, которые вызовет война. После того начал говорить кн. Горчаков; но прежде какого-либо заключения выразил желание услышать соображения «министра военных сил» (так он имеет привычку называть военного министра). Вызванный государственным канцлером, я должен был обстоятельно изложить свой взгляд на затеянную войну: сначала я объяснил собственно военную сторону вопроса, указал, сколько времени нужно на мобилизацию, на сосредоточение войск и на движение их в пределы Турции, на сколько все расчеты изменяются по времени года; вы-

---

* критиковать

** оправдать свою записку

казал затруднения зимней кампании, но вместе с тем не отвергал и возможности ее, даже в некотором отношении выгоды, которые мы имеем зимою над турками и в отношении к действиям на море. Но затем я перешел к политической стороне вопроса и старался обратить внимание государя и канцлера на необходимость ясного, точного определения цели и предмета военных действий и на опасные последствия могущего быть столкновения с европейской коалицией. Кн. Горчаков прерывал меня не раз восклицаниями, что нельзя же все ставить гипотезы неблагоприятные, на что́ я ответил, что гораздо опаснее действовать всегда в надежде на счастливые случаи; я ставил гипотезы наиболее правдоподобные; однакоже закончил тем, что желал бы, прежде дальнейшего объяснения моих мнений, выслушать, на чем именно сам канцлер основывает свои успокоительные комбинации. Тогда он начал чтение длинной записки, составленной бар[оно]м Жомини, о предполагаемом ходе дальнейших переговоров, о необходимости немедленного отправления Игнатьева в Константинополь, об ожидаемом влиянии на конференцию угрожающего положения России и закончил тем, что, в случае неуспеха этой конференции, останется—силой оружия принудить Турцию к уступкам. Выслушав все это длинное чтение, я просил позволения снова объяснить возбуждаемые ею во мне сомнения и недоумения. В записке канцлера предусмотрены разные случайности, но в числе их я все-таки не вижу тех именно, на которые я указывал и которые кажутся мне наиболее вероятными. На все эти случайности надобно теперь же приготовить план действий: напр[имер], что́ будем мы делать, если перемирие вовсе не состоится, ни на 6 месяцев, ни на 6 недель? Если ж состоится по нашему желанию на 6 недель, но если на конференциях все державы, кроме России, придут к единогласному заключению, которое мы принять не можем,* то не придется ли тогда объявить войну уже не Турции одной, а целой Европе?—и т. д. К удивлению моему, государь не только не показывал неудовольствия, слушая мои довольно горячие возражения на план канцлера, но даже поддерживал меня и по возможности старался сам ответить на мои вопросы, хотя и не вполне категорично.

Совещание было прервано молебствием и парадом по случаю праздника собственного е. в. конвоя. После обычного прохождения церемониальным маршем казаки пошли к накрытым для них столам (у здания оранжерей); туда же отправились и мы все, а затем возвратились во дворец к завтраку, по окончании которого возобновилось совещание; государь резюмировал высказанные соображения: 1) Игнатьев завтра же отправится в Константинополь; 2) в 2 или 3 недели должно обнаружиться—можно ли ожидать какого-либо результата от конференций; в случае** неудачи, Игнатьев устранится от дальнейшего в них участия, и тогда же будет приступлено

---

* что будем мы делать?

** ожидаемой

к мобилизации войск, что будет примерно около 1-го ноября; 3) мобилизация не будет еще объявлением войны; только в случае крайней необходимости мы решимся ввести наши войска в пределы Турции,—что следует пригнать примерно к началу декабря; 4) кампания должна быть сколь можно быстрая; прежде перехода чрез границу должна быть заключена конвенция с Румынией. На этом остановились, и хотя я еще попробовал снова обратить внимание на опасные последствия, которых можно ожидать от перехода нашего чрез границу, подобно примеру 1853 года, на возможность немедленного против нас вооружения большей части Европы,—однакож часы уже показывали наступление времени прогулки, и совещание было прекращено.

Я не имел случая сегодня же заметить, какое впечатление оставило в государе все высказанное мною в совещании. * Но вот уже несколько дней замечаю, что я чем-то навлек на себя неудовольствие императрицы, которая до того времени была, напротив того, очень любезна и внимательна ко мне. Чему приписать эту перемену—не придумаю. Опять какие-нибудь сплетни? Вечером я не пошел в «собрание».

5-го октября. Вторник.—Сегодня была обедня в дворцовой церкви по случаю дня рождения великой княгини Марии Александровны (герцогини Эдинбургской), от которой уже есть известия из Мальты. Пред обедней был я у государя с докладом, а после завтрака—на обычном совещании. Главным предметом его был отъезд Игнатьева в Константинополь, назначенный окончательно сегодня вечером. Кн. Горчаков прочел длинную записку, составленную в виде сырого материала, из которого ген. Игнатьеву предоставляется по собственному усмотрению составить род меморандума для предъявления представителям европейских держав в Константинополе.—Посол наш едет неохотно, не ожидая ничего хорошего от своего появления в столице Турции. Он не раз высказывал неудобство прибытия его как раз к началу байрама. Но старый канцлер настойчиво торопит его отъездом. В совещании сегодня я поставил вопрос: какой будет наш образ действий, если перемирие вовсе не состоится? Не возможно ли в таком случае все-таки предложить открытие конференции об условиях мира?—На этот вопрос последовал ответ положительный: что перемирие не составляет безусловной необходимости для открытия конференций.—Впрочем, если не могли сойтиться даже на определении срока перемирия, то подавно можно ли ожидать единогласия в условиях мира?—Никто и не ожидает от конференций успешного результата.

---

* Первоначальный текст после слов «...и совещание было прекращено.»: «Я не имел случая сегодня же заметить, какое впечатление оставило на государе это совещание; кажется, мои слова, несмотря на смысл их, не вызвали неудовольствия его; Игнатьев говорил очень мало; гр. Адлерберг и наследник цесаревич вовсе ничего».

После совещания я отпросился к своей семье в Симеис и предложил ген. Обручеву поехать туда со мной.

7-го октября. Четверг.—Вчера провел весь день в Симеисе, сделал большую прогулку в Алупку; вечером посетил нас сосед, кн. С. М. Воронцов. Много толковали о том, что́ делать обитателям южного берега в случае войны: кто советовал теперь же убираться поживу-поздорову, кто—замуровать окна и двери дома и т. д. Жена моя решительно объявила, что останется на месте, и для ограждения дома от хищничества просила только оружия для своей прислуги и рабочих.—К ночи мы с Обручевым возвратились в Ливадию.

Сегодня нашел я здесь настроение еще более мрачное, чем было прежде. Королева английская, не получив согласия своих министров на предположение ее отправить собственноручное письмо к нашему государю, предложила, по крайней мере, личное объяснение государя с послом английским лордом Лофтус. Государь изъявил на это полное согласие, хотя не предусматривает большой пользы от этого свидания. Другое известие из Лондона—что Англия решилась, в случае нашего вмешательства, занять своими войсками и флотом Константинополь. С другой стороны, более успокоительное известие—о разномыслии, обнаружившемся в совете министров, между Дизраэли и Дерби: первый предлагал прямо разрыв с Россией, последний — не согласился. Из Берлина получены сведения крайне бесцветные: германский кабинет «не встречает препятствия» согласиться на предлагаемое нами 6-недельное перемирие,—однакоже и не берется поддерживать наши требования, чтобы не поссориться с другими своими «друзьями». Если таков будет окончательный ответ Германии, то, спрашивается, какую же выгоду извлекает Россия от своей пресловутой дружбы и тесного союза с Германией?—Кажется, сам государь начинает разочаровываться насчет этого друга; относительно же Австрии—разочарование уже совершившийся факт.

Сегодня государственный канцлер сказался больным и не приехал из Орианды в Ливадию, так что обычное совещание произошло в его отсутствие. Государь прочел нам последние телеграммы, в числе которых было первое известие о прибытии Игнатьева в Буюк-Дерэ, об отказе Сербии и Черногории на предложение 6-месячного перемирия и проч. После совещания я пошел пешком в Орианду и навестил кн. Горчакова; застал его в постели (но, полагаю—не по болезни, а после обычного послеобеденного сна). Он опять оспаривал мои опасения коалиции против нас, даже сомневался в намерениях Англии довести дело до разрыва с нами; однакож заметно, что он поддерживает свой тезис только из самолюбия, сам не вполне веря себе. В голосе его слышится сомнение и сознание неудачи своей.

Приготовления наши к войне идут деятельно: в Петербурге все подготовляется к мобилизации войск, назначенных для охранения Черноморского прибрежья и для наступательных действий в Турцию, Европейскую и Азиатскую; в приморских пунктах строются

батареи, подвозятся орудия, приготовляются мины. Недели чрез три можно будет спокойно ожидать появления неприятельского флота не только пред Керчью и Очаковом, но и пред Севастополем и Одессой.

8-го октября. Пятница.—Утренние телеграммы сегодня несколько успокоительнее прежних: из Вены уведомляют, что последнее письмо нашего государя произвело на императора Франца-Иосифа очень хорошее впечатление; он будто бы изъявляет полное согласие на наши предложения. Игнатьев телеграфирует из Константинополя, что он имел весьма дружелюбные объяснения с представителями Австрии и Италии (Зичи и Корти), что оба они обещали поддерживать его и не противиться 6-недельному перемирию. Государь прочел мне эти телеграммы при моем обыкновенном докладе; совещания же не было. Кн. Горчаков не приехал в Ливадию по причине дурной погоды.

После вечернего собрания государь позвал меня в кабинет вместе с гр. Адлербергом и прочел вновь полученные телеграммы. Англия не настаивает на 6-месячном перемирии и готова согласиться на наши предложения, предоставляя нам самим войти в соглашение с Портой. Таким образом, Игнатьеву открывается свободное поле действий. Французский посол Bourgoing в объяснениях своих с Игнатьевым высказался совершенно в нашем смысле. «Je suis prêt à vous servir de tampon dans vos rapports avec sir Elliot»[55], —сказал он Игнатьеву.

Известия эти вдруг изменили настроение государя и императрицы. «Il y a un revirement»[56]. Лорд Лофтус должен выехать из Петербурга завтра или в воскресенье. Кн. Горчаков уже начинает заботиться об инструкции Новикову для заключения с Австрией конвенции!—Не слишком ли рано?—Странная торопливость для 85-тилетнего старца!—Бар. Жомини и другие дипломаты наши не разделяют очарования канцлера и предусматривают в ожидаемом из Вены ответе новые козни и хитрости. Увидим.

10-го октября. Воскресенье.—Полученные вчера утром новые телеграммы подтверждают предшествующие благоприятные известия. Канцлер думает, что повороту в английской политике могли способствовать наши серьезные военные приготовления.

Бывший в нашей службе полковник Кишельский возвратился с театра войны с самыми грустными сведениями о положении дел в Болгарии; все мечты болгарских деятелей разлетелись в прах. Оказывается, что и в этом случае одной из причин неудач были опять раздоры между нашими русскими деятелями, которые ведут дело славянское в угоду себе самим, сообразуясь с личными своими видами и честолюбивыми похотями. Дело в том, что Черняев замышлял притянуть болгарские вооружения под свою руку; уверяют даже, что он мечтал сделаться господарем болгарским; между тем болгары имели неловкость связаться с Фадеевым, который напомнил о своем старшинстве в чине над Черняевым. Отсюда злоба Черняева на болгар и расстройство планов их. Все частные письма из

Сербии подтверждают, что́ за дрянь эти мелкие честолюбцы и все окружающие их * клевреты. Они ссорятся между собой, интригуют, сваливают друг на друга неудачи. Отставной генерал Новоселов пишет мне, что, приехав в Сербию, нашел невозможным служить славянскому делу с Черняевым и хотел уже уехать обратно, но, уступив просьбам князя Милана и его министров, принял команду над Ибарской армией, которую нашел весьма в затруднительном, почти бедственном положении. Новоселов просит «советов» и помощи.

Вчерашний вечер и нынешний день провел я в Симеисе, в своей семье. Погода не позволяла наслаждаться прогулками. Сегодня опять приехал сюда, в Симеис, ген. Тотлебен, на возвратном пути из Одессы и Севастополя в Ялту. ** Такое неожиданное посещение было совсем лишнее; в свидании нашем не было особенной спешности; дело нисколько не потерпело бы, если б оно было отложено до завтрашнего утра, в Ливадии. ***

11-го октября. Понедельник.—В 1-м часу было у государя совещание: наследник цесаревич, кн. Горчаков, гр. Адлерберг и я. Прочитаны были полученные телеграммы и донесения послов; на одной из телеграмм государь сделал отметку, что признает полезным снова пригласить** ** кабинеты берлинский, венский, римский и парижский поддержать наше требование в Константинополе о кратковременном перемирии, на 6 недель и не более 2 месяцев. Кн. Горчаков начал было возражать, признавая это ненужным; государь вспылил и обошелся *** ** с канцлером очень резко; однакож потом попросил у него извинения и обнял его.

После завтрака я был опять у государя, сперва один, а потом вместе с Тотлебеном, который доложил государю о мерах, принимаемых для защиты приморских пунктов, а также о предложении американца Лея продать нам изобретенные им самодвижущиеся подводные торпедо.

После обеда государь подошел ко мне и сказал на ухо, что, вследствие нашего утреннего разговора о ген. Тотлебене, решается командование Дунайской армией поручить не ему, а великому князю Николаю Николаевичу, которого уже и вызвал сюда. Он приедет вместе с цесаревной, которую ожидают в субботу.

14-го октября. Четверг.—В последние три дня полученные дипломатические сведения были довольно успокоительны. Германия наконец заявила положительно, что она будет поддерживать не только в Константинополе, но и при других кабинетах наше предложение короткого перемирия. Италия также присоединяется к рус-

---

* подлипалы.

** Такого посещения я не ожидал и, признаться, не совсем был доволен этим сюрпризом.

*** Это человек крайне тяжелый и скучный.

** ** циркулярно

** *** с старым канцлером очень круто;

скому предложению; Франция заявляет, что она вовсе не имеет в виду действовать заодно с Англией и, напротив того, желает сохранить свою независимую политику, основанную на твердом желании заниматься своими внутренними делами.

Сегодня утром приехал в Ялту из Петербурга английский посол лорд Лофтус, с чем—неизвестно еще. Завтра же ожидается и письмо султана[57], отправленное с пароходом «Ливадия», и ответ из Вены. Таким образом, завтрашний день будет важным моментом внастоящей нескончаемой * путанице восточных дел....

Несмотря на примирительный, повидимому, оборот последних дипломатических депеш, мы не рассчитываем на мирный исход дел и продолжаем деятельно приготовления на случай войны. Военным судам нашим, находившимся в Средиземном море и уже собравшимся в итальянских портах под предлогом сопровождения принцессы Эдинбургской, дано секретное повеление, в случае войны, спешить в океан и действовать в качестве каперов для нанесения возможного вреда английской торговле. В числе этих судов и «Светлана», которой командует великий князь Алексей Александрович; с ним же плавает велик. кн. Константин Константинович. По этому поводу я был сегодня свидетелем трогательного эпизода: во время обычного нашего совещания государь приказал гр. Адлербергу прочесть полученное им письмо адмирала Лесовского, который просил доложить государю, что, по мнению адмирала, крайне неудобно посылать в крейсерство царского сына, так как действия этого рода сопряжены с большой опасностью и часто подвергают суда захвату в плен. Возможно ли допустить,—писал старый моряк,—чтобы два великие князя попали в плен к врагам?—Когда письмо это было прочитано, кн. Горчаков хотел было поддержать мнение Лесовского, но государь не дал ему высказаться и обратился к наследнику цесаревичу с вопросом: «Скажи прежде других: как ты смотришь на это?»—Цесаревич, нимало не задумавшись, обычным своим ** спокойным тоном ответил, что брату его было бы обидно, если б у него отняли команду над фрегатом при таких обстоятельствах. Государь обнял наследника, расцеловал его и заплакал. «Спасибо тебе,—сказал он,—что ты так судишь; такое же и мое мнение. Я не сомневаюсь, что все мои дети сказали бы то же. Как ни тяжело отцу подвергать сына опасности, но я уверен, что каждый из моих детей исполнит свой долг честным образом и с радостью. Они должны подавать пример...» и т. д. Государь был так растроган, что несколько времени не мог прочесть отрывки из писем самого вел. кн. Алексея Александровича, который, описывая неудовлетворительное состояние наших судов, вместе с тем, однакоже, выхвалял дух офицеров и матросов и замечал, что больно с таким молодецким экипажем служить на таких плохих судах.

---

* драме восточного вопроса.

** равнодушным тоном

16-го октября. Суббота.—Бурная погода на море замедлила прибытие и яхты «Ливадия» из Константинополя, и срочного (пассажирского) парохода из Одессы; поэтому, вместо вчерашнего дня, получены только сегодня собственноручные письма и султана турецкого, и императора Франца-Иосифа. Английский посол также запоздал, и хотя уже ранее пронесся слух о его приезде, однакож в самом деле прибыл он в Ялту только вчера и до сих пор не виделся еще с канцлером; говорят, что вещи его, отправленные из Севастополя на пароходе, еще не получены за дурной погодой.

Сегодня мы собрались по обыкновению у государя, после завтрака, чтобы выслушать полученные известия. По лицу государя уже можно было догадываться, что известия неудовлетворительные; государь имел вид расстроенный, как будто после слез, щеки впалые.—И действительно, нечему было радоваться. Письмо султана заключало в себе только обычные фразы учтивости и приязни; в депешах же Игнатьева изображена жалкая картина происходящего в Константинополе. Само правительство как на мине, султан не имеет никакой силы и значения; министры сами признаются, что и рады были бы сделать уступки, да не смеют; они не скрывают отчаянного положения турецкой армии и бедствия страны.

Письмо императора австро-венгерского пропитано иезуитизмом. Так же, как и в первом письме, он предоставляет России действовать одной и вступить в Болгарию, но не считает возможным обещать какое-либо содействие со стороны Австрии, кроме только сохранения нейтралитета, и в этом смысле предлагает заключить секретный договор, причем довольно ясно дает понять, что Австро-Венгрия и без всяких в отношении к нам обязательств воспользуется вступлением нашим в Болгарию, чтобы втихомолку прихватить себе Боснию. *

По прочтении письма императора Франца-Иосифа и комментарий Новикова начались препирания между государем и канцлером. Последний не видел ничего худого в австрийском ответе и заботился только о том, каким порядком заключить предлагаемую секретную конвенцию, для которой материалы должны быть доставлены от Военного министерства. Государь же находил циничным ответ своего союзника, указывал на изолированное наше положение. Мы

---

* Первоначальный текст после слов «...и в этом смысле предлагает заключить секретный договор;»: «Австрия отказывается от всяких обязательств, отрекается от заявленного прежде желания действовать в союзе с нами в том случае, если целью действий может быть полное распадение Турецкой империи, то есть в том из двух предусмотренных при Рейхштадтском свидании случаев, когда Австрии обещалась пожива на счет покойника. Теперь Австрия и на этот случай не изъявляет согласия, а намекает лишь на то, что она и без всякого в отношении к нам обязательства воспользуется вступлением нашим в Болгарию, чтобы втихомолку прихватить себе Боснию».

принимаем на себя всю ответственность, начиная войну, рискуем поднять против себя целую коалицию и не домогаемся никаких выгод, никаких вознаграждений; Австрия же, ничем не рискуя, свалив на нас всю ответственность, заберет себе Боснию, округлит свои границы и предоставит Англии львиную долю в наследии покровительствуемой ею Турции.—Государь говорил горячо против увлекающихся симпатиями к братьям славянам, прямо указывая * на императрицу и наследника цесаревича. В заключение сказал, что по важности обстоятельств отлагает дальнейшие суждения и заключения до завтрашнего дня.

В 5-м часу приехали в Ливадию (сухим путем от Севастополя) цесаревна с детьми и великий князь Николай Николаевич. Последний немедленно же по приезде имел длинный разговор с государем, а после обеда пришел ко мне, и до 11-го часа мы толковали о предстоящей войне. Великий князь, чуждый всяких политических соображений, хотел бы, чтобы немедленно была решена мобилизация войск. С военной точки зрения он совершенно прав: чем позже, тем мобилизация и передвижения войск будут труднее и тем менее останется времени для зимней кампании, которая при всех своих затруднениях выгоднее для нас, чем отсрочка до весны. Притом следует иметь в виду, что с конца ноября начнется усиленная работа железных дорог для перевозки новобранцев. Все это имелось в виду, и пред отъездом Игнатьева была заявлена ему необходимость разрешения вопроса о войне или мире до конца текущего месяца с тем, чтобы, в случае надобности, мобилизация могла быть начата не позже 1-го ноября. С этим сроком он должен сообразовать свои дипломатические переговоры.—Но, к сожалению, ему не удастся в такой короткий срок добиться чего-нибудь положительного; турки вместе с Эллиотом будут тянуть сколько можно долее; если даже решится по-нашему вопрос о перемирии, то сколько еще времени пройдет, пока договор этот приведен будет в исполнение; а конференции?—еще только что начинают переписку о том, удобно ли вести переговоры в Константинополе? даже есть ли надобность в конференции?—День за днем проходит, а суровая зима приближается большими шагами. На горах уже и теперь холод и непогода.

После разговора с великим князем я все-таки успел побывать на вечернем собрании. Чтение вслух романа «Богатыри» кончилось и приступили к чтению отрывков из моей «Истории войны 1799 года». За отсутствием Озерова читает гр. Адлерберг.

17-го октября. Воскресенье.—После обедни и завтрака было продолжительное совещание, в котором принял участие (или, лучше сказать, присутствовал) и вел. кн. Николай Николаевич. Дело шло о том, чтобы определить наконец срок, к которому дипломатические переговоры должны быть приведены к ожидаемому неизбежному результату—мобилизации войск; срок этот необходимо опре-

---

* на сей раз

делить не позже 1 ноября; даже и при этом сроке мобилизация и передвижения войск могут совпасть с призывом новобранцев; поэтому призыв этот решено отсрочить до 1-го декабря. Кн. Горчаков прочел длинную записку, выясняющую настоящее положение* дел по отношению к предстоящему нам образу действий. Государь не совсем удовлетворен постановкой вопроса, и опять был жаркий спор между ним и канцлером.

После совещания всл. князь Николай Николаевич долго сидел у меня, и мы перебрали множество вопросов, касающихся будущей Дунайской армии.

18-го октября. Понедельник.—Получено печальное известие из Белграда о поражении сербов; Тимоко-Моравская армия сбита со своих позиций; сербы бежали; половина (?) русских добровольцев погибла; Алексинац должен скоро сдаться. Ген. Черняев умоляет о немедленном заключении перемирия; кн. Милан также просит спасти Сербию.

Между тем в Константинополе продолжаются одни проволочки и пустые разговоры; турки торгуются о сроке перемирия; о конференции же и речи нет.

Такое положение дел не может быть долее терпимо. Надобно принять решительный тон. Игнатьеву телеграфировано, чтобы он назначил Порте двухдневный срок для принятия нашего предложения о перемирии на 6 недель и до 2 месяцев, и если Порта не даст в эти два дня удовлетворительного ответа, то прервать дипломатические сношения и выехать из Константинополя.

Отрицательный ответ Порты даст нам повод к немедленной мобилизации войск. Целое утро мы совещались с великим князем Николаем Николаевичем о предстоящих военных распоряжениях. Государь дал окончательное приказание о формировании корпусов и назначении начальствующих лиц. Теперь настало время заключить конвенции с Австрией и Румынией. Государственный канцлер прочел нам проект инструкции послу в Вене Новикову.

Кн. Горчаков поднял хвост, как петух: он послал в «Правительственный вестник» известие о данном Игнатьеву энергичном приказании. «Теперь будут мной довольны»—говорит он дамам, как будто в том единственно и заключается вопрос: что́ говорят о Горчакове?

Приезжие удивлены спокойствию, царствующему в Ливадии, в противуположность возбужденному состоянию умов в Петербурге, Москве и других местах России.

20-го октября. Среда.—Вчера и сегодня известия из Константинополя в смысле примирительном. Хотя турки еще не дали окончательного ответа на предъявленный им ультиматум, однакож по всему видно, что они уступят. Сам Эллиот приехал к Игнатьеву

---

* восточного вопроса

и объявил ему, что Порта согласится на требование наше. Несмотря на то, у нас * поддерживается воинственное настроение; великий князь Николай Николаевич, с поддержкой наследника, торопит начать мобилизацию. Государь уже хотел было сегодня же подписать указ о мобилизации; но я доложил, что прежде следует царской фамилии оставить Ливадию; во время мобилизации уже не будет возможности пустить ни один экстренный поезд. Поэтому после моего доклада и панихиды по покойной императрице Александре Федоровне было совещание, в котором решено: выезд из Ливадии— в воскресенье, пребывание в Москве 3 дня, в продолжение этого времени — повеление о мобилизации.

Решение это произвело в ливадском обществе сильное впечатление. Сегодня же приезжала сюда жена моя с сыном, и мы обсуждали вопрос о том, как удобнее будет выбраться семье из Крыма. Решили всех дочерей, кроме одной, отправить с сыном неотлагательно; жена же с Надей останется в Симеисе сколько окажется возможным.

Сегодня государь принимал прусского посла Швейница; мне еще неизвестно содержание привезенных им заявлений берлинского кабинета. Прием Лофтуса отложен на завтрашний день.

В полночь великий князь уехал отсюда в Петербург. Большая часть назначений на разные должности в Дунайской армии уже решена; Главному штабу дано знать, чтобы представлены были статьи приказа и указы.

21-го октября. Четверг.—Погода разгулялась, выглянуло солнце,—и в то же время получено окончательное извещение из Константинополя, что Порта безусловно согласилась на двухмесячное перемирие и что вчера же дано приказание прекратить по всей линии военные действия.

Жаль стало покидать Крым; отъезд отложен до вторника. Побуждением к такому решению послужило замечание, сделанное мною при утреннем нашем совещании, что было бы непоследовательно, если б мобилизация была объявлена вслед за сделанной Портой уступкой нашему требованию и прежде чем подан турками новый повод к такому распоряжению с нашей стороны, тем более, что послу нашему Игнатьеву указан был крайний срок для разрыва дипломатических сношений лишь 1 ноября. **

Сегодня государь имел вторично длинный разговор с Швейницем, который, повидимому, не привез из Берлина ничего поло-

---

* сохраняют решительное и воинственное настроение;

** Первоначальный текст после слов «...отъезд отложен до вторника.» (строка 10 сн.): «Побуждением к этому решению послужило замечание, сделанное мною при утреннем нашем совещании, что было бы непоследовательно, если б мы немедленно после уступки Порты на требование наше объявили мобилизацию войск, когда Игнатьев не успеет найти никакого предлога для такой неприязненной меры, тем более, что ему был заявлен срок лишь к 1 ноября».

жительного. Бисмарк продолжает держать себя сфинксом и ограничивается лишь заявлением, что Германия ни в каком случае не будет действовать враждебно против России. Только того бы еще недоставало! Государь и канцлер ожидали другого от берлинского двора. Сегодня же была наконец аудиенция лорду Лофтусу; государь остался очень доволен разговором с ним. Выходя из государева кабинета, Лофтус дружелюбно со всеми беседовал и сказал мне, что все обойдется мирно, что нечего и думать о войне. Он был приглашен к обеду; сидя возле императрицы, он убеждал ее оставаться дольше в Крыму.

Однакож государь уже не поддается на эти * любезности. Как прежде он неизменно стоял за мир, так теперь он уже порешил, что войны не миновать; в мыслях его укоренилось одно решение—скорее мобилизовать и вступить в пределы Турции. При этом уже устраняются все политические соображения: какой же предлог к неотлагательному разрыву? во имя чего вступим мы в Болгарию?—а между тем еще ничего не сделано для заключения конвенций с Австрией и Румынией.—Канцлер ограничился сочинением инструкции Новикову; однакож я настоял, чтобы ген. Обручев был послан в Вену, хотя бы в качестве частного путешественника, чтобы негласно помочь нашим дипломатам выработать серьезный проект конвенции. Относительно же Румынии кн. Горчаков нисколько не заботится. Сегодня мы чуть не сцепились с ним по этому делу в присутствии государя: ему почему-то казалось, что конвенция с Румынией не есть прямое дело Министерства иностранных дел. Насилу мог я добиться, чтобы он, по крайней мере, телеграфировал Игнатьеву об отправлении А. И. Нелидова чрез Одессу в Бухарест и чтобы дана была этому последнему необходимая инструкция относительно политической стороны конвенции. Что же касается специально военных пунктов, которые предполагалось включить в конвенцию, то я предложил воспользоваться проездом ген. Обручева чрез Одессу, поручив ему по всем означенным пунктам войти в ближайшее обсуждение с ген. Семекой, который и передаст их с необходимыми пояснениями А. И. Нелидову, в проезд его чрез Одессу. Старик горячился, не давая себе труда вникнуть в дело, но кончил тем, что все сделал, что́ я предложил. Обручев отправится завтра на пароходе в Одессу.—С тем же пароходом едет и Тотлебен.

Известие об отъезде царской фамилии из Ливадии произвело, разумеется, тревогу в Ялте и окрестностях. Все бросились также вон оттуда; «Эреклик» сегодня отправился нагруженный множеством пассажиров.

24-го октября. Воскресенье.—Возвратился из Симеиса, где отдохнул ровно сутки после двух недель постоянных треволнений в Ливадии. Семья моя, не разделяя общей паники, решилась

---

* уступки и

остаться в Крыму на все время мобилизации войск, несмотря на то, что в продолжение этого времени пассажирское движение по железной дороге будет прервано. Не полагаясь на полицейскую охрану, послал я в Симеис на всякий случай несколько ружей и револьверов, а ген. Рихтер обещал жене поставить в нашем имении маленький пост.

Пробыв около суток в отсутствии из Ливадии, я уже отстал от современного течения дел; знаю только то, что́ было получено в пятницу и утром в субботу. Из Константинополя отправлены в Сербию приказания турецким войскам прекратить военные действия; комиссары также едут для определения демаркационной линии между воюющими. Наши полковники Зеленый и Боголюбов примут участие в этом деле. Государь по этому поводу заявил непременное требование, чтобы турки очистили занятую ими часть сербской территории; из этого вопроса он снова намеревался сделать casus belli и вторично предъявить ultimatum. Однакож кн. Горчаков уговорил не злоупотреблять этим крайним средством, только что испробованным с успехом. В этом случае и я, и гр. Адлерберг поддержали канцлера. Действительно, нельзя же чуть не каждый день прибегать к новому ультиматуму, после каждой уступки со стороны турок сейчас же требовать с поднятым кулаком новой уступки.

Вчера государь показал нам с негодованием телеграмму, полученную от Черняева, который с нахальством спрашивает, может ли он приехать в Ливадию представиться государю. Ему дан ответ, что не только не разрешается*, но и воспрещается возвращение в Россию. В глазах государя, Черняев поступил и бесчестно, и противузаконно: бесчестно — потому, что обещал ген. Потапову исполнить волю государя, запретившего ему ехать на театр войны; противузаконно — потому, что без разрешения оставил подданство русское и вступил в службу иностранного государства. По русским законам Черняев подлежал бы суду и уголовному наказанию.

В пятницу уехал на пароходе генерал Вердер с письмом государя к императору Вильгельму. Пред самым отъездом он зашел проститься со мной, и в первый раз мне случилось войти с ним в серьёзный разговор. Я старался разъяснить ему, в каком именно смысле государь находит неудовлетворительным то положение, в которое стала Германия в восточном вопросе, и в чем именно заключается ожидаемая ныне от берлинского кабинета услуга. Вердер, между прочим, выразился, что из объяснений своих с кн. Горчаковым не мог понять, чего требуют от Германии, тогда как объяснения государя вполне понятны.

Теперь сущность дела заключается в том, чтобы скорее открыть конференции и по возможности положительнее, категоричнее поставить вопрос об основаниях, на которых возможно замирение или,

---

* приехать в Ливадию, но и воспрещается возвращение в Россию без особого на то разрешения.

лучше сказать, будущее устройство судьбы балканских христиан. От большей части кабинетов уже даны по телеграфу полномочия представителям их в Константинополе; к сожалению, французский посол Bourgoing , действующий обыкновенно в смысле примирительном и честном, счел нужным в эту важную минуту отправиться в Париж за инструкциями. Отсутствие его неминуемо замедлит открытие совещаний.

29-го октября. Пятница. Москва.—Во вторник, 26-го числа, их величества с их высочествами выехали из Ливадии на паровой яхте до Севастополя, а далее по железной дороге. В пути получались телеграммы не совсем приятные. Англия не соглашается выпустить слова «территориальная» неприкосновенность Оттоманской империи и заранее заявляет, что не допустит занятия Болгарии какими-либо иностранными войсками. Сама Порта уклоняется от конференций в Константинополе. По моему предложению сочинен был во время пути проект циркуляра от государственного канцлера во все посольства русские при иностранных дворах для объяснения побудительных причин предстоящей мобилизации. Сочиненный бароном Жомини проект переделывался несколько раз. Были* суждения о том, в который день отправить этот циркуляр и в который объявить мобилизацию. Государь желал подписать указ в Москве, на другой день по приезде. Я выражал мысль, что распоряжение о мобилизации, хотя и требует указа Сенату, не есть, однакоже, акт, подлежащий формальному обнародованию; в большей части случаев бывает даже необходимо мобилизацию производить сколько можно с меньшей оглаской. Притом приступить к самой мобилизации нельзя прежде 1-го ноября. Кн. Горчаков, с своей стороны, высказывал, что подписание указа о мобилизации в Москве может быть истолковано в том смысле, что мера эта ** принята как бы под давлением московских крикунов [58]. Вследствие тех ли, других ли соображений, государь сегодня объявил, что отлагает подписание указа о мобилизации и всех назначений на должности по действующей армии до возвращения своего в Царское Село, 1-го ноября.

В Москву приехали мы вчера вечером. Уже в дороге нашли снег и санный путь; в Москве—полная зима. Сегодня в полдень во дворце происходил заведенным порядком большой выход. Пред тем было у государя обычное совещание; канцлер прочел полученные телеграммы и окончательную редакцию циркуляра. Выход был многолюден. В Георгиевском зале, где стояли представители разных сословий города, государь остановился и произнес речь, которая вызвала одушевленные крики «ура».[59] Затем была исполнена обычная церемония поклона с Красного крыльца и шествия в Успенский собор и Чудов монастырь.

* совещания о том

** как бы вырвана московскими крикунами.

К обеду во дворец были приглашены городские власти и сановники; вечером царская фамилия и свита наслаждались в театре превосходной русской труппой.

31-го октября. Воскресенье.—Вчера утром, до смотра, был я с докладом у государя и представил на подпись его указы о мобилизации войск и приказы о формировании армии, корпусов и о главных назначениях на должности по полевому управлению. Все это было подписано и утверждено с пометкой 1-м числом ноября, в Царском Селе; первым же днем мобилизации назначено 2-е ноября и положено в этот же день разослать циркуляры госуд[арственного] канцлера.

Смотр войскам московского гарнизона происходил в полдень на Театральной площади; государь был весьма доволен всеми частями. После смотра начальники были приглашены во дворец к завтраку, а затем было у государя обычное совещание. Известия из Лондона и Константинополя становятся с каждым днем все хуже, и надежды на мирное разрешение вопроса уменьшаются.

К обеду во дворце было опять приглашено несколько лиц высшей московской иерархии и дам, а вечером был раут у генерал-губернатора.

При утреннем докладе я прочел государю письмо, полученное мною вчера от кн. Черкасского, который выражает желание при нынешних чрезвычайных обстоятельствах посвятить свои труды и способности на пользу общего дела, какой бы ни было деятельностью на театре войны. Государь принял это заявление с особенным радушием и, несмотря на все интриги, которыми в былое время умели восстановить его против кн. Черкасского, выразил сожаление, что он так долго остается вне служебной деятельности[60]. Государь вполне ценит блестящие способности кн. Черкасского и вспоминает услуги, принесенные им в польском деле при покойном моем брате Николае. Так как государь говорил пред тем о необходимости приискания лица, которое могло бы облегчить заботы главнокомандующего по гражданским делам в занятом крае, также о том, как желательно установить формальную, официальную связь между правительством и разными славянскими комитетами, то я воспользовался случаем, чтоб указать на кн. Черкасского, как на человека наиболее способного именно к подобной деятельности. Вечером, на рауте, государь, увидев кн. Черкасского, довольно долго беседовал с ним, представив его императрице, и тогда я уже мог прямо войти в соглашение с ним о приведении в исполнение возникшей мысли. Кн. Черкасский был видимо обрадован такому предложению и обещал привезти в Петербург записку об учреждении при главнокомандующем особой должности заведывающего гражданскими делами.

Сегодня утром зашел я к государю и доложил о вчерашнем объяснении моем с кн. Черкасским. Государь вполне одобрил мое предположение. После обедни был прием депутаций с адресами: одной—от московского дворянства, другой—от города. Адресы эти, без

сомнения, поднимут страшный переполох в Европе. Уже и теперь во всех столицах произвела громовое впечатление речь, произнесенная государем в пятницу в Кремлевском дворце. Наверное скажут, что теперь Россия сбрасывает с себя маску миролюбия, что она то и будет виновницей общей европейской войны.

В час пополудни был обычный развод в манеже (по-московски—«экзерцир-гаузе»).

В 3 часа принимал я представителей от Славянского комитета; во главе депутации был И. С. Аксаков, депутатами—купцы Третьяков и Морозов. С ними приехал и ген.-м. Столетов, на которого возлагается формирование болгарского ополчения. Беседа наша продолжалась более часа; мы условились о плане действий по болгарскому вооружению. Вслед затем я должен был принять Ростислава Фадеева, который письмом просил свидания. Встреча с этим человеком, злобно ратовавшим несколько лет против меня лично и против Военного министерства в газетах, брошюрах, на разных сходках и пирах, не могла быть для меня приятна. Всегда имел я невысокое понятие о нравственных свойствах этого болтуна и интригана; однакож не ожидал, чтобы он мог с таким цинизмом отречься от всего прошедшего. Начал он с того, что объявил о совершенном изменении своего образа мыслей относительно нашей теперешней системы военной администрации и организации войск; затем перешел к болгарским делам и с хвастовством уверял, что ему на роду написано сделаться известным и влиятельным во всем славянском мире «от Чехии до Салоник». Речь эта клонилась к тому, чтоб определить его снова на службу и употребить или для формирования болгарского ополчения, или для поддержания войны в Черногории. Хвастливые эти выходки были в особенности потешны после только что слышанной мною, за несколько минут пред тем, убедительной просьбы представителей Славянского комитета не допускать участия Фадеева в делах Болгарии и славян вообще.

Сегодня обед назначен в дорожной форме; прямо с обеда едем на станцию железной дороги и завтра в первом часу дня будем в Петербурге.

7-го ноября. Воскресенье. Петербург.—Прошла целая неделя с приезда сюда, и во все это время не нашлось ни одной свободной минуты, чтобы заглянуть в дневник. Множество дел, накопившихся в мое отсутствие, тысячи вопросов, требовавших разрешения по поводу мобилизации войск и военных приготовлений, в то же время поездки в Царское Село, большой смотр войскам на Царицыном лугу, а вчера и сегодня церемонии и обеды в Царском Селе (по случаю гусарского праздника, присяги великого кн. Николая Николаевича младшего и крестин новорожденного вел. кн. Кирилла Владимировича) наполняли и даже переполняли все дни. 1-го числа * объявлены в приказе назначения главных лиц в полевом управле-

---

* подписаны указы о мобилизации и в тот же день

нии Южной армии; 2-го числа—началась мобилизация *, и в тот же день опубликован циркуляр государственного канцлера, объясняющий причины мобилизации [61]. В первые же два, три дня почти повсеместно все люди запаса собраны и переданы в распоряжение военного начальства для отправления по железным дорогам; в то же время выставлены лошади, во многих местностях добровольно; по железным дорогам исполнено общее распределение подвижного состава, с прекращением при этом товарного движения. Хотя этот первый опыт мобилизации со времени последних реформ в нашей армии начался при условиях наименее благоприятных (зимой), однакож слышатся отовсюду одобрительные отзывы. Авось либо теперь, наглядно, на деле убедятся в том, что Военное министерство знало, что́ делало; авось рассеятся предубеждения и сомнения насчет произведенных реформ. Слышу, что даже прежние противники мои уже изменили свои мнения и начинают сознавать громадный успех, сделанный в устройстве нашей армии и готовности ее к войне. Заметно, что настоящий ход распоряжений по военной части имел влияние и на государя, которого обращение со мной значительно изменилось к лучшему. В Европе, повидимому, поняли, что Россия не шутит и серьёзно готова на решительный образ действий. Слова государя в Москве и циркуляр государственного канцлера о мобилизации армии произвели благоприятное впечатление. ** Вчера ген. Вердер возвратился из Берлина с ответными письмами от императора Вильгельма и Бисмарка, вполне успокоительными и дружественными; Австрия и Турция изъявили наконец согласие на открытие конференций; наш государственный канцлер опять питает надежды на сближение с Англией... А между тем в Вене дело о конвенции с Австрией туго подвигается; с Румынией переговоры, как кажется, до сих пор и не начинались; в английских арсеналах и адмиралтействе работа кипит...

Сегодня в Царском Селе, после церемонии крестин, происходило, по высочайшему повелению, совещание у кн. Горчакова по поводу записки, составленной кн. Черкасским об устройстве гражданской части при полевом управлении армии. Участвовали, кроме самого канцлера, великий князь Николай Николаевич, его начальник штаба ген. Непокойчицкий, министры внутренних дел и финансов, кн. Урусов, кн. Черкасский и я. Не обошлось без раздражительных прений, особенно между кн. Горчаковым и мной. Тут выказалось уже начало интриг против Черкасского: Тимашеву не по нутру это назначение; он не может переварить, что Черкасский опять всплывает наружу, что он имел на днях продолжительную аудиенцию у государя, причём совершилась полная мировая. Вчера уже я заметил из нескольких слов кн. Горчакова, а потом из раз-

---

* и поставка лошадей

** Везде выражается убеждение в том, что восточный вопрос должен разрешиться мирным путем.

говора с Тимашевым, что против Черкасского готовится заговор. Однакож я убежден, что * эти интриги не удадутся; прошли уже времена шуваловские. Личность кн. Черкасского является ныне очень кстати: если нашим войскам суждено вступить в славянские земли за Дунаем, то одно присутствие Черкасского при армии придаст движению ее тот именно характер, то значение, которые оправдывают в глазах Европы наше вооруженное вмешательство в турецкие дела. Вот чего не понимают, или не хотят понять, кн. Горчаков, Тимашев и комп[ания].

13-го ноября. Суббота.—Неделя прошла без замечательных эпизодов. В дипломатии—какой-то антракт, выжидательное положение. В Константинополе ожидают приезда второго английского уполномоченного лорда Салисбюри и обоих французских: Bourgoing и Chotardy; турки окончательно согласились на конференцию; в Англии общественное мнение приняло мирный оттенок. Салисбюри, в проезд свой чрез Париж и Берлин, в беседах с Деказом и Бисмарком выказал настроение спокойное и благонамеренное. В ожидании открытия конференций Игнатьев приготовил программу требуемых Россией реформ в христианских областях Турции. Наш престарелый канцлер—опять в иллюзиях, опять надежды на мирный исход. Отъезд великого князя Николая Николаевича несколько отсрочен. Однакож приготовления по военной части продолжаются с прежней деятельностью. Батареи в Одессе, Севастополе, Очакове окончательно вооружены, укладываются мины. Приведение войск на военное положение исполнено совершенно успешно, несмотря на время года и жалкое состояние железных дорог. Нераспорядительность ведомства путей сообщения проявилась на опыте: пришлось приостановить в с е военное движение на 3 дня, чтобы дать время окончить перемещение подвижных средств с одной дороги на другую. Чрез это сосредоточение войск к театру войны, конечно, замедлится, но, к счастью нашему, первый опыт мобилизации производится при таких обстоятельствах, что подобное замедление еще не большая беда. Мы воспользуемся этим уроком для усовершенствования системы мобилизации на будущие, более серьёзные случаи. Авось к тому времени укротится теперешний антагонизм между военным ведомством (или, точнее говоря, генералом Анненковым) и Министерством путей сообщения.

В пятницу в Царском Селе было опять совещание по вопросу об устройстве гражданской части при действующей армии за Дунаем. На сей раз оно было уже под председательством самого государя; присутствовали великие князья наследник цесаревич и Владимир Александрович. Цель совещания, очевидно, состояла в том, чтобы рассеять личные предубеждения против кн. Черкасского со стороны государственного канцлера и Тимашева. Достиг ли государь своей цели—не знаю; по крайней мере, на вид оба противника Черкасского и сочувствующий им Мезенцов (заведующий

* Тимашеву не удастся помешать нам

III отделением) вышли из заседания как-будто успокоенные. * Но прекратится ли в действительности скрытая интрига?

На этой неделе я был на двух обедах в честь кн. Черкасского: во вторник—у Ал. Агг. Абазы, а в пятницу—у Конст. Карл. Грота.

Вчера только узнал, что еще в сентябре месяце президент Французской республики[62] удостоил меня ордена Почетного легиона (Grand-croix) [63].

15-го ноября. Понедельник.—Вчера опять ездил в Царское Село по случаю дня рождения цесаревны. Пока шла обедня, мы с Грейгом пошли в мою комнату и беседовали о современной политике. Грейг не понимает, из-за чего может быть война и как вести ее зимой. Он поклонник Англии; убежден, что она вовсе не имеет враждебных против нас намерений, лишь бы не шли мы на Константинополь.

Заем (внутренний) в 100 милл., как говорят, не дал блестящих результатов. Финансисты наши даже сомневаются в том, покрыт ли он сполна. А между тем 100 милл.—ничтожная цифра, если в виду большая война.

Вчера, в воскресенье, вечером собрались у меня несколько приятелей, обычным порядком.

Сегодня, после приема в канцелярии Министерства, отдал я визит австрийскому послу бар. Лангенау. Обыкновенно он смотрит как-то мрачно, недружелюбно; теперь же, напротив того, сделался очень любезен; беседа наша продолжалась добрых полчаса; австрийский посол верит в мирный исход восточного вопроса, рассыпается в похвалах нашему государю и уверяет, что Англия вовсе не имеет желания ** ссориться с нами. По словам его, на речи и действия Биконсфильда (Дизраэли) не стоит обращать внимания: он романист, а не государственный человек; наделавшая недавно столько шума речь его в парламенте—ничего больше, как болтовня легкомысленного человека после обильной обеденной выпивки... и т. п.—Вообще теперь преобладает и в дипломатии, и в обществе надежда на соглашение ***. Возлагают большие упования на благоразумие и спокойствие лорда Салисбюри. Увидим.

16-го ноября. Вторник.—Сегодня в Царском Селе после моего доклада было опять у государя совещание. Кроме великих князей, были приглашены: государств[енный] канцлер, министр финансов, гр. Адлерберг, ген.-ад. Непокойчицкий, кн. Черкасский, белградский консул Карцов и я. Главным предметом суждений были привезенные Карцовым и бывшим сербским министром Мариновичем изве-

---

* Первоначальный текст после слов «...со стороны государственного канцлера и Тимашева.» (стр. 110, строка 3 сн.): «Государю это удалось вполне. Оба эти противника Черкасского, несмотря на подмогу Мезенцова (заведующего III отделением), вышли из заседания с видом успокоенным».

** затевать с нами войну.

*** между константинопольскими уполномоченными.

стия о настоящем положении Сербии. Маринович привез письмо кн. Милана к государю и данную князем собственноручную инструкцию Мариновичу. Из обоих этих документов видно, что Сербия находится в отчаянном положении; кн. Милан раскаивается в том, что ослушался благих советов русского императора, и прямо заявляет, что без сильной помощи России Сербия не в состоянии продолжать войну и вынуждена будет * подчиниться всем турецким требованиям. Кн. Милан выражает готовность свою вступить лично в ряды русских войск.—После довольно разнообразных рассуждений решено было: 1) помочь Сербии деньгами и послать туда лицо для организации сербских военных сил; 2) помочь Черногории доставкой патронов и 3) ускорить по возможности ход переговоров как в Константинополе, так и в Вене и Бухаресте.

Относительно конвенции с Румынией я получил вчера любопытные сведения от полк. Золотарева, который только что возвратился из Бухареста. Из разговоров его с Братиано видно, что первый министр румынский заметно изменил свои взгляды со времени посещения Ливадии; он уклоняется от всяких положительных заявлений относительно заключения конвенции и как-будто боится компрометировать и себя, и Румынию преждевременной сделкой с Россией.

19-го ноября. Пятница.—Дипломатические известия продолжают быть успокоительными, хотя в самом Константинополе господствует настроение воинственное и самонадеянное. В последние дни у нас главным предметом забот были разные вопросы, относящиеся к устройству полевого управления действующей армии. Сегодня же главнокомандующий с многочисленной своей свитой отправился в экстренном поезде по Николаевской жел[езной] дороге. Проводы были торжественные и одушевленные: на улицах толпы народа кричали «ура»; на воксале—другая толпа генералов и офицеров, во главе их наследник цесаревич и другие великие князья. От войск гвардии и армии поднесены главнокомандующему иконы. Возгласы «ура» умолкли только тогда, когда поезд ушел со станции.

Из Вильны вызван ген.-л. Никитин, начальник штаба округа. Я указал на него, как на человека наиболее способного для предположенного отправления в Сербию, чтобы помочь тамошнему правительству в устройстве вооруженной силы. Он едва застал великого князя пред самым отъездом его. Надеюсь, что Никитин хорошо исполнит крайне трудное поручение. Одно из главных затруднений встретит он в личности Черняева—самолюбивого до смешного. Трудно объяснить, почему и государь, и великий князь Николай Николаевич щадят и балуют человека, который во всякой другой стране был бы осужден заочно на вечное изгнание.

20-го ноября. Суббота.—Сегодня в последний раз ездил я с докладом в Царское Село. Завтра царская фамилия переселяется в

---

* во что бы ни стало заключить мир.

Зимний дворец.—При докладе, когда речь коснулась настоящего хода мобилизации войск, государь сказал мне, что его истинно радует, что дело это идет так хорошо и что в настоящем случае выказалось на деле, сколько сделано для благоустройства армии. «Даже противники твои,—прибавил он,—теперь вынуждены отдать справедливость тому, что́ тобою сделано». Государь протянул мне руку и * сердечно обнял меня.

Государь недоволен ходом дипломатических дел. Несмотря на успокоительные сведения о свиданиях лорда Салисбюри с министрами в Берлине, Вене и, наконец, в Риме, в Константинополе продолжаются попрежнему проделки Эллиота. Благодаря его внушениям решено провозгласить в Турецкой империи комическую конституцию, в которую никто не верит, начиная с султана и самого Эллиота. В Афинах перемена министерства; в Бухаресте можно опасаться того же, а в случае удаления Братиано, встретится затруднение в заключении конвенции. Румынское правительство торгуется, желая выговорить себе политические гарантии, что, впрочем, весьма естественно.

Но всего хуже известия из Белграда.... Государь торопит отъезд ген. Никитина. Но трудно вести дела, когда главное лицо—государственный канцлер **—ничего знать не хочет, кроме редактирования дипломатических депеш и телеграмм. Главная забота его—вписывать эти депеши и телеграммы, даже самые ничтожные по содержанию, в заведенную им книгу, получившую прозвище горчаковского «альбома». Все, что вне этой редакторской работы, госуд[арственный] канцлер считает посторонним для него делом. Сегодня он даже уклонился от сношения с сербским правительством относительно командировки ген. Никитина. Министерство иностранных дел не принимает никакой инициативы и ограничивается ответами на запросы послов. К сожалению, и в этом не всегда удачно.

23-го ноября. Вторник.—В прошлое воскресенье, между парадом л.-гв. Семеновского полка и обедом в Зимнем дворце по случаю полкового праздника, было у меня совещание по предмету сербских дел и командирования туда ген.-л. Никитина. В совещании участвовали Гирс, кн. Черкасский, консул Карцов, кн. Васильчиков (председатель петербургского отдела Славянского комитета), гр. Гейден и ген. Никитин. Пришлось обсуждать и разрешать такие вопросы, которые прямо подлежали бы Министерству иностр[анных] дел; но оно как будто в стороне. Вчера же оказалось, что оно даже не сочло нужным позаботиться об отпуске из Министерства финансов предположенной субсидии сербам в 1 миллион рублей; пришлось мне же взять на себя инициативу в этом деле: я

---

* обнял меня с видимым смущением.

** отталкивает от себя все, кроме редактирования дипломатических депеш и телеграмм.

написал министру финансов, который сегодня уже уведомил меня об испрошенном им высочайшем разрешении на отпуск этого пособия.

Сегодня, после доклада моего, было у государя совещание по дипломатическим делам. Речь шла о переговорах, которые ведутся Новиковым в Вене и Нелидовым в Бухаресте относительно секретных конвенций с Австрией и Румынией. В этих переговорах Австрия выказывает рельефно всегдашнюю свою политику: никаких обязательств принимать на себя не хочет, а желает получать выгоды чужими руками. Румынские же министры боятся себя компрометировать и виляют, тем более, что само министерство чувствует непрочность своего положения; а Нелидов, в свою очередь, избегает затрагивать сущность дела, находя, что прежде объявления войны будто бы нельзя сговариваться о том, какое содействие русская армия может найти в чужой стране по переходе чрез границу.— По всему видно, что нам не удастся заключить конвенции ни с Австрией, ни с Румынией в том смысле, как мы с Обручевым проектировали в Ливадии. Видя, как наши дипломаты нетверды, как они боязливы и осторожны, я не настаивал на заявленных требованиях по военной части, а просил только об одном—скорее что-нибудь заключить, хотя бы весьма недостаточное, но лишь бы не очутиться вовсе без всяких соглашений с обоими соседями в момент начатия военных действий. Князь Горчаков прочел проектированные им инструкции Новикову (которые, впрочем, редактированы искусно) и снова выражал уверенность свою в благоприятном исходе конференций. Эта вера в мирный результат одна может объяснить медлительность наших дипломатов. Они как будто и позабыли о наших приготовлениях к войне, поглотивших уже многие десятки миллионов рублей.

Сегодня мой доклад и совещание кончились так поздно, что я счел себя вправе освободиться от заседания Комитета министров. Впрочем, дела теперь так много, а времени так мало, что с самого приезда своего в Петербург я ни разу еще не показывался ни в Государственном совете, ни в комитетах.

Пред обедом были у меня консул наш в Рагузе Ионин и кн. Черкасский. Толковали о Черногории и средствах оказания ей помощи.—Обедал я у их величеств.

27-го ноября. Суббота.—В последние три дня получены из Константинополя и Лондона успокоительные телеграммы: лорд Салисбюри и ген. Игнатьев с первого свидания остались очень довольны друг другом; после того каждый день они имеют совещания между собой по нескольку часов. Игнатьев дает надежды на соглашение, хотя до сих пор британский уполномоченный упорно противится предположению об «оккупации» Болгарии русскими войсками. Он предлагает, в виде «гарантии исполнения», комбинации странные, невозможные, ребяческие: наприм[ер], назначение для управления и устройства Болгарии голландца, бельгийца или швейцарца с полицейской стражей от которого-либо из тех же го-

сударств!—Конечно, на таком предположении нельзя остановиться: или англичане должны сдаться и отступить от своего упрямого предубеждения против занятия Болгарии русскими, или кончится все-таки войной. А между тем время уходит. Срок перемирия истекает. Известия о положении дела в Сербии самые печальные....

Консул наш в Рагузе Ионин привез также печальные сведения о * положении черногорцев, у которых нет ни хлеба, ни одеяния, ни патронов. Решено отпустить I миллион рублей на покупку хлеба и патронов.

С Румынией конвенция заключена, и Нелидов везет ее сюда, для утверждения. При этом, однакоже, румыны также выпрашивают себе помощь деньгами и ружьями. С Австрией же переговоры идут туго; Андраши заявляет домогательства непозволительные, так что, несмотря на полученную вчера государем любезную телеграмму от императора Франца-Иосифа, наш канцлер сегодня уже выражался в том смысле, что лучше прервать все переговоры и обойтиться без всякой с Австрией конвенции.—Неужели наши дипломаты рассчитывали на искреннее и бескорыстное дружество к нам Австро-Венгрии? Могли ли они сомневаться в том, что венский кабинет и на сей раз, так же как во все прежние времена, позаботится только о своих собственных выгодах и постарается приобрести для себя сколько можно более чужими руками. На долю России она предоставляет тяжелую войну, затрату сотен миллионов рублей, а на свою—захват всей Боснии и Герцеговины. **

Вчера в Лондоне было замечательное собрание, под председательством лорда Вестминстерского, в смысле антитурецком. Судя по телеграммам, собрание это выразило полное осуждение политики гр. Биконсфильда и требование, чтобы великобританское правительство действовало в согласии с Россией. В тот же день наш курс поднялся значительно на бирже.

Вчера же мы торжествовали обычным порядком праздник ордена св. Георгия. Утром выход, молебствие, потом обед для нижних чинов, а затем обед в Николаевском зале. Число кавалеров уменьшается с каждым годом; из нижних чинов почти исключительно сохранились кавалеры в корпусе жандармов и в городской полиции.

Сегодня, после моего доклада, приглашены были в кабинет государя кн. Горчаков, Рейтерн и гр. Адлерберг. Читали последние телеграммы, уклонились от обсуждения просьб Румынии и ре-

---

* жалком

** Первоначальный текст после слов «...и постарается приобрести для себя сколько можно более чужими руками.»: «На долю России она предоставляет тяжелую войну, затрату сотен миллионов рублей, а себе предоставляет захватить всю Боснию и добрую часть Герцеговины; а затем уже по своему усмотрению оказать милость Черногории и Сербии, на сколько они заслужат».

шили послать к Новикову письмо русского канцлера, не совсем любезное в отношении австро-венгерского канцлера.

29-го ноября. Понедельник.—Во время обычного моего (по понедельникам) приема в канцелярии Военного министерства получил от государя приказание быть во дворце в 1-м часу на совещании с государственным канцлером в присутствии наследника цесаревича и гр. Адлерберга. Получены телеграммы из Константинополя и Лондона в том смысле, что между Игнатьевым и лордом Салисбюри почти достигнуто соглашение относительно программы желаемой автономии не только для Болгарии, но также для Боснии и Герцеговины. Остается все-таки разномыслие относительно средств для выполнения этой программы: англичане настаивают на своей нелепой идее о сформировании вооруженной стражи в числе 3 т[ыс.] чел[овек] из голландцев, бельгийцев и швейцарцев. Кн. Горчаков и Игнатьев, как кажется, склонны к уступке и на этом пункте. Но по всем вероятиям, если бы даже мы и показали вид согласия на чудовищную комбинацию, самый опыт исполнения укажет на деле несообразность ее, и тогда, может быть, конференция сама вынуждена будет обратиться к более серьёзным мерам, ныне упорно отвергаемым. В одной из телеграмм Игнатьева упоминается о воинственном настроении турок, которые будто бы сами готовы объявить нам войну. По этому поводу государь напомнил о прежней, заключенной между тремя императорами секретной конвенции, на основании которой в случае нападения на которого-либо из них прочие двое должны прийти на помощь[64]. Канцлер возразил, что в настоящем случае не стоит прибегать к помощи союзников, что Россия довольно сильна, чтобы одной справиться с турками; притом кн. Горчаков выразил полнейшее сомнение в практическом значении этой конвенции. Возражения эти видимо не понравились государю, который придает конвенции какую-то особенную важность. В первый раз, когда он объявил мне, под величайшим секретом, о существовании этой конвенции, я также выразил сомнение в практической ее применимости, указав именно на ту же слабую сторону, которую сегодня выставил и канцлер,— именно на то, что в конституционных государствах секретное обязательство, данное лично монархом, может остаться мертвой буквой.

Сегодня был у меня Маринович, уполномоченный от князя сербского; не знаю, почему он до сих пор не был у меня. Мы беседовали довольно долго и откровенно о настоящем положении дел. Мне казалось, что он сам мало надеется на успешный для Сербии исход борьбы; он видимо разочарован и упал духом.

Заезжал я к бухарскому посольству «отдать визит»; и сыновья эмира[65], и посол рассыпались в учтивостях и выражениях благодарности.

После продолжительного перерыва всяких сношений с Южным берегом Крыма наконец получил сегодня телеграмму от жены, которая извещает, что должна еще повременить выездом своим из Крыма. Только чрез несколько дней восстановится правильное движение по железной дороге.

2-го декабря. Четверг.—Во вторник происходил во дворце парадный обед для андреевских кавалеров. Оказалось налицо в Петербурге 16 кавалеров, из коих наполовину — больные.

В среду провел утро в учебных заведениях на Выборгской стороне, а потом — в заседании Военного совета.

Сегодня, после своего доклада, присутствовал при докладе кн. Горчакова, а потом заехал к нему, чтобы прочесть некоторые вновь полученные бумаги, преимущественно из Вены. Переговоры Новикова с Андраши о конвенции приняли весьма раздражительный характер; Андраши ставит условия невозможные; и канцлер, и сам государь уже приходят к тому заключению, что лучше совсем прервать эти переговоры и учтивым образом выразить австрийцам, что мы обойдемся и без * всякой конвенции. Такое решение может быть несколько рискованно, ибо, в случае вступления нашей армии в Турцию без предварительного соглашения с Австрией, будем всегда в тревожном ожидании какой-нибудь с ее стороны ** злостной проделки. На охрану со стороны Германии — также плохая надежда.

Все толкуют о мирном обороте дел; почти уверены, что войны не будет. Что касается до меня, то я вовсе не обольщаюсь сговорчивостью лорда Салисбюри и первыми удовлетворительными результатами предварительных совещаний в Константинополе. Если даже и сойдутся в программе местной автономии, несмотря на оппозицию Австрии, то еще впереди два камня преткновения: во-первых, поддастся ли сама Порта решению Европы и, во-вторых, какие постановятся меры для приведения в исполнение решения конференции, с согласия ли Порты или даже вопреки ее воле. На этом-то и произойдет fiasco. Можно ли в самом деле серьёзно верить, что Болгария будет организована и устроена каким-нибудь бельгийским или швейцарским генералом с 3 тысячами вооруженной стражи из бельгийцев и других!? Неужели лорд Салисбюри и все его коллеги верят сами успешному результату такой нелепой комбинации?

Вечером был первый парадный прием у германского посла ген. Швейница; съезд был большой. Все почти, с кем только ни случилось мне обменяться несколькими словами, неизменно начинали разговор с вопроса, что́ думаю я о войне или мире, и затем восхваляли успешный ход мобилизации армии. Как будто все дивятся чему-то неожиданному. Многие откровенно и простодушно

---

* секретной с ними конвенции.

** мерзкой проделки

замечают: да как же говорили, будто все так дурно у нас по военной части?—а теперь оказывается напротив того — что все в порядке и готовности!?—Некоторые добродушно подходят ко мне с поздравлениями.

6-го декабря. Понедельник.—Всякий день продолжаются у государя совещания по политическим делам. В Константинополе Игнатьев ведет дело удачно; во всех главных пунктах программы достигнуто соглашение, несмотря на противудействие со стороны Австрии и безучастие германского уполномоченного [66]. Отношения наши к Австрии сделались очень натянутыми; государь недоволен и Германией, которая не оказывает того давления на Австрию, которое было обещано. Сегодня, после поздравлений в Аничковском дворце (Николин день), сошлись мы опять на совещание у государя; на этот раз участвовал и великий князь Константин Николаевич. Государь был не в духе; несмотря на последние успокоительные телеграммы Игнатьева, он потерял надежду на мирный исход дела, так как уже усвоил себе мысль, что без занятия Болгарии русскими войсками не может быть удовлетворительного решения вопроса. Все другие предлагаемые на конференциях комбинации представляются государю не только вздорными фантазиями, но даже посягательством на честь и достоинство России. Кн. Горчаков старается удерживать государя от слишком поспешных решений в воинственном смысле, но возражения канцлера только раздражают государя. Сегодня коснулись вопроса о продлении перемирия, которое истекает чрез две недели; а между тем в Сербии ничего еще не сделано для устройства ее обороны. Генеральный консул в Белграде Карцов, только что возвратившийся туда, телеграфирует, что нашел там полное расстройство; возмущен обращением сербского правительства с нашими добровольцами. С своей стороны Игнатьев в одной из вчерашних телеграмм своих убеждает не ставить вопроса о занятии Болгарии русскими войсками как conditio sine qua non [67]; он предостерегает от больших трудностей и риска зимней кампании.

Присутствие великого князя Константина Николаевича в нынешнем совещании объясняется тем, что в числе обсуждавшихся предметов был вопрос о заказе в Америке судов для крейсерства под русским флагом в случае войны с Англией. На днях в особом совещании у генерал-адмирала обсуждался вообще вопрос о каперстве и о крейсерстве: каперство было положительно отвергнуто, но крейсерство признано полезным; мысль о постройке для этого судов в Америке—одобрена. Вследствие этого решения и ведется теперь переписка с нашим посланником в Вашингтоне [68] о заказе судов; но канцлер не сочувствует этому предположению и полагает, что северо-американское правительство не решится дать свое согласие на снаряжение русских крейсеров в портах Союза.

В 11 ч. вечера меня потребовали во дворец; к тому же времени приглашены были наследник цесаревич и кн. Горчаков. Обсуждали

последнюю телеграмму Игнатьева и решили послать ему в ту же ночь, по телеграфу, полное одобрение его плана действий, т. е. согласие России на предположение всех других держав — потребовать от Порты безусловного введения в трех христианских областях постановленной конференцией административной автономии под руководством европейской комиссии и под охраной смешанной, общеевропейской же стражи («жандармерии»); но с предварительным заявлением, что, в случае отказа Порты, Россия прекращает всякие дальнейшие сношения и предоставляет себе принудить Турцию подчиниться общему решению Европы.

Таким образом, дело приняло именно тот оборот, который я находил * наименее невыгодным для нас; опасение преждевременного крутого решения со стороны государя устранено. Однакож я счел нужным напомнить о положении Сербии, которая в случае отказа Порты и разрыва между нею и Россией могла бы сделаться первой жертвой, ранее чем наши войска успели бы прийти к ней на помощь. Предложение о продолжении перемирия возможно сделать только теперь, прежде чем предъявлен Порте ультиматум европейской конференции. Если ж упустим текущую неделю, то позже не будет уже возможно предохранить бедную Сербию от погрома.—Мнение мое было принято, и тут же кн. Горчаков набросал проект телеграммы к Игнатьеву о том, чтобы он не упустил из виду настоящего беспомощного положения Сербии.

Ночное наше совещание кончилось не ранее $12^1/_2$ ч.; вопрос был так важен, что отвлек внимание государя от случившегося сегодня же утром происшествия в самом Петербурге. По окончании обедни, при выходе народа из Казанского собора толпа каких-то молодых людей и женщин вздумала произвести ** бессмысленную демонстрацию: один из молодых людей, подняв красный флаг, начал произносить речь, другие раздавали какие-то прокламации; полицейские не в состоянии были справиться; их побили; но тогда народ бросился на безумных нарушителей порядка и помог полиции арестовать нескольких из них[69]. При первых допросах многие назвали себя студентами Медико-хирургической академии; но чего они хотели, во имя чего затеяли этот фарс — еще ничего неизвестно. Можно предполагать, что эти *** безумцы—не иное что, как орудия закулисных агитаторов, может быть, даже скрывающихся далеко за границей. Завтра узнаю что-нибудь обстоятельнее. Сегодня, по крайней мере, государь не очень встревожен этой уличной проделкой и говорил о ней довольно спокойно.

11-го декабря. Суббота.—Предварительные совещания в Константинополе сверх всякого ожидания привели к единогласному заключению; надобно отдать справедливость ловкости Игнатьева, а вместе с тем спокойствию и уступчивости государя, который от-

---

* самым выгодным для нас;
** шутовскую демонстрацию;
*** несчастные

ступился даже от требования военного занятия Болгарии, лишь бы достигнуть единогласия в предварительных совещаниях. Политическое действие России, очевидно, получит твердую почву, когда не она в одиночестве, но со всей Европой в совокупности предъявит Порте требования относительно христианских областей. Однакож и при этом внушительном единогласии все-таки есть повод сомневаться в том, что Порта подчинится приговору Европы.—Вчера, за обедом во дворце, государь был озабочен последними телеграммами из Константинополя и Лондона. Турецкие министры в частном свидании с лордом Салисбюри и Шотарди с первого раза объявили, что Порта не может принять постановленных шестью державами требований. Первое же официальное предъявление этих требований Порте должно быть только сегодня. В предвидении отказа со стороны Порты, естественно является вопрос: что́ же будут делать державы, постановившие свое решение?—Россия заранее объявила, что в таком случае русский посол выедет из Константинополя и затем Россия предоставляет себе принять решительные меры; но последуют ли ее примеру другие? Из Лондона телеграфируют, что Биконсфильд заявляет неудовольствие свое на действия лорда Салисбюри, что Англия, даже и в случае отказа Порты, не может покинуть ее. Берлинскому и венскому кабинетам сделаны запросы: как они намерены поступить?

Сегодня, после моего доклада, было у государя обычное совещание. Поставлен был вопрос: должны ли мы в случае отказа Порты начать войну неотлагательно, или же, ввиду необходимости продлить перемирие для спасения Сербии от неминуемого разгрома, протянуть дело до весны?—В первый раз так прямо ставился вопрос и, мало того, государь сам положительно высказался в пользу отсрочки; он настойчиво доказывал невозможность зимней кампании при том обороте, который приняли дела. Я был изумлен таким, совершенно новым, настроением государя. До сих пор замечалось в нем нетерпеливое желание скорее взяться за оружие; приходилось мне, вместе с кн. Горчаковым, умерять его нетерпение и предостерегать от слишком быстрого решения, под влиянием какого-нибудь случайного впечатления. *

На образ мыслей государя, быть может, повлияло известие, полученное из Кишинева о болезни великого князя Николая Николаевича. С ним случился такой же точно болезненный припадок, какому подвергся он во время пребывания в Варшаве в прошлом августе месяце. Вчерашние телеграммы очень встревожили государя, и хотя сегодня утром известия несколько успокоительнее, однакож

---

* Теперь же, наоборот, пришлось мне выставлять невыгоды выжидания весны, хотя и сам видел невозможность начатия зимней кампании; время было пропущено, и если ожидать еще, чтобы Сербия оправилась и восстановила свои силы, то уже наступит такое время года, когда вовсе немыслимо предпринимать военные действия.

государь пожелал, чтобы д[окто]р Боткин немедленно отправился в Кишинев.

Сегодня были также суждения о том, как поступить в отношении Черняева. Государь уже готов был, позабыв все его проделки, снова определить его в русскую службу и поручить ему командование в действующей армии. Однакож вследствие возражений кн. Горчакова предположение это было оставлено и положено ограничиться разрешением Черняеву водвориться с семейством в Одессе. Популярность его * улетучилась; в Сербии и слышать не хотят об его возвращении туда.

13-го декабря. Понедельник.—Вчера приехал из Вены ген.-л. Обручев. ** На параде гв. Финляндского полка государь сказал мне, что привезенные Обручевым сведения благоприятнее, чем мы предполагали. Утром мне не случилось с ним увидеться: после парада я должен был посетить больного Александра Алексеевича Баранцова, у которого вместе с тем назначено было совещание по поводу доставки патронов черногорцам. Возвратившийся из Вены кап. фон-дер-Ховен объяснил нам разные затруднения, которые он и ген.-м. Ган встретили в Австрии для покупки патронов и, в особенности, для провоза их в Черногорию. Возвратившись от Баранцова, я должен был собираться на обед во дворец, опять по поводу полкового праздника. Только вечером в числе обычных воскресных моих гостей приехал и Обручев. Он рассказал мне подробности переговоров Новикова с Андраши относительно конвенции; встреченные затруднения и медленность объяснял он щекотливым положением австро-венгерского канцлера, поставленного в необходимость действовать весьма осторожно, чтобы не компрометировать себя ни пред мадьярами, ни пред будущим сеймом; с другой же стороны—нервным, сангвиническим темпераментом русского посла. Обручев полагает, что выработанная после столь долгих прений и взаимных уступок конвенция вполне удовлетворительна, и советует как можно скорее утвердить ее.

Сегодня, после обычного моего приема (по понедельникам, в канцелярии В[оенного] м[инистерст]ва), я был приглашен к государю на совещание. Кн. Горчаков прочел нам привезенные Обручевым бумаги: очень любезное письмо императора Франца-Иосифа, депешу Новикова и проект конвенции. После непродолжительного обмена мыслей положено принять конвенцию без всяких изменений [70].

Между тем известия из Константинополя очень неудовлетворительны. Митхад-паша разыграл свою комедию или, лучше ска-

---

* потеряна;

** Обручев был командирован в Вену по высочайшему поручению, в помощь послу Новикову по ведению переговоров с Андраши о конвенции, имевшей прямое соотношение с делом военным. Об этом не было упомянуто прежде в моем дневнике.

зать, фарс: в пятницу, 10-го числа, открыто было первое заседание полной конференции, т. е. с участием представителей Турции, под председательством турецкого министра иностр[анных] дел Савфета-паши, именно в то самое время, когда раздавались пушечные выстрелы по случаю провозглашения фантастической турецкой конституции. Игнатьев телеграфирует, что в Константинополе сильное возбуждение; турки как опьянелые хвастаются, что пойдут против всей Европы. Салисбюри предвидит большие затруднения с Портой; Эллиот намерен выехать из Константинополя прежде окончания конференции.

Государь озабочен и последствиями конференции, и болезнью великого князя Николая Николаевича. Снова речь шла о продлении перемирия до апреля месяца. Я пробовал затронуть вопрос,— какое же объяснение будет дано нашему бездействию: мы отвергли с упорством и негодованием предлагавшееся турками 6-месячное перемирие; поставили армию на военное положение; объявили, что Россия не может перенести оскорбления, если Порта отринет решение Европы,—и после всего этого ограничимся выездом нашего посла из Константинополя и останемся спокойно на границе, в ожидании весны!—Правда, мы будем стоять, по выражению нашего канцлера — l'arme aux bras[71]; но какое же впечатление произведет это смиренное наше бездействие и на русский народ, и на Европу, и на турок?—Не истолкуют ли наше воздержание, как признак бессилия?

Вопросы мои, как всегда, вызвали только вспышку со стороны нашего старца-канцлера; ему всегда кажется, что́ бы я ни сказал, что я хочу критиковать и порицать его действия. Однакож на государя замечания мои произвели впечатление; присутствовавший при этом великий князь Константин Николаевич также нашел мои замечания основательными и припомнил их потом, когда мы встретились в заседании Государственного совета. Что́ ни говори канцлер, а надобно придумать, как бы прикрыть благовидным предлогом нашу ретираду.

14-го декабря. Вторник.—Полученные вчера вечером и сегодня утром телеграммы от Игнатьева подтвердили то, что я высказал вчера утром на совещании. В одной из этих телеграмм наш посол пишет:

«Aprés votre refus d'admettre armistice prolongé et notre ultimatum pour armistice de 2 mois, il est impossible que nous prenions initiative d'armistice **jusqu'**au printemps, sans être taxés d'inconséquence et prêter flanc à critique et suspicion en Europe. Nous venons de proposer aux Turcs dans dernière séance de prolonger de quinze jours l'armistice et j'éprouve le plus grand embarras à modifier immédiatement proposition sans motif apparent»[72].

В другой телеграмме Игнатьев выражается еще сильнее:

«Je dois vous prévenir que si Autrichiens et surtout Turcs s'apperçoivent d'un relachement dans notre attitude comminatoire et croient

que nous ne sommes pas prêts à la guerre, il nous sera très difficile de l'éviter, ainsi que je le désire sincèrement, car arrogance et obstination des Turcs augmentera et nous n'aurons pas facilement raison de l'anarchie qui crée ici un état des choses impossible et dangereux» [73].

На эти сильные и убедительные представления государственный канцлер отвечал:

«Reçu télégrame du 13. Avons raisons puissantes pour désirer prolongation d'armistice jusqu'au 1 avril. Faites de votre mieux pour réussir» [74].

По заведенному порядку, кн. Горчаков послал проект этой ответной телеграммы на высочайшее утверждение. Государь не одобрил; но канцлер, не дождавшись возвращения проекта с обычной надписью: «быть по сему», велел отправить свою телеграмму и сам лег спать.

Сегодня утром, когда я пришел с докладом к государю, разумеется, разговор коснулся прежде всего вечерних телеграмм Игнатьева. Каково было удивление и неудовольствие государя, когда он увидел у меня копию с отправленнной ночью телеграммы кн. Горчакова, не одобренной его величеством. После моего доклада, когда вошли кн. Горчаков, вел. кн. Константин Николаевич и гр. Адлерберг, государь довольно строго выразил канцлеру свое неудовольствие, и тот должен был признаться, что лег спать прежде возвращения от государя проекта телеграммы. Государь прямо высказал кн. Горчакову, что телеграммы Игнатьева почти слово в слово совпадают с моими замечаниями, высказанными вчера и в воскресенье. Князь Горчаков, в глаза мне, свалил вину на меня же: без зазрения совести он уверял, будто настаивал на отсрочке перемирия вследствие заявленных мною требований по военным соображениям... Старик или спутал, или просто клеветал на меня: два дня сряду я высказывал в совещаниях все невыгоды продолжительного перемирия, особенно в том случае, если инициатива будет от нас. Кроме того, я прочел полученную мною сегодня же телеграмму от Непокойчицкого, который находит крайне неудобным, что конвенция с Румынией до сих пор не подписана и что ратификация ее князем Карлом последует только за 24 часа до объявления войны. С разрешения государя я ответил Непокойчицкому, что ратификация не должна останавливать распоряжений для заготовлений в пределах Румынии на случай движения нашей армии; но в душе сам сознавал, как трудно распоряжаться в соседнем государстве, пока конвенция хранится в тайне.

Сегодня же прочитаны были проекты ответного письма нашего государя к императору Францу-Иосифу и новых инструкций Новикову, разрешающих ему подписать с Андраши проектированную конвенцию с Австро-Венгрией.

Разошлись мы, не разрешив главного вопроса о том, в каком же смысле должен действовать Игнатьев и что же будем мы делать, если перемирие, истекающее чрез 6 дней, не будет продолжено.—Я отправился из дворца в Комитет министров и во время за-

седания получил от канцлера копию новой телеграммы Игнатьева следующего содержания:

«Situation s'aggrave journellement. Turcs cherchent à gagner du temps et renvoient séance à jeudi. Grisés par constitution, désirent guerre avec Russie. On assure que non seulement refuseront propositions faites par l'Europe, mais même la petite prolongation d'armistice. Sont capables d'attaquer Monténégro et Serbie à l'expiration. Si nous demandons actuellement armistice jusqu'au 1 avril, douteux que Turcs acceptent. Nous décréterions ainsi dans tous les cas occupation du territoire de la Serbie par les Turcs jusqu'au printemps et donnerions gain de cause à Elliot qui voulait conclure immédiatement la paix séparée avec Monténégro et Serbie, afin de réserver à entente ultérieure la question de l'autonomie des trois provinces. J'attends des instructions sur Serbie et Monténégro. Salisbury regrette que cabinet ne l'autorise pas d'aller jusqu'à coërcition, dont reconnait nécessité. Lui ai parlé de menace d'exécution fédérale comme moyen d'éviter la guerre entre nous et la Turquie» [75].

Телеграмма эта произвела на меня сильное впечатление; я не в состоянии был слушать многоглаголание о пустяках в Комитете и надеялся, что государь пришлет за мной, чтобы еще раз обсудить, что́ будем делать. Однакож я ошибся; вечером приехал из дворца фельдъегерь с докладом,—что государь изволил уехать на охоту!!

Еще один эпизод: министр финансов уже два раза отвечал отказом на требование великого князя Николая Николаевича об отпуске полевому казначейству хотя 50/т. р. золотом. На днях опять получено из Кишинева от великого князя письмо, в котором он настоятельно требует отпуска звонкой монеты для расплаты за границей, объясняя, что в противном случае наши кредитные билеты потеряют всякую ценность и придется даже в Румынии, т. е. в союзной земле, забирать все нужное реквизицией. Письмо великого князя было доложено государю и копия с него сообщена министру финансов. Сегодня, в Комитете, я подошел к Рейтерну, чтобы спросить, что́ намерен он делать по поводу основательного заявления великого князя. Рейтерн с обычной своей грубоватостью ограничился ответом:—ничего. Таким образом, министр финансов 80-миллионной империи объявляет открыто, что не в состоянии достать даже несколько тысяч рублей золота!

Здоровье великого князя Николая Николаевича продолжает возбуждать опасения. Государь уже раз сделал мне вопрос: что будем делать, если брат не будет в состоянии командовать армией?—

17-го декабря. Пятница.—В среду не было обычного совещания у государя по случаю отъезда его на охоту. Между тем получена вновь от ген. Непокойчицкого телеграмма, из которой видно, что начальство армии крайне озабочено неопределенностью положения: срок перемирия близок; в случае решения перейти границу, необходимо иметь впереди хотя 10 дней для приготовительных распоря-

жений. Телеграмму эту я доложил вчера государю, так же как и другую, в которой Непокойчицкий настаивает на отпуске хотя некоторой суммы золотом. Государь послал за кн. Горчаковым; прочли телеграммы Непокойчицкого; канцлер, как всегда,* вспыхнул и начал упрекать военное ведомство в том, будто бы оно само заявило, что войска «не готовы» к выступлению в поход, что будто бы от этого именно и предположено продлить перемирие до апреля месяца и что потому настоящий вопрос Непокойчицкого есть «une inconséquence»[76]. Услышав опять подобное извращение истины, я не мог сохранить полное спокойствие и довольно резко спросил канцлера: откуда взял он, что войска не готовы к походу?—Тут кн. Горчаков совсем запутался в своих рассуждениях о возможности начатия военных действий, так что вызвал опять со стороны государя строгий упрек. В этих случаях, как ни досадно, становится жаль старика, который не злопамятен и скоро забывает подобные стычки. В четверг должно было происходить в Константинополе второе формальное собрание конференции с участием турок; в ожидании сведений об этом важном моменте переговоров никакого решения нельзя было принять, и мы разошлись вчера довольно спокойно. Я ответил Непокойчицкому, что во всяком случае о переходе армии чрез границу главнокомандующий будет извещен своевременно, за несколько дней.

Весь вечер четверга прошел без всяких известий из Константинополя. Сегодня, когда я собирался ехать в военно-учебные заведения, пользуясь единственным на неделе свободным утром, потребовали меня к государю. Я нашел во дворце кн. Горчакова, министров финансов и внутр[енних] дел. Тут узнали мы, что с вчерашнего дня все телеграфные сообщения с Константинополем прерваны. Подводное сообщение с Одессой продолжалось дольше сухопутных, но и то прекратилось около 3 ч. дня. Войдя в кабинет государя, мы нашли его озабоченным: по всем вероятиям, произошел в Константинополе какой-нибудь кризис, может быть, даже кровавая катастрофа. Первые известия о случившемся вчера утром могут дойти, разве, с пароходом в Одессу, не прежде завтрашнего дня.

Главная цель нынешнего совещания состояла в том, чтобы в присутствии министра финансов (у которого доклад по пятницам) обсудить требование главнокомандующего об отпуске золота на предстоящие за границей расходы. Рейтерн прочел приготовленную им записку, в которой доказывал, что ни под каким предлогом нельзя тронуть имеющийся запасный фонд звонкой монеты, предназначенный для обеспечения нашего кредита за границей. В этом, конечно, никто и не спорил с ним; но вопрос был в том, действительно ли Министерство финансов лишено всякой возможности, не трогая запасного фонда, снабдить главнокомандующего хотя бы самым незначительным количеством звонкой монеты. Рейтерн усту-

---

* разгорячился и начал упрекать

пил, и положено было отправить в армию 50/т. золотом и до 200/т. серебром. Суммы эти, конечно, ничтожны сравнительно с размером всех предстоящих расходов; но и не предполагалось все расходы на содержание армии за границей производить золотом.

С середы изменилась домашняя моя обстановка, с приездом семьи из Крыма.

19-го декабря. Воскресенье.—Оказывается, что мы напрасно встревожились перерывом сообщения с Константинополем: действительной причиной его была сильная буря, повалившая столбы на всех телеграфных линиях. Уже 17-го числа открылось сообщение между Константинополем и Одессой. Из полученных телеграмм видно, что турки, без сомнения, подученные Эллиотом, не отказывают наотрез на требование Европы, а торгуются и предлагают принять на себя приведение в исполнение, в течение годичного срока, требуемых реформ в христианских областях. Между тем перемирие продолжено до 1-го марта нов. ст.—Таким образом, мы успокоились на 2 месяца; Сербия спасена;—но что́ будет потом?—Если, как по всему видно, нам все-таки не удастся достигнуть мирным путем заявленных требований, то придется, продержав армию всю зиму на военном положении, все-таки объявить войну, и, вероятно, без союзников; единогласие, достигнутое так искусно на конференциях, к тому времени расстроится, и нам придется начинать военные действия в самое невыгодное время года. Между тем турки, с помощью англичан, успеют организовать сильную оборону, а мы не извлечем никакой выгоды от быстроты нашей мобилизации.

Сегодня на разводе государь сказал мне, что получена телеграмма от гр. Шувалова о том, что само правительство английское уже начинает сознавать недостойный образ действий Эллиота, который во все время предварительных конференций вел за кулисами совещания с Митхадом. Говорят, будто сам Дизраэли показывает неудовольствие на своего излюбленного делегата.

24-го декабря. Пятница.—Неделя прошла в ожидании решительной развязки константинопольских конференций.—Во вторник получено было сведение, что уполномоченные дали туркам на размышление срок до четверга; что лорд Салисбюри, несмотря на невыгодное влияние на него из Лондона, продолжает держать себя с достоинством и не потворствует туркам. С нетерпением ожидали известия о заседании вчерашнего дня. Сегодня я получил приказание прибыть во дворец к 1 ½ ч.; в совещании, кроме обычного состава его, принимали участие великий князь Константин Николаевич и министр финансов. Из прочитанных новых телеграмм узнали мы, что вчерашнее заседание конференции не пришло к решению: еще раз туркам дана отсрочка на размышление до понедельника. Между тем Игнатьев намерен собрать уполномоченных, чтоб условиться в коллективном заявлении Порте, в случае окончательного ее отказа. Посол наш предполагает затем немедленно выехать из Константинополя; посланный за ним пароход «Эреклик» уже

стоит в Золотом Роге. По поводу этих известий было суждение о том, какого плана следует держаться в дальнейшем ведении дела; решено было употребить все силы, чтобы до конца сохранить единство в действиях всех шести больших держав, поэтому не торопить отъезда Игнатьева ранее других уполномоченных. Канцлер прочел проект циркулярной депеши, с которой он намерен обратиться ко всем участвовавшим в конференции кабинетам, чтобы поставить им категорический вопрос: что же полагают они предпринять после встреченного со стороны Порты упорного сопротивления всем требованиям Европы.

По случаю возвращения из Черногории полковника Боголюбова пригласил я вчера к обеду: его, консула Ионина, кн. Черкасского, Обручева и Анненкова. Само собою разумеется, что исключительным предметом разговора были Черногория и тепершнее положение дел на Балканском полуострове. Приехал также и полк. Зеленый, но я еще не видел его.

На этой неделе приехал к нам в дом брат жены Евгений Михайлович Понсэ с дочерью, которая некоторое время гостила у него в деревне, в Бессарабии. С возвращением ее состав нашей семьи окончательно пополнен: все члены ее налицо. Сегодня встретили праздник рождества совершенно тихо, у постели больной Ольги.

29-го декабря. Среда.—Еще прошло 5 дней—и все еще нет решительных известий из Константинополя. Заключительное заседание конференции все отсрочивается в той надежде, что Порта сделает наконец такие уступки, которые дадут возможность Европе благовидно выйти из натянутого положения, не доводя России до необходимости воевать. Игнатьеву весьма трудно удержать до конца полное единогласие между уполномоченными всех шести держав; для этого он должен делать постепенно новые уступки.

Сегодня было торжество в Академии наук по случаю 150-летнего юбилея ее существования. При этом присутствовала вся императорская фамилия. Государь вспоминал, что 50 лет тому назад он присутствовал на праздновании столетия той же Академии 8-летним ребенком, и пожелал, чтобы теперь присутствовал 8-летний сын наследника цесаревича Николай Александрович. Так же, как тогда, и государь, и наследник, и сын его были в мундире л.-гв. Павловского полка.

31-го декабря. Пятница.—Вчерашнее заседание константинопольской конференции должно было быть последним и решительным. Однакож вышло иначе: опять дали туркам отсрочку до следующего понедельника, чтобы надуматься. До сих пор между уполномоченными европейских держав сохраняется единодушие; лорд Салисбюри держит себя твердо и последовательно. Но получена странная телеграмма от гр. Шувалова о том, будто бы сам Биконсфильд дал знать Митхад-паше, что, в случае отказа его на предложения конференции, он не должен рассчитывать на помощь Англии. Мне что-то не верится, чтобы Дизраэли настолько переме-

нился в своих отношениях к восточному вопросу. Другое известие, также требующее подтверждения,—будто бы Вертеру из Берлина дана инструкция не делать новых уступок туркам и не соглашаться на их контр-проекты. Если это известие верно, то оно послужит новым подтверждением того подозрения, которое не раз мною высказывалось,—что берлинский двор желает втянуть Россию в войну с Турцией. Сам кн. Горчаков начинает уже разделять это предположение.

Таким образом, заканчиваем мы 1876-й год в том же положении выжидания и колебания, в каком находились во все почти течение его. Встречая новый год, каждый вопрошает: что-то принесет он России? восстановление ли спокойствия и обычного течения дел или войну со всеми ее бедствиями и грозными последствиями?

1877-й год

2-го января. Воскресенье.—Вчера, в первый день года, приехал я во дворец с обычным грузом годичных отчетов и с докладом. Прежде всего я должен был испросить указание его величества по вопросу великого князя Николая Николаевича: как следует поступить, если до объявления войны турки сами перешли бы на левую сторону Дуная в низовьях его? можно ли в таком случае нашим войскам перейти границу, отбросить турок, занять Измаил, Галац и Браилов? Точно так же, можно ли перейти неотлагательно в наступление в том случае, если начнется резня в Бабадагской области или неистовства турок над христианским населением других частей Болгарии?—Государь дал на оба случая ответы утвердительные, однакож согласился предварительно спросить мнение государственного канцлера. Поэтому после обедни я снова вошел в кабинет государя вместе с кн. Горчаковым, который также признал, что никакого не может быть опасения относительно нейтрального положения Румынии в том случае, если турки первые нарушат этот нейтралитет. В таком смысле и дан ответ великому князю главнокомандующему.—Кроме этого эпизода, не было ничего нового по части политической. Но канцлер доложил государю, что нужно было бы совещание с министром финансов по поводу изменения одной статьи проектированной конвенции с Румынией, именно касательно денежных знаков, которыми полагается уплачивать расходы наши в Румынии, в случае перехода наших войск за границу.

С этой целью сегодня, после обедни, собрались у государя: наследник цесаревич, великие князья Константин Николаевич и Владимир Александрович, кн. Горчаков, Рейтерн, гр. Адлерберг и я. Вопрос финансовый не занял много времени, но потом довольно долго (около полутора часа) продолжались рассуждения вообще о настоящем политическом положении и предстоящем нам образе действий. Новая отсрочка, данная туркам европейскими уполномоченными до будущего четверга, должна быть последней. Почти не подлежит уже сомнению, что Порта не уступит, а следовательно, все уполномоченные уедут из Константинополя. Что же потом? Канцлер наш уже проектировал вперед два циркуляра, которые он разо-

шлет один вслед за другим ко всем представителям России при иностранных дворах. Циркуляры редактированы, как всегда, безукоризненно, но сущность их все та же, что и прежних циркуляров. Говоря простым языком, можно передать их содержание в коротких словах: вот уже более года турки издеваются над Европой; все большие державы признали необходимым потребовать от них известных уступок; Порта нахально отвергла эти требования; послы выехали из Константинополя;—что же теперь вы все, великие державы, намерены сделать, получив такую пощечину?—Если вы намерены перенести ее стоически, то Россия вынуждена будет одна образумить турка силой оружия.—

Прекрасно; но что же далее? Ни одна из пяти держав * не намерена взяться за оружие; многие из них только того и хотят, чтобы Россия одна втянулась в неблагодарную борьбу с полуварварским государством **; в случае успеха ей не дадут воспользоваться плодами, а между тем она сделается на известное время неспособной вмешиваться в дела Европы. Сегодня сам канцлер наконец решился высказать весьма категорически предположение, что более всех других желает нас ослабить именно та держава, которая считается лучшим нашим другом—Германия. Давно уже прусские дипломаты и генералы внушают нам необходимость войны с Турцией и стараются уверить нас, что нам следует направить против нее бóльшие силы. Сам Бисмарк развивал то же мнение в последних интимных разговорах своих с Убри. Дружеские эти советы всегда казались мне подозрительными, но канцлер наш только теперь начинает сомневаться в искренности наших друзей и в первый раз решился высказать это государю, который выслушал его без возражения. *** Канцлер вел речь к тому, чтобы доказать, как необходимо для России избегнуть войны и остаться сколь возможно долее в согласии с остальной Европой по восточному вопросу. Государь с некоторой досадой спросил князя Горчакова: для чего считает он нужным доказывать то, в чем сам государь убежден более всякого другого?

---

* не думает ни в каком случае взяться за оружие;

** с тем, чтобы она надолго сделалась неспособной вмешиваться в дела Европы.

*** Первоначальный текст после слов «...которая считается лучшим нашим другом—Германия.» строка 19 св.): «Давно уже Бисмарк, многие дипломаты и генералы прусские внушают нам необходимость войны с Турцией; недавно еще они старались уверить нас, что нам следует направить против нее бóльшие силы; в последних же интимных разговорах с Убри князь Бисмарк входил в пространные рассуждения, чтобы доказать, что для интересов России необходимо ей начать войну. Уже давно и много раз я высказывал подозрение насчет германской политики, но канцлер наш только теперь начинает сомневаться в искренности наших друзей и в первый раз решился высказать это государю, который, однакоже, выслушал его без возражения».

разве не доказал он и не продолжает доказывать свое долготерпение, свое искреннее желание предотвратить войну; но может ли он * остаться равнодушным, когда будет затронута честь его и достоинство России?—На эту тему государь говорил довольно долго, с одушевлением; он был сильно взволнован. Припомнив в беглом очерке ход дела с самого начала восстания Герцеговины и Боснии, государь еще раз воспользовался случаем, чтобы дать строгий урок наследнику и всем тем, которые ** поддались увлечению во имя славянского дела [77]. Совершенно нежданно для меня государь вдруг перешел к ложным толкам, распускаемым насчет наших военных сил и готовности к войне. Полагаю, что при этом имел он в виду косвенно пожурить кн. Горчакова,—и заключил свою речь самым лестным отзывом о деятельности Военного министерства, результат которой выказала исполненная столь удачно мобилизация.

По окончании совещания я попросил позволения государя прочесть ему заготовленное мною ответное письмо к ген. Непокойчицкому; когда мы остались вдвоем в кабинете, государь снова начал мне говорить об удовольствии, которое доставляют ему отзывы об отличном исполнении мобилизации и блестящем состоянии сосредоточенной на юге армии. Тут государь припомнил все прошлые враждебные против меня интриги, прибавив, что он не поддался этим злостным внушениям и теперь видит, что не ошибался в своем неизменном ко мне доверии. Он был растроган, обнял меня и сказал между прочим: «Знаешь ли, кто вернее всех ознакомил меня с твоим характером и правилами?—человек, с которым ты часто расходился в убеждениях,—покойный Яков Иванович Ростовцев».— Я был глубоко тронут и сказал, что государь может быть вполне уверен в том, что во всю мою жизнь и во всех действиях я не имел другой цели, как только пользу дела, и руководствуюсь исключительно искренними своими убеждениями, устраняя всякие личные виды. В исполнении служебных обязанностей нет у меня ни родства, ни дружбы, ни вражды.

6-го января. Четверг.—Сегодня, после обедни и обычной крещенской церемонии (государь не выходил на иордань), было обычное совещание; читались вновь полученные телеграммы, из которых видно, что на мирный исход конференций в Константинополе уже нет надежды; послы всех шести держав готовятся к выезду оттуда в воскресенье или понедельник. Сегодня должно происходить совещание большого совета турецких сановников о том, подчиниться ли требованиям Европы или отвергнуть их. Между тем начались уже между кабинетами предварительные сношения о последствиях дерзкого сопротивления Порты единогласному решению Европы. Гр. Шувалов пишет, что Дизраэли старается уже оторвать Австро-Венгрию от дальнейшего совокупного действия с другими держа-

---

* во что бы ни стало

** вместе с ним

вами; а кн. Бисмарк продолжает вести странные разговоры с Убри, развивая ту мысль, что восточный вопрос не представляет для Германии непосредственного интереса. Государь имел по этому поводу два раза личные объяснения с Швейницем, который выражался в том же смысле. Кн. Горчаков теперь убедился в том, что мы не можем рассчитывать ни на одного союзника. *

Братиано соглашается ныне же подписать военную конвенцию, но торгуется: просит материальной помощи для Румынии деньгами, орудиями, лошадьми, торпедами и т. д.

8-го января. Суббота.—Вчера получено было из Константинополя известие, что собранный Митхад-пашой большой совет, из 200 членов, решил единогласно отвергнуть требования европейских держав, а сегодня утром происходило последнее собрание конференции. В вечерней телеграмме ген.-ад. Игнатьева сказано: «Conférence déclarée par nous dissoute. Salisbury, Werther et moi partons lundi; les autres suivront dans le courant de la semaine. Il est convenu de donner des instructions identiques proposées par moi aux chargés d'affaires, leur prescrivant de ne pas s'occuper de politique. On renverra les Turcs s'ils font de nouvelles ouvertures aux cabinets» [78].

13-го января. Четверг.—Несколько дней не имел возможности открывать свой дневник по множеству дел. Почти ежедневные совещания у государя продолжаются. До сих пор Игнатьев не мог выехать из Константинополя по причине бури; лорд Салисбюри первый перешел на пароход и при первой возможности отплыл в Афины; прочие послы намеревались выехать в течение недели. В последних совещаниях у государя затрагивался не раз вопрос о дальнейшем плане наших действий; канцлер продолжает говорить и вести переписку в смысле его прежней ultra-мирной политики; ему хочется во что бы ни стало держаться заодно с Европой; но замечательно, что теперь и сам государь начал склоняться к той же цели. Сегодня я даже вынужден был сделать вопрос: будем ли мы, вместе с остальной Европой, спокойно ожидать приведения в исполнение пресловутых турецких конституционных реформ и на неопределенное время держать наши армии на военном положении? Будем ли разделять с остальной Европой самоуничижение, с которым она намерена перенести турецкую «оплеуху»?—Из полученных ответов я только удостоверился в полном отсутствии ** плана действий в нашей внешней политике. Напрасно было бы с моей стороны настаивать на разъяснении моих *** сомнений, тем более, что не было

---

* Первоначальный текст после слов «...который выражался в том же смысле.»: «Кн. Горчаков теперь высказывает свои сомнения относительно наших ближайших союзников: только теперь он понял, что в критическую минуту Россия напрасно будет рассчитывать на деятельную с их стороны поддержку».

** общего

*** опасений и

много времени на серьезное обсуждение, а между тем предстояло мне изложить мои замечания на присланный Новиковым проект политической конвенции с Австро-Венгрией. В конвенции этой (как дополнении к военной конвенции) только формулированы более положительно те самые условия, которые были постановлены на Рейхенбергском свидании. Я принес карту и справки, чтобы выказать цинизм Австрии, которая, предоставляя России вести войну и оставаясь сама спокойной зрительницей, выговаривает себе львиную долю—всю Боснию и Герцеговину, т. е. страну с населением в 1 400 000 чел., тогда как нам предоставляет возвратить узкую полосу земли в низовьях Прута и Дуная, с населением едва в 200/т. и в дополнение к тому э к в и в а л е н т на азиатской границе!—Князь Горчаков, по обыкновению своему, вспыхнул, горячился, как будто я хотел уничтожить весь его проект; но после совещания, едва возвратился я домой, получил от него цидулу, которой просит меня сообщить ему сделанные мною замечания на австрийский проект с тем, чтобы * сделать в нем необходимые изменения.

Сегодня я обедал у их величеств. Перед обедом императрица заговорила со мной об утреннем совещании, содержание которого, очевидно, было уже ей известно. Она ** с сожалением отзывалась о старческой слабости нашего канцлера, с которым она уже избегает входить в разговоры, раздражающие ее нервы. Это не мешает, однакоже, старику почти после каждого совещания у государя заходить к императрице.

18-го января. Вторник.—В последние дни не было никаких замечательных известий политических. Игнатьев, не имея возможности отправиться в Одессу и тяготясь продолжительной стоянкой пред Константинополем, решился отплыть на юг, в Архипелаг; но ** будет ли продолжать путь на Триест или возвратится опять чрез Босфор в Черное море—еще неизвестно. Между тем турки ведут свои дела очень ловко; они показывают пред Европой вид полной кротости и миролюбия, предложили Сербии и Черногории заключить отдельный мир, о чем и начались уже переговоры [79]. Наш канцлер решается на днях отправить один из заранее приготовленных циркуляров, о которых я уже прежде упоминал. В нем ставится вопрос кабинетам: как намерены они далее действовать после полученного нахального отказа турок на требования конференции?—Можно наверное предсказать, что в ответ на этот циркуляр все кабинеты с своей стороны предложат вопрос: а что́ намерена делать сама Россия, более всех заинтересованная в восточном вопросе?—Что́ тогда будем отвечать?—Государь все более и более делается склон-

---

* воспользоваться ими для представления государю измененного проекта.

** одобрительно отозвалась о том, что я поднял голос против

*** решится ли продолжать путь

ным к уступчивости, к мирной развязке. Полагаю, что этому настроению его отчасти содействовало в последнее время зародившееся в его уме недоверие к политике Германии. Разговоры Бисмарка с Убри и запросы, делаемые по телеграфу Швейницу, поколебали наконец и в государе прежнюю неограниченную веру в искреннюю дружбу и верность союзника. Сам государь уже говорит, что ни на одного из союзников полагаться нельзя. Давно ли подобную мысль никто не смел бы высказать пред ним.—Сегодня, после моего доклада, присутствовал я при докладе канцлера, и речь была о странном положении, принимаемом берлинским кабинетом относительно России. Невольно мне вспоминались недавние еще совещания наши в Ливадии, когда мрачные мои опасения образования против нас такой же коалиции, какая была в Крымскую войну, принимаемы были и канцлером, и самим государем за несбыточные предположения. Сколько раз слышал я от кн. Горчакова, что ныне нет ничего похожего на ту эпоху; тройственный союз императоров считался каким-то незыблемым основанием нашей политики и обеспечением мира во всей Европе. Сегодня государь сам повторил замечание, сделанное, кажется, гр. Шуваловым в одной из последних его депеш: странно, что на бывших конференциях в Константинополе противудействовали нам те именно, которых мы считали своими союзниками, тогда как помогали нам те, на содействие которых менее всего могли мы рассчитывать.

25-го января. Вторник.—Ровно неделю не заглядывал я в свой дневник. Не было ничего замечательного ни в ходе политики, ни в петербургской общественной жизни. Вчера, на бале у наследника в Аничковском дворце, главным предметом разговоров было полученное известие о новом перевороте в Константинополе: Митхад-паша свергнут под предлогом открытого будто бы заговора его против султана; преемником ему назначен Эдгем-паша, тот самый, который был турецким посланником в Берлине и вызван оттуда для участвования в конференциях. Никто не знал еще о подробностях и поводах этого неожиданного кризиса. Сегодня утром, после моего доклада, было обычное дипломатическое совещание; разумеется, старались разъяснить, какое значение может иметь новый переворот и какое влияние произведет он на ход восточного вопроса. Настроение нашего канцлера и самого государя делается с каждым днем миролюбивее; в публике также свыкаются с мыслью, что войны не будет. В этом смысле говорил мне и Нигра, итальянский посол, с которым вчера на бале случилось мне иметь довольно любопытный разговор. Он доказывал, что Россия не имеет необходимости вести войну и что хотя никто не помешает ей в случае войны с Турцией, однакож для самой России не предвидится никакой цели, никакой выгоды даже от самой удачной кампании. Однакож он должен был сознаться, что нужен какой-нибудь особенно счастливый выход из того положения, в которое мы поставили себя, мобилизировав армию и приняв грозный вид при самом открытии конферен-

ций. Нельзя же теперь, после нахального отказа Порты, вдруг, без всякого удовлетворения с ее стороны, разоружиться и замолчать.

Сегодня обедал я в Зимнем дворце. Во время всего обеда императрица очень внимательно вела разговор о женских врачебных курсах, учрежденных первоначально при Медико-хирургической академии, а теперь перемещенных в Николаевский военный госпиталь.—Кроме меня, были приглашены ген[ерал]-ад[ъютан]ты Баранов, гр. Адлерберг, Тотлебен и Крыжановский.

28-го января. Пятница.—Вчера, на большом бале в Зимнем дворце, ходили разные слухи о новых переворотах в Константинополе: будто бы Митхад-пашу утопили, Эдгема-пашу прогнали и т. п. Все это потом оказалось выдумками праздных вестовщиков. Важнее известия из Лондона: вчера открылся парламент; в тронной речи королевы нет ничего определительного по восточному вопросу; первые два заседания бесцветны, хотя говорили речи и Биконсфильд, и Дерби, и Салисбюри.

Сегодня происходило торжество в Морском училище; праздновали 50-летний юбилей офицерских классов, которым ныне присвоено наименование Николаевской морской академии.

29-го января. Суббота.—После моего доклада был доклад кн. Горчакова, в присутствии наследника цесаревича, вел. кн. Владимира Александровича и моем. Канцлер, рассуждая о теперешней политической обстановке, об ожидаемых и предполагаемых ответах на его циркуляр, о переворотах в Константинополе, выводил из всего заключение, что ни в каком случае нам не следует вести дело к войне. Он прямо высказал свое опасение образования нового тройственного союза между Германией, Австрией и Англией!—Куда же девался наш непоколебимый союз трех императоров?!—Сам государь очень явственно клонит дело к мирному исходу quand-même и одобрительно отозвался о прочитанной вслух депеше гр. Шувалова, который прямо высказывает свое мнение, что Россия должна продолжать держаться во что бы ни стало вкупе с другими пятью державами и вместе с ними дать время Порте самой распорядиться у себя, для осуществления громких либеральных обещаний Митхада. Вместе с тем гр. Шувалов находит возможным распустить собранную нами армию. Государь, обратившись ко мне, спросил, как я думаю. Я отвечал, что, при всем моем желании мирного выхода из настоящего затруднительного положения, я нахожу невозможным вместе с другими государствами спокойно выжидать, чтобы турки сами сделали что-нибудь хорошее для христианского населения. Митхада уже нет; что́ будут делать преемники его—неизвестно; нельзя же нам на неопределенное время держать армию на военном положении; уже и до сих пор мобилизация нам стоит до 70 миллионов. Как же распустить армию, не добившись ничего? Из-за чего мы решились мобилизировать эту армию? Какой же будет благовидный повод, чтобы нам, без ущерба собственному свое-

му достоинству, вложить обнаженный меч? Даже и в прежние кризисы в восточном вопросе, когда Порта была вынуждаема давать пред Европой формальные обещания в виде хати-гумаюнов, хатишерифов и т. п., она потом смеялась над Европой и оставляла все эти обещания без исполнения. Чем же теперь успокоится Европа и, в особенности, Россия?—Чтобы распустить нашу армию и объявить возникшее столкновение улаженным, нужно же иметь какое-нибудь, хотя бы для виду, формальное разрешение вопроса. При этом я напомнил об одной телеграмме ген. Игнатьева, в которой было упомянуто, будто Порта намеревалась после закрытия конференций прислать особое посольство в Петербург. Канцлер подхватил это указание и сказал, что, само собою разумеется, это будет задачей дипломатии, что весьма можно возвратиться к мысли Игнатьева о посольстве. При этом наследник цесаревич вставил свою мысль, что было бы желательно воспользоваться случаем, чтобы окончательно упразднить трактат 1856 года и открыть свободный проход русским военным судам чрез проливы. Беседа эта окончилась тем, что признано было нужным еще подождать разъяснений: ответов на циркуляр кн. Горчакова, хода прений в лондонском парламенте, направления нового правительства в Константинополе, а может быть, и новых сюрпризов на берегах Босфора; наконец, приезда ген. Игнатьева, которого ожидают в понедельник.

1-го февраля. Вторник.—В воскресенье приехал в Петербург дон Карлос, знаменитый претендент на испанский престол, виновник стольких бедствий, кровопролитий и зверств. В тот же день он представился государю, а вчера в честь его дан в Белой зале Зимнего дворца парадный обед, с музыкой, хотя приглашенных было немного. Претендент имеет наружность красивую, высокого роста, на вид лет 30-ти; но во взгляде его есть что-то * не внушающее доверия. Государь подвел меня к нему и представил; но разговор наш был непродолжителен; личность эта мне несимпатична. Вечером опять я видел его на бале у вел. кн. Владимира Александровича.

Сегодня имел я непродолжительный доклад у государя и не остался до приезда канцлера **. Но, судя по присылаемым мне из Министерства иностранных дел копиям с полученных телеграмм и депеш, видно, что за последние два дня не было ничего рельефного. Сегодня приехал Игнатьев; появление его, как надобно надеяться, *** хоть несколько оживит нашу дипломатию.

2-го февраля. Среда.—Пользуясь свободным утром, я поехал к Н. П. Игнатьеву, но, к сожалению, не застал его дома, а возвратившись к себе, узнал, что он также был у меня в мое отсутствие.

---

* несимпатичное.

** так что за последние два дня не имел никаких положительных сведений о положении политики.

*** придаст хоть некоторую жизнь и душу нашей дипломатии.

Получив приглашение к обеду у их величеств, я догадался, что встречусь там с Игнатьевым, в чем и не ошибся. Кроме его и меня, приглашен был еще ген. Альбединский. Само собою разумеется, что Игнатьев faisait les frais de la conversation[80]; он рассказывал разные эпизоды из заседаний конференций, впрочем, большей частью уже известные. Из моих с ним разговоров à parte заметно, что ему хотелось бы теперь вести лично переговоры по восточному вопросу в Берлине, Лондоне и Париже. Может быть, и в самом деле дело было бы ведено им успешнее, чем ведется оно на бумаге нашим престарелым канцлером.

3-го февраля. Четверг.—Сегодня был на бале в Зимнем дворце (в концертном зале). Внимание публики более всего было обращено на дон Карлоса и на Игнатьева. Последний, передавая мне свои разговоры с канцлером, насмехался над ним и его выходками против меня.

5-го февраля. Суббота.— После моего доклада государь при мне же принял кн. Горчакова. По мнению государя, последние известия неутешительны; по всему видно, что Англия хочет опять затянуть дело. Наш канцлер со своей стороны, желая la paix à tout prix[81], старается отнять у государя всякие надежды на союзников и при всяком случае предостерегает от предательских замыслов не только венского кабинета, но и берлинского. Кн. Горчаков настаивал, чтобы государь потребовал письменного изложения мнений министров о настоящем положении дел и предстоящем нам образе действий, особенно же от министров финансов и военного. Он говорил, что в его лета слишком тяжело одному нести ответственность в столь серьезную эпоху; вместе с тем требовал, чтобы я предъявил сведения о положении наших военных сил и расходах как уже произведенных по случаю мобилизации, так и предстоящих в случае войны. Я ответил, что сведения эти не затрудняюсь ему доставить хоть сейчас. Государь не придал особенного значения заявлению канцлера и сказал, что желает в будущий вторник выслушать словесные наши объяснения, предполагая пригласить к совещанию и ген. Игнатьева.

Постараюсь ко вторнику приготовить две записки: одну—в виде справки для наших дипломатов, которые позволяют себе порочить наши военные силы, не имея о них ни малейшего сведения и не понимая вовсе существа дела; другую—собственно мое мнение о настоящем политическом положении нашем и плане действий. Редактирование этих записок поручил ген.-л. Обручеву и полк. Лобко[82].

8-го февраля. Вторник.—Вчера и сегодня заезжал я в Академию генерального штаба и присутствовал на испытании кончающих курс офицеров. Испытания эти состоят в решении стратегической задачи, которую каждый офицер должен устно объяснить и потом выслушать критические замечания профессоров.

Обручев и Лобко быстро и отлично исполнили порученную им работу; обе записки готовы были уже вчера утром, а сегодня при своем докладе я предупредил государя, что к назначенному сегодня же совещанию приготовлены, согласно с желанием канцлера, две записки: одна—справка о настоящем положении наших вооруженных сил и произведенных по случаю мобилизации расходах, а другая—мое мнение о настоящем нашем политическом положении. Вышло очень кстати, что я успел подготовить эти записки. Уже вчера Игнатьев, приехав ко мне, чтобы выведать мой взгляд, сказал, что кн. Горчаков приготовил свою записку к нынешнему совещанию. Сколько известно Игнатьеву, канцлер, желая la paix à tout prix, клонит к демобилизации войск, по возможности безотлагательной, в чем поддерживает его сильно Рейтерн. Игнатьев высказывался, напротив того, в том же смысле, в каком изложена моя записка, а именно,—что демобилизовать армию невозможно, не достигнув никакой, хотя бы даже для вида, уступки со стороны Турции и торжественного с ее стороны выражения желания примириться с Россией.

Совещание было назначено в 1 ч.; оно выходило из ряда обыкновенных наших совещаний: присутствовали, кроме всегдашних лиц, еще великий князь Константин Николаевич, министр финансов и Игнатьев. Пред заседанием великий князь Константин Николаевич начал было меня убеждать в необходимости во что бы ни стало устранить войну. В начале совещания и кн. Горчаков, и сам государь заговорили в том же смысле. Однакож государь пожелал, чтобы я прочел свою записку о военных наших силах, преимущественно в назидание канцлеру. Выслушав мое чтение, кн. Горчаков, видимо озадаченный приведенными в записке громадными цифрами наших сил, сознался, что он не знал, в каком размере мы уже развернули их; он попробовал обратить и эту справку в пользу своего * тезиса, сказав, что при таких грозных силах нам нечего опасаться, что уступка с нашей стороны может быть приписана нашей слабости. Затем говорил Рейтерн, разумеется, в том смысле, что Россия окончательно погибнет не только в случае войны, но даже и тогда, если долго еще будем держать армии на военном положении. Тема его была нетрудная, но он как-то особенно неудачно развивал ее: пустился в подробности, заговорил о хлопчатобумажных фабриках, о том, что мужики русские будто бы перестали покупать рубашки, отчего фабрики одни за другими закрываются, и т. д., все в таком роде. Затем канцлер прочел свою, довольно длинную, записку, в которой доказывалось, что ни в каком случае нет надобности держать наши войска на военном положении: если мы убедимся окончательно в нежелании держав побудить Порту к уступкам, то мы тогда объявим, что перестаем действовать заодно с Европой,—и сами... что же делаем?—распускаем армию и предоставляем Турцию собственной ее судьбе!!... По выслушании такого чудовищного мнения,

---

* ultra -мирного настроения.

моя записка пришлась как нельзя более кстати; можно было бы подумать, что она сочинена прямо в ответ на только что прочитанную меморию канцлером. Первая половина моей записки очень пришлась по вкусу и ему, и Рейтерну, и всем другим, так что кн. Горчаков несколько раз вполголоса выражал, что сам готов подписать все слышанное. «Не спешите,—сказал я,—заключение мое будет совсем не в вашем смысле».—Вот в чем состояла сущность моей записки: как ни бедственна война для России, однакож избегнуть ее можно не иначе, как добившись мира почетного; распустить наши войска прежде, чем добьемся такого мира, мы не можем; а добиться его можем, только подняв голос и опираясь на нашу военную силу. Мысли эти были развиты Обручевым мастерски, и чтение мое видимо произвело сильное впечатление. Государь слушал с напряженным вниманием;* кн. Горчаков, Рейтерн и великий князь Константин Николаевич видимо были озадачены. После меня начал было говорить Игнатьев, стараясь перейти на практическую почву дипломатии и как бы желая примирить воззрения министерств иностранных дел и военного; но, к сожалению, он запутался в подробностях, и государь, не дав ему досказать, прервал совещание, сказав, что дело слишком важно, что соберет нас вторично в субботу и что к тому времени каждый из присутствующих еще обдумает вопрос или сам положит свои мысли на бумагу. Уходя из комнаты, государь взял у меня из рук обе мои записки. Мы разошлись в разные двери, как будто избегая умышленно всяких разговоров.

10-го февраля. Четверг.—Лишь только я вошел с докладом к государю, он заговорил о моей записке, прочитанной в прошлом совещании (во вторник), отозвался о ней чрезвычайно благосклонно, как о выражении собственного его взгляда на настоящее положение дел, и выразил надежду, что сам канцлер изменит свое воззрение. «Я нарочно прервал совещание и не дал договорить Игнатьеву для того, чтобы не поставить вопроса слишком резко против кн. Горчакова, а с другой стороны, чтобы самого Игнатьева избавить от затруднительной необходимости противуречить своему шефу».— Несколько спустя, среди моего доклада о текущих делах, когда оба великие князя вышли на несколько минут из кабинета, чтобы поздороваться с императрицей, государь, оставшись со мною глаз на глаз, снова заговорил о моей записке, подал мне руку, благодарил за мой образ мыслей, за откровенное выражение их и прибавил, что давал мою записку прочитать государыне императрице, которая также вполне одобрила мое мнение.

Перед обедом приехал ко мне Игнатьев, чтобы сговориться относительно предстоящего в субботу совещания. По словам его, кн. Горчаков будет стараться дать другое толкование своему мнению. Барон Жомини, редактировавший записку, прочитанную во

---

* кн. Горчакова, Рейтерна и великого князя Константина Николаевича покоробило.

вторник, говорит в свое извинение, что записка эта выбрана была самим канцлером из числа четырех приготовленных бароном Жомини вариантов. Какое наивное признание! Почему бы не прочитать и остальные три записки? Нельзя ли было бы выбрать из них более удачную?—Игнатьев готовит к субботе письменное изложение своих мнений.

11-го февраля. Пятница.—Сегодня был отпразднован 50-летний юбилей всеми уважаемого генерал-адъютанта Баранцова. Многочисленные сослуживцы и подчиненные его собрались к 11 ч. утра в здании Главного артиллерийского управления; наследник цесаревич встретил юбиляра на правом фланге почетного караула от 2-й батареи л.-гв. 1 артиллерийской бригады. А. А. Баранцов назначен шефом этой батареи. При входе его в первую залу я вручил ему рескрипт государя и прочел его; потом представлялись разные депутации, читались адресы, подносились медаль, альбом и проч. и проч. Почтенный друг мой был растроган до слез.

Сегодня же ездил поздравить другого юбиляра—ген.-ад. Яфимовича, который по этому случаю произведен в полные генералы и назначен членом Комитета раненых.

12-го февраля. Суббота.—Утром был во дворце, сначала—для поздравления их величеств и их высочеств по случаю причащения, потом—с докладом и, наконец, в совещании по делам политическим. Сверх всегдашних участников этих совещаний, приглашены были Игнатьев, министры финансов, внутренних дел и государственных имуществ. Двум последним, не участвовавшим в предыдущем совещании, государь давал прочесть мою записку и с каждым из них имел разговоры по вопросу, предлежавшему обсуждению. Когда все собрались в приемной комнате, я увидел ясно, что все три министра уже предварительно стакнулись с канцлером и пели на его тему; на меня же смотрели косо, избегали со мною разговора и как будто приготовили против меня грозный союз. Однакож ничего такого не вышло. После прочтения нескольких новых телеграмм государь сам заговорил о нашем теперешнем положении и прямо объявил, что прочитанная мною в предыдущем совещании записка вполне выражает его собственный взгляд и убеждения. После того прочитаны были записки Рейтерна и Игнатьева [83]. В первой из них не сказано ничего нового: все та же песнь о финансовом и экономическом расстройстве России; в записке же Игнатьева были разобраны разные предположения о предстоящем нам плане действий и при этом выказана вся несообразность именно того предположения, которое было выражено в записке канцлера, читанной им в прошлый вторник. Кн. Горчаков сильно морщился и дулся, а когда Игнатьев окончил чтение, канцлер не выдержал и с колкостью сказал, что, выслушав «инструкцию», данную ему Игнатьевым, он, однакоже, не может во всем согласиться с ним. Государь заметил кн. Горчакову, что в записке Игнатьева нет никакой инструкции, а изложены его

мысли по требованию самого же канцлера. В новой записке кн. Горчакова, весьма, впрочем, короткой, повторялась прежняя мысль, что, в случае отказа Европы от всяких мер для понуждения Порты (в чем, впрочем, не может быть и сомнения), Россия должна объявить в манифесте, что, отказываясь от дальнейшего совместного действия с другими державами, предоставляет себе полную свободу действий... и... распускает свою армию. Такое заключение шло совершенно вразрез всему, что́ пред тем было читано и говорено, вразрез убеждению, высказанному категорически самим государем. Но его величество не возразил ему и, сказав еще несколько слов, прекратил совещание. Таким образом, ни Валуев, ни Тимашев не имели случая произнести ни единого слова, к крайнему прискорбию их, особенно Валуева, который, выходя из кабинета государя, иронически сказал обычным своим баритоном: «Кажется, нельзя сегодня пожаловаться на мое многоречие».

Казалось, эти два продолжительные совещания не привели ни к какому положительному результату. Действительно, не было формулировано никакого заключения. Однакож в сущности вопрос значительно разъяснился. Государь признал и ясно заявил, что как ни желательно избегнуть войны, однакож надобно добиваться мира не какого-нибудь, не во что бы ни стало, а мира почетного, сообразного с достоинством России. Затем в записке Игнатьева намечен и некоторый план действий для нашей дипломатии с той целью, чтобы достигнуть такого результата, который дал бы нам уважительный повод к демобилизации армии. Во всяком случае, мысль о неотлагательной демобилизации была отвергнута. Такой результат можно считать уже довольно важным. Есть надежда, что мы избегнем позорного роспуска армии пред нахальством турок.

14-го февраля. Понедельник.—Вчера сослуживцы и приятели ген. Баранцова, числом более 100 чел., собрались к обеду у Бореля; говорено не мало спичей в честь юбиляра; вспоминали старину; старики как бы помолодели на несколько часов.

Сегодня же хоронили ген. Ушакова, председателя главного военного суда; это был также человек почтенный *; его уважали за благородство характера и прямоту. Я присутствовал только при выносе гроба из дому; в Невский же монастырь на отпевание не мог ехать, чтобы поспеть в заседания Государственного совета и Особого присутствия по воинской повинности.—Обедал у германского посла Швейница.

15-го февраля. Вторник.—После доклада моего опять было совещание, к которому сверх всегдашних участников были приглашены Игнатьев и Валуев. Государь имел целью, собственно, решить вопрос о поездке Игнатьева в Берлин и Лондон для личного разъяснения ** дела обоим кабинетам[84]. Канцлер оспаривал это пред-

---

* хотя и не обширного ума.

** и направления дела.

положение, но остался совершенно один. Государь окончательно решил, чтобы Игнатьев выехал не позже пятницы, и приказал сегодня же известить о прибытии его наших послов в Берлине и Лондоне.

Между совещанием и заседанием Комитета министров присутствовал я еще на одном из чтений офицеров Академии генерального штаба.—Обедал у их величеств.

17-го февраля. Четверг.—В совещании, происходившем сегодня после моего доклада, опять присутствовали Игнатьев и Валуев. Канцлер прочел составленный в Министерстве иностр[анных] дел проект инструкции Игнатьеву. В этом проекте излагалась программа того соглашения с кабинетами, которое могло бы привести к мирному исходу восточного вопроса,—программа очень умеренная, даже крайне скромная: мы удовольствуемся чрезвычайно малым, чтобы только иметь благовидный предлог для демобилизации армии. Надобно надеяться, что Игнатьев будет настолько ловок и искусен, что выторгует что-нибудь побольше, чем эта жалкая программа кн. Горчакова. Между тем получаются отовсюду известия благоприятные для достижения столь желаемой канцлером цели—la paix à tout prix. Не только Бисмарк начал опять говорить в смысле полного содействия видам петербургского кабинета, но даже* злой наш враг Биконсфильд вдруг переменил тон и заговорил с гр. Шуваловым о своей дружбе к России. Ключ к этой загадочной перемене заключается в том, что берлинский кабинет неосторожно обратился к лондонскому с предложением довольно рискованным—действовать заодно против Франции. Тайные замыслы Бисмарка обнаружились; вот для чего он и нас втягивал в войну с Турцией и для чего кокетничал с Австро-Венгрией. Однакож лондонский кабинет отверг предложение, и можно думать, что эта неудача заставила Бисмарка возвратиться к прежней роли—друга России, а Биконсфильда — быть осторожнее и больше прежнего оберегать Европу от войны. Порта с своей стороны продолжает заискивать благорасположение Европы заключением мира с Сербией и Черногорией, обещанием реформ и уверением о желании своем распустить войска, содержание которых становится слишком уже не по силам ей. Мир с Сербией уже почти заключен; черногорские делегаты прибудут завтра в Константинополь. Гр. Шувалов уведомляет, что идет речь о посылке турецкого чрезвычайного посольства в Петербург. Все это такие факты, которые облегчают мирный исход восточного вопроса, и теперь я начинаю верить тому, что действительно мы избегнем войны, хотя и не достигнув никакого существенного обеспечения на будущее время. Мы демобилизуем армию, успокоимся на некоторое время,—но никто не поручится за продолжительное спокойствие на Балканском полуострове, и восточный вопрос может вспыхнуть снова, при обстоятельствах, еще менее, чем ныне, благоприятных для нас. Сама Англия уже начинает предусматривать близкое распадение Турецкой империи; Биконсфильд уже заводит речь о не-

* отчаянный наш враг

обходимости соглашения между державами на такой случай.—Есть ли тут действительная перемена во взглядах первого британского туркофила, или же—только удочка, на которую он хочет поймать русскую дипломатию?

19-го февраля. Суббота.—Поездка Игнатьева в Лондон встревожила и нашего посла гр. Шувалова, и самих министров английских. Уже прежде гр. Шувалов телеграммой отклонял неудобное для него прибытие Игнатьева; теперь же сам Игнатьев пред выездом из Петербурга получил от лорда Салисбюри убедительную просьбу отказаться от приезда в Лондон, потому что, по мнению его, приезд этот может более повредить делу, чем уладить его. Вследствие такого опасения решено, чтобы Игнатьев из Берлина ехал не в Лондон, а в Париж, куда выедет гр. Шувалов для личных с ним объяснений.—Канцлер наш торжествует. Я встретил его, выходя после доклада из государева кабинета.

Сегодня в приказе объявлено о сформировании штабов остальных корпусов: гренадерского и восьми армейских, в дополнение к сформированным уже в ноябре шести корпусам; также назначены и корпусные командиры. Выбор этих лиц показывает, до какой степени мы бедны хорошими, боевыми генералами; между этими лицами есть такие, которые едва годны и в начальники дивизии. *

20-го февраля. Воскресенье.— Утром был на выносе тела умершего ген. Аничкова. В свое время это был замечательно способный офицер, особенно отличный редактор. В первые годы моего управления Военным министерством он был одним из главных моих помощников в деле предпринятых реформ: на нем лежала преимущественно редакционная работа. К сожалению, он рано сошел с поприща: последние семь лет жил в отставке, в болезненном состоянии, близком к умопомешательству. Давно уже я не виделся с ним; сегодня, взглянув на него в гробу, перенесся мыслями за пятнадцать лет назад, к эпохе кипучей деятельности нашей военной администрации, к началу всего длинного ряда преобразований, приведшего к настоящему нашему военному устройству.

22-го февраля. Вторник.—В происходившем сегодня совещании у государя читались сведения, полученные из Берлина и Вены. Иг-

---

* Первоначальный текст после слов «...до какой степени мы бедны хорошими, боевыми генералами;»: «между этими лицами есть такие, которые и дивизией не могли бы командовать. Я остаюсь при своем прежнем убеждении, что инстанция корпусного командира совершенно лишняя в мирное время, особенно при составе корпусов из двух только пехотных дивизий. Но делать нечего; рано или поздно приходилось привести в исполнение то, что было постановлено в 1873 году; и в настоящее время эта мера облегчается тем, что Военному министерству отпускаются широкой рукой сверхсметные кредиты под предлогом военных обстоятельств».

натьев имел продолжительные разговоры с Бисмарком, который сулил полную поддержку свою России в восточном вопросе, не только дипломатическую, но и материальную: войском и деньгами, если только мы предоставим Германии беспрепятственно расправиться с Францией. Не остается никакого сомнения в том, что Бисмарк точит зубы на эту ненавистную для него Францию; ему хочется доконать ее, пока еще она не окрепла и пока в Германии еще не остыл воинственный пыл. Наш канцлер отвечал *, что Россия не может сочувствовать враждебным замыслам Германии против Франции, но, с другой стороны — и с Францией не входит ни в какие соглашения. После этого ответа неизвестно, захочет ли Бисмарк выполнить данное Игнатьеву обещание—принять на себя почин соглашения между державами относительно подписания общего протокола по восточному вопросу приблизительно в том виде, в каком он был проектирован нашей дипломатической канцелярией.

Из Вены получены ответы Андраши на предложения наши относительно некоторых изменений в проектированной политической конвенции между Россией и Австро-Венгрией на случай распадения Турции. Перемены эти более касаются редакции, чем существа дела; но в этих диалектических тонкостях проглядывает задняя мысль венского кабинета—пользоваться всякими случайностями для захвата всей Боснии и Герцеговины. Австрия всегда любила чужими руками жар загребать.

Вместо того, чтобы ехать в заседание Комитета министров, я навестил больного Александра Аггеевича Абазу. Разговор наш от общих вопросов политических, естественно, перешел на финансы. Абаза, хотя дружный с Рейтерном, не скрывает, что наш министр финансов впал в какое-то нравственное расслабление; он в таком нервном состоянии, что не может серьезно заниматься делом. Когда я завел речь о том, что нет никого, кто мог бы быть предложен кандидатом для замещения Рейтерна, то из некоторых слов Александра Аггеевича заключил, что он сам не отказался бы от места министра финансов, если б его несколько настойчиво попросили.

24-го февраля. Четверг.—По окончании моего доклада государь удержал меня и принял в моем присутствии министра юстиции гр. Палена. Поводом к тому было желание государя, чтобы все министры, в ведении которых имеются высшие учебные заведения, снова собрались для обсуждения мер, которые можно было бы принять против продолжающегося распространения так называемого «нигилизма» между учащейся молодежью; а как из всех министров я старший, то совещание должно быть под моим председательством. По этому поводу гр. Пален доложил государю о ходе происходящего в настоящее время судебного процесса о политической пропаганде [85]. Я вполне присоединился к мнению министра юстиции, что гласность была бы лучшим средством для противудействия зловред-

* послу нашему в Берлине.

ному направлению нашей молодежи и антисоциальным учениям, увлекающим множество легкомысленных людей. Таинственность придает какой-то интерес и заманчивость самым нелепым и безобразным замыслам; полное раскрытие этих замыслов лучше всяких преследований * нанесет удар зловредным учениям.

5-го марта. Суббота.—Более недели не было ничего, стоившего внесения в дневник. Политическое положение дел мало изменилось. С одной стороны, английское правительство склоняется на подписание коллективного протокола, предложенного нашим кабинетом чрез ген. Игнатьева,—торгуются только из редакционных тонкостей, не имеющих существенного значения; с другой же стороны—в Константинополе положение дел обещает мало хорошего: хотя между Турцией и Сербией мир заключен, однакоже с Черногорией переговоры не имели успеха; турки нахально заявляют, будто Черногория считается partie intégrante de l'Empire Ottoman[86], и отказывают в уступках территориальных, выговоренных на конференции. В Боснии и Герцеговине возобновляется восстание; мериднты угрожают туркам. Правительство турецкое не считает себя прочным, и ежедневно ожидают какого-нибудь нового сюрприза в Константинополе. Истые мусульмане и софты грозят призванием снова Митхада-паши из ссылки. При такой обстановке можно ли придавать какое-нибудь значение обещаниям Порты, даже если бы они были вполне искренни. Сегодня, при докладе канцлера, государь выражал опасение свое, что, несмотря даже на подписание протокола шестью державами, восточные дела не разрешатся без кровопролития. Уже нет речи о близкой демобилизации нашей армии.

Сегодня в ночь скончался старший сын великого князя Владимира Александровича—Александр Владимирович, после продолжительной болезни. Хотя ребенку было всего $1^1/_2$ года, однакож государь очень огорчен.

7-го марта. Понедельник.—Вчера вечером тело покойного великого князя перевезено с обычной церемонией в Петропавловскую крепость, а сегодня утром было погребение. Вся царская семья погружена в печаль. К тому же получены весьма тревожные сведения о болезни старшего брата императрицы, принца Карла Гессен-Дармштадтского. Императрица намерена даже немедленно отправиться в Дармштадт; к завтрашнему вечеру велено приготовить поезд для ее величества.

8-го марта. Вторник.—Императрица отменила свой отъезд за границу; больной брат ее в таком положении, что едва ли она застала бы его в живых.

После своего доклада я присутствовал при докладе канцлера. Из Вены получено известие, что конвенция подписана[87]; по этому случаю император Франц-Иосиф в трогательной телеграмме сообщает нашему государю свою радость.—Из Лондона еще нет изве-

---

* разоблачит

стия о том, как приняты предложенные нами редакционные поправки в протоколе.—В Константинополе вчера происходила комедия открытия парламента. Турки более, чем когда-либо, нахальны; они заранее заявили английскому правительству, что не дадут своего согласия на какой бы то ни было протокол. И все это Англия переносит с стоическим * смирением.

Сегодня великий князь Николай Николаевич младший (только на днях приехавший из действующей армии) и ген.-ад. Тотлебен отправились в Берлин для принесения поздравления императору Вильгельму по случаю наступления 81-го года его жизни.

Ген.-ад. Пав. Ник. Игнатьев (отец) по случаю смерти дочери его, княгини Енгалычевой, не мог сегодня председательствовать в Комитете министров и в Кавказском комитете; я должен был, как старший, занять место председателя в обоих заседаниях.

9-го марта. Среда.—В то время, когда, возвратившись из утренней поездки моей в клинику Вилье и в военную тюрьму, я собирался ехать в заседание Военного совета, получил приглашение во дворец, к 1 часу, на совещание. Присутствовали все лица, участвовавшие в прежних совещаниях, в том числе Рейтерн и Валуев. Канцлер прочел последние полученные из Лондона и Берлина депеши, из которых видно, что ни берлинский кабинет, ни лондонский не действуют искренно и прямодушно в отношении к нам. Бисмарк, уверявший Игнатьева и продолжающий уверять Убри в полной готовности Германии помогать России как для достижения мирного исхода, так и в случае войны, между тем в своих инструкциях Мюнстеру (послу германскому в Лондоне) ни одним словом не побуждает его поддержать нашего посла в переговорах с английскими министрами о протоколе. В совещании сегодня опять высказана была мысль, что в образе действий германского канцлера попрежнему проглядывает постоянное желание втянуть нас в войну с Турцией (желание это так велико, что Бисмарк даже предлагает помочь нам в заключении займа в 100 или 200 милл. р. в Германии; более того—обещает даже ссуду из германского военного фонда); поэтому он не сочувствует ничему, что предпринимается нами с целью миролюбивого разрешения дела. Английские же министры думают только о том, как бы скорее склонить Россию к демобилизации армии, и в этих только видах соглашаются подписать предложенный нами протокол; но, имея в то же время твердое намерение не сделать ни одного шага, имеющего характер понуждения Порты к уступкам, английские министры торгуются из редакционных мелочей. Теперь ** главная задача: определительно постановить те условия, на которых мы можем согласиться на демобилизацию армии. В этом отношении наш канцлер не имеет отчетливого плана; как он сам, так и его *** орудия за границей, желая во что бы ни стало покончить

---

* уничтожением.

** представляется главное затруднение —

*** представители за границей

дело мирным путем, ограничиваются в своих многоречивых объяснениях с английскими дипломатами лишь общими выражениями, не заключающими в себе никакой конкретной мысли. Вдобавок гр. Шувалову крайне неприятен приезд Игнатьева в Англию; в последних своих депешах он взводит на Игнатьева прямо обвинение в ложном показании, будто он был приглашен в Англию лордом Салисбюри и Биконсфильдом.

Государь недоволен ходом дипломатического дела, видит настоящее положение вещей в мрачном цвете и начинает сомневаться в возможности мирного исхода. Он прямо и резко высказывал эти мысли канцлеру, который продолжает верить и надеяться.

Совещание кончилось в исходе третьего часа, так что я приехал в Военный совет только к концу заседания.

11-го марта. Пятница.—Сегодня опять было совещание, с участием Валуева, Рейтерна и Тимашева. Предметом суждений были условия, на которых мы можем обещать Англии приступить к демобилизации армии. Я должен был опять стать вразрез мнениям, высказанным кн. Горчаковым, Валуевым, Рейтерном и Тимашевым; на сторону их стали также гр. Адлерберг и великий князь Константин Николаевич; все они снова высказывали, какие бедственные последствия для России может иметь война с Турцией, и потому признавали необходимым согласиться безусловно на предложенную английскую редакцию протокола, с обязательством с нашей стороны демобилизовать войска. Мое же мнение—что мы не должны отнюдь обещать демобилизацию прежде достижения каких-либо положительных результатов, чего трудно ожидать при настоящем положении Турции. Мнение это вполне разделяют государь и наследник цесаревич. То же мнение прекрасно выражено в письме, только что полученном от Нелидова и прочитанном в совещании. Государь весьма сильно и горячо высказал свои опасения, что в случае демобилизации наших войск немедленно после подписания бесцветного, бессодержательного лондонского протокола, мы очутимся совершенно в том же положении, в каком были в 1875 году и летом 1876-го, что чрез короткое время нам придется опять мобилизовать войска, опять нести те же громадные пожертвования, какие уже сделаны нами бесплодно, и тогда, быть может, придется вести войну при обстановке политической еще менее выгодной. Совещание, однакоже, кончилось тем, что государь утвердил проектированный канцлером телеграфический ответ гр. Шувалову и Игнатьеву о согласии нашем на принятую в Лондоне редакцию протокола, равно как и на предположенные условия, на которых мы можем обещать приступить к демобилизации.

Откровенно говоря, я не придаю никакого существенного значения всем этим прениям о той или другой редакции протокола, о тех или других соглашениях между кабинетами. Вся эта дипломатическая, бумажная кампания, уже так долго и так бесплодно продолжающаяся на позор Европы, не изменит рокового хода событий на

Балканском полуострове; факты могут расстроить все тонкие соображения дипломатов. Лондонский протокол останется пустым клочком бумаги. История с равным презрением отзовется о двух фарсах, разыгранных в одно и то же время в Лондоне и Константинополе: подписание шестью большими державами протокола, ни к чему и никого не обязывающего, столь же комично, как и открытие турецкого парламента, законченное обращением Савфета-паши к дипломатической трибуне.

14-го марта. Понедельник.—В субботу и воскресенье не было получено ничего важного о ходе переговоров по восточному вопросу; ожидаемая от гр. Шувалова разъяснительная телеграмма о придуманной им новой комбинации получена только вчера вечером, а сегодня утром прочитана в совещании у государя (опять с участием министров финансов, госуд[арственных] имуществ и внутренних дел). Предложение гр. Шувалова заключается в том, чтобы в протоколе ничего не упоминать о демобилизации, а предоставить ему, русскому послу, при подписании протокола заявить лично, par une note verbale [88], без подписи, что если будет заключен мир Турции с Черногорией, «si la Porte accepte les conseils des cabinets et se montre prête à se replacer sur le pied de paix et à entreprendre sérieusement les réformes mentionnées dans le protocole» [89], то она м о ж е т отправить в Петербург посла для переговоров по вопросу о разоружении с обеих сторон.—Такой оборот дела, если на него последует согласие англичан, конечно, был бы благовиднее для чести и достоинства России. В таком смысле и высказались все участвовавшие в совещании. Но затем все-таки вопрос оставался бы за решением самой Турции, а при теперешнем ее настроении весьма мало можно рассчитывать на благоразумие и податливость с ее стороны. Примирение с Черногорией, кажется, не состоится, а без этого и протокол лондонский останется без последствий.—Вообще в последние дни у нас в публике распространилось мнение о безнадежном положении восточного вопроса: как прежде все уверовали, без всякого основания, в мирный результат, так ныне все, столь же безотчетно, заговорили о неизбежности войны. К тому же большое впечатление произвела нескромная речь, сказанная в Московском славянском комитете председателем его Ив. Серг. Аксаковым [90]. В этой речи он осуждает весьма резко весь ход нашей внешней политики и опять бьет в набат для спасения русской чести. Речь эта, конечно, не нравится государю и не может нравиться; она не только резка, но и несвоевременна. Жаль, что подобными нескромными речами Аксаков вредит и своему личному положению и кредиту представляемого им общества. Последствием будут, несомненно, новые административные меры для обуздания Славянского комитета.

Процесс пропагандистов в народе должен кончиться сегодня приговором суда.

В субботу был я на выставке картин в Академии художеств и смотрел, между прочим, новую картину Семирадского, изображающую мучеников-христиан во времена Нерона. Картина производит большой эффект, говорят о ней много.

Вчера был у меня сенатор Половцев, близкий человек великого князя Владимира Александровича и отчасти наследника цесаревича; он приехал в назначенный мною час, чтобы прочесть мне составленную им записку о нынешнем положении нашем в отношении порядка ведения * государственных дел; основная его мысль—что все беды наши проистекают от единоличного решения дел государем по докладам министров, что для устранения этого недостатка необходимо дать иную организацию и иное значение высшим правительственным органам: Государственному совету, Сенату, Комитету и Совету министров и проч. Основную мысль этой записки отвергать нельзя, но предлагаемые способы исправления выставляемых недостатков во многом можно оспаривать. Недоумеваю только, может ли в настоящее время подобная записка вести к какому-нибудь практическому результату. Сам автор сомневается в своевременности возбуждения подобного вопроса.

16-го марта. Среда.— Сегодня было замечательное заседание Совета министров. Государь собрал нас для личного объявления своей воли, чтобы обсужен был в особой комиссии вопрос о мерах, какие следует принять для противудействия революционной пропаганде. Тимашев предложил образовать для этого комиссию из второстепенных лиц разных ведомств, с приглашением в совещания губернаторов, предводителей дворянства, жандармских чинов и проч. Гр. Пален представил курьезный схематический чертеж, изображающий на основании произведенных доселе судебных расследований, какими путями пропаганда идет из Петербурга как центра в разные местности России. Кн. Горчаков попробовал поднять вопрос в высшую сферу политическую; но так как он по-русски говорить не умеет, то речь его не была понята; я, в свою очередь, развил мысль канцлера, объяснив, что для составления программы в руководство предположенной комиссии нужно сперва получить высочайшее указание относительно объема предлежащей задачи: имеется ли в виду только обсуждать еще раз одни репрессивные, так сказать, полицейские меры против пропагандистов, или угодно разобрать дело глубже, раскрыть самые причины, способствующие пропаганде, и указать меры к тому, чтобы враждебные влияния, приходящие извне, не находили у нас благоприятной почвы. Пока я говорил, казалось, и государь, и некоторые другие лица слушали сочувственно, а принц Петр Георгиевич Ольденбургский и Пав. Ник. Игнатьев даже отозвались полным согласием с моим взглядом. Но со стороны наших истых консерваторов слова мои вызвали целый поток возражений: Тимашев нашел в моих ука-

---

* высших административных дел;

заниях опасность для всего государственного строя и даже вклеил слово—конституция; гр. Толстой нашел, что ради «нескольких сот нигилистов» не стоит поднимать таких вопросов; к ним присоединился, конечно, и гр. Пален, а Грейг пошел далее: он начал снова развивать ту мысль, что не следует всякого бедняка допускать к высшему образованию. Весь этот хор, конечно, произвел свое действие: государь строго произнес приговор, что ему одному принадлежит право возбуждать важные государственные вопросы, а не какой-нибудь второстепенной комиссии, которая должна ограничиться только обсуждением тех мер, какие можно ныне же принять к прекращению пропаганды. Я решился, однакоже, высказать еще раз, что подобной узкой постановкой вопроса невозможно разрешить задачу, что зло имеет корни глубоко и что органическая болезнь не излечивается наружными пластырями. Никакого нет сомнения в том, что и новая комиссия будет так же бесплодна, как была прежняя подобная комиссия, заседавшая несколько лет тому назад, под председательством Валуева.

Из дворца я переехал в заседание Военного совета. И тут были продолжительные и горячие прения по вопросу об изменении разрядов, установленных для приема малолетних в военные гимназии. И тут нашли политическую сторону дела: сословные права дворянства и обязательность распространения благотворительного значения в[оенно]-у[чебных] заведений на детей гражданских чинов. Пробило 5 часов—и мы еще не пришли к положительному результату, так что решили отложить дело до следующего заседания.

17-го марта. Четверг.—При докладе моем государь прочел полученные вчера вечером телеграммы из Лондона: англичане согласились подписать протокол, принять заявление гр. Шувалова относительно условий, на которых можем войти в прямые с Портой соглашения относительно обоюдной демобилизации, и в то же время с своей стороны заявить, что в случае разрыва между нами и Турцией протокол утратит свою силу. Последняя оговорка была предложена самим Шуваловым с той целью, чтобы успокоить опасения английского министерства, что на него, в случае безуспешности протокола, падут обвинения в напрасном подписании такого документа, а с другой стороны, чтоб и для России, в случае разрыва с Портой, протокол не связывал бы рук. Комбинация эта была вполне одобрена государем; в 1 ч. пополудни было обычное совещание для прочтения новых телеграмм и депеш, так же как и заготовленного канцлером ответа гр. Шувалову.

19-го марта. Суббота.—Ген. Игнатьев возвратился; он заехал ко мне и рассказывал с обычным самодовольствием о своих успехах во всех четырех столицах, глумился над промахами гр. Шувалова, который, по словам Игнатьева, до его приезда в Англию чуть не испортил будто бы дела, допустив без крайней надобности изменения в редакции протокола и связав подписание его с условием о нашей демобилизации.

Сегодня вечером получена телеграмма из Лондона, что протокол подписан[11]. Теперь развязка будет в Константинополе.

20-го марта. Воскресенье.—На прошедшей неделе в Берлине праздновался день рождения императора Вильгельма, которому минуло 80 лет. В этот день обыкновенно и у нас бывает торжественный обед во дворце, но на сей раз по случаю траура обед отложен был до нынешнего дня. Кроме обычного тоста в честь 80-летнего императора, обед ничем другим не ознаменовался.

28-го марта. Понедельник.—В продолжение всей страстной недели нечего было вписывать в дневник. Говение и некоторые семейные * заботы отвлекали меня от обычных забот служебных. Впрочем, во все это время и не произошло ничего замечательного в ходе политических дел. Неделя прошла в ожидании известий о том, как приняты в Константинополе заявления представителей больших держав вследствие лондонского протокола и нашей декларации. Порта упорствует в отказе на все требования Черногории. Из Лондона получен вопрос: не согласится ли наш кабинет принять турецкого посла, не ожидая заключения мира между Портой и Черногорией. И на это наши дипломаты согласились. Но все уступки их ни к чему не ведут, а только более подстрекают нахальство и дерзость Порты.—Сегодня утром было у государя обыкновенное совещание, в котором уже и сам канцлер признал, что на мирный исход дел мало надежды. Из полученных вчера телеграмм видно, что турки решительно готовятся к войне, намереваются атаковать меридитов и не иначе соглашаются прислать в Петербург посла, как одновременно с присылкой нашего посла в Константинополь. Государь выразил негодование свое на такую дерзость Порты и признал невозможным долее выносить тяжелое неопределенное положение, в котором мы находимся уже столько месяцев. Я обратил внимание государя на необходимость такого расчета времени, чтобы в случае объявления войны можно было успеть предварительно сделать все распоряжения к переходу войск чрез границу одновременно с объявлением войны. Решено телеграфировать обоим главнокомандующим, чтобы они теперь же приступили ко всем приготовительным мерам, независимо от повеления, которое должно последовать особо о предположенной дополнительной мобилизации войск. Телеграммы эти уже отправлены мною в Кишинев и Тифлис.

Сегодня был семейный обед у Алекс. Аггеев. Абазы по случаю дня рождения и совершеннолетия племянника нашего, Юрия Милютина.

29-го марта. Вторник.—Полковой праздник л.-гв. Конного полка справлялся сегодня, вместо 25-го числа (так как день благовещения пришелся в страстную пятницу). Поэтому я провел боль-

---

* недоразумения

шую часть дня в полной форме, а в промежутках между докладом и парадом, между парадом и обедом во дворце разбирал шифрованные телеграммы, полученные от обоих главнокомандующих в ответ на вчерашние мои телеграммы. В ответе из Кишинева великий князь Николай Николаевич уже торопится определить самый день перехода армии за границу; чрез 10 дней все готово к начатию действий. Великий князь Михаил Николаевич считает возможным начать действия около 12 апреля, и то с оговорками: по его мнению, можно открыть наступательные действия только к стороне Кобулети; главные же силы в Александрополе и Эриванский отряд, хотя могли бы немедленно перейти чрез границу, но по времени года и по недостаточности сил * не могут пока действовать решительно. Кроме того, великий князь Николай Николаевич в телеграмме прямо на имя государя снова настойчиво требует отпуска золотой монеты для заграничных расходов. По приказанию государя я лично ездил к министру финансов и передал ему положительное повеление об отпуске 3-х миллионов золотом; однакож Рейтерн и на этот раз попробовал отказать и прислал государю записку о невозможности исполнения его повеления. Государь настоял, чтобы отпущено было хотя два миллиона. По этому предмету я имел довольно резкое объяснение с Грейгом после обеда во дворце. Грейг постоянно держит сторону Рейтерна, принимая с комической самонадеянностью вид знатока в финансовом деле.

В то время как главнокомандующие уже заботятся о немедленном назначении дня перехода чрез границу и когда в понятиях государя война должна быть объявлена уже чрез несколько дней,— наш маститый канцлер, вместо того, чтобы подготовлять по возможности благоприятную для открытия войны политическую обстановку и подвести дело к данному моменту таким образом, чтобы не поднять снова в Европе гвалта против России, продолжает попрежнему замасливать и улаживать, как будто все еще надеясь на мирное решение вопроса. Вечером приехал ко мне барон Жомини, правая рука кн. Горчакова; даже он возмущен образом действий своего шефа и ко мне же обратился, чтобы побудить канцлера действовать энергичнее в предвидении неизбежной войны. Кн. Горчаков склоняет Черногорию к новым уступкам для заключения мира с Портой, в то время, когда мы собираемся объявить ей войну! Видно, мало еще того промаха, что мы допустили турок задавить Сербию и лишились подмоги с ее стороны для нашей армии; наш канцлер как будто нарочно делает все возможное, чтобы в случае войны поставить нас в невыгоднейшее положение.

30-го марта. Среда.—Совещание сегодня было в бо́льшем составе, чем обыкновенно: к числу всегдашних участников присое-

---

* как думает главнокомандующий Кавказской армией,

динились Рейтерн, Валуев, Н. П. Игнатьев, Тимашев и кн. Лобанов-Ростовский (исправлявший в продолжение нескольких дней должность министра внутр[енних] дел по случаю смерти сына ген. Тимашева). Канцлер прочел полученный секретным путем циркуляр Порты ко всем большим державам по поводу лондонского протокола. Циркуляр этот, отлично и умно написанный, заключает в себе полное отрицание права Европы вмешиваться во внутренние дела Турции; Порта с негодованием отвергает протокол и декларацию гр. Шувалова. Документ этот окончательно указывает невозможность мирного исхода дела; не остается более сомнения в том, что Порта решилась на войну; поэтому и нам уже невозможно долее колебаться и уступать. Сам канцлер, который еще вчера хлопотал о примирении во что бы ни стало Черногории с Портой, который, вопреки мнению всех окружающих его, думал только об устранении войны,—теперь вдруг ободрился и торжественно заявил, что, видя окончательно неизбежность войны, намеревается отныне вести политику энергично, без колебаний и без полумер!—Увидим, что́ будет на деле.

Государь, * решившись на войну, предложил на обсуждение вопрос о том, в какой срок и каким порядком должен совершиться разрыв. Положено начать с 3-го апреля дополнительную мобилизацию войск, заранее уже предположенную и подготовленную; затем отправить ко всем большим дворам циркулярную ноту, объясняющую причины разрыва; 12-е апреля назначено днем формального объявления войны; этим числом пометить манифест о войне; в тот же день одновременно во всех столицах предъявить означенную выше ноту, а войскам нашим перейти границу как в Бессарабии, так и в Закавказье. В заключение совещания прочитан проект манифеста, подготовленный общими силами гр. Адлерберга, Валуева и кн. Урусова.

Возвратившись домой из совещания, я должен был употребить большую часть дня на составление и шифровку телеграмм в Кишинев, Одессу, Тифлис и другие места для предварительного извещения начальствующих лиц о постановленном решении. Работа моя была прервана посещением Н. П. Игнатьева, Гирса и Ионина, которые, повидимому, сговорились съехаться ко мне, чтобы чрез мое посредничество провести некоторые спешные распоряжения, от которых кн. Горчаков уклонялся, как непослушный ребенок. Дело шло о некотором увеличении денежного пособия, назначенного Черногории, о доставке 10/т ружей греческим инсургентам, о посылке военного агента в Персию, снабжении инструкциями нашего посланника в Тегеране [92]. и т. п.—Я должен был обещать им завтра же доложить обо всех этих предметах государю, хотя и сознаю, что беру на себя чужое дело.

---

* решив, что война неизбежна,

31-го марта. Четверг.—Государь объявил мне при моем докладе, что намерен выехать из Петербурга в действующую армию в половине будущей недели, так чтобы прибыть в Кишинев за день до перехода войск чрез границу. Там же будет подписан и манифест о войне. Я еду с государем.

Обедал я у их величеств. Разговор почти исключительно вращался на исторических воспоминаниях. И государь, и императрица обладают необыкновенной памятью и * любят припоминать прошлое. Головы их — живые хроники **.

Сегодня турецкий посланник[93] передал Министерству иностранных дел полученный им от Порты циркуляр, содержание которого было уже вчера нам прочитано. Игнатьев опять заехал ко мне и передал несколько записок по таким предметам, которые кн. Горчаков сваливает с своих плеч на Военное министерство. Наш канцлер, как говорят, ликует: он уверяет всех, что теперь дело его кончено и дальнейшие заботы переходят на Военное министерство.—Вот какой взгляд его на роль дипломатии.

5-го апреля. Вторник.—В последние дни было у меня много работы, так что не имел ни минуты свободной, чтобы заглянуть в свой дневник. Впрочем, и не было ничего замечательного за это время. С тех пор как война решена, всем как будто стало легче; в городе настроение довольно воинственное, хотя, разумеется, люди желчные ворчат. Сам государь, хотя озабочен, но менее нервен, чем прежде. Отъезд его назначен в ночь с 7-го на 8-е апреля; смотры войскам действующей армии предположены 10, 11 и 12 апреля в Жмеринке, Бирзуле, Тирасполе, Кишиневе и Унгенп.

По сведениям, полученным из Кишинева, о предположенном движении за границу, оказывается, что большая часть войск будет направлена пешим порядком, ввиду слабой провозоспособности румынских железных дорог. Но при этом выступление войск эшелонами растянуто на такое продолжительное время, что не могу не подивиться чрезмерной медлительности, зная энергичный характер нашего главнокомандующего. Я счел необходимым даже телеграфировать ему в этом смысле, но получил ответ, что сделанного расчета изменить уже невозможно. Крайне будет прискорбно, если с самого начала действий мы не покажем энергии и решительности. Сегодня я докладывал об этом государю, но отсюда трудно направлять распоряжения главнокомандующего; приходится отложить разъяснение вопроса до прибытия нашего в Кишинев.

Сегодня получено известие, что конвенция с Румынией наконец подписана [94]. —Со вчерашнего же дня началась дополнительная мобилизация наших войск. К сожалению, отовсюду получаются известия о прекращении сообщений то от разлива рек, то от повреждения железных дорог, ледохода и т. д.

---

* страстно

** и дневники.

12-го апреля. Вторник. Кишинев.—Сегодня совершилось историческое событие: объявлена война Порте, и в прошлую ночь войска наши уже перешли границу как европейскую, так и азиатскую. Подписанный сегодня, в Кишиневе, манифест появится в завтрашних газетах.

Государь с наследником цесаревичем выехал из Петербурга в ночь с 7 на 8 апреля (с четверга на пятницу). Сопровождали его в поезде, кроме меня, генерал-адъютанты гр. Адлерберг, Игнатьев, Мезенцов, Рылеев, Воейков, гр. Воронцов-Дашков, генерал-майор свиты Салтыков, из флигель-адъютантов кн. Долгоруков, затем прусский и австрийский военные агенты (ген.-ад. Вердер и фл.-ад. барон Бехтольсгейм), два адъютанта наследника и чины военно-походной канцелярии. Независимо от этой свиты, отправлено вперед, в Кишинев, большое число флигель-адъютантов, генералов свиты и три генерал-адъютанта: кн. Меншиков, Чертков (Михаил) и Левашов. Ехали мы безостановочно до самой Жмеринки, и почти на всем пути провожала нас сквернейшая погода: снег, вьюга. Первый смотр войскам был в Жмеринке, утром 10-го числа (воскресенье). Несмотря на холодную и сырую погоду, на невылазную грязь, 5-я пехотная дивизия представилась в превосходном виде. Точно так же и вечером в Бирзуле 31-я пехотная и 9-я кавалерийская дивизии показали себя в отличном состоянии. Даже прежние пессимисты, сомневавшиеся в существовании русской армии после всех реформ последних 10, 15 лет, должны были успокоиться. В особенности замечателен был бодрый, смелый вид теперешнего солдата сравнительно с прежним, забитым, запуганным страдальцем. Государь после каждого смотра собирал около себя офицеров, говорил им несколько слов, на которые они отвечали взрывом восторженных «ура!» Как на первых двух смотрах, так и на последующих, выказалось возбужденное состояние духа во всех войсках; тут не было ничего искусственного, поддельного, а выказывался на всех лицах искренний энтузиазм.

Вечером 10-го числа прибыли мы в Тирасполь. Здесь на станции железной дороги встретил государя главнокомандующий армии великий князь Николай Николаевич с частью своего штаба и русский генеральный консул в Бухаресте барон Стюарт. Этот последний выехал навстречу государю с той целью, чтобы убедить его величество, по просьбе румынского князя Карла, замедлить на несколько дней объявление войны и открытие военных действий; князь Карл признавал это необходимым не столько потому, что Румыния вовсе не приготовилась к войне (да и не могла приготовиться, так как, по словам бар. Стюарта, казначейство ее было совершенно пусто), сколько по соображениям внутренней политики: князь Карл, подписав конвенцию, убоялся последствий нарушения конституции и решился собрать 15-го числа Сенат, чтобы легализовать заключенный акт. По этому предмету происходило в императорском ваго-

не совещание. Великий князь главнокомандующий и ген. Левицкий объяснили сделанные ими распоряжения на предстоявшую ночь с 11-го на 12-е число; все было уже готово к переходу за границу; при этом было в особенности важно начать движение неожиданно для турок, дабы хотя передовым отрядам успеть занять Галац и Браилов и прикрыть Барбошский мост на Серете. Игнатьев и я старались отклонить мысль об отсрочке начала войны. Подобная перемена накануне дня, заранее назначенного, могла бы произвести крайне прискорбные замешательства, тем более, что кавказские войска на границе Азиатской Турции могли бы и не получить своевременно извещения об отсрочке. Во всяком случае, мы лишились бы выгоды внезапности нападения. По всем этим соображениям и несмотря на настойчивые убеждения бар. Стюарта, государь решился не изменять сделанных распоряжений, а бар. Стюарту приказал немедленно отправиться обратно в Бухарест, объяснить князю Карлу невозможность исполнения его желания и вместе с тем вручить ему на первый раз миллион франков золотом, в счет той ссуды, которую он просил для покрытия самых неотложных расходов. Так и было сделано: бар. Стюарт в ту же ночь уехал с экстренным поездом и проездом чрез Кишинев получил из полевого казначейства золото.

11-го числа, в понедельник, в 9 ч. утра, происходил у самой станции Тираспольской смотр 9-й пехотной дивизии и 9-й бригаде 32-й дивизии. Погода была сносная; войсками государь был очень доволен и немедленно после смотра продолжал путь далее, без остановки в Кишиневе, до Унгени, последней станции железной дороги по сю сторону Прута. Во время проезда чрез Кишинев государь принял князя Гику, присланного румынским князем с подписанной конвенцией; ему же, князю Гике, было поручено войти в переговоры о займе. Румынский посланец остался в императорском поезде на всем пути до Унгени и обратно в Кишинев.

Во время этого переезда погода опять изменилась, термометр опустился ниже нуля, пошел снег, поднялся ветер, и потому смотр войскам в Унгени происходил при самых неблагоприятных условиях. Тут были собраны 12-я пехотная и 8-я кавалерийская дивизии с 7-м саперным и железнодорожным батальонами. Войска эти стояли биваком, имея при себе только легкие походные палатки. Дождь и снег так и хлестали в лицо; на поле грязь была невообразимая. И все-таки войска были бодры, стройны и столько же одушевлены, сколько и все другие, бывшие до сих пор на смотрах; даже, кажется, еще несколько более других, может быть, под впечатлением местных условий: войска эти стояли на самой границе, первые переступят ее; железнодорожный батальон и саперы уже работали на самом мосту чрез Прут.

В Кишинев вернулись мы уже в двенадцатом часу ночи. Как обыкновенно, станция была переполнена начальствующими лицами,

депутациями и публикой. Нас развезли по квартирам, отведенным в разных частных домах. Меня поместили в красивом доме некоего г-на Семиградова, повидимому, богатого помещика Бендерского уезда и тамошнего предводителя дворянства. Г-жа Семиградова, как кажется, молдаванка или гречанка, очень любезно указала отведенные мне комнаты. Чрез несколько минут навестил меня мой сын, приехавший сюда за несколько дней ранее в числе присланных вперед флигель-адъютантов.

Сегодня, 12-го числа, в 9-м часу утра, приехав к государю в губернаторский дом, я узнал, что манифест о войне подписан и дано знать по телеграфу о распубликовании его. Я также отправил известительные телеграммы в Одессу, Тифлис и Петербург. В 9 часов государь поехал в собор; при входе встретил его архиерей Павел красноречивой речью, которая была бы очень хороша, если б была покороче и если б не попали в нее некоторые неуместные политические намеки. После краткого молебствия государь поехал за город, на поляну, на которой выстроены были войска: 14-я пехотная и 11-я кавалерийская дивизии, с частью саперной бригады, собственным е. в. конвоем и 2-мя только что сформированными болгарскими дружинами. Вся дорога к этой поляне, грязная и гористая, была запружена множеством еле тащившихся экипажей всякого рода и массами пешеходов. Моя тяжелая коляска, запряженная парой кляч, совсем завязла в грязи, так что подвезли меня ехавшие за мной добрые люди. Погода в это утро поправилась: выглянуло солнце и термометр поднялся до 10°. Пока государь объезжал шагом обе длинные линии войск, пред фронтом их поставлен был налой и подоспело духовенство. Мы сошли с лошадей, и сам архиерей прочел пред войсками манифест, после чего началось молебствие с коленопреклонением. Архиепископ Павел снова сказал речь, обращаясь уже «к воинам», и затем благословил образами как великого князя Николая Николаевича, «нашего архистратига», так и генерала Драгомирова, начальствовавшего расположенными в Кишиневе войсками. В этой церемонии было столько торжественности и глубокого значения, что многие из присутствовавших, начиная с самого государя, были растроганы до слез; да и сам архиепископ едва договорил сквозь слезы последние слова. После того войска прошли мимо государя, и в числе их обе болгарские дружины, имевшие вид весьма внушительный. Когда же государь, проехав сквозь массу собранных войск, окруженный офицерами, высказал им несколько теплых, задушевных слов, то вся толпа и офицеров, и солдат одушевилась таким энтузиазмом, какого еще никогда не случалось мне видеть в наших войсках. Они кричали, бросали шапки вверх, многие, очень многие навзрыд плакали. Толпы народа бежали потом за государем с криками «ура».—Очевидно, что нынешняя война с Турцией вполне популярна.

По возвращении в город у государя была домашняя панихида, собственно для семьи, по случаю годовщины смерти покойного на-

следника Николая Александровича. Мне говорили, что 12-го же апреля была объявлена война с Турцией в 1828 году.

Во время завтрака у государя я читал ему полученные утром телеграммы и дипломатические депеши. В Константинополь прибыл новый английский посол Лаярд с надеждой сделать еще попытку к устранению войны; он предлагал Порте послать в Кишинев посла для приветствования государя. Турки отказались; Лаярд, как пишут, объявил им, чтоб они не ждали поддержки от Англии. 11-го числа, т. е. вчера, вечером, Нелидов объявил Порте, что прерывает все дипломатические с нею сношения, и все посольство наше выехало из Константинополя в Одессу, оставив дома в Пере и в Буюк-Дерэ на попечении германского посольства. В Европе окончательно убедились, что война между Россией и Портой сделалась неизбежной.

Сделав до обеда несколько визитов, я потом принимал у себя лиц полевого управления армии; обедал за свитским столом, а вечером занялся привезенными из Петербурга бумагами, писал письма к жене в Крым и дочерям в Петербург.

От жены получил телеграмму со станции Александровской с извещением о перерыве сообщения по Лозово-Севастопольской дороге. Она, бедная, должна ожидать на плохой станции исправления дороги, подмытой разливом Днепра. Отовсюду получаются подобные же прискорбные сведения: разлив рек и дожди прервали многие линии сообщений не только на железных дорогах, но и на простых, грунтовых. Так же, как и прошлой осенью, мобилизация производится * при самых невыгодных условиях. Несмотря на то, из многих губерний получены известия, что сбор запасных и укомплектование войск производятся с полным успехом.

13-го апреля. Среда.—Утром имел доклад у государя; потом сделал визит архиерею, заехал опять к великому князю главнокомандующему, к румынскому агенту князю Гике; а в 6 ч. большой обед у государя.

Получены известия от передовых отрядов: казаки, перейдя границу около 5 ч. утра по направлению от Кубеи к Рени, были уже в 6 ч. вечера в Галаце и у Барбошского моста; вслед за ними подошла к Галацу и пехота, сделав в одни сутки более 70 верст. Другие отряды дошли до Ясс, и хотя румынское железнодорожное управление отказывалось дать поезды для войск, однакож сегодня движение продолжается к Галацу. Кн. Гика сказал мне, что румынское правительство крайне оскорблено нашим внезапным вступлением в пределы Румынии, без предварения князя и местных властей; не менее обижены и прокламацией, сочиненной в Министерстве иностранных дел и разосланной к румынскому населению от имени великого князя главнокомандующего. Чтобы несколько сгла-

---

* как будто нарочно

дить это невыгодное для нас впечатление в Румынии, решено послать в Бухарест письма от государя и от великого князя с флигель-адъютантом кн. Ник. Долгоруким.

Из Тифлиса получено известие о переходе наших войск чрез границу *. Турецкие пограничные посты захвачены врасплох. На иных пунктах были ничтожные перестрелки.

Телеграмма из Москвы извещает, что Городская дума, по первому известию об объявлении войны, положила открыть на счет города 1000 кроватей для раненых и сверх того поднести 1 миллион рублей в распоряжение её величества для расходов по обществу Красного креста.

К сожалению, погода сегодня опять испортилась: целый день льет дождь; дороги и улицы опять обратились в какую-то густую кашу. Какое затруднение для движения войск.

15-го апреля. Пятница.—Вчера продолжалась ненастная погода; сегодня дождя нет, но холодно и ветрено. От передовых войск нет ничего нового. В Измаиле приняли их с восторгом. На азиатском театре войны еще были стычки, на границе Аджарии. Вчера два турецкие броненосца бомбардировали пост св. Николая.

Сегодня приехал сюда д[ействительный] ст[атский] сов[етник] Нелидов, остававшийся в Константинополе после отъезда Игнатьева в качестве поверенного в делах. Государь принял его в присутствии Игнатьева, гр. Адлерберга и моем. По рассказам его, турки никак не ожидали такого скорого и внезапного открытия военных действий. При выезде посольства из Константинополя толпы народа провожали его сочувственно и почтительно, а когда поверенный в делах отчалил от берега на канке, многие христиане в толпе сняли шапки и крестились. Можно ожидать еще больших переворотов в Константинополе; положение нынешнего султана непрочно, он живет в постоянном страхе, окруженный вооруженной стражей.

Между тем получены из Парижа телеграммы о том, будто Порта уже заявила желание принять лондонский протокол, но ей отвечали: tropo tardo [95].

Московское купечество еще пожертвовало миллион рублей на раненых и семейства убитых.

16-го апреля. Суббота.—По случаю завтрашнего дня рождения своего государь приказал мне приготовить рескрипт на имя великого князя Николая Николаевича и приказ о назначении его шефом Волынского пехотного полка, а также приказ о назначении ген.-ад. Непокойчицкого шефом Минского пехотного полка; ген.-ад. графу Адлербергу предназначена награда—орден св. Владимира 1 ст[епени], которого он еще не имеет, хотя уже несколько лет тому назад получил орден св. Андрея Первозванного.— Пред обедом, после смотра вступившим в Кишинев войскам 9-й пехотной дивизии, я

---

* на всех пунктах.

поднес все приготовленные приказы, рескрипт и грамоту на высочайшее утверждение. За обедом же государь, совершенно неожиданно для нас, провозгласил тост за трех новых шефов полков: в числе этих троих—поздравил и меня шефом 121-го пехотного Пензенского полка и при этом сказал, что выбрал этот полк на том основании, что это первый полк 31-й пехотной дивизии,—одной из новых, сформированных уже в мое управление Военным министерством, и блестящим образом представившейся на первом высочайшем смотру в Бирзуле. Назначение шефом полка считается самой почетной и высшей наградой, особенно когда полку придается название по имени шефа.

На днях приехал сюда, в Кишинев, ген. Черняев. Изумляет меня оказываемая ему необыкновенная снисходительность: государь все прощает ему и как будто сам желает, чтобы этот самодур был снова на службе. Сегодня утром государь сказал мне, что согласен на определение Черняева, но * полагает отправить его в Кавказскую армию. Я просил позволение предварительно телеграфировать об этом великому князю Михаилу Николаевичу, от которого вечером же получил ответ, что ему нежелательно назначение Черняева на Кавказ. Между тем получаю сейчас записку от государя, чтобы внести в завтрашний же приказ определение Черняева на службу, с зачислением по генеральному штабу.

17-го апреля. Воскресенье.—По случаю торжественного дня рождения государя была служба в соборе и большой парадный обед в зале клуба. Перед обедом государь смотрел еще одну проходящую чрез Кишинев пехотную бригаду. Вечером город иллюминован.

Получено известие из Бухареста, что палата огромным большинством голосов одобрила заключенную конвенцию между Румынией и Россией. Сегодня должно происходить по тому же предмету заседание Сената.

Других замечательных новостей не получено. Турецкие броненосцы вторично обстреливали пост св. Николая.

Относительно Черняева государь решил отправить его на Кавказ, несмотря на нежелание великого князя Михаила Николаевича. Говорят, что приехал сюда и Ростислав Фадеев.

26-го апреля. Вторник. Петербург.—В последние два дня пребывания в Кишиневе и в продолжение всего путешествия чрез Одессу, Киев и Москву до Петербурга не было ни минуты свободной, чтобы заглянуть в дневник. А между тем неделя эта была обильна фактами и впечатлениями.

---

* что разделяет мое мнение о назначении его на службу в Кавказскую армию.

18-го числа государь смотрел еще один проходивший чрез Кишинев эшелон войск. Из Бухареста получены были удовлетворительные сведения о решении сената относительно нашей конвенции. Однакож князь румынский все-таки не решился сам приехать в Кишинев, а прислал депутацию, которая прибыла только вечером 19-го числа, когда государь уже входил в вагон.—В этот последний день пребывания государя в Кишиневе был обед у великого князя главнокомандующего. К полуночи мы все съехались на станцию железной дороги, где государя провожали толпы народа с нескончаемыми криками «ура».

Еще накануне отъезда из Кишинева я имел неожиданное посещение моей невестки, Фредерики Михайловны Понсэ, которая приехала в Кишинев на несколько часов из своей усадьбы под Бендерами. Сын мой отдал ей визит в среду: он доехал до Бендер вместе со мною и предполагал, пробыв у тетки несколько часов, проехать потом в Одессу для некоторых закупок пред отправлением в поход.

Князь сербский Милан прислал в Кишинев полковника Катаржи, своего дядю, чтобы получить указание государя относительно образа действий Сербии в предстоящую войну; вместе с тем князь Милан снова просил субсидии в один миллион. Предположено было немедленно командировать в Белград генерал-майора свиты е. в. кн. Имеретинского, чтобы разъяснить действительное состояние Сербии и определить, насколько можно рассчитывать на ее содействие. Однакож впоследствии командировка эта была отменена; признано было более удобным, по крайней мере на первое время, чтобы Сербия оставалась нейтральной полосой, как условлено конвенцией с Австрией, чем избегалось то неудобство, что венский двор наверное был бы крайне встревожен и недоволен возобновлением вооружений Сербии при открытом нашем содействии. Да к тому же нет у нас и лишних денег. Румыния настоятельно просит субсидии в 5 мил. франков, в виде аванса в счет будущих наших расплат за все, что будет необходимо для армии во время прохода ее чрез румынскую территорию. Дело это должно было решиться в Петербурге, куда и уехал генерал Гика.

20-го апреля, в среду, приехали мы в Одессу; погода разгулялась, и в первый раз мы почувствовали теплый весенний воздух. У самой станции железной дороги, на Куликовом поле, государь осмотрел два полка 15-й пех[отной] дивизии, с артиллерией, двумя дивизионами кавалерии, местный полк и запасный батальон. Войска эти представились в отличном виде; только что сформированный местный полк, так же как и запасный батальон, ничем не отличались от полевых войск.—После смотра проехали мы вдоль берега морского для осмотра батарей, возведенных прошлой осенью для защиты Одессы. Батареи эти имели грозный вид, с огромными 9-ти и 11-ти дюймовыми орудиями. Спустившись к гавани, государь переехал на катере на «Поповку», вооруженную двумя 12-ти дюймо-

выми орудиями, и по данному сигналу открыта была пальба со всех батарей; миноносные пароходы двинулись вперед к линии минного заграждения. При ярком солнце, огромном стечении народа на покатости одесского бульвара к гавани зрелище было внушительное. Одесса вовсе не имела вида города, ожидающего бомбардирования; паника, сначала овладевшая населением, преимущественно еврейским, скоро прошла; улицы, по которым проезжал государь, кишели народом.

Пробыв в Одессе всего $2^1/_2$ часа, мы поехали далее на Киев, куда прибыли на другой день, 21-го числа, в полдень, и также пробыли там $2^1/_2$ часа. Здесь государь был встречен еще большими толпами народа, одушевленными неподдельным энтузиазмом. Погода была ясная, хотя холодная. Сначала государь заехал в лавру, а потом произвел на эспланаде смотр войскам, которыми остался чрезвычайно доволен, так же как и во всех других пунктах, где происходили смотры. Присутствовавшие на этом смотру были особенно поражены отличным составом лошадей в приходивших за войсками обозах и парках. Во время всего путешествия государь много раз выражал, какое удовольствие доставляет ему превосходное состояние, до которого доведена армия.

Во время пути до Москвы получались частые известия политические и военные. Из Вены, Берлина, Парижа, Рима сведения были вполне благоприятные. Неприятно было государю только решение германского правительства теперь же отправить в Константинополь послом принца Рёйсс, бывшего посла в Петербурге. Австрия сочла необходимым последовать примеру Германии, отправив послом в Константинополь гр. Зичи. Берлинский кабинет оправдывал свое распоряжение тем, что прибытие германского посла в Константинополь принесет пользу как для действительного покровительства русским подданным, оставшимся в Турции, так и для противудействия британскому послу Лаярду, который, оставаясь в Константинополе единственным представителем Европы, имел полный простор в своих туркофильских происках. *

Вопрос о принятии под покровительство Германии русских подданных, оставшихся в Турции, и под покровительство Англии турецких подданных в России был предметом переписки в течение двух, трех дней. Сначала Порта объявила, что вовсе не дозволит

---

* Первоначальный текст после слов «...Австрия сочла необходимым последовать примеру Германии,» (строка 15 сн.): «и хотя император Вильгельм, в угождение русскому императору, и выразил намерение повременить отправлением пр[инца] Рёйсса, однакож, неизвестно почему, скоро отступился от этого обещания, и ныне уже есть сведение, что как германский посол, так вслед за ним и австро-венгерский (Зичи) отправились в Константинополь».

русским подданным оставаться в Турции; но потом, вероятно, по совету той же Англии, уступила и согласилась на протекторат Германии. Новый британский посол в Константинополе, хотя гласно заявлял, что Англия не намерена поддерживать Турцию в начатой войне, а в разговоре с Нелидовым (пред отъездом его из Константинополя) * выражался в том смысле, что Англия в восточном вопросе преследует собственные свои интересы, а не турецкие, однакоже в действительности поддерживает попрежнему самоуверенность Порты. На последний циркуляр кн. Горчакова до сих пор ответила одна Англия; ответ этот неприязненный и резкий. Хотя в то же время британский кабинет официально объявил, что намерен сохранять строгий нейтралитет, однакож английский флот усиливается в Средиземном море, собирается эскадра у Корфу; повидимому, что-то замышляется относительно ли Египта, Дарданелл или Греции. Лондонский двор проникнут нерасположением к России; королева противится предполагавшейся поездке великой княгини Марии Александровны в Петербург, что́ причиняет крайнее огорчение государю и императрице.

22-го апреля, в 10 ч. вечера, прибыли мы в Москву. На всем пути преследовала нас ненастная и холодная погода; по сторонам дороги видны были следы недавних разливов и наводнений; во многих местах еще лежали глыбы снега. Москва встретила государя, как и надобно было ожидать, с неописанным энтузиазмом. Несмотря на накрапывавший дождь, все улицы, до самого Кремлевского дворца, были запружены массами народа. Но что́ было на другой день утром в залах дворца и на площади между соборами,— трудно описать. Когда в Александровской зале государь, выслушав приветственные речи дворянского предводителя[96] и городского головы[97], отвечал им в кратких, но полных значения и чувства словах, то вся толпа, наполнявшая залу, пришла в какое-то восторженное состояние; всё бросилось к государю, так что с большим трудом можно было оградить его, императрицу, наследника и цесаревну; большая же часть свиты была оттиснута. Когда государь вышел на Красное крыльцо, вся площадь огласилась громкими криками неподдельного энтузиазма. Обычным порядком государь прошел в Успенский собор, оттуда в Чудов монастырь и чрез Николаевский дворец возвратился к себе. Экипаж его едва мог двигаться среди густой толпы.

В час пополудни назначен был смотр войскам московского гарнизона на Театральной площади; государь со всей свитой проехал верхом от Кремлевского дворца и до места смотра. Опять несметные толпы народа встречали и провожали его громкими криками. Войсками государь был очень доволен.

---

* даже

Между смотром и обедом во дворце я сделал несколько визитов и побывал в 3-м военном Александровском училище.—Вечером был раут у генерал-губернатора кн. Долгорукова.

На другой день, 24-го числа, после обедни в дворцовой церкви государь с прочими членами царской семьи и частью свиты отправился в Троицко-Сергиеву лавру. К сожалению, опять погода была дождливая. Мне пришлось в первый раз быть в лавре, но не удалось осмотреть как бы следовало ее достопримечательности. Возвратились из лавры прямо на станцию Николаевской железной дороги, и в 6 ч. вечера тронулся поезд.

25-го апреля, в 10 ч. утра, прибыли в Петербург. И здесь весь Невский проспект до Зимнего дворца был запружен толпами народа; на всем протяжении стояли войска шпалерами. Но какая разница между этим приемом и теми встречами, которые так недавно видели в Москве, Киеве, даже в Одессе. Все чинно, сдержанно, смирно.

В тот же день, в час пополудни, было молебствие во дворце. Затем весь остальной день провел я частью в приеме начальствующих лиц министерства, частью в разборке накопившейся массы бумаг.

Сегодня явился я к докладу в мундире Пензенского пехотного полка. Государь с удовольствием увидел меня в этой форме и снова благодарил за все, что́ видел в армии и на пути. Не в первый раз уже высказывал он мне, в присутствии наследника, а иногда и других лиц, что теперь я должен быть вполне удовлетворен за все несправедливые суждения и порицания, которые столько времени слышались в публике и даже в среде военных, по поводу реформ, произведенных в мое управление Военным министерством. Успешная мобилизация значительной части армии, превосходное состояние войск, приведенных в военный состав, обильно снабженных по всем частям материального устройства,—все это казалось чем-то неожиданным и служило фактическим, очевидным опровержением распущенных насчет нашей армии зловещих толков, которые до того уже успели укорениться в массе публики, что слухи о блестящем состоянии действующей армии произвели всеобщее удивление. Мне случалось много раз слышать поздравления с успехом; * говорили, что Военное министерство выдержало блистательно экзамен; отъявленные враги замолкли, а некоторые даже покаялись и признали себя неправыми. Наконец, и европейская дипломатия выведена была из того заблуждения, в которое ввели ее неосновательные донесения некоторых легкомысленных агентов, передававших, подобно англичанину Велеслею, отголоски фрондёров петербургского яхт-клуба или статей «Русского мира».

После доклада моего было у государя совещание с канцлером и министром финансов. Тут решен был вопрос о предстоящем обра-

---

* остряки выражались

зе действий Сербии, о просимой Румынией ссуде и, наконец, об отпуске золотой монеты для заграничных расходов действующей армии.

Работы так много, что и в несколько дней не справлюсь с накопившимися бумагами. Нечего было и думать о заседании Комитета министров. Я заперся в своем кабинете и никого не видел из посторонних.

27-го апреля. Среда.—Утром ездил в Аничковский дворец с поздравлением по случаю дня рождения маленького Георгия Александровича. Потом было длинное заседание Военного совета. Телеграммы, полученные с обоих театров войны, не представляют ничего важного.

Сегодня утром приехал ко мне сербский агент Протич, чтобы вручить мне рескрипт князя Милана и грамоту на орден Такова 1 степ[ени].—До сих пор наше правительство не признавало этого ордена и получившим его русским офицерам не разрешалось носить его. Теперь же, когда Россия в открытой войне с Портой, кажется, не существуют уже те политические соображения, по которым наше Министерство иностранных дел воздерживалось от формального признания за князем сербским права учреждать и жаловать ордена.

28-го апреля. Четверг.—Большой парад—удался блестящим образом; погода ясная, теплая. Лишь кончился смотр, снова дождь и слякоть.

29-го апреля. Пятница.—По случаю совершеннолетия вел. кн. Сергея Александровича происходила обычная торжественная церемония присяги. После того было у государя совещание относительно находящейся ныне в американских портах нашей флотилии. Еще в прошлом году, осенью, флотилия эта была отправлена туда из Средиземного моря с той целью, чтобы в случае войны с Англией угрожать ее торговле посредством крейсеров. Ныне, повидимому, смелый этот план оставлен, так же как и намерение нашего генерал-адмирала итти с балтийской эскадрой в Средиземное море. Появление наших судов в океане, конечно, не испугало бы Великобританию, а, напротив того, послужило бы ей лакомой приманкой, которая могла бы даже ускорить объявление войны с ее стороны.—Между тем из Америки получено сведение, что суда наши не могут рассчитывать на безопасное убежище в американских портах; правительство Соединенных Штатов заявило уже, что пребывание военных наших судов в портах Союза было бы нарушением нейтралитета. Таким образом, разлетелись надежды наши и на заатлантических наших друзей. После некоторых объяснений канцлера, великого князя Константина Николаевича и ген.-ад. Лесовского, государь решил, чтобы эскадра наша из Америки немедленно возвратилась в Балтийское море, в надежде, что она успеет дойти

до Кронштадта, пока Англия еще остается нейтральной. Судам же, находящимся в Сан-Франциско, повелено итти в сибирские гавани Восточного океана. Решение это не нравилось только наследнику цесаревичу, который с досадой высказывал, что таким образом мы отказываемся от единственного остававшегося нам способа употребить в дело наши морские силы и нанести вред или, по крайней мере, угрожать Англии. Не берусь судить, в какой мере он прав в таком суждении; но так или иначе, во всяком случае выходит, что мы вовсе бессильны на море и что имеющиеся у нас кое-какие пловучие средства скорее составляют для нас обузу, чем подмогу.

Кроме того, решено сегодня же произвести великого князя Алексея Александровича в контр-адмиралы и приказать ему немедленно покинуть фрегат «Светлана», ввиду предполагаемого назначения его на Дунай.

Вечером получено по телеграфу известие, что на Дунае один из крупных турецких броненосцев взорван выстрелами нашей батареи и пошел ко дну.

30-го апреля. Суббота.— Сегодня при докладе государь сказал, что вчерашнее решение относительно вел. кн. Алексея Александровича отменено; он остается на эскадре и возвращается в Россию на своем фрегате.

Телеграммы из армии поясняют вчерашнее радостное известие об уничтожении турецкого броненосца: он погиб от бомбы 6-дюйм[овой] мортиры с береговой батареи.

3-го мая. Вторник.—После доклада ездил я на станцию Николаевской жел[езной] дороги, чтоб осмотреть первый устроенный санитарный поезд.

Решено, что государь около 21-го числа едет в Дунайскую армию; я сопровождаю его величество. Делаются большие приготовления: для конвоя при императорской Главной квартире формируются сборный батальон и сборный эскадрон из команд от всех гвардейских полков; кроме того, отправляются на театр войны 4 эскадрона гвардейских казачьих полков. * Опасаюсь, что пребывание государя в армии с огромной свитой, обозом, конвоем будет большим стеснением для главнокомандующего и затруднит его распоряжения.

4-го мая. Среда.—Заехал в Пажеский корпус на экзамены, потом председательствовал в Военном совете. Туда приехал гр. Адлерберг для некоторых совещаний со мною относительно предстоящей поездки государя в армию.—Обедал у их величеств.

---

* Крайне сожалею об этих излишних прихотливых распоряжениях.

5-го мая. Четверг.—Осмотр государем топографических работ военного ведомства. Перед обедом был у меня французский посол Лефло с целью * оправдать английского военного агента Велеслея, которого петербургская публика обвиняет в ложных и враждебных донесениях своему правительству о состоянии нашей армии. Распустили в городе слух, будто бы ген. Лефло, как всегдашний приверженец России, имел крупное объяснение по этому поводу с Велеслеем и лордом Лофтус; узнав об этом, Велеслей просил генерала Лефло опровергнуть распущенный слух.

6-го мая. Пятница.—Утром государь потребовал меня во дворец по тому поводу, что министр финансов докладывал о сделанных им новых распоряжениях вследствие требований главнокомандующего действующей армией относительно размера отпуска золотой монеты. На днях было секретное совещание у государя по поводу сделанной Рейтерном странной финансовой операции. Несмотря на сильные возражения Абазы, решившегося наконец прямо отступиться от солидарности с Рейтерном, несмотря и на то, что Абаза был поддержан Валуевым, предложенная Рейтерном операция, почти унизительная для России, была утверждена [98].

Из Зимнего дворца заехал в Аничковский дворец по случаю дня именин старшего сына наследника цесаревича. Позже был на смотру части артиллерийских парков, отправляемых отсюда в Киевский округ.

Был у меня гр. Шувалов, только что приехавший из Лондона. По его словам, раздражение англичан теперь несколько уменьшилось; он даже считает возможным, по прошествии еще некоторого времени, войти с ними в соглашение относительно возможных результатов нашей войны с Турцией. Он думает, что только этим путем возможно устранить вмешательство Великобритании в эту войну.

Сегодня получены с Кавказа два известия: одно—благоприятное—об удачной атаке наших войск на два передовые укрепления Ардагана, другое — весьма прискорбное — об отступлении наших войск из Сухума и занятии его турками. Курьер привез наконец некоторые письменные объяснения кавказского начальства, которое до сих пор ограничивалось одними телеграммами. Но и полученные ныне объяснения крайне поверхностны; видно одно — неуверенность и трусливость как в самом главнокомандующем, так и в помощнике его, князе Мирском. Оба они только видят одни затруднения, жалуются на недостаточность сил (теперь на Кавказе всего до 212 т. чел.) и, как по всему видно, помышляют ** более о самоохранении, чем о решительных действиях в Азиатской Турции.

---

* поправить репутацию

** только о самоохранении, а вовсе не о решительных действиях в Азиатской Турции.

7-го мая. Суббота.—По случаю двух успешно исполненных операций мобилизации, государь поручил мне редактировать благодарственный рескрипт министру внутренних дел. Когда сегодня я поднес проект рескрипта на подпись государю, он объявил мне, что уже подписал также рескрипт на мое имя. Чрез несколько времени рескрипт этот и получен мною чрез гр. Адлерберга.

Доклад мой сегодня был прерван совещанием, назначенным с государств[енным] канцлером и с гр. Шуваловым. Последний прочел ноту, полученную им пред отъездом из Лондона от л[орда] Дерби; в ней изложены * условия, при которых Великобритания может воздержаться от вооруженного вмешательства. Заявление это я нахожу весьма важным и ** разделяю мнение гр. Шувалова, что оно может быть принято исходной точкой для дальнейших объяснений с С.-Джемским кабинетом, в видах успокоения его подозрений и устранения вмешательства Англии в нашу войну с Турцией. Из всех пунктов означенной ноты только один имеет для нас действительное значение: это *** сохранение status quo относительно проливов и Константинополя; все остальное—как, напр[имер], вопросы о Суэцком канале, о Персидском заливе и прочее—не имеет для нас в настоящее время ровно никакого значения, и непонятно, как английские государственные люди могут предполагать какие-нибудь с нашей стороны посягательства на эти отдаленные, недосягаемые для нас точки. Видно, у страха глаза велики и что́ у кого болит, тот о том и говорит.—Канцлер не дал высказаться гр. Шувалову и начал было речь об автономии Болгарии, об устьях Дуная и проч.; государь перебивал его и горячо высказывал, что не хочет принять на себя никаких обязательств пред Англией в отношении к Константинополю и проливам иначе, как, разве, при взаимном обязательстве Англии не вводить своего флота в проливы. Впрочем, в этом продолжительном разговоре не было существенного разномыслия; но, к сожалению, не было и логической системы; оттого разговор и остался без заключения.

После этого дипломатического совещания я продолжал свой доклад и окончил его так поздно, что опоздал не только к встрече жены на железной дороге (по возвращении ее из Крыма), но и в заседание Департамента законов, куда я был приглашен по трем делам, между прочим по давнишнему делу—о правилах призыва войск для усмирения народных волнений и беспорядков.

После вчерашнего прискорбного известия с Кавказа о занятии турками Сухума сегодня мы были порадованы известием о взятии нашими войсками Ардагана. Занятие этого укрепленного пункта весьма облегчает наше положение на театре войны и дает возможность усилить главный корпус, направленный к Карсу.

---

* довольно в умеренной форме те

** вполне

*** вопрос о том, чтобы проливы и Константинополь остались в том status quo, которое установлено было последними трактатами;

8-го мая. Воскресенье.—Во дворце после обедни было благодарственное молебствие по случаю взятия Ардагана, с пушечной пальбой из крепости; потом развод на площадке пред дворцом, а затем у государя совещание с кн. Горчаковым и Рейтерном. Предметом совещания были новые требования румынского правительства о субсидиях и разных с нашей стороны гарантиях. Решено было все подобные домогательства отклонить. Затем канцлер прочел проект ответной ноты на привезенные гр. Шуваловым заявления британского кабинета.

В 3 часа их величества, вся царская фамилия и многочисленная публика собрались на станции Николаевской железной дороги по случаю отправления санитарного поезда, устроенного попечениями дам общества Красного креста, под руководством Н. Н. Мальцовой. Поезд этот (который я видел уже на прошлой неделе) был осмотрен их величествами и после молебствия отправился на театр войны.

16-го мая. Понедельник.—Работа у меня так усилилась, что в продолжение целой недели не имел я возможности заглянуть в свой дневник. К тому же с переездом в прошлое воскресенье царской фамилии в Царское Село приходится мне опять ездить туда через день и возвращаться только к 3-м часам.

В субботу, после моего доклада, было опять у государя совещание с канцлером и с гр. Шуваловым. Читался проект ответной ноты английскому министерству и инструкции нашему послу в Лондоне для дальнейших объяснений по поводу заявленных лордом Дерби условий, на которых Англия может остаться нейтральной. Теперь главная забота канцлера состоит в том, чтоб успокоить великобританскую щекотливость и раздражительность, а для этого кн. Горчаков вместе с гр. Шуваловым готовы наложить строгую узду на собственные наши * действия. Государь, напротив того, ревниво противится давать какое-либо обещание **, которое преждевременно связало бы наши военные действия и лишило бы нас всякой надежды на плоды наших успехов. При этих совещаниях каждый раз выказывается, как смутно канцлер понимает вопросы восточной политики и как мало выработаны планы Министерства иностранных дел.

С обоих театров войны получаются сведения довольно благоприятные; однакож и не без теней. На Дунае удалось взорвать еще один турецкий монитор; моряки наши показали себя *** молодцами; войска подвигаются, хотя медленно; но продолжающиеся сильные дожди причиняют повсюду громадные повреждения; мосты на румынской железной дороге рушатся, движение по этой дороге беспрестанно прерывается.—С Кавказского театра войны после взятия

---

* виды и
** или условие
*** героями;

Ардагана получены только сведения о возвращении главных сил Лорис-Меликова к Карсу; но в то же время весьма грустные известия из Абхазии и Черноморского округа. Отряд ген.-м. Кравченко с трудом открыл себе путь отступления, понес* потери и перешел на левый берег Кодора у Наа. Тут уже присоединился он к подошедшим подкреплениям. Несколько тысяч черкес, прежних выселенцев с Кавказа, вышли на берег около Адлера; стоявший тут пластунский батальон с большим трудом отступил горами на соединение с отрядом полк. Шелковникова на Соче. Из Кубанской области выдвинуты части войск для преграждения неприятелю путей на северную сторону Кавказского хребта.

18-го мая. Среда.—Рассчитывая иметь сегодня все утро в своем распоряжении, я поехал в военные училища, чтобы проститься с выпускными воспитанниками. Среди этих разъездов случайно наткнулся на фельдъегеря, который объявил мне, что меня ищут по всему городу и что государь ждет меня во дворце. Я вспомнил, что государь имел намерение приехать в город, но не был предупрежден, что будет совещание по политическим делам. Приехав во дворец, я нашел уже там в кабинете, за большим столом, кроме государя, канцлера и трех послов: гр. Шувалова, Новикова и Убри. Читалась опять инструкция, составленная для руководства гр. Шувалову в предстоящих ему объяснениях с британским министерством. Государь очень горячо восставал против некоторых мест проекта, находя, что мы слишком уже уступчивы и, начиная войну, связываем себе руки только ради успокоения Англии. Места эти были изменены, хотя гр. Шувалов очень упорно отстаивал необходимость некоторых ограничений в наших планах и предположениях. Государь очень сильно высказал ** упрек тем из наших государственных людей, которые доводили боязнь войны до того, что сами прокричали о нашем бессилии; он прямо указал на министра финансов и припомнил записку, поданную им в Ливадии прошлой осенью. Толки и пересуды в петербургских салонах сделали нам немало вреда, и чем более мы показывали смирения и кротости пред иностранцами, тем они становились нахальнее. Те же слова повторил государь, когда по окончании совещания мы остались вдвоем в кабинете; он прибавил, что высказанное им в совещании послужит полезным уроком для наших трех послов.

26-го мая. Четверг. Плоешти.—В прошедшую субботу, 21 числа, было в Царском Селе напутственное молебствие, после которого я возвратился в город, распростился с своей семьей, а в 9 ч. вечера опять выехал в императорском поезде по Варшавской жел[езной] дороге. До Царского Села доехал я со старшей дочерью Лизой. Государь с наследником цесаревичем и с вел. кн. Сергеем

---

* некоторые

** то, что уже не раз прежде мы слышали от него—это упрек некоторым нашим государственным людям

Александровичем сели в поезд в 11 часов вечера. В свите были, кроме гр. Адлерберга, кн. Горчаков, кн. Суворов, Гамбургер, Посьет (до границы) и затем чины военно-походной канцелярии. Доктор Боткин заболел, и вместо него ехал с нами д-р Головин.

Путешествие совершилось обычным порядком. Попеременно присоединялись к поезду местные генерал-губернаторы и командующие войсками (Альбединский, гр. Коцебу, кн. Дондуков-Корсаков, Дрентельн, Семека). Чем далее подвигались к югу, тем становилось жарче, так что в последние дни мы совсем раскисли.

24 мая вечером переехали границу в Унгени. Здесь государя встретил румынский министр иностранных дел Когольничано. Сам князь Карл намеревался выехать на границу, но государь отклонил эту встречу, и условлено было, что князь румынский приедет в Плоешти на другой день по приезде туда государя. Первая встреча на румынской земле, в Яссах, была блистательна: толпа народа приветствовала криками «ура»; военная музыка—русская и румынская—гремела «Боже, царя храни», ей вторил хор певчих; митрополит говорил речь; затем в зале станционного дома, украшенной на этот случай лучшими картинами из ясской галереи, представились государю прибывшие для встречи его величества первый министр Братиано, бывший военный министр, а ныне начальник главного штаба полк. Сланичано и ген. Флореско (бывший 2 года тому назад в Петербурге), также местные власти и иностранные консулы.

Отъезд из Ясс сопровождался трагическим случаем. При выходе на платформу, чтобы сесть в вагон, государь заметил в толпе русского раненого офицера Кузминского,* известного многими своими беспутными проделками: несколько раз был он под судом, разжалован, снова выслуживался, получил в Туркестане георгиевский крест, и напоследок, в прошлом году, снова попав под суд, бежал в Сербию и не являлся в полк, так что наконец последовало повеление отыскать его и арестованного прислать в Варшаву, к суду. Судьба хотела, чтобы он попал прямо на глаза государю, который, узнав его, сейчас же приказал арестовать и отправить в Кишинев. Едва государь отошел к вагону, когда общее внимание было обращено на отходивший царский поезд, сумасбродный Кузминский тут же на месте заколол себя кинжалом и мгновенно кончил жизнь.

Из Ясс выехали мы в 11 часов вечера,—ровно чрез трое суток по отъезде из Царского Села. На следующий день, 25-го числа, подъезжая утром к Барбошскому мосту на Серете, мы увидели следы опустошений, причиненных в стране разливом вод; желе[зная] дорога во многих местах была совсем затоплена; сообщение восстановлено только усиленными трудами наших войск.

На станции Барбошской была опять шумная встреча; тут в толпе большинство составляли уже русские генералы и офицеры. В числе их встретился я с моим сыном, который прикомандирован к казачьему отряду в Галаце. Тут только я узнал, что ему дове-

---

* который много на своей короткой жизни накутил,

лось быть в смелом поиске за Дунай для осмотра дорог на правой стороне реки. Он и несколько других офицеров были посланы с небольшим числом казаков. Турки, заметив их, выдвинули войска из Матчина; мониторы стреляли по ним при обратной переправе. Наши смельчаки поплатились только тем, что выкупались, как говорят, по пояс в водах Дуная.

В Браилове—опять блистательная встреча государя. Здесь ожидал великий князь главнокомандующий со своим начальником штаба и некоторыми близкими лицами.

Далее на всем пути, почти на всех станциях такие же встречи, с музыкой, с почетными румынскими караулами, букетами, спичами и проч. День был невыносимо жаркий. Мы все порядочно осовели и рады были радёхоньки, когда добрались до Плоешти. Здесь мы немедленно разбрелись по отведенным квартирам. Меня поместили в нескольких шагах от дома, занятого государем; встретили меня приехавшие вперед адъютант мой полк. Лярский[99] и ген[ерального] штаба полк. Лобко. *

Сегодня утром, несколько отдохнув и оправившись от вчерашнего утомительного дня, пошел я к государю и попал прямо к молебствию, после которого имел короткий доклад, а в полдень приехал князь Карл румынский. У крыльца дома, занятого государем, выставлен был почетный караул от гвардейских казаков. Тут же его величество встретил князя Карла весьма дружественно, представил ему находившихся при этом лиц своей свиты и вместе с князем вошел в свои покои. Но свидание их было непродолжительно: в то самое время вступал в город только что прибывший по железной дороге гвардейский отряд. Государь и князь румынский сели верхом, с частью свиты, и выехали на встречу гвардейцев. После завтрака румынский князь уехал обратно в Бухарест.

Потом государь говорил, что разговором своим с князем Карлом остался вполне доволен и убедился, что не он, а его министры придумывают разные затруднения и каверзы, начавшиеся с первого нашего шага в Румынии. **

Великий князь Николай Николаевич заехал ко мне и пробыл с полчаса. Его очень озабочивает приезд государя и неизвестность намерений его величества. Оказывается, что в одном из собственноручных писем к великому князю государь упомянул о предположении своем вступить лично в командование армией, с предоставлением в таком случае великому князю роли начальника штаба. Пред-

---

* Я был изнурен и до такой степени, что долго не мог заснуть, даже на мягкой постели.

** Первоначальный текст после слов «...После завтрака румынский князь уехал обратно в Бухарест.»: «Потом государь говорил, что в разговоре с князем Карлом остался вполне доволен его настроением и взглядом на настоящее положение дел. Государь убедился, что не он, а его министры придумывают разные затруднения и недоразумения с самого нашего вступления в Румынию».

положение это, разумеется, встревожило не одного великого князя, но и его штаб и всех окружающих его. В действительности это было бы крайне неудобной, даже несчастной комбинацией. Я советовал его высочеству не заговаривать самому об этом щекотливом вопросе и ожидать разъяснения от инициативы государя.

Обедал я у государя; после обеда пили кофе в саду, под тенью большого орешника.—Получены две приятные телеграммы: одна—о благополучном прибытии нашей эскадры и с нею вел. кн. Алексея Александровича из Америки в Брест, а другая—об успешных действиях наших войск в Азиатской Турции. Последняя эта телеграмма подтвердила полученные еще утром частные телеграммы из Константинополя о полном отчаянии Мухтара-паши и расстройстве его войск.

Сегодня, 26-го ч[исла], вечером, отправлен отсюда первый фельдъегерь в Петербург. Писал с ним к жене.

27-го мая. Пятница.—В 10 ч. утра государь, со всеми здесь находящимися членами царской семьи, отправился в Бухарест; сопровождали его кн. Горчаков, гр. Адлерберг, ген.-ад[ъютан]ты Мезенцов и Стюрлер и я. День был очень жаркий. На пути, на нескольких станциях, крестьянские девушки осыпали императорский вагон массой цветов, особенно роз. В Бухарест прибыли в $11\frac{3}{4}$ ч.; на станции встретили государя князь и княгиня [100] румынские с многочисленной свитой, министрами и другими высшими чинами Митрополит сказал приветственное слово; городской голова (мэр) произнес весьма сочувственную речь, называя Россию освободительницей Румынии, что́ было особенно замечено в устах одного из корифеев ультра-либеральной партии. Со станции провезли нас в придворных экипажах по лучшим улицам города до дворца; эскорт, экипажи, ливреи,—все было более великолепно, чем можно было ожидать от такого маленького двора. Улицы были переполнены народом, и прием был самый радушный. С балконов и окон сыпались цветы; всюду флаги, гирлянды, крики «ура». У дворца выставлен был почетный караул от стрелкового батальона, обмундированного по образцу итальянских берсальеров. Во дворце, после непродолжительного представления князю и княгине лиц императорской свиты, нас пригласили к завтраку, за гофмаршальским столом, а в 2 часа мы уже ехали обратно на станцию железной дороги, с той же торжественной обстановкой. Вообще прием в Бухаресте произвел на нас приятное впечатление. Государь попрежнему остался вполне доволен беседами своими с князем Карлом. Княгиня, рожденная принцесса Нёйвид, близкая к нашему царскому дому, жила даже некоторое время в Петербурге, у покойной великой княгини Елены Павловны, и сохранила благоговение к своей тетке. Увидев меня, она сейчас [же] вспомнила, что видела меня у великой княгини и что я был тогда в числе лиц, пользовавшихся особенным ее благоволением. Фрейлина княгини, девица Розетти, рядом с которой пришлось мне сидеть за

завтраком, также подтвердила мне, что не раз слышала обо мне от княгини, которая всегда вспоминает с удовольствием о своем пребывании в Петербурге.

На возвратном пути, в вагоне, я читал вслух государю реляцию о взятии Ардагана, только что привезенную офицером Нижегородского драгунского полка Панчулидзевым.

Возвратились мы в Плоешти к 4-м часам, порядочно утомленные. Сегодня утром приехал из Галаца мой сын, чтоб навестить меня. Вечером собрались у меня несколько лиц: начальник болгарского ополчения ген.-м. Столетов, командующий 2-й бригадой ополчения флиг.-адъют. кн. Леонид Дм[итриеви]ч Вяземский и состоящий при ополчении, пока без должности, подполк. Пав. Ник. Попов.

30-го мая. Понедельник.—После поездки в Бухарест живем мы неподвижно в Плоешти, в постоянной транспирации от жара. Вчера только были порадованы хорошим летним дождем. Жизнь наша однообразна. Каждый день по утрам государь встречает один из проходящих эшелонов войск; вчера, в воскресенье, кроме того, были у обедни в одной из городских церквей, а к обеду приехали князь и княгиня румынские. Но посещение их было совершенно семейное; никто из нас даже не был при встрече, и к царскому столу никто, кроме императорской семьи, приглашен не был; прибывшие с князем два гофмаршала и два флигель-адъютанта обедали с русской свитой за гофмаршальским столом.

В последние дни окончательно обдуман план переправы чрез Дунай. Чтобы вернее скрыть истинный пункт переправы, предположено сперва сделать ложную переправу около Браилова, куда намерен ехать и сам государь. Вода в Дунае еще очень высока; все нужное для настоящей переправы может быть подвезено не ранее 15-го июня, поэтому и демонстрацию у Браилова положено произвести не ранее 6-го числа.

Ген. Игнатьев поднял весьма щекотливый вопрос по поводу данной гр. Шувалову секретной инструкции, в которой заключалось несколько пунктов, крайне неудобных для ведения предстоящей кампании. Игнатьев указал на эти пункты великому князю главнокомандующему, который вследствие этого вчера приехал советоваться со мной. Я подал мысль, чтобы его высочество предложил государю собрать совещание, что́ и было сделано сегодня утром. Бедный наш канцлер разыграл роль зайца, травимого несколькими борзыми, особенно по вопросу о будущей участи Болгарии. Уже при совещаниях в Царском Селе и Петербурге, в присутствии гр. Шувалова, я не раз настойчиво объяснял невозможность разделения Болгарии на Придунайскую и Забалканскую и постановки, в случае мира, совершенно различных условий для той и другой части. Мне казалось, что со мною соглашался и государь; гр. Шувалов и канцлер не оспаривали, а между тем в окончательной редакции инструкции оказалось резкое различие в пред-

полагаемых условиях относительно двух половин той же страны. Против этого преимущественно и восстали сегодня кн. Черкасский и Игнатьев; в особенности первый высказал свой взгляд весьма положительно и настойчиво. Дело было так ясно, что наш престарелый канцлер вынужден был сделать уступку и тут же проектировал телеграмму к гр. Шувалову об изменении означенного пункта инструкции.

Поразительно, как подобные важные вопросы трактуются легко и поверхностно нашим канцлером. И кто знает,—не сделан ли уже гр. Шуваловым промах в его многоглаголивых беседах с британскими министрами. По донесению Убри, в Берлине не могли скрыть удивления, услышав от него о наших скромных заявлениях, которыми мы при самом начале войны заранее и добровольно связываем себе руки.

3-го июня. Пятница.—Продолжаем свое однообразное житье в Плоешти. Князь Карл еще раз приезжал сюда повидаться с государем, совершенно частным образом. В последние дни были опять политические совещания, в которых, кроме обычных лиц, принимали участие ген. Игнатьев, Непокойчицкий и кн. Черкасский.—Телеграмма, отправленная в понедельник к гр. Шувалову вследствие принятого в тот день решения относительно будущего устройства судьбы Болгарии, поставила, конечно, весьма в затруднительное положение нашего посла в Лондоне, который, как оказалось, по приезде туда не замедлил выболтать лорду Дерби все, что было сказано в секретной инструкции. Поэтому гр. Шувалов ответил, что затрудняется отменить сделанное уже им заявление и предпочитает по поводу какого-нибудь другого пункта прервать переговоры. Поэтому во вчерашнем совещании положено было подтвердить гр. Шувалову, что мы, не желая прерывать начатых объяснений с лондонским двором, но, с другой стороны, и не придавая им значения формальных негоциаций, находим, однакоже, необходимым заранее заявить наши соображения в отношении Болгарии, дабы потом не вышло опять каких-нибудь сомнений насчет нашей искренности и честности. Сегодня получен на это ответ Шувалова, что лорд Дерби, выслушав новое наше заявление, полагает, что оно * не будет принято Портой и что поэтому не было бы теперь никакой цели продолжать обмен мыслей по этому вопросу.—Все участвовавшие в совещании, не исключая и самого канцлера, нашли такой ответ благоприятным: стало быть, лондонский кабинет сам устраняется от предварительного решения вопроса о Болгарии, предоставляя это соглашению нашему с Портой, и на этом начатые переговоры могут быть прерваны.

Конечно, не того желали канцлер и гр. Шувалов. Они надеялись уладить дело с Англией так, чтобы избегнуть войны, не до-

---

* ни в каком случае не может быть принято Портой

пустив даже перехода нашей армии за Дунай.* В таком смысле заговорили во всех петербургских салонах; в таком же смысле говоруны в военных мундирах распространили слух в самой армии; наконец, в таком же смысле начали толковать и в Константинополе, где вообразили себе, что мы вовсе и не намерены переходить за Дунай, еще менее за Балканы, и ограничимся наступательными действиями в Азиатской Турции. Вследствие этого, как пишут, велено прекратить работы по укреплению Адрианополя и балканских проходов.

Между тем наши войска почти уже все дошли до назначенных им пунктов; перевозятся еще по жел[езной] дороге понтонные парки и другие тяжести, а затем ожидаются войска 4-го корпуса. Главнокомандующий надеется совершить переправу чрез Дунай 12-го числа; место переправы держится в строгой тайне, хотя в иностранных газетах и указываются разные пункты в средней части течения. К сожалению, до сих пор вода в низовьях Дуная не спадает, стоит на 16 футов выше ординара; поэтому мысль о демонстрации в Браилове прежде настоящей переправы уже оставлена. Сегодня были рассуждения о поездке государя на место переправы; вопрос этот крайне озабочивает е. в. главнокомандующего. Нелегко государю перемещаться с громадной свитой и обозом. Поэтому предполагается, что на первый раз государь отправится только с небольшой частью свиты, налегке; но понятия эти относительные: по расчету выходит все-таки 10 экипажей, которые должны быть заблаговременно отправлены по жел[езной] дороге в Слатину. Графу Адлербергу приходится ломать голову, как уладить дело так, чтобы никто не жаловался на отсутствие привычного комфорта. При этом он мне сказал, что императорская Главная квартира ныне состоит из 600 лиц, не считая конвоя и гвардейского отряда.

Из Главной же квартиры главнокомандующего многие начали уже разъезжаться.

Несколько дней тому назад получены были по телеграфу известия о новых попытках парохода «Константин» взорвать минами турецкие броненосцы в Сулинском устье. Но, кажется, опять не-

---

* Первоначальный текст после слов «...продолжать обмен мыслей по этому вопросу.» (стр. 175, строка 8 сн.): «Все участвовавшие в совещании, не исключая и самого канцлера, нашли такой ответ довольно благоприятным: значит, решение вопроса о Болгарии Англия предоставляет соглашению нашему с Портой; значит, в этом вопросе, так же как и во всех прочих, возбужденных самой Англией, нет пока повода к активному вмешательству ее в восточный вопрос и на этом начатые переговоры могут быть прекращены.

Конечно, не того желали канцлер и гр. Шувалов. Они так желали уладить дело с Англией, что не в шутку надеялись покончить с войной, не допустив даже нашу армию за Дунай».

удача. Пароход «Константин» возвратился в Одессу благополучно, но не досчитался одного катера (лейт. Пущина), для разыскания которого послан пароход «Аргонавт»; однакоже никаких следов не найдено.

4-го июня. Суббота.—Сегодня приехал князь сербский Милан с многочисленной свитой; в числе ее были Ристич (министр иностр[анных] дел), Протич, Хорватович, Лешанин (тот самый, который был в 1875 г. в Красносельском лагере и чуть было не наделал страшное imbroglio ради плохого знания французского и русского языков), затем полк. Катаржи (тот же, который приезжал уже в Кишинев) и друг. Князь Милан приехал в полдень по железной дороге; великий князь Николай Николаевич встретил его на станции и привез к государю. Свита государева собралась у подъезда; мы были запросто, в сюртуках и фуражках, но в шарфах. Государь встретил князя в первой комнате и сейчас же представил ему всю свою свиту, а затем князь Милан представил свою. Государь с кн. Миланом и великим князем Николаем Николаевичем вошли в кабинет, а обе свиты отправились к завтраку, в дом префектуры.—Встреча была холодная; князь Милан видимо чувствовал себя неловко; государь даже не подал руки Ристичу. О разговоре его величества с князем узнал я позже от самого государя: с первых же слов князь Милан заявил, что предоставляет себя и свое княжество в полное распоряжение императора и просит у него указаний, как сын у отца. Государь отвечал, что будет говорить с ним с такой же откровенностью, как отец с сыном; что, доверяя * чистосердечию и честности самого князя Милана, напротив того, не имеет никакого доверия к его министерству и, в особенности, к Ристичу. Князь Милан не защищал Ристича, но сознался, что держал его и держит единственно потому, что не имеет ** другой личности, которая могла бы его заменить. Затем, оставив в стороне всякие укоры за прошлое, государь объяснил князю Милану настоящее положение дел и тот образ действий, который предстоит Сербии: на первое время—держаться спокойно и смирно, но готовиться к тому, чтобы по переходе нашей армии за Дунай примкнуть к нашему правому флангу и тогда действовать не иначе, как по указаниям нашего главнокомандующего.—Князь Милан принял все эти наставления беспрекословно, но *** вышел из кабинета государева видимо смущенным.—Государь сказал мне, что увидит пред обедом и Ристича и намерен высказать ему строго всю правду. В чем именно заключался этот разговор, я пока не знаю; но за обедом, к которому были, разумеется, приглашены все сербские гости, я видел, что Ристич сидел, как приговоренный к смерти. После обеда я возобновил знакомство свое с Ристичем, Протичем и Лешаниным, ко-

---

* вполне

** решительно ни одной личности

*** говорят,

торые все трое бывали в Петербурге, а также познакомился с прочими; но не было ни времени, ни случая завести с ними какие бы то ни было разговоры. Некоторые из них даже затрудняются говорить на иностранных языках, а по-русски или сербски разговор не совсем удобопонятен для обеих сторон.

После обеда Игнатьев (который всегда очень охотно издевается над своим начальством) рассказывал мне, что князь Милан поставлен в большое затруднение и недоумение: будто бы канцлер в разговоре с ним говорил ему совершенно другое, чем то, что́ слышал он от государя.—Дело странное, но вполне возможное.

Сербские наши гости остаются и на завтрашний день. Сам князь и его свита заезжали ко мне, и, конечно, я отдал им визиты.

Сегодня же утром, во время утреннего чая, государь обсуждал свои предположения о поездке к месту переправы. Несмотря на попытки великого князя Николая Николаевича, гр. Адлерберга, Непокойчицкого и мои отклонить государя от преждевременного прибытия к месту переправы, он все-таки остался при своем решении—приехать туда 11-го числа, к самому началу действий, т. е. к открытию огня с батарей, а прежде того сделать поездку в Браилов и Галац. Завтра утром уже отправляется передовой легкий обоз. Остальная часть Главной квартиры двинется отсюда только по отъезде уже государя, прямо к Журжеву (по железной дороге).

7-го июня. Вторник.—Отъезд государя отсюда сначала в Галац и Браилов, а затем чрез Бухарест и Слатину к месту главной переправы откладывается день за днем по причине задержек в приготовлениях к переправам. Сегодня от ген. Циммермана из Браилова получена телеграмма, что он может начать действия в Галаце и Браилове только в пятницу и субботу, поэтому предположенный на завтра отъезд государя отложен до четверга. К тому же ожидают в четверг приезда вел. кн. Алексея Александровича. Главнокомандующий намерен завтра же отправиться к месту главной переправы.

Между тем дипломатия наша не перестает копошиться и противудействовать военным планам. Гр. Шувалов, недовольный последними повелениями государя относительно Болгарии, извещает, будто эта именно перемена в инструкциях его возбудила снова воинственное настроение в великобританском кабинете и будто в Англии решено приготовить десантный корпус. Дипломаты наши делают как будто нарочно все, что́ может преждевременно и совершенно напрасно тревожить другие кабинеты. В английской ноте нас спрашивали только о тех вопросах, которые специально затрагивают морские интересы Англии и в которых мы с своей стороны могли вполне успокоить опасения ее, не делая даже никаких уступок; мы же в ответ на это выложили всю нашу программу и затронули вопросы о будущем устройстве христианских областей Турции. Мало того, те соображения, которые после долгих суждений заявлены были, собственно, для сведения нашего посла в Лон-

доне, в секретной инструкции,—немедленно же и целиком объявлены английским министрам и в то же время берлинскому и венскому кабинетам.—Клевреты нашего канцлера * разгласили, будто Россия вовсе и не намерена вести серьезную войну, что канцлер для того и сопровождает государя, чтобы заключить мир при первой возможности, во всяком случае, не переходя Балканов, и что все дело разыграется в течение лета конгрессом где-нибудь в Швейцарии.—Весьма правдоподобно предположение, что, действительно, у нашего престарелого канцлера преобладает давнишняя мечта о конгрессе и что он даже во сне видит, какую роль будет он сам играть на этом конгрессе, чтобы закончить с блеском свое дипломатическое поприще. **

От своей семьи получил я известия, что все разъехались в разные стороны: жена с двумя дочерьми (Надеждой и Еленой) на Друскеникские воды, дочь Ольга—в подмосковную к графине Олсуфьевой, Маруся с племянницей Понсэ—в Бессарабию, в имение Евгения Михайловича Понсэ; осталась в Царском Селе только старшая дочь Елизавета.

9-го июня. Четверг.—Отъезд отсюда опять отложен на один день. Утром, во время моего доклада, приехал из Браилова прикомандированный к Генеральному штабу пор[учик] Гершельман, курьером от командира 14-го корпуса ген.-л. Циммермана, который уведомляет начальника штаба армии, что, по недостатку в средствах к переправе и, в особенности, продолжающемуся обширному разливу он должен исполнить предположенные действия в Галаце и Браилове сутками позже и притом считает все это предприятие крайне рискованным. За отъездом начальника штаба ген.-ад. Непокойчицкого вместе с главнокомандующим, конверт был распечатан самим государем, который немедленно приказал отложить наш отъезд.

В последние дни несколько раз являлись ко мне известные аферисты-евреи: Варшавский и Поляков с предложением быстрой, в 3 месяца, постройки военной железной дороги от Бендер до Галаца, сокращающей наш путь сообщения чуть не на 250 верст. Дело само по себе полезное; государь сочувствует ему и приказал спросить мнение министров финансов и путей сообщения. По вызову моему сегодня приехал сюда заведывающий военными сообщениями армии инженер Горчаков; с его помощью надеюсь привести дело в такой вид, чтобы можно было отправить проектированный договор на обсуждение названных министров.

11-го июня. Суббота.—Полученные в течение вчерашнего дня телеграммы от ген. Циммермана показывают, что он не имеет окончательного плана действий и находится в колебании. Одной из этих телеграмм он извещал, что решился уже в ночь с 9-го на 10-е произвести переправу на судах в Галац, а предприятие из

* старательно

** Такое предположение оправдывается вполне безграничным тщеславием и эгоизмом нашего канцлера.

Браилова в Мачин отлагает до воскресенья; другой же—что переправа у Галаца исполнена удачно, хотя с потерями; переправу же в Браилове не может произвести и в воскресенье. Государь уже колебался, ехать ли ему туда или совсем отказаться от этой поездки; однакоже решился все-таки ехать, и вчера, в 9 часов вечера, мы отправились по железной дороге, а сегодня, еще до свету, прибыли в Браилов, где не нашли ген. Циммермана. Расспросив кого нашли там из военного начальства, продолжали путь до Галаца, куда приехали около 5 ч. утра. Оказалось, что мы разъехались с ген. Циммерманом, который в то же время проехал на пароходе в Браилов. Оставалось только взглянуть на раненых, привезенных с поля сражения в галацкий госпиталь; их было уже до 90 человек, но прибывали еще вновь привозимые. Из привезенного капитаном Гершельманом донесения ген.-м. Жукова видно, что бой накануне был горячий. Государь обошел все палаты, ободряя раненых ласковым словом, одного офицера наградил георгиевским крестом, потом осмотрел лагерь Московского пех[отного] полка и затем поехал обратно в Браилов, куда мы прибыли около 9 ч. утра. В Браилове осмотрели бивак расположенных тут войск, потом батарею, построенную против выхода из Мачинского рукава, ту самую, с которой выстрелы потопили первый турецкий броненосец. С этой батареи отлично видна вся местность за Дунаем до Мачина и возвышенности, на которых занята вчера позиция бригадой ген.-м. Жукова. Против того места, где мы стояли, на возвышенном берегу Дуная, наведен мост на козлах. К сожалению, мостом этим еще невозможно пользоваться, так как на правом берегу Дуная местность до гор и Мачина еще под водой на несколько футов. Вот почему ген. Циммерман и находит большие затруднения в исполнении предположенной тут переправы. * а между тем положение отряда Жукова за Дунаем не совсем безопасно.—В самом Браилове не было положительных сведений о том, занят ли Мачин турками или оставлен; ** кто-то утверждал, будто этот городок уже занят нашими войсками; но откуда же они могли взяться? *** Сам ген. Циммерман сознался, что ничего наверное не знает и **** только намеревался еще произвести разведку, а затем сообразит, можно ли исполнить предположенное движение к Мачину по камышам, или же придется совсем отложить его. В таком положении оставили мы дело в Браилове, уехав оттуда в 11 ч. утра. В Плоешти возвратились к $4^1/_2$ часам.

В Галаце видел я несколько только минут своего сына, для которого приезд наш был совершенным сюрпризом.

Поздно вечером получена от ген. Циммермана телеграмма о том, что он, узнав об очищении Мачина турками, прибыл туда на

---

* которая должна помочь Жукову и выручить его.

** были вестовщики, утверждавшие даже, будто Мачин уже занят нашими войсками;

*** и как же самому начальнику не знать об этом!

**** сказал государю, что намерен еще сделать разведку

судах с Бородинским пехотным полком и занял город без выстрела. Духовенство и жители-христиане вышли навстречу с иконами, хоругвями, с пением по-русски многолетия русскому царю. Бородинский полк расположился в городе; ген. Жукову приказано двинуться туда же. Известие это * успокоило государя, который был доволен тем, что первый неприятельский город за Дунаем занят полком имени его величества.

13-го июня. Понедельник.—Вчера и ночью получено несколько телеграмм с разных пунктов Дуная. Турки, повидимому, очистили весь правый берег нижнего Дуная; ген. Циммерман уже занимает Тульчу, Исакчу, посылает отряды к Бабадагу и намеревается вводить управление в Бабадагской области. На среднем Дунае предпринято было нашими моряками несколько новых попыток против турецких пароходов; но теперь эти смелые предприятия как-то не удаются; мины не действуют; несколько офицеров и художник Верещагин ранены.

Сегодня утром было довольно хлопот и суеты: надобно было телеграфировать Циммерману, великому князю главнокомандующему, в то же время разбирать и докладывать государю бумаги, привезенные срочным курьером из Петербурга, а в промежутках—смотр проходившей колонны 13-го корпуса и приезд дон Карлоса, который, впрочем, должен сейчас же уехать обратно в Бухарест.

Мы выезжаем сегодня же в 4 часа дня чрез Бухарест в Слатину, где ночью пересаживаемся в экипажи для дальнейшей поездки к Дунаю.

15-го июня. Среда. Драча (Dracca).—Около полуночи с 13-го на 14-е доехали по железной дороге до Слатины и здесь простояли почти до $3^1/_2$ часов утра в ожидании прибытия экипажей, перекладки вещей и вдобавок — разборки полученной от князя Горчакова из Бухареста шифрованной телеграммы. Канцлер выехал из Плоешти в одном поезде с государем, но вагон его отцепили на последней станции пред Бухарестом, где он и должен остаться. С государем поехал из дипломатов один Амбургер, который и разобрал телеграмму; она оказалась довольно важной: Новиков сообщает, что венское правительство, не считая себя вправе ныне вмешаться в борьбу между Черногорией и Турцией, объявит, однакоже, что в случае, если б турки угрожали независимости Черногории или позволили себе жестокости с населением края, Австро-Венгрия сочтет своим долгом действовать не только дипломатически, но и оружием. Вместе с тем, по донесению Новикова, венский кабинет, в ответ на английскую ноту, советовал лондонскому кабинету признать удовлетворительными заявленные гр. Шуваловым условия, на которых Россия согласилась бы заключить мир с Турцией, не исключая даже и предположения нашего о срытии крепостей

---

* очень обрадовало государя

между Дунаем и Балканами. Австрия признает невозможным при самом начале войны установить для русской армии крайний предел наступлению. *

От Слатины помчались мы в десяти экипажах по дороге, ведущей вдоль левого берега Алуты (Ольты) к Турну и Никополю. Не доезжая до этих пунктов, от сел. Segarcia повернули влево, к высокому кургану Magura della Grapani, с которого открывается обширный вид на всю долину Дуная от устья Алуты до Систова и далее. На этом-то протяжении должны совершиться главные действия перехода чрез Дунай. На кургане была уже заранее разбита государева палатка; здесь встретил его великий князь Николай Николаевич с своим штабом и присланной заранее частью императорского конвоя. С высоты этого кургана государь мог видеть действие наших батарей, устроенных от устья Алуты до Фламунды и еще накануне открывших сильный огонь против Никополя и турецких батарей, под огнем которых должны проходить наши понтоны, суда, паромы и мостовые материалы, приготовленные на реке Алуте. Часть понтонов уже прошла в ночь с 13-го на 14-е, несмотря на присутствие двух неприятельских канонерок у Никополя. В то же время производились демонстрации в Ольтенице, где несколько уже дней показывали вид приготовлений к переправе.

Пробыв на кургане часа три или более, государь и за ним вся свита продолжали путь к селению Драча. Здесь приготовлено было в простеньком доме помещение для государя; для нас уже разбиты палатки; обед был готов в обыкновенное время; вся обстановка более напоминала красносельские маневры, чем настоящую войну. Сам государь, окруженный почти всей своей семьей, сделал то же замечание. Однакож в душе он не был так спокоен, как на маневрах: большую часть ночи не спал от волнения в ожидании решительных действий на следующее утро.

Сегодня поднялись мы ранее 5 часов; государь потребовал меня к себе **; пришел и сам главнокомандующий. Государь сознавался в своем тревожном состоянии духа и сказал, что несколько раз уже случалось ему накануне важных событий видеть во сне отца своего; он видел такой сон в ночь с 11-го на 12-е апреля, т. е. пред объявлением войны, и тот же сон видел опять в эту ночь: покойный отец, император Николай, нежно прижимал к груди своего сына и благословлял его. Государь прослезился и был так растроган, что мы вышли из комнаты, чтобы дать ему успокоиться.

Вслед затем мы все опять помчались в экипажах на вчерашний курган, хотя знали, что уже в прошлую ночь должна была начаться

---

* Первоначальный текст после слов «...о срытии крепостей между Дунаем и Балканами.»: «Австрия признает невозможным положить для России при самом начале войны преграду движению ее армии к столице Турции».

** и сообщил мне план действий.

настоящая переправа в другом пункте—от Зимницы к Систову. План этот держался в такой тайне, что даже никто из свиты не подозревал его. Демонстрации, производимые в разных пунктах, в особенности у Никополя и Ольтеницы, повидимому, ввели в обман и турок. Лишь только прибыли мы на курган, там же, в карете полевого телеграфа, получена была телеграмма, что ген.-м. Драгомиров с большей частью 14-й дивизии уже переправился успешно на судах и после небольшой перестрелки занял высоты правого берега Дуная, к вост[оку] от Систова.

Мы оставались на кургане насупротив Никополя с 7 час. утра до 2 часов дня, и пока смотрели на действие наших батарей, бомбардировавших Никополь, пока пред нашими глазами загорелся этот город,* получались беспрестанно телеграммы из Зимницы о продолжавшейся переправе. Часть переправившихся войск двинута влево, для прикрытия переправы со стороны Рущука, а с другой частью ген. Драгомиров обратился на Систово, но, кажется, еще не овладел городом, поджидая прибытия полевой артиллерии, так как с передовыми войсками переправились только две горные батареи **. Известия эти видимо успокоили и государя, и главнокомандующего. Очевидно, турки не ожидали переправы в этом пункте. Между тем все почти понтоны и суда из Алуты уже успели в прошлую ночь пройти в виду никопольских батарей. Полагают, что батареи эти сбиты нашими выстрелами; но можно думать, что турки потеряли голову и поспешат очистить весь правый берег Дуная, кроме крепостей.

В 4-м часу возвратились мы в Драчу. С переправы получались частые телеграммы об успешном ходе дела. Во время обеда у государя пришло известие, что почти вся 14-я дивизия уже переправилась, что город Систово занят и турки окончательно ушли. При этом известии государь, подняв бокал, возгласил «ура» главнокомандующему и тут же надел на него орден св. Георгия 2-й степени. Крики «ура» повторились в лагере, а после обеда к домику государя прибежала вся ватага, составляющая штаб и свиту его высочества. Раздались оглушительные крики «ура», принялись качать главнокомандующего, а затем сам государь с новым кавалером св. Георгия пошел к его ставке. По пути чрез весь лагерь те же крики, бросание шапок и проч. Бывшие тут два иностранные корреспондента были изумлены этими свободными, безыскусственными изъявлениями энтузиазма и привязанности к великому князю, который умел, действительно, приобрести любовь всех своих подчиненных.

Поздно вечером приехал с переправы начальник штаба ген. Непокойчицкий. Государь надел на него собственноручно орден св. Георгия 3-й ст[епени]. Тот же орден назначен командиру 8-го корпуса Радецкому и начальнику 14-й дивизии Драгомирову.

---

* и почти весь выгорел,

** (из них 2 орудия с батарейным командиром и 2 офицерами утонули при переправе).

16-го июня. Четверг. Зимница.—В 6 часов утра выехали в экипажах из Драчи. Проездом чрез Пиатру государь осматривал госпиталь, в котором было до 300 раненых, привезенных с переправы. В числе их был командир гвардейского отряда полк. Озеров. По собранным доселе сведениям, во вчерашнем бою потеря наша состояла приблизительно из 150 убитых и до 400 раненых. Главная потеря была в Волынском полку, а затем в Минском. Гвардейцы не уступали армейцам в рукопашном бою. Один солдат гвард. Павловского полка, замечательно здоровый и сильный, поднял на штык 6 турок и жаловался, что рана в руку помешала ему покончить еще с седьмым. В числе раненых в госпитале было и несколько турок, но, кажется, вообще их не щадили; солдаты наши дерутся с каким-то озлоблением.* Рассказывают, что один тяжело раненый турецкий солдат, к которому подошел фельдшер, чтобы подать помощь, застрелил его в упор. Госпиталь в Пиатре устроен хорошо; все врачебные пособия и уход за больными вполне удовлетворительны.

Из Пиатры отправились далее в Зимницу, где расположен 12-й корпус. Государь начал с осмотра главного перевязочного пункта, где еще находилось до сотни раненых, которых еще нельзя было перевезти в Пиатру. Здесь же устроен маленький лазарет от Красного креста. Государь поместился в хорошем доме, расположенном над обрывом левого берега Дуная, откуда открывается вид на Систово, на место переправы и на значительное протяжение вправо и влево. Переправа войск продолжается; приступлено к постройке моста. Около 3 часов государь сел верхом и поехал на переправу. Чрез Дунай перевезли нас на двух понтонах; на противуположном берегу выстроена была гвардейская команда, участвовавшая во вчерашнем деле. Отсюда до Систова около 5 верст. Мы поехали туда верхом, между двумя сплошными стенами войск. Волынский и Минский полки и стрелковая бригада пропустили нас с непритворными выражениями восторга и радости. На всех лицах видно было одушевление. Встречая начальников частей, государь благодарил их и лично роздал георгиевские кресты как Радецкому и Драгомирову, так и бригадным командирам Иолшину и Петрушевскому, а позже и полковым командирам.

С приближением к городу увидели мы толпы вышедших из него жителей; у самого же въезда в город государя встретило духовенство с евангелием, крестом и хоругвями. Государь объявил намерение свое прямо проехать в православный храм. Духовенство пошло впереди русского царя; на всем пути государя и ехавшую за ним свиту осыпали цветами; женщины и дети радушно и радостно улыбались, старики и старухи крестились. Государь вошел в церковь, набитую толпой народа; иные целовали ему руки, другие, по местному обычаю, аплодировали. Из церкви государь поехал в квартиру, занятую командиром корпуса Радецким; опять толпы

---

* Раненые наши солдаты рассказывали,

народа, восторженные возгласы и выражения радости. Некоторые дома на пути нашем стояли полуразрушенными, с выбитыми стеклами, пустые: это дома, принадлежавшие туркам, которые все бежали с приближением наших войск. Около мечети улица была усыпана обрывками мусульманских книг.

Пробыв несколько минут в доме, с балкона которого открывается обширный вид на Дунай, освежившись тут легким местным вином, похожим более на квасок, мы продолжали путь за город на позицию, занятую к западу Подольским пехотным полком и батареей. * Между тем послано было приказание, чтобы к городской пристани прибыл паровой катер с понтоном, дабы государь мог переправиться прямо из Систова к Зимнице, не возвращаясь на прежнее место переправы. В ожидании прибытия судов государь вошел в дом Австрийского пароходного агентства на пристани, и здесь пришлось оставаться часа два. Нас развлекали хозяин дома (агент Общества), выдававший себя за болгарина, а еще более семья его. Старшая дочь, красивая блондинка, одетая по-европейски, кокетничала с государем и великими князьями, угощала вином, вареньем и разговорами то по-болгарски, то по-немецки.—Вообще физиономия города более европейская, чем азиатская.

Наконец прибыли катера и баркасы, и мы переправились обратно на левую сторону Дуная. Все были очень утомлены, оставаясь весь день без пищи, в постоянном движении, под жгучим солнцем. Возвратившись в Зимницу, сели за обед уже в девятом часу вечера; палатки были уже разбиты, и все поспешили на покой.

День этот был полон разнообразных ощущений. Государь, несмотря на ** усталость, был в отличном расположении духа. Нельзя было ожидать более счастливого и удачного исполнения трудного дела — переправы армии чрез Дунай. Оно обошлось нам необыкновенно дешево, особенно, если сравнить с теми потерями, которые, к несчастью, понесены в последних делах в Азиатской Турции, о которых сегодня же вечером получены телеграммы.

17-го июня. Пятница.—Сегодня мы имели отдых, однакож не полный: в 3 часа было благодарственное молебствие за победу 15-го числа. Почти весь 12-й корпус, гвардейская рота и болгарские дружины были построены огромным квадратом, в средине которого, на кургане, совершен церковный обряд, а потом государь раздавал георгиевские кресты и другие награды.

21-го июня. Вторник.—Почти ежедневно государь делает поездки то на переправу, то в лазареты. Постройка моста весьма замедлилась бурей в ночь с 17-го на 18-е число; ветер сорвал несколько понтонов, так что переправа по мостам могла начаться

---

* Батарея стояла на выгодной позиции.

** чрезвычайную

только в ночь с 19-го на 20-е. Прежде всего нужно было переправить обозы находившихся уже на правом берегу Дуная частей войск, также несколько кавалерии. Вчера государь и за ним вся свита сделали довольно дальнюю и утомительную поездку: переехав по мосту за Дунай, взяли налево к деревне Вардин — месту расположения 9-й пехотной дивизии. От страшной пыли, мешавшей видеть под ногами лошади, я был опрокинут вместе с лошадью и мог быть растоптан скакавшими сзади, в той же пыли. Отделался счастливо, ни одна лошадь не коснулась меня, но сильно чувствую лом во всех костях.

Между тем, в ожидании перехода бо́льшего числа войск за Дунай, составляются предположения о дальнейшем направлении и распределении их. При этом, к сожалению, руководствуются не совсем похвальными видами. Раздробили две кавалерийские дивизии на 4 отдельные бригады для того, чтобы две из них поручить под команду двум братьям Лейхтенбергским: Николаю и Евгению Максимилиановичам. Первый из них никогда в строю не служил, а последние 10, 12 лет жил спокойно за границей и позабыл даже то, что́ мог знать в юности. Евгений Максимилианович—bon vivant, ни в чем не показавший своих военных способностей. Затем предполагается дать назначения * наследнику цесаревичу и вел. кн. Владимиру Александровичу.—Опять вспомнишь красносельские маневры.

Между тем последние сведения с Кавказа не совсем благоприятны. Турки получили значительные подкрепления, и нашим войскам пришлось на всех путях остановить наступление и даже отступить. Великий князь Михаил Николаевич снова требует присылки дивизии; делать нечего: сегодня решено направить на Кавказ 40-ю пех. дивизию, только что приведенную на военное положение и собиравшуюся в лагерь под Чугуевом.

Вчера пришел сюда весь обоз императорской Главной квартиры и с ним явилась вся толпа праздного люда, составляющего свиту государя.

23-го июня. Четверг.—Вчера государь с частью свиты ездил опять в Систово показать город принцу Гессенскому, присланному сюда для объявления о восшествии на престол нового великого герцога Гессен-Дармштадтского [101]. В поездке этой я не участвовал, чувствуя себя не совсем здоровым от усталости, жара и образа нашей жизни. Во время обеда послышался в соседней румынской церкви похоронный звон. Государь, узнав, что принесли в эту церковь тело утонувшего при переправе чрез Дунай молодого офицера гвардейской артиллерии Тюрберта, встал из-за стола и пошел в церковь; разумеется, и все пошли за ним. Погребение было трогательное: в ветхой, полуразвалившейся, темной церкви служил старик священник; гвардейские саперы, по приказанию государя, во

---

* даже

время отпевания выкопали могилу под самым перистилем церкви.— Возвратившись с печальной церемонии, докончили обед. В это время привели пленных турок, человек до 40; в числе их было несколько здоровых, обмундированных, принадлежавших к низаму; прочие—оборванцы, башибузуки; двое или трое даже переселенцы из Крыма.

Сегодня же, после обеда, принесли в лазарет Красного креста двух изувеченных турками болгар. Государь пошел взглянуть на них и повел с собой английского агента Велеслея, сказав ему, чтобы он сам видел образ действий «les protegés de votre gouvernement». [102]. Когда мы пришли в лазарет, один из болгар уже кончил жизнь, его несли в церковь хоронить; бедная вдова стояла тут же со свечей и рыдая.

Кавалерия наша ушла уже далеко от Дуная и встретила только небольшую шайку черкесов, с которыми и посчиталась. Вчера приехал сюда ген.-лейт. Гурко, начальник 2-й гвард[ейской] кавалерийской дивизии, вытребованный сюда для начальствования всей кавалерией, пущенной вперед на поиск к Балканам. Он имеет репутацию наиболее способного и разумного из кавалерийских генералов.

27-го июня. Понедельник.—Государь рвется вперед за Дунай; он в большом волнении и сердится, когда ему доказывают, что присутствие его при передовых войсках неуместно, что оно стеснит главнокомандующего, что перемещения с громоздким обозом Главной квартиры сделаются невозможны в Балканах. С тех пор как великие князья: главнокомандующий, наследник цесаревич и Владимир Александрович переместились вперед, государь ежедневно собирается сам переехать туда, но великий князь Николай Николаевич под разными предлогами отклоняет его намерение. Вчера ген. Непокойчицкий прислал гр. Адлербергу длинное письмо по этому предмету. Последний сделал новую попытку уговорить государя не ехать за Дунай; * но ему опять не удалось, а к тому же вечером получена от вел. кн. Николая Николаевича из Царевицы телеграмма о новом подвиге наших войск: 25-го числа одна кавалерия, т. е. драгуны и казаки с конной батареей, атаковали Тырнов, выбила из него до 3/т. турецкого низама и овладела городом. Государь пришел в восторг, созвал всю свою свиту и сам пошел в лагерь гвардейской конвойной роты, чтобы прочитать телеграмму. Я уже собирался лечь спать, когда услышал, что государь зовет меня по имени. В деле отличился между прочими и гвардейский конвойный полуэскадрон; поэтому известие было принято с востор-

---

* Первоначальный текст после слов «...Вчера ген. Непокойчицкий прислал гр. Адлербергу длинное письмо по этому предмету.»: «Гр. Адлерберг, который желал бы, чтобы государь совсем уехал в Петербург, сделал новую попытку уговорить государя не ехать за Дунай;»

женными криками «ура». Сейчас же государь телеграфировал великому князю главнокомандующему о награждении ген.-л. Гурко орденом св. Георгия 3 степ[ени], а Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского, которому поручено командование сводной драгунской бригадой, производит в генерал-майоры. Немного спустя опять зовут меня к государю, который объявляет, что намерен завтра же, в 6 ч. утра, отправиться за Дунай, в Царевицы. Между тем ночью приходит от вел. кн. главнокомандующего известие, что он выезжает из этого пункта на рассвете; государь в первую минуту хотел было отменить поездку, но вслед затем снова решился ехать и телеграфировал великому князю Николаю Николаевичу, чтобы он дождался приезда. Сегодня мы выехали ровно в 6 ч. утра, до переправы в экипажах, а потом верхом, и к 8 ч. утра были уже в Царевице. Великий князь уже совсем был готов к отъезду; государь вместе с ним вошел в домик, служивший до того помещением главноком[андующе]го, и тут в несколько минут переговорили они о дальнейшем плане действий. Я не был приглашен к этому свиданию и узнал только потом о результате его. Великий князь решается не останавливаясь итти вперед к Тырнову и далее чрез Балканы, не приступая * к осаде Рущука, как до сих пор предполагалось. Войска 12-го и 13-го корпусов, под начальством наследника цесаревича, будут пока удерживать позицию на р. Янтре, а 9-й корпус бар. Криденера будет охранять правый фланг операционной линии. Совещание продолжалось с полчаса, после чего великий князь главнокомандующий с своей свитой уехал в Сиржали, а мы, позавтракав под открытым небом, возвратились в Зимницу, где было отслужено благодарственное молебствие по случаю победы 25-го числа. Великий князь, как оказалось, уговорил государя не торопиться переездом за Дунай; условлено было исполнить это только 2-го июля, с последним эшелоном 11-го корпуса, который должен составить общий резерв за Дунаем, вместе с ожидаемым еще 4-м корпусом.

29-го июня. Среда.—Вчера государь поехал верхом на бивак прибывших в Зимницу двух дивизий: 31-й пехотной и 13-й кавалерийской. Не поспев выехать с государем, я спешил догнать его скорой рысью напрямик, по полю, изрытому ямами и рвами; лошадь моя споткнулась, упала, и я порядочно ушибся; однакож сел опять на лошадь и подъехал к стоявшему на правом фланге 31-й дивизии Пензенскому пехотному полку, носящему мое имя. В первый раз с назначения меня шефом этого полка довелось мне видеть его. Встретил меня, как водится, полковой командир полк. Конаржевский; обычным порядком поздоровавшись с полком и сказав несколько приветственных слов, я проехал по фронту батальонов, после чего представлялись мне офицеры; все это заняло столько времени, что я не мог уже присоединиться к свите государя и ско-

---

* даже

рее возвратился в свою палатку, чтобы примочками и льдом отделаться от синяков и опухоли.

По мере того как доходят до Главной квартиры частные сведения о тырновском деле, начинают все более понимать, что оно вовсе не имело той важности, которую ему сгоряча придали по первой телеграмме. Сам государь остановился в назначении наград, уже заявленных в ответной телеграмме главнокомандующему.— Поздно вечером я прочел государю полученную от ген. Непокойчицкого записку, заключающую в себе расчет движения разных колонн и законченную собственноручной припиской его о том, что великий князь Николай Николаевич просит подкрепить его армию еще одной или двумя дивизиями. Заявление это совершенно неожиданное*. Я воспользовался случаем, чтобы представить государю некоторые соображения относительно составленного великим князем плана действий, по моему мнению, крайне рискованного и даже безрассудного. Видно, мои объяснения произвели свое действие, потому что государь вчера же поздно написал в этом смысле письмо к главнокомандующему.—В то же время получена прискорбная телеграмма от великого князя Михаила Николаевича о снятии осады Карса и общем отступлении всех колонн, доселе подвигавшихся победоносно вперед. Такой печальный оборот возможен и на Дунайском театре войны, если мы будем действовать очертя голову, пренебрегая противником и не соображаясь с расположением его сил. Сегодня, при утреннем докладе, я воспользовался случаем, чтобы еще раз объяснить государю мои опасения. Государь вполне согласился с моими соображениями: безрассудно было бы итти за Балканы с частью армии, когда в тылу остаются справа и слева от пути сообщения огромные силы неприятельские. Известно, что Порта со всех сторон собирает войска на Дунайский театр действий. Она даже оставила в покое Черногорию, которую почти готова уже была раздавить; войска Сулеймана-паши, равно как и занимавшие Герцеговину, направлены против нашего правого фланга. Необходимо сперва нанести удар армии противника и, пользуясь нашим настоящим центральным расположением, стараться всеми силами разбить турок по частям,—и затем уже итти вперед в Балканы. При такой постановке вопроса я надеюсь при другом случае убедить государя и в том, что в настоящее время, пока вовсе не разъяснились обстоятельства, когда еще только ожидаются серьезные встречи с противником, когда последний может сделать попытку действовать на единственный путь сообщения нашей армии, было бы преждевременно и неосторожно самому императору лично высунуться вперед, подвергая себя не только опасности в бою, но и еще гораздо худшему — необходимости поспешного возвращения на Дунай. Не знаю, удастся ли мне убедить в этом государя после всех тщетных попыток гр. Адлерберга и самого великого князя Николая Николаевича.

---

* и неисполнимое

Сегодня, пред обедом, приехал из Тырнова офицер лейб-гусарского полка Бенкендорф с донесением генерала Гурко о деле 25-го числа; он привез торжественно взятое при этом знамя. Но из самой реляции видно, что Тырнов занят почти без боя; потеря состояла у нас только из двух солдат конно-артиллерийской батареи. Турки очистили сами город и после первых выстрелов артиллерии бежали. Привезенное «знамя» оказалось простым значком башибузуков, найденным в их лагере. Однакож государь велел мне прочесть вслух привезенную реляцию пред всей собравшейся к обеду свитой и прибежавшими солдатами гвардейского конвоя.

Поздно вечером снова государь призвал к себе меня и гр. Адлерберга и с радостью прочел нам телеграмму, полученную с Кавказа, об освобождении генералом Тергукасовым блокированного толпами турок в продолжение 23 дней слабого нашего гарнизона баязетской цитадели. Тергукасов с 8 бат[альонами] разбил 20 турецких батальонов, взял 4 пушки; но вывел из Баязета гарнизон, мотивируя тем, что город почти весь разрушен и потерял всякое значение. Известие это успокоило * государя; но опять придана этому успеху излишняя важность и торжественность. Сейчас же решено дать Тергукасову Георгия 3 ст[епени] и на завтрашний день назначено благодарственное молебствие.

30-го июня. Четверг.—Редкий день проходит без молебствий по тому или другому поводу. Сегодня утром пред строем государева конвоя я должен был громогласно прочесть телеграмму Тергукасова; затем обычные крики «ура»—и молебствие. После того ездил я за государем на встречу прибывшей к Зимнице 11-й кавалерийской дивизии, а в заключение государь обошел шатры открытого здесь военно-временного госпиталя.

Перед обедом получил я письмо от ген. Непокойчицкого, который, отвечая мне на некоторые вопросы, требовавшие разъяснения сделанных по армии распоряжений, снова выражал в **poste-scriptum**'е все затруднения и неудобства преждевременного прибытия государя к передним частям армии. Я прочел это письмо государю и попробовал подкрепить аргументы Непокойчицкого, но все было тщетно: государь, как упрямый ребенок, резко закончил свои возражения: «Я так хочу — и так будет».

4-го июля. Понедельник. Село болгарское Павло.—В последние три дня нашего пребывания в Зимнице перешли чрез Дунай почти все эшелоны 11-го корпуса. С последним эшелоном 32-й пех[отной] дивизии назначено было 3-го июля итти и Главной императорской квартире. В этот день мы выехали из Зимницы в 5 ч. утра и ранее 8 ч. утра были уже в Царевице, где нашли разбитые палатки, в красивом местоположении, среди садов. Во время всего переезда и позже слышались дальние выстрелы со стороны Никополя. С трепетным вниманием прислушивались мы к каждому выстрелу, зная,

---

* наконец

что в этот день 9-й корпус (ген. бар. Криденера) должен атаковать турок под Никополем. Еще накануне государь выезжал чрез Систово к стороне Никополя, чтобы видеть, не начал ли ген. Криденер движения к Никополю; однакож мы ничего не видели и не слышали; а вечером 2-го числа узнали, что ген. Криденер просил, чтобы с рассвета 3-го числа участить огонь с батарей левого берега Дуная против Никополя, дабы отвлечь внимание неприятеля. Понятно, что 3-го числа, прибыв в Царевицы, государь ожидал с большим нетерпением известий от Криденера, но, ничего не получая до самой ночи, начинал уже беспокоиться. Взамен того получена была из Тырнова телеграмма е. в. главнокомандующего о том, что ген. Гурко успел благополучно и без выстрела перейти главный Балканский хребет и опустился к Ханкиою, где 300 чел. низама были захвачены совершенно врасплох. Другой отряд пошел на Шипку, где, однакож, по имеющимся сведениям, неприятель приготовил сильную оборону. Известие это о переходе передового отряда через Балканы очень обрадовало государя; по обыкновению, он сам пошел возвестить эту радость своему конвою и гвардейской роте; раздались обычные «ура», поздравления и проч.,—недоставало только молебствия. Кроме того, внимание государя занял присланный от в. кн. главнокомандующего из Тырнова ген.-м. кн. Имеретинский, который подробно объяснил виды и предположения главнокомандующего. Государь долго разговаривал с ним и дал ему поручения к главнокомандующему, как потом я узнал, * в том самом смысле, в каком я не переставал убеждать государя,—т. е. что необходимо, прежде всякого движения вперед, принять меры к прочному утверждению и охранению нашего тыла с обоих флангов. В особенности указывалось на недостаточное обеспечение единственной переправы чрез Дунай.

Не дождавшись донесения от ген. Криденера, мы легли спать с тем, чтобы завтра, в 5 ч. утра, тронуться в дальнейший путь к Павло с той же бригадой 32-й пех[отной] дивизии. Но в 3 часа ночи прискакал из Систова казак с запиской от начальника телеграфной станции к ген.-м. Щелокову (военно-походному начальнику императорских телеграфов) следующего содержания: «Турки у Систова; в городе бьют тревогу, страшный хаос; действие телеграфа прекратилось; закрываю станцию».—Ген.-ад. Рылеев (комендант имп[ераторской] Гл[авной] квартиры) с этой запиской вбежал ко мне в палатку и, разбудив меня, спросил, что делать. Сказав ему, что следует немедленно разбудить государя, я сам наскоро набросил на себя сюртук и пошел к государю, который уже вставал с постели. Известие было крайне тревожное. Тут мгновенно обрисовалась в воображении каждого страшная картина той катастрофы, возможность которой постоянно пугала меня и заставляла уговаривать государя не торопиться переездом за Дунай. Турки в Систове! Значит, Криденер имел неудачу, отбит от Никополя, от-

---

* совершенно

брошен; неприятель захватывает и уничтожает переправу и чрез несколько минут может настигнуть Главную квартиру императора! Можно ли вообразить себе что-либо более несчастное, более ужасное?—Тем не менее каждый чувствовал в эту минуту обязанность не терять голову. Государь в особенности старался выказать спокойствие и хладнокровие. Я вышел из палатки его с приказанием послать немедленно за командиром 11-го корпуса князем Шаховским (Алексей Ив.) с тем, чтобы приостановить движение всех эшелонов этого корпуса, а находившуюся в Царевице бригаду с 2-мя эскадронами и 3-мя батареями двинуть вперед к Систову. Все эти распоряжения были немедленно же сделаны в темноте; всюду разосланы гонцы; полуэскадрон собственного государева конвоя двинут немедленно короткой дорогой к Систову, чтоб узнать, что́ там происходит. В 4 часа мы все были уже на конях. Странно было только, что со стороны Систова вовсе не было слышно выстрелов. Это* возбуждало некоторе сомнение в основательности дошедшего известия. Когда рассвело, посланные возвратились с донесением, что в Систове все спокойно. Государь решился сам продолжать путь к Павло с своим казачьим конвоем, а ген.-л. кн. Шаховскому приказал все-таки пододвинуть бригаду ближе к Систову и выждать разъяснения обстоятельств. Еще смущало нас неполучение известий от бар. Криденера. Было уже около 6 ч. утра, когда мы двинулись большим шагом к Павло. На пути получены две записки от великого князя Алексея Александровича, оставшегося на переправе. Записки эти были вполне успокоительны; происшедшая в Систове тревога объяснялась тем, что ночью заведующий переправой ген.-м. Рихтер (нач. 3-й саперной бригады), вообразив себе, что бой, продолжавшийся целый день под Никополем, будто бы начал приближаться к Систову и, стало быть, к мосту, дал знать об этом в Систово ген.-м. Брандту, который сейчас забил в барабан, вывел войска на позиции, а жители подняли страшную кутерьму, среди которой и телеграфист потерял голову. К утру увидели, что турок нет, и роты систовского гарнизона спокойно возвратились в свои места.

Когда таким образом вся тревога разъяснилась и все успокоились, государь сказал мне: «Ты видишь, что я не теряю голову», на что́ я ответил, что уже не раз имел случай это видеть на деле.

Так доехали мы к 10-ти часам утра до Павло, где находилась Главная квартира наследника цесаревича. Там нашли мы полное спокойствие. Однакож и оно ни на чем не было основано; от Криденера все-таки не было никаких известий. Около полудня, пока разбивались палатки и подтягивались обозы, мы были приглашены завтракать к наследнику цесаревичу. Жар был невыносимый; мы все были в мрачном расположении духа. Среди завтрака приносят наконец телеграмму от бар. Криденера: «Никополь у ног вашего величества. Упорный бой продолжался вчера с 4 ч. утра до ночи;

---

* значительно успокаивало всех нас и

сегодня же на рассвете город сдался, с 2 пашами, 6/т. гарнизона, множеством пушек и запасов».—Можно представить себе, какой был взрыв «ура»; переход от отчаянного положения к блестящей победе был так быстр, так резок, как бывает только на сцене. Государь был в восторге; полетели всюду телеграммы; в лагере раздались крики «ура».—Вечером же приехал от ген-м. Криденера с словесным донесением находившийся при его корпусе ген.-м. свиты Толстой (Илларион Ник.). Он был так взволнован и нервен, что жаль было его видеть, когда он пытался рассказать подробности вчерашнего боя и нынешней сдачи города. С Толстым прислан был и один из взятых пашей.

5-го июля. Вторник. Павло.—В 10 ч. утра государь поехал в лагерь 1-й пех[отной] дивизии, впереди которой, на высоком холме, разбит шатер походной церкви. Кругом шатра, на скатах холма, расставлены все расположенные у Павло войска и отслужено молебствие как по случаю дня св. Сергия, так и благодарственное за победу при Никополе. Затем был завтрак у наследника цесаревича. Пред завтраком привели пленного турецкого пашу—ферика Гассан-пашу. При этом вторичном представлении его государю обстановка была несколько приличнее, чем вчера; пленный паша держал себя с достоинством, а ироническая его улыбка придавала даже несколько вид нахальства. Сегодня же он отправлен в Россию.

Посланный вчера из Царевицы для открытия сообщения с ген. Криденером ген.-м. свиты е. в. Веймарн возвратился и привез сведения гораздо более ясные и положительные, чем привезенные вчера Толстым. С другой стороны, от е. в. главнокомандующего получены сведения об успешных действиях передовых отрядов генерала Гурко в Балканах и на южном спуске их между Сельви и Казанлыком. Главнокомандующим сделаны распоряжения для начатия наступательных действий войсками 11-го, 12-го и 13-го корпусов к стороне Лома и Осман-Базара. Поэтому наследник цесаревич должен завтра же двинуться вперед за р. Янтру, а кн. Шаховской с 11-м корпусом идет от Ивановца в направлении к Осман-Базару. Государь намерен остаться здесь, в Павло, до прибытия 4-го корпуса (ген. Зотова), который должен составлять общий резерв в Беле. С прибытием его государь предполагает переехать в Тырнов.

8-го июля. Пятница. Бела (на р. Янтре).—В Павло пробыли мы всего два дня; оставаться долее на месте не было терпения. Утром 7-го числа государь объявил, что на другой день переедет в Белу, вместо Тырнова. Сегодня мы поднялись с места в 6 ч. утра и двинулись под прикрытием бригады 1-й пех[отной] дивизии. На пути получено несколько известий из Тырнова от главнокомандующего: одно — о лихом наезде казаков на Сельви и Ловчу, другое — об успехах ген. Гурко в Балканах. В то время, когда князь Мирский, начальник 9-й пех[отной] дивизии, с Орловским пехотным полком

пытался безуспешно пробиться чрез Шипкинский проход, сильно занятый и укрепленный турками, Гурко, после нескольких стычек на южном склоне Балкан, овладел Казанлыком и, заняв дер. Шипку, взял в тыл турецкие войска, защищавшие горный проход. Войска эти, взятые между двух огней, бежали, побросав оружие, знамена и пушки. Государь был в восторге и послал генералу Гурко орден св. Георгия 3 ст[епени], несмотря на полученную так недавно высокую награду (звание генерал-адъютанта).

Дорога от Павло в Белу довольно живописна; она переходит чрез Янтру прекрасным каменным мостом. По сю сторону моста, в Караван-сарае, нашли нескольких раненых гусар, офицеров и солдат, следовавших из передовых отрядов в госпиталь, открытый в Павло. Государь остановился, осмотрел раненых, говорил с ними и потом переехал чрез мост, у которого встречен был духовенством с крестом и хоругвями и толпой жителей местечка Бела. Предшествуемый этой духовной процессией, он поехал прямо в церковь, где пропето было несколько молитв, гнусливыми голосами, а затем какой-то школьный учитель вздумал было произнести длинный спич. Государь, не дождавшись конца его речи, вышел из церкви.

Помещение государю и части свиты отвели в полуразрушенном доме богатого турка, бежавшего, разумеется, из города с прочим мусульманским населением. Везде, куда вступали наши войска, все принадлежавшие туркам дома были уже пусты, разорены, с выбитыми стеклами и отбитыми дверьми. Во дворе означенного турецкого дома разбиты были палатки для государя и некоторых лиц свиты; некоторые же предпочли поместиться в самом доме. * Несмотря на полученные радостные вести, почему-то все общество—не в веселом настроении. Свита государя значительно уменьшилась в числе. Некоторые из флигель-адъютантов и генералов свиты были распределены по корпусам и отрядам; в числе их и все лица царской фамилии. Последним уехал вчера великий князь Сергей Александрович к наследнику цесаревичу, который перешел к Обертнику, а сегодня еще далее вперед, ближе к Рущуку. Присоединение к свите гр. Вл. Соллогуба, явившегося вдруг в самый день переезда нашего из Зимницы в Царевицы, не оживило общества; присутствие этого ** краснобая, так же как и другого фарсёра—князя Эмиля Витгенштейна, не клеилось с общей обстановкой. Шутовство их было как бы фальшивой нотой в хоре. Гр. Соллогуб навязался, чтобы писать *** дневник похода государева; он уже читает вслух на-

---

* Первоначальный текст после слов «...с выбитыми стеклами и отбитыми дверьми.»: «Мы поместились в палатках, разбитых на дворах турецкого дома; в самом же доме поместились немногие лица, предпочитающие грязную, разоренную комнату помещению в палатке».

** фигляра и шелопая

*** будто бы

чало своего творения, такого же пустозвонного, как и * большая часть литературных его произведений.

Главнокомандующий прислал своего адъютанта Попова для доклада государю о плане наступательного движения войск 12-го и 13-го корпусов (т. е. подчиненных наследнику цесаревичу) к р. Лому и Рущуку. Но приведение этого плана в исполнение могло начаться только по разъяснении расположения неприятельских сил, о которых нет до сих пор никаких верных сведений. К тому же безрассудно было бы искать решительного боя, не дождавшись войск 4-го корпуса, голова которого уже подходит к Зимнице.

Сегодня гр. Адлерберг еще раз попробовал заговорить с государем о дальнейших намерениях его и неуместности его стремления вперед, к войскам передовой линии. Государь опять рассердился и на этот раз уже не скрыл своего намерения принять личное участие в ** бою. Все доводы гр. Адлерберга против подобного намерения, не оправдываемого никакой пользой, остались без последствий. *** И какой же **** аргумент против этих доводов?— что принимал же участие в бою император Вильгельм!

Если суждено нам на днях иметь решительную битву с неприятельскими силами, битву, которая может повлиять на весь ход кампании, а следовательно, на разрешение всего восточного вопроса, то нельзя не пугаться, когда подумаешь, в чьих руках теперь это решение: бой ведут наследник цесаревич и великий князь Владимир Александрович—оба неопытные ***** в военном деле, генералы Ган и кн. Шаховской—хорошие люди, но не заявившие ничем своих военных способностей, и затем прочие столь же мало надежные генералы, начальствующие дивизиями!—Присутствие же самого государя не только не устраняет опасений, но даже усиливает их.

Остается одна надежда на то, что мы имеем против себя турок, предводимых еще более бездарными вождями.

10-го июля. Воскресенье.—Вчера утром на грязном дворе турецкого дома, занятого Главной императорской квартирой, происходило опять молебствие по случаю одной из последних побед,— не знаю даже которой. На сей раз менее, чем когда-либо, можем мы торжествовать: в одно время с неважными успехами передовых отрядов в балканских проходах войска наши (три полка 5-й пех[отной] дивизии ген. Шильдер-Шульднера) потерпели неудачу под

---

* все прочие его произведения.

** самом

*** Первоначальный текст после слов «...не скрыл своего намерения принять личное участие в бою.»: «Все доводы гр. Адлерберга против подобного намерения [не вызываемого необходимостью, но] без всякой пользы подвергать случайности боя личность императора всея России—остались без последствий».

**** главный

***** даже вовсе не понимающие военного дела,

Плевной и понесли большую потерю. После молебствия государь со всей свитой ездил верхом на место бивачного расположения бригады, охраняющей Главную квартиру.*

Вчера приехал Гершельман с первым после перехода через Дунай донесением ген.-л. Циммермана. Только теперь мы узнали официально о занятии 14-м корпусом Бабадагской области и Добруджи до Троянова вала. Сегодня же возвратился из Тырнова подполк. Лавров, приезжавший из Одессы с поручениями от ген.-ад. Семеки; затем приезжали один за другим генер[ального] штаба полк. кн. Кантакузен с приказаниями войскам 4-го корпуса, великий князь Николай Николаевич младший, адъютант главнокомандующего Струков и конно-гренадерского полка офицер Карандеев с рассказами о подробностях перехода чрез Балканы. Из Тырнова возвратился ген.-м. кн. Имеретинский с словесным докладом о новых планах и соображениях главнокомандующего и, наконец, от наследника цесаревича получено донесение о поиске, произведенном войсками 12-го корпуса за р. Лом, близ Рущука, причем великий князь Владимир Александрович был в первый раз в огне.

Кровопролитный бой 3-го числа под Никополем, затем неудача под Плевной, а вместе с тем получаемые известия о прибывающих со всех сторон турецких силах отрезвили нашего молодого главнокомандующего; он увидел, что успех нашей армии вовсе не так обеспечен, как с первого взгляда казалось, что надобно вести дело осторожнее. Поэтому он нашел нужным сделать некоторые изменения в направлении 11-го и 4-го корпусов и приостановить слишком рискованное, эксцентрическое наступление, а вместе с тем, чрез кн. Имеретинского, возобновил речь об усилении армии новыми войсками. На сей раз желание главнокомандующего уже предупреждено: еще утром я вторично предложил государю направить на присоединение к армии войска Киевского округа—2-ю и 3-ю пехотные и 2-ю Донскую казачью дивизии и 3-ю стрелковую бригаду. Все эти части уже вполне мобилизованы. Государь одобрил эту мысль, и шифрованные телеграммы были уже отправлены в Петербург и Тырново, когда начали приезжать один за другим посланцы главнокомандующего, беспрестанно отрывавшие меня от работы.** Вместе с тем государь собственной инициативой телеграфировал главнокомандующему, что, находя неудобным отдельное пребывание двух главных квартир, предоставляет ему выбрать место для совместного пребывания, притом более центральное, чем Тырново. В ответ на эту телеграмму главнокомандующий уведомил, что при-

---

* Затем и вчера, и сегодня приходили один за другим известия и донесения о бывших действиях и битвах.

** Первоначальный текст после слов «...Все эти части уже вполне мобилизованы.»: «Государь одобрил эту мысль, и я уже шифровал телеграммы в Петербург и Тырново, когда начали приезжать один за другим посланцы главнокомандующего, беспрестанно отрывавшие меня от работы».

шлет сюда самого начальника штаба Непокойчицкого для личных объяснений. Желательно, чтобы соединение двух главных квартир, несмотря на представляемые неудобства, осуществилось. Опыт показал, что отдельное пребывание государя представляет еще большие неудобства.

Сегодня же прибыли два фельдъегеря: один—из Петербурга, другой—с Кавказа, с письмом великого князя Михаила Николаевича к государю. Главнокомандующий Кавказской армией объясняет неблагоприятный оборот дел на Азиатском театре войны; но в объяснениях этих нет ничего для нас нового. Замечательно в этом письме лишь то место, где великий князь, как бы оправдывая свой отъезд из действующего корпуса, выставляет разные неудобства и невыгоды своего личного пребывания при войсках. Все, что пишет он, буквально применяется и к пребыванию государя при здешней армии.

12-го июля. Вторник.—Сегодня я ездил с государем в Обертник—место пребывания наследника цесаревича, верстах в 18 от Белы. В то же время бывший адъютант великого князя Николая Николаевича (а с вчерашнего дня генерал-майор свиты е. в.) Струков привез от главнокомандующего предписание наследнику цесаревичу действовать энергически против Рущука. Такое предписание вовсе не согласовалось ни с настоящим положением дел, ни с предшествующими соображениями самого главнокомандующего. После краткого совещания в палатке наследника цесаревича (государь, наследник цесаревич, ген. Ванновский и я) пришли к заключению, что теперь было бы крайне неосторожно что-либо предпринять против крепости, не имея никакого резерва, ни особого наблюдательного корпуса против неприятельской армии, расположенной между Шумлой, Силистрией и Разградом. Решено было в таком смысле написать главнокомандующему. Но когда, позавтракав, мы выехали в обратный путь, встретили казака из Белы с телеграммой от главнокомандующего, который сам отменяет вчерашнее свое предписание и признает необходимым повременить всякими наступательными предприятиями до окончания дела под Плевной и до сосредоточения 11-го и 4-го корпусов на предназначенных им местах.

Возвратились мы в Белу около 4 часов. Получены известия об удачных действиях наших береговых батарей на Дунае и катеров против турецких пароходов и мониторов, а вечером телеграмма от ген.-ад. Аркаса извещала о неравном бое в море нашего парохода «Веста» с большим турецким броненосцем, который принужден был спасаться от нашего плохого пассажирского судна.

Вопрос о переезде государя в Тырново все еще не решается. Выжидают окончания дела под Плевной.

14-го июля. Четверг.—Вчера приехали в Белу два ординарца с известиями: один—от ген. Криденера, другой—от Циммермана. Оказывается, что неудача наша под Плевной была серьезнее, чем сначала думали: потеря простирается до 2800 чел.; некоторые

полки совсем расстроены, Костромской—потерял все свои ранцы. Криденер думает, что теперь в Плевне до 50/т. турок. Для поддержания Криденера назначена целая 30-я дивизия из 4-го корпуса и 1-я бригада из 11-го корпуса.

От Циммермана известия заключаются в том, что по занятии линии Кюстенжи—Черноводы посланы передовые отряды к стороне Силистрии и к Мангалии. К последнему этому пункту послан сын мой с тремя сотнями Донского № 29 полка.

Вел. кн. главнокомандующий наконец сам начал смотреть с опасением * за свои фланги. Он дал приказание наследнику цесаревичу передвинуть 13-й корпус к Церковице с тем, чтобы в случае движения турок от Осман-Базара к Тырнову напасть на правый их фланг. С этим перемещением восстановится связь между войсками, расположенными в Тырнове, и 12-м корпусом, направленным к Рущуку.

18-го июля. Понедельник.—Гр. Воронцов-Дашков, которому великий князь наследник поручил командование передовыми его кавалерийскими частями, 14-го числа ввязался в дело близ Разграда и понес порядочную потерю. Сегодня привезено в здешний госпиталь до 160 раненых, в том числе несколько тяжелых. Потеря турок неизвестна, но в числе убитых найден труп Азис-паши, который, по словам Игнатьева, считался у турок одним из способных и образованных генералов и был начальником штаба Дунайской армии. Надобно полагать, что он выдвинулся к Разграду с отрядом для рекогносцировки.

С трепетом ожидаем нового дела под Плевной; до сих пор приходилось ждать подхода подкреплений к 9-му корпусу (Криденера). Наконец сегодня должно было произойти сражение, но о результате узнаем, разве, ночью или завтра утром.

Сегодня австрийский и английский военные агенты уехали из Главной квартиры. Бар. Бехтольсгейм получил, как он говорит, приказание от своего правительства приехать в Вену всего дня на 2 или 3, для каких-то личных объяснений. Велеслей, напротив того, сам поднял вопрос о поездке в Лондон. Вчера, после обедни, он завел со мною разговор о политическом положении, выразил готовность свою оказать всякую услугу, какую наш государь признал бы возможной, и между прочим предложил съездить в Лондон для личного разъяснения некоторых обстоятельств, по которым, может быть, правительство английское имеет неточные сведения. Я доложил об этом разговоре государю, который сегодня призвал к себе Велеслея и изъявил согласие на предположенную им поездку. Не знаю, выйдет ли из нее какой-нибудь прок. Между тем в иностранных газетах англо-турецкая партия продолжает разглашать самые нелепые клеветы на русские войска, приписывая им небывалые жестокости с мусульманским населением. Возмутительна подобная бессовестная ложь.

---

* на свой левый фланг.

19-го июля. Вторник.—С нетерпением ожидая известий из-под Плевны, я просыпался несколько раз в прошлую ночь при малейшем шуме. Около 3-х часов ночи приехал—не из Плевны, а от наследника цесаревича—адъютант кн. Оболенский с конвертом на имя е. в. главнокомандующего, переданным на аванпостах парламентером от имени нового турецкого главнокомандующего Мехмет-Али. Немедленно я оделся, разбудил государя, который и распечатал конверт; но в нем оказалось не более как заявление паши об установлении у турок, взамен «красного креста», своего особого знака—«красного полумесяца» и предложение обоюдного соблюдения Женевской конвенции. Бумага эта казалась смешной шуткой со стороны турок после того, как поступали они с попадавшимися им нашими санитарами и носильщиками и после всех бесчеловечных жестокостей с нашими ранеными, пленными и мирными жителями.

Известие от ген. Криденера пришло только в 10-м часу утра, в виде короткой телеграммы, извещавшей, что после упорного боя, продолжавшегося целый день, ввиду огромного превосходства противника в силах, он опять отступил к Булгарени. Известие это поразило нас и огорчило; государь на этот раз не мог скрыть своего смущения. Он телеграфировал вел. кн. главнокомандующему, который ответил (из Тырнова), что решается сам ехать к войскам ген. Криденера и, подкрепив их некоторыми новыми частями, в третий раз повторит атаку. Великий князь обещал на пути в Булгарени заехать в Белу.

Немедленно государь написал наследнику цесаревичу, чтобы он также прибыл в Белу. К вечеру оба великие князя съехались здесь; приехал и ген. Непокойчицкий. Вчерашняя неудача под Плевной, повидимому, не смутила их; они попрежнему судят о положении дел с самоуверенностью, однакож распоряжения их уже менее рискованны. Великий князь даже согласился не предпринимать новой атаки ранее прибытия, по крайней мере, головных эшелонов ожидаемых новых подкреплений, именно 3-й стрелковой бригады. Я высказал великому князю сколько умел то, что́ требовало его внимания; Непокойчицкий же, по обыкновению своему, замкнулся в свое флегматическое молчание.

Наследник цесаревич вечером же уехал к себе в Обертник, а главнокомандующий остался здесь переночевать.

20-го июля. Среда.—Государем решено двинуть на подкрепление Дунайской армии всю гвардию, за исключением лишь Кирасирской дивизии. В тот же день его величество телеграфировал об этом в Петербург, а я сделал (также по телеграфу) надлежащие распоряжения.

21-го июля. Четверг.—В ночь с 20-го на 21-е июля приехали в Белу два ординарца от бар. Криденера: Козлов и Лярский [103]; рассказы их, хотя крайне несвязные, произвели самое печальное впечатление. Оказывается, что бой 18-го числа был веден крайне бестолково, как бы для истребления войска, кончился полным пора-

жением и с громадными потерями. Только по выслушании этих рассказов великий князь Николай Николаевич понял, до какой степени дело становится серьезным, и поспешил уехать из Белы в Булгарени. Вскоре после отъезда его приехал ген.-м. свиты кн. Имеретинский; несмотря на усталость и волнение, он рассказал весьма толково все, что происходило под Плевной, и этот рассказ еще усилил тяжкое впечатление, произведенное первыми известиями. По словам кн. Имеретинского, от всех войск, бывших под Плевной под начальством бар. Криденера и кн. Шаховского (до 38 бат[альонов] при 180 ор[удиях], уцелело только несколько батальонов, прибывших после боя, ночью, или не успевших ввязаться в бой; от всех же остальных частей сохранились лишь кучки людей. Хотя не потеряно ни одного орудия, ни одного знамени, однакож в течение целых суток после боя еще нельзя было собрать и разобрать уцелевших людей, приходивших поодиночке на места расположения войск.

Невыразимо тягостны были вчерашний и нынешний дни. Утром отслужена панихида по убитым, вместе с панихидой по императрице Марии Федоровне, великим княгиням Марии Павловне и Марии Николаевне.—Я занимался все утро составлением записки о настоящем положении дел на театре войны и предстоящем образе действий. Государь одобрил мои соображения и взял у меня записку для пересылки ее главнокомандующему [104].

Между тем со всех сторон получаются самые тревожные сведения о намерении турок перейти в наступление. Силы их видимо возрастают.

22-го июля. Пятница.—По случаю царского дня была обедня в здешней деревенской церкви; я остался в палатке, чтобы разбирать полученные шифрованные телеграммы. Великий князь главнокомандующий по приезде к войскам ген. Криденера телеграфирует, что нашел эти войска в отличном настроении духа и в порядке; что в несчастном бое 18-го числа не потеряно ни одного знамени, ни одного орудия; что потеря еще неизвестна, но полагают, что простирается от 5 до 6/т. чел. Как ни велика эта цифра, все-таки телеграмма великого князя успокоительна; неприятель пока не трогался из Плевны, так что наши кавалерийские посты почти остаются на самом поле бывшего сражения.

Во время обедни приехали из Обертника великие князья наследник цесаревич и Сергей Александрович. Государь приказал мне прочесть наследнику вчерашнюю мою записку, вследствие которой завязался спор: наследник высказывал свои соображения, показывавшие, что он не понимает всей опасности настоящего нашего критического положения. После завтрака он уехал, но вечером приехали от него ген. Ванновский, исправляющий при нем должность начальника штаба, и ген. Депп, начальник инженеров армии. С ними легче было разъяснить дело и прийти к положительным заключениям о предстоящем расположении и образе действий 12-го и

13-го корпусов. Я настаивал, чтобы особенное внимание обратить на устройство переправы чрез Дунай, ближе к Рущуку.

Вечером же приехал адъютант главнокомандующего Бибиков с донесениями от ген. Гурко. Он обстоятельно рассказал последние действия наших войск за Балканами, оставление ими Эски-Загры и Казанлыка.

После обеда государь со всей свитой ходил смотреть деревенский праздник болгар. Огромный хоровод топтался на месте под скрип двух музыкантов; несколько девок вышли вперед и пред государем пропели монотонную, заунывную песню. Вообще народ здесь некрасивый и неграциозный.

27-го июля. Среда.—Все последние дни мы оставались в томительном ожидании прибытия сюда, в Белу, главнокомандующего, чтобы решить, какие меры принять для ограждения нашего левого фланга, угрожаемого главной турецкой армией от Шумлы. Но вел. кн. Николай Николаевич не торопится: продолжает заниматься устройством дел на западе и даже не дает сведений о том, как именно распорядился он с той стороны; а что касается до войск, растянутых на огромном протяжении от устья Лома до осман-базарской дороги, малыми частями, без определенных инструкций, то главнокомандующему как будто нет и дела до них. Государь надеялся, что великий князь приедет сюда в день рождения своего и императрицы (т. е. сегодня); но он дал знать, что не поспеет, и теперь ожидают его только 29-го числа. А между тем каждый день можно опасаться нападения со стороны турок, которые, куда бы ни бросились, везде будут иметь громадный перевес в силах над нашими отрядами. Одно, что́ может сколько-нибудь успокаивать нас—это неспособность турок драться в открытом бою и боязнь их атаковать нас. Вероятно, они считают наши войска сильнее действительной их силы; иначе давно уже они могли бы сбить их и прорвать нашу линию обороны. Приезжавший сегодня из-под Рущука великий князь Владимир Александрович высказывал резко жалобы на несообразность получаемых из Главной квартиры распоряжений, на совершенное бездействие интендантской части и опасение за будущий ход дел. Я нашел нужным уговорить великого князя высказать все это самому государю, чтобы вывести его из * пассивного спокойствия, с которым он остается в ожидании событий.—Мы продолжаем вести обычную жизнь точно так же регулярно, как если б мы были в Красном Селе. Каждый день все делается в определенные часы, не отступая от привычек и обычаев; в праздничные дни присутствуем у обедни, в особых случаях служим молебствия; ездим гулять; а сегодня по случаю торжественного дня присутствовали вторично на народном празднике, показывая вид, что забавляемся монотонными хороводами и песнями болгарской молодежи.

---

* фаталического спокойствия.

Доктор Боткин каждый день заводит речь о необходимости перемещения отсюда в какое бы ни было другое место; продолжительное бивакирование среди селения, в долине, стесненной со всех сторон высотами, должно вредно действовать на здоровье. Этому местному влиянию С. П. Боткин приписывает появление в последнее время лихорадок; число больных в самой свите государя и среди прислуги все увеличивается. Но перемещение наше отлагается до приезда главнокомандующего, который предполагает обе главные квартиры расположить у Горнего Студеня, верстах в 35 отсюда, по дороге в Плевну. Там же предполагается сосредоточивать и прибывающие постепенно к армии подкрепления.

30-го июля. Суббота.—Наконец вчера приехал сюда наш главнокомандующий, которого ожидали с величайшим нетерпением, в надежде, что личное с ним объяснение выведет нас из тревожного опасения каких-нибудь новых катастроф. К приезду главнокомандующего прибыл сюда и наследник цесаревич, который, впрочем, вчера же до обеда уехал обратно к себе в Широкое (на р. Ломе). Главнокомандующий со своим начальником штаба и его помощником (ген.-м. Левицким) переночевал здесь и уехал сегодня утром обратно в Горний Студень. Не знаю, вышло ли что-нибудь серьезное из разговоров великого князя с государем наедине; но тот разговор, который происходил в моем присутствии, не привел ни к какому положительному заключению. Мы останемся и впредь в том же ежедневном опасении за наш левый фланг, где в случае нападения неприятельской армии, сосредоточивающейся и усиливающейся ежедневно, мы встретим ее не более, как одной дивизией или тремя бригадами. Главнокомандующий намерен сперва покончить с Плевной, дождавшись для этого прибытия 2-й пехотной дивизии. Пройдет довольно времени, пока можно будет чего-либо достигнуть с этой стороны, а между тем на левом фланге, откуда мы должны ожидать главные силы противника, мы останемся в том же раздробленном и слабом расположении. Когда я заметил это в разговоре с главнокомандующим и Непокойчицким, то получил два ответа: во-первых, что турки не решатся перейти в наступление; во-вторых, что никаких нет свободных войск для подкрепления левого фланга.—Казалось бы, прежде всего следовало бы отправить на позицию при Папкиое по крайней мере ту бригаду, которая отделена от 1-й дивизии и остается здесь, в Беле *; для этого стоило бы только императорской Главной квартире переместиться как можно скорее на новое избранное для нее место; почему бы не перейти туда немедленно, хоть бы сегодня или завтра; но нет: переход отложен до вторника. Спрашивается: для чего?—Завтра—воскресенье, ergo необходимо выстоять обедню; на другой день—понедельник, дурной день, да к тому же 1-е августа, а следовательно, надобно опять молиться и вывести гвардейскую роту в церковный

---

* только для охранения императорской Главной квартиры;

парад!—И вот из-за каких пустых поводов отлагается день за днем столь* необходимое подкрепление войск, на позиции, которая ежедневно может быть атакована несравненно превосходными силами противника.

Вчера в первый раз пошел сильный дождь с грозой; зной сменился сыростью и грязью; в палатках все измокло, а для перехода от одной палатки к другой, соседней, пришлось прибегнуть к доскам, камням и т. д. Государь перебрался из своей палатки в дом, в котором до сих пор помещались некоторые лица свиты и прислуга.

2-го августа. Вторник.—Наконец сегодня покинули Белу и верхом прибыли к Горнему Студеню, где государь был встречен войсками, расставленными шпалерами, а именно: прибывшей вновь 3-й стрелковой бригадой и частями 11-го корпуса (1-й бригадой 11-й кавалерийской дивизии и 1-й бригадой 32-й пехотной), участвовавшими в бывшем сражении под Плевной. Бригада 32-й пехотной дивизии понесла в этом сражении большие потери, но теперь совсем оправилась, солдаты смотрят бодро. Завтра эти войска (11-го корпуса) выступают к стороне Осман-Базара, к Чаркиою, где войдут в непосредственную связь с 11-й пехотной дивизией. Завтра же подойдет к войскам, занимающим передовую позицию у Папкиоя, 2-я бригада 1-й дивизии, находившаяся в Беле для охранения императорской Главной квартиры. Таким образом, с перемещением нашим сюда войска левого крыла получают в подкрепление целую пехотную дивизию и бригаду кавалерийскую.—Я начинаю смотреть спокойнее на положение дел: если до сих пор турки не успели воспользоваться нашей слабостью и раздроблением, то можно надеяться, что мы выйдем из этого опасного положения, как бы они ни усиливались войсками, прибывающими (по газетным известиям) в Шумлу и Разград. Есть известия, что турки должны были отделить войска на юг, ввиду разрыва с Грецией и готовящегося восстания в Фессалии и Эпире. Сербия, получив от нас миллион рублей, обещала начать наступательные действия сообразно с указаниями, данными нашим главнокомандующим. Туда опять едет наш пресловутый агитатор Ростислав Фадеев; ему разрешено отправиться совершенно частным лицом; но он все-таки счел нужным побывать сперва в Беле и на днях являлся ко мне.

По прибытии в Горний Студень мы расположились вне деревни (занятой уже Главной квартирой главнокомандующего): на открытой площадке, отделенной от деревни оврагом, нашелся небольшой дом-особняк, бывший, повидимому, корчмой; в нем государь занял три маленькие комнатки, а в других трех поместились гр. Адлерберг, кн. Суворов и я. Комнатку в подвале занял доктор Боткин, а вся остальная громадная свита разместилась частью в сараях и под навесами около самого дома, частью же в палатках,

---

* крайне

разбитых на открытом поле. Вид нашего расположения, с огромным обозом и целым табуном лошадей, совершенно напоминает деревенские ярмарки. Сегодня мы все обедали у главнокомандующего. Вечером сделалось свежо, почти холодно. Я доволен своим помещением, несмотря на то, что окна без рам. Без малого два месяца я провел в палатке, так что успел уже отвыкнуть от комнаты.

6-го августа. Суббота.—Несмотря на открытую, возвышенную местность нашего нового бивака, число больных у нас не уменьшается; почти все страдают расстройством желудка, не исключая и самого государя. Сегодня ему сделалось дурно во время обедни в походной церкви (по случаю праздника Преображенского полка и гвардейской артиллерии), так что он удалился до окончания службы.

Совместное пребывание обеих главных квартир уже выказывает свое успокоительное влияние. Есть возможность неотлагательно разъяснять всякие сомнения, опасения, недоумения. К сожалению, однакоже, и слабые стороны полевого управления армии еще заметнее вблизи. За что ни возьмись, с кем ни заговори—одна общая жалоба на бессвязность распоряжений, инерцию и бессилие главного начальства, у которого, повидимому, нехватает сил, чтобы обнять весь служебный механизм большой армии. Под видом секрета полевой штаб ни о чем и никому не дает указаний; ни один из главных органов полевого управления не знает плана действий и намерений главнокомандующего. * Начальник полевого штаба глубокомысленно отмалчивается.

Сегодня приехал сюда первый министр румынский Братиано вместе с полковником Сланичано. Их ожидали уже несколько дней. После обедни и завтрака Братиано представился государю, который, побеседовав с ним недолго на балконе, под моими окнами, затем привел его в мою комнату с тем, чтобы я переговорил с ним окончательно. Братиано долго изливал мне претензии румынского правительства на действия наши. Кроме невыдачи тех сумм, которые Румыния просила в ссуду на ** военные расходы (до сих пор выдано всего 3 мил. франк. вместо просимых 5 мил.), дело шло о патронах, о торпедах и проч. Во всех этих нуждах румын было отказываемо.... Мне удалось получить разрешение на два главные пунтка: выдать еще один миллион франков и просимое количество патронов. Румынские министры были приглашены к обеду, за которым государь возгласил тост в честь императора австрийского (по случаю дня его рождения), а потом Преображенского полка и гвар-

---

* Сам главнокомандующий, озабоченный нынешним днем, не имеет времени соображать будущее, а начальник штаба глубокомысленно отмалчивается.

** расходы по мобилизации армии

дейской артиллерии. После обеда, по обыкновению, собрались под галереей занимаемого государем дома и слушали пение солдат и казаков. Тут я объявил румынскому министру о полученных от государя разрешениях и предоставил ему об остальном прямо объясниться с великим князем главнокомандующим. Не знаю, уедет ли он вполне довольным, но, во всяком случае, уедет менее недовольным, чем приехав сюда.

8-го августа. Понедельник.—Сегодня неожиданно приехал сюда мой сын, курьером от ген. Циммермана, который встревожен получаемыми сведениями о намерении турок атаковать Кюстенжи с моря и сухого пути. Ген. Циммерман уже помышляет об очищении Добруджи и отступлении 14-го корпуса на левый берег Дуная. Известие это, конечно, было весьма неприятно и для государя, и для главнокомандующего. Немедленно была отправлена к Циммерману телеграмма, чтобы он держался и не отступал иначе, как, разве, после сильного боя.

С другой стороны получаются тревожные сведения о начале наступательных действий турок: значительные силы их показались у Шипки; горные проходы балканские охраняются небольшими нашими отрядами, которые необходимо подкрепить. В то же время передовые наши посты оттеснены к Беброву. По газетным известиям, часть войск Сулейман-паши прошла на северную сторону Балкан для совместного наступления с армией Мехмета-Али к Тырнову. План этот начинает подтверждаться полученными сегодня донесениями с передовых постов. Государь и великий князь главнокомандующий встревожены. Решено 2-ю пехотную дивизию немедленно выдвинуть от Акчаира к Мардеге, откуда она может подоспеть и к Тырнову, и к Сельви. Дивизия эта прошла сегодня чрез Горний Студень, и здесь государь сделал ей смотр, после которого она продолжала свое движение. Немедленно после смотра начальство дивизией принял ген.-м. свиты е. в. князь Имеретинский, который сменил ген.-м. Мацнева, назначенного начальником 1-й резервной дивизии, расположенной на пути сообщения армии.

10-го августа. Среда.—Вчера Сулейман-паша сильно атаковал нашу позицию на Шипке. Турецкие войска с необыкновенной настойчивостью возобновляли атаки до ночи и даже ночью при свете полной луны. Весь день мы были в трепетном ожидании известий с Шипки; между тем 2-я дивизия поспешно направлена против турецких войск, вышедших из Ловчи против Сельви. Государь, сильно взволнованный, с нетерпением ожидал телеграмм из Габрова. Однакож сегодня уже несколько спокойнее, чем вчера: атаки турок на Шипку хотя и возобновлялись, но уже гораздо слабее; видно, они сильно потерпели. Радецкий с последним своим резервом из 8 бат[альонов] сам пошел на помощь передовому отряду, но придет на перевал не ранее завтрашнего дня. Между тем войска, занимающие передовую позицию, третью ночь не спят, остаются почти без воды и горячей пищи. Со стороны же Сельви получено

известие, что приблизившаяся от Ловчи турецкая колонна отбита еще до прихода 2-й пехотной дивизии. Надобно полагать, что наступление турок с этой стороны не более, как демонстрация.

14-го августа. Воскресенье.—Бой на Шипке все еще продолжается. Вот уже шестой день прошел, и обе стороны держатся приблизительно на одних и тех же позициях. К нашим передовым войскам постепенно подходили подкрепления, которые, повидимому, сейчас же вводились в дело и таяли от большой потери. Убит ген.-м. Дерожинский, ранены ген.-м. Драгомиров и большое число офицеров, в том числе * флигель-адъютант кн. Вяземский **.—Донесения от ген. Радецкого получаются лаконические и редко; мы знали бы еще менее, если б не было в Габрове смышленого начальника телеграфной станции, беспрестанно передающего сюда все, что до него доходит с Шипки. Вчера приехал оттуда англичанин Форбес, корреспондент газеты «Daily-News»; он рассказал государю, что́ видел, и отзывался о русских войсках с восторгом. Сегодня же приехал оттуда прусский офицер Лигниц; этот очевидец представляет дело несколько в новом свете. Оказывается, что наши войска не только не имеют преимуществ сильной, укрепленной позиции, но, напротив того, сами находятся под перекрестным огнем неприятеля, занимающего командующую и гораздо более выгодную позицию. Мы до сих пор имели совершенно неверное понятие о положении обеих сторон,—и как не подивиться тому, что ни главнокомандующий, ни его начальник штаба не позаботились разузнать точнее, какова наша позиция, как она укреплена. Сам государь, день и ночь ожидающий с трепетным волнением телеграмм из Габрова, до сих пор не отдавал себе ясного отчета о положении дел на Шипке. Сегодня вечером я не мог воздержаться от откровенного выражения моего удивления: каким образом в течение целого месяца главное начальство армии не позаботилось о том, чтобы обеспечить оборону занятых нами балканских проходов, и даже не полюбопытствовало узнать, как именно заняты эти проходы.—Но не в первый уже раз приходится убеждаться в полной инерции и неспособности полевого штаба армии.

Прискорбно, что и в самой армии начинают понимать слабую сторону начальства, относятся к нему с осуждением и ропотом. Не говорю уже о свите государевой: досадно слышать ежедневно, с утра до вечера, самонадеянные толки людей, не занимавшихся во всю жизнь ничем серьезным и ничего не понимающих в военном деле. *** Когда эти люди пристают ко мне с своими вопросами, мне-

---

* близкий к нашей семье

** впрочем, говорят, легко, в ногу навылет.

*** Первоначальный текст после слов «...и даже не полюбопытствовало узнать, как именно заняты эти проходы.» (строка 10 сн.): «Но не в первый уже раз приходится мне убеждаться в полной инерции и неспособности полевого штаба армии. Непокойчицкий

ниями, советами, я не отвечаю им или говорю, что армией командуем не мы, а великий князь Николай Николаевич. Как ни худо он распоряжается, а все-таки будет еще хуже, если начнут распоряжаться многие.

15-го августа. Понедельник.—Положение дел на Шипке начинает разъясняться; относительное расположение наших и турецких войск представляется совсем в ином виде, чем прежде воображали. Только приезжающие с поля битвы дали несколько более ясное понятие об этом упорном бое и государю, и самому главнокомандующему, и его штабу. Наконец сегодня утром государь признал необходимость более серьезного обсуждения наших дальнейших действий. Ген. Радецкий дал знать, что единственный способ сбить турок состоит в обходном движении большими силами, напр[имер], целым корпусом, направленным по которому-либо из балканских проходов. Легко сказать — целым корпусом; но где его взять, когда мы разбросали наши силы и оказываемся везде слабыми. Боимся и за положение наследника, в случае наступления Мехмет-Али-паши; боимся и ослабить войска, наблюдающие за Плевной и Ловчей. В центре же, под Тырновом, уже нет более ничего, кроме стрелковой бригады. В совещании, бывшем сегодня утром, решено, чтобы ген. Непокойчицкий сам поехал к ген. Радецкому для решения вместе с ним вопроса: какие войска и по какому направлению еще возможно направить так, чтобы заставить Сулеймана-пашу сняться с занятой им сильной позиции, обстреливающей даже * тыл нашей позиции. Непокойчицкий уехал вечером; между тем части 3-й пехотной дивизии, только еще подходящей сюда, будут направляемы на Сельви, дабы освободить всю 2-ю пехотную дивизию для движения на Шипку.

Румыны начали строить мост на Дунае, выше Никополя; кавалерия румынская уже переправилась на правый берег. Завтра ожидаем приезда сюда князя Карла.

17-го августа. Среда.—С Шипки доносят, что в последние три дня неприятель ничего не предпринимал и даже прекратил стрельбу;

под видом сдержанного молчания прикрывает свою бездарность и ⌊бездействие⌋ апатию; помощник его, ген.-м. Левицкий, оказывается вовсе не стоющим той репутации, которой пользовался в гвардии и в Академии генерального штаба; сам же великий князь — не в силах своим умом обнять такую сложную задачу, каково командование армией на войне.

Прискорбно, что и в самой армии начинают понимать слабую сторону начальства. Везде начинаются критика, упреки и ропот. Не говорю уже о свите государя: мне становится тошно слышать ежедневно, и с утра до вечера, самонадеянные толки между людьми, не занимавшимися всю жизнь ничем серьезным, и менее всего военным делом».

* весь

заключает из этого, не двинулся ли он к какому-либо другому из балканских проходов. Между тем от Непокойчицкого и Радецкого еще нет никаких предположений о дальнейших действиях. До сих пор потерю нашу на Шипке в течение 8 дней полагают до 90 офицеров и 2600 нижних чинов.

Князь Карл румынский приехал вчера вечером с довольно большой свитой, а сегодня после завтрака уехал обратно. Здесь решено было для единства действий к стороне Плевны на первое время, пока сам великий князь главнокомандующий не примет непосредственно начальства над войсками 4-го и 9-го корпусов и румынскими войсками, поручить общее над ними начальство князю Карлу с тем, чтобы ген. Зотов (командир 4-го корпуса) считался его начальником штаба: комбинация крайне неудачная; начальство над значительной частью армии и на важнейшем стратегическом пункте возлагается на иностранного принца, вовсе неопытного в военном деле, окруженного своими мелкими честолюбцами, вроде полковника Сланичано, желающими разыграть исторические роли!* В довершение странности, князю Карлу придан негласным ментором французский военный агент — полк. Гальяр. Что из этого всего выйдет — трудно предвидеть.

Кн. Карл изъявил желание видеться и поговорить со мной наедине; по приглашению его я пришел к нему в палатку в 9-м часу утра; разговор был очень поверхностный, в том же роде, в каком обыкновенно принцы ведут разговоры, когда желают с кем-нибудь быть любезными.

20-го августа. Суббота.—Дела на Шипке окончились благополучно; неприятель прекратил свои настойчивые атаки, и ген. Непокойчицкий, прибыв 18-го числа на позицию наших войск, нашел уже полное спокойствие. Таким образом, нашим войскам удалось отстоять этот проход, опять-таки благодаря своему самоотвержению и стойкости, но отнюдь не искусству своих вождей. 2-я пех[отная] дивизия возвращена к Сельви; опять начали заниматься приготовлениями к атаке Османа-паши в Плевне. Между тем турки в последние дни начали тревожить наши боковые отряды и с западной стороны, и с восточной. Вчера, в годовщину восшествия на престол нынешнего султана, Мехмет-Али-паша атаковал войска наследника цесаревича, а Осман-паша предпринял из-за укреплений Плевны внезапное нападение на войска ген. Зотова. Все утро мы были

---

* Первоначальный текст после слов «...с тем, чтобы ген. Зотов (командир 4-го корпуса) считался его начальником штаба» (строка 12 св.): «Это повторение такой же странной комбинации, как в Рущукском отряде; но там общее начальство возложено на наследника русского престола, а здесь на иностранного принца, не знающего ничего в военном деле и окруженного своими мелкими честолюбцами, вроде полковника Сланичано, желающими разыграть исторические роли!»

в трепетном ожидании. Только вечером и даже ночью узнали, что с одной стороны турки, сбив наши отряды с передовых позиций на правой стороне Черного Лома, прекратили свои действия и, по своему обыкновению, сейчас начали укрепляться на занятых пунктах; со стороны же Плевны, по донесению Зотова, вылазка произведена турками в числе около 25-ти тысяч и, несмотря на превосходство наше в силах на этом пункте, бой длился с 6 ч. утра до 4 пополудни, причем мы потеряли до 600 чел. и одно подбитое орудие. Таким образом, и на этот раз, когда неприятель осмелился наткнуться с 25/т. на наши два корпуса, наши стратеги не умели воспользоваться благоприятным случаем побить противника, а удовольствовались тем, что о т б и л и его нападение.

Пропустив случай, чтоб нанести поражение Осману-паше в поле, наш главнокомандующий должен будет в третий раз брать лбом укрепления, значительно усиленные после 18-го июля. Приготовления к новому бою делаются секретно; однакож многие из иностранных офицеров, видно, обладая чутьем, устремились к войскам Зотова. Великому князю Сергею Александровичу приказано было вчера отправиться обратно в Рущукский отряд.

Нынешний день везде прошел спокойно.

21-го августа. Воскресенье.—Оказывается, однакоже, что вчерашний день не прошел так спокойно, как мы думали. Турки снова сделали попытку обойти шипкинскую позицию со стороны Зеленадрева, но подошедшие своевременно войска наши заставили их отступить. С другой стороны получено сведение, будто бы турки построили мост от Силистрии к Каларашу. Известие это встревожило ген.-ад. Дрентельна, который, вступив в должность начальника военных сообщений армии и находясь в Бухаресте, уже распорядился было приостановить проходящие по железной дороге эшелоны. Однакоже в средине дня, когда мы возвратились от обедни, получено было новое донесение, что турки сняли мост. Дело это требует еще разъяснения: как могли они так скоро навести мост, что стоящие в Калараше казаки не успели заблаговременно известить, и почему опять мгновенно развели?—Во всяком случае, войскам, двигающимся по железной дороге, приказано продолжать следование безостановочно.

В штабе главнокомандующего занимаются приготовлениями к атаке Плевны, но по разным причинам вынуждены отсрочивать, так что теперь предполагается 23-го числа предпринять атаку на Ловчу, 2-й дивизией кн. Имеретинского, а затем уже 25-го числа—на самую Плевну. Ген.-м. Левицкий поехал к Зотову для совещаний о плане атаки. Никто не имеет доверия к искусству и распоряжениям этих двух личностей. В армии и в Главной квартире говорят о Левицком не иначе, как с негодованием и раздражением. *

---

* Репутация ученого тактика совершенно поколеблена, а вдобавок его самонадеянность и вполне польский характер ставят его ко всем в отношения враждебные.

23-го августа. Вторник.—Кн. Имеретинский нашел возможным двинуться к Ловче уже 21 числа и атаковать турецкую позицию 22-го. Вчера целый день мы были в тревожном ожидании известий о результате; но только сегодня, в 8-м часу утра, получена лаконическая телеграмма ген. Зотова из Порадима, что Ловча взята. Уже позже начали получать постепенно более обстоятельные сведения, и наконец в 7-м часу вечера приехали фл.-ад. гр. Голенищев-Кутузов и ординарец главнокомандующего Андреевский, которые рассказали некоторые подробности вчерашнего дела. На сей раз, по крайней мере, не было ребяческих ликований; на успех под Ловчей смотрят, как на предисловие предстоящего гораздо более серьезного дела против главных сил Османа-паши под Плевной. К этому предприятию делаются * приготовления, и ген. Зотов уже просил разрешение начать наступательные действия сегодня же; однако сам отказался от этой мысли, видя утомление войск как бывших в бою под Ловчей, так и участвовавших сегодня же в рекогносцировке под Плевной. Князь Карл румынский прибыл лично в Порадим, но войска его, перешедшие Дунай в Никополе (а не у Корабии, как предполагали румыны), еще не подтянулись и не вступили в линию с русскими войсками.

Вчера я имел продолжительный и откровенный разговор с главнокомандующим, в присутствии его начальника штаба, по поводу бездействия и беспечности полевой администрации армии. Великий князь, не отрицая справедливости упреков, приводил только отговорку, что трудно сделать все, как было бы желательно. Разговор коснулся предполагаемого осенью похода за Балканы; главнокомандующий настаивал на необходимости этого движения, сознавая в то же время, что до сих пор не делалось ничего для подготовки к нему. **

24-го августа. Среда. Бивак в Чауш-Магале.—Сегодня утром государь, вместе с великим князем главнокомандующим, выехал из Горнего Студеня в экипаже, а за ними последовал и я. Императорская Главная квартира переместилась в Чауш-Магалу, вер-

---

* все

** Первоначальный текст после слов «...по поводу бездействия и беспечности полевой администрации армии.» (строка 12 сн.): «Великий князь возражал только в том смысле, что трудно сделать все, как бы хотелось. Я же стоял на том, что не следует и предпринимать дела, если не можешь или не умеешь исполнить его. Разговор коснулся предполагаемого осенью похода за Балканы; главнокомандующий сам сознавался, что до сих пор ничего не делалось для подготовления к этому трудному движению, а между тем настаивал на необходимости его. «Стало быть,—сказал я ему,—Ваше в[ысочест]во, если и будете сознавать, что [положите] погубите всю армию за Балканами—и все-таки пойдете?» Категорического ответа я не получил».

стах в 15 или 20 от Горнего Студеня по направлению к Плевне, а Главная квартира главнокомандующего — несколько верст далее, в Раденицу. Погода изменилась, гроза освежила воздух; к концу дня сделалось даже свежо.

По приезде в Чауш-Магалу было совещание в палатке государя. Сведения из-под Ловчи весьма неопределительны и загадочны. Вчера слышны были выстрелы с той стороны; в ночь с 22-го на 23-е турецкая колонна прошла из Плевны к Ловче; можно догадываться, что кн. Имеретинский был неожиданно встречен этими войсками. Никаких нет донесений от него самого. При таком положении дел признано неосторожным сегодня же приступить к наступательным действиям против Плевны. Поэтому решено не торопиться; великий князь главнокомандующий отправился вперед до Порадима, чтобы узнать там от Зотова, нет ли каких-нибудь известий о положении дел под Ловчей и о силах неприятельских в Плевне. Государь предоставил великому князю самому решить, когда и в каком порядке начать действия под Плевной.

Бивак наш здесь расположен среди самой деревни, помещение нельзя признать приятным. Над деревней возвышаются горы, с вершин которых открывается обширный вид. Но сегодня нельзя пользоваться этой панорамой, так как все кругом заволокло густыми тучами.

Между тем в Рущукском отряде ежедневно происходят столкновения с турецкими войсками, пробующими то в одном месте, то в другом оттеснить наши войска на Ломе. Вчера было довольно горячее дело у Кадикиоя, под Рущуком. Повидимому, турки желали бы что-нибудь сделать с этой стороны, но не осмеливаются действовать решительно.

29-го августа. Понедельник. Раденица.—Главнокомандующий, прибыв 24-го числа в Раденицу, имел там совещание с принцем Карлом румынским и ген[ерало]м Зотовым. От князя Имеретинского получены наконец сведения вполне благоприятные об исходе боя под Ловчей. Несмотря на посланные из Плевны подкрепления к туркам, Ловча осталась в наших руках, занята одной бригадой, а с остальными силами кн. Имеретинский двинулся на Плевну и 25-го прибыл в Богот. Таким образом, не было уже причины отлагать долее атаку неприятеля под Плевной и решено 25-го числа сделать все нужные подготовления, чтобы в ночь на 26-е приступить к постройке и вооружению батарей, назначенных для обстреливания неприятельских укреплений, сооруженных на высотах кругом города Плевны.

Получив об этом известие 25-го же числа в Чауш-Магале, государь решился перенести свою Главную квартиру в Раденицу на все время действий под Плевной. 26-го числа, выехав из Чауш-Магалы в 6 ч. утра, прибыли в Раденицу около 10 ч. утра и вскоре отправились далее к Плевне, вместе с главнокомандующим. От Раденицы до Плевны около 30 верст. На этом пути мы видели по

сторонам дороги множество болгарских семейств, выбежавших из разных мест, занятых турками, и кочевавших живописными таборами, в ожидании исхода предстоящего боя.

На пути узнали мы, что первые действия наши против плевненской позиции начались успешно: неприятель не препятствовал постройке в течение ночи батарей и вооружению их. С рассветом 26-го открыт с них огонь. Северную сторону нашего расположения занимают румынские войска, южную—4-й и 9-й корпуса, 2-я дивизия (ген. кн. Имеретинского) и летучий отряд ген.-м. Скобелева; большая же часть кавалерии нашей и румынской, под начальством ген. Лошкарева, направлена на левую сторону р. Вида, чтобы угрожать пути сообщения и отступления Османа-паши на Софию.

Государь и великий князь главнокомандующий со свитами своими расположились на горе, возвышающейся к востоку от Плевны, несколько южнее сел. Гривицы; отсюда можно было хорошо видеть всю южную сторону нашей и неприятельской позиций; видны были и некоторые части северной позиции, а в фоне панорамы виднелись возвышения левого берега Вида.

Так просидели мы на нашей обсерватории до 5-го часа вечера и к обеду возвратились в Раденицу. В продолжение дня получены * тревожные известия от наследника цесаревича, который доносил о своем отступлении от Лома на Янтру. Первые эти телеграммы очень встревожили и огорчили государя; можно было полагать, что Рущукский отряд сбит неприятелем и потерпел поражение; опасались, чтобы великий князь Владимир Александрович с 12-й дивизией не был отрезан и приперт к Дунаю; недоумевали, что́ будет с осадной артиллерией, часть которой была подвезена к Пиргосу.— По приезде в Раденицу государь собрал в своей палатке для совещания вел. кн. главнокомандующего, его начальника штаба Непокойчицкого, помощника его ген.-м. Левицкого и меня. Полученные вечером телеграммы несколько ослабили первоначальное впечатление; видно было, что наследник цесаревич решился отвести свои войска от Лома не вследствие напора неприятеля, а по своим соображениям, именно из опасения, что турки при многочисленности своей могли обойти оба фланга позиции 13-го корпуса на Ломе. Получена также телеграмма от кн. Шаховского, который с своим 11-м корпусом оставался спокойно на прежних позициях по дорогам от Тырнова на Осман-Базар.—В совещании нашем я старался обратить внимание главнокомандующего на то, что с отступлением Рущукского отряда от Лома открывается неприятелю путь к Тырнову и что при слабости войск у кн. Шаховского наступление турок в этом направлении представляет для нас наибольшую опасность. Того же мнения был и государь. Решено было прибывающие новые войска, 26-ю пехотную и ** Донскую казачью

---

* весьма

** сводную

дивизии, стягивать на пути между Белой и Тырновом с тем, чтобы, смотря по надобности, поддержать или войска 12-го и 13-го корпусов на низовьях Янтры (для прикрытия систовской переправы), или 11-й корпус — для прикрытия Тырнова.

27-го августа снова отправились мы на позицию под Плевной; опять сидели долго на той же горе, которую уже окрестили названием «Царского кургана»; объезжали расположение некоторых резервов и перевязочных пунктов и возвратились в Раденицу около 8 час. вечера, когда было уже совсем темно. Главнокомандующий остался в Порадиме вместе с принцем Карлом, чтобы находиться ближе к месту боя.

Сведения от наследника цесаревича продолжали быть успокоительными. Неприятель не преследовал отступавшие войска, которые остановились на полпути от Лома к Янтре.

28-го и 29-го числа опять ездили на позицию. Дело подвигается медленно; выпускают множество снарядов, а результат незаметный. Вчера румынские войска дебютировали на военном поприще удачным движением вперед и занятием позиции ближе к неприятельским укреплениям. Государь послал флигель-адъютанта благодарить румынские войска и отвезти им несколько солдатских крестов военного ордена. Кн. Имеретинский имел горячее дело при атаке трех неприятельских батарей на оконечности правого фланга турецкой позиции. Две батареи были успешно взяты, но против третьей атака была отражена с потерей около 600 чел. Кавалерия ген. Лошкарева преградила выход из Плевны по дороге к Софии. Но турки держатся стойко; по ночам исправляют поврежденные укрепления и даже возводят новые. Хотя наши батареи подвинулись вперед и действуют вообще удачно, однакож положительного результата еще не заметно, а между тем начальник артиллерии кн. Масальский уже жалуется на неумеренное * расходование зарядов и затруднительность своевременного их пополнения. Летучие и подвижные парки едва успевают подвозить.

Крайне утомительно ежедневно ездить отсюда на позицию и обратно и там сидеть целый день под палящими лучами солнца, без всякого дела. Но государя как будто тянет туда; может быть даже он спокойнее, находясь в виду войск и батарей. Ему хотелось бы ** самому быть под выстрелами. Говорят, что вчера и сегодня просвистело несколько пуль картечной гранаты близко от нашего места наблюдения, но я не заметил их; да и рассудительно ли повелителю восьмидесяти или ста миллионов народа подвергать себя подобной случайности без всякой надобности и пользы.

31-го августа. Среда.—Вчерашний день 30-го августа не был днем торжества и радости. Назначено было произвести решительную атаку на позицию пред Плевной [105]. К полудню государь при-

---

* истребление

** сказать, что он сам был под выстрелами.

ехал на Царский курган и здесь, при громе пушек с батарей наших и турецких, совершено молебствие. Не дождавшись 3 часов— времени, назначенного для общего наступательного движения,—некоторые войска преждевременно завязали дело и пошли в атаку. Мы следили за их движениями и с замиранием сердца выслушивали привозимые адъютантами донесения. С правой стороны получались неутешительные сведения: самые настойчивые атаки наших войск (1-й бриг. 5-й пех. дивизии) и румынских на главный редут над дер. Гривицы были три раза отбиты турками; на левом фланге ген. Скобелев имел первоначально успех, выдвинулся вперед, но атака 30-й дивизии на редут также была отбита; на обоих пунктах потери наши были громадные. Когда уже совсем стемнело и бой, повидимому, затих, мы возвратились в Раденицу в самом грустном настроении. На государя жаль было смотреть.

Однакож сегодня рано утром приехал с позиции флигель-адъют[ант] Чингис с известием, что вчера, в самый час отъезда государя с позиции, Гривицкий редут наконец был взят совокупными силами 5-й дивизии и румын. Известие это возродило в нас новые надежды и бодрость, так как редут этот считался ключем позиции. Но когда приехали мы снова на позицию, были несколько удивлены, увидев длинные лица главнокомандующего и его свиты. Они не радовались взятию редута, как оказалось, потому, что после понесенных огромных потерь признавали невозможным продолжать атаку неприятельской позиции. Целый день опять просидели мы на горе, смотря в бинокли вдаль, на левое наше крыло, где все время кипел жестокий бой. Турки сами перешли в наступление; пять раз возобновляли нападения на Скобелева и пять раз были отражаемы; но в шестой раз им удалось оттеснить наше левое крыло. Гривицкий редут оставался за нами; но турки успели возвести против него новые укрепления, тогда как наши, засев в редут, во весь день ничего не сделали, чтобы прочно в нем утвердиться, и даже не ввезли в него артиллерии. Во все время государь сидел рядом с главнокомандующим, по временам подзывал к себе начальника штаба Непокойчицкого; я же держался в стороне, поодаль. Душевная скорбь моя усугублялась лихорадочным состоянием, головной болью и упадком сил. Я прилег на траву, под деревом. Уже близко было к закату солнца, когда кто-то подошел ко мне и сказал, что государь спрашивает меня. Я встал и подошел к государю, который вполголоса, с грустным выражением сказал: «Приходится отказаться от Плевны, надо отступить...». Пораженный как громом таким неожиданным решением, я горячо восстал против него, указав неисчислимые пагубные последствия подобного исхода дела. «Что ж делать,—сказал государь,—надобно признать, что нынешняя кампания не удалась нам».—«Но ведь подходят уже подкрепления»,—сказал я. На это главнокомандующий возразил, что пока эти подкрепления не прибыли, он не видит возможности удержаться пред Плевной, и с горячностью прибавил: «Если считаете это возможным, то и принимайте команду; а я прошу меня уволить».—

Однакож после этой бутады, благодаря благодушию государя, начали обсуждать дело спокойнее. «Кто знает,—заметил я,— в каком положении сами турки? Каковы будут наши досада и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время, когда турки сами считали невозможным долее держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими войсками». Кажется, этот аргумент подействовал более всех других. Решено было, чтобы войска оставались пока на занятых ими позициях, прикрылись укреплениями и не предпринимали новых наступательных действий. В таком смысле разосланы были приказания.—Мы возвратились в Раденицу к 8 ч. вечера, в настроении еще более мрачном, чем накануне. Никогда еще не видал я государя в таком глубоком огорчении: у него изменилось даже выражение лица [106].*

1-го сентября. Четверг.—Сегодня мы оставались недолго на позиции пред Плевной. Никаких действий не предпринималось ни с нашей стороны, ни турками; раздавались только редкие выстрелы, преимущественно с наших батарей. Убыль в наших войсках в последние три дня была огромная, но еще не приведена в точную известность. Некоторые полки обратились в батальоны, а от стрел-

---

* Первоначальный текст после слов «...я же держался в стороне, поодаль.» (стр. 214, строка 15 сн.): «Незадолго уже до захождения солнца государь подозвал меня и при них обоих вполголоса сказал: «Приходится отказаться от взятия Плевны и отступить...». Я был поражен этим неожиданным решением и горячо восстал против немедленного его исполнения, напомнив неисчислимые пагубные последствия подобного исхода дела. «Что ж делать,—сказал государь,—надобно признать, что нынешняя кампания не удалась».— «Но ведь приходят уже подкрепления,—сказал я. Главнокомандующий возражал, что хотя на нем более, чем на ком-нибудь, лежит ответственность, однакож он заявляет, что ничего не может более придумать, чтобы удержаться пред Плевной. «Если считаете это возможным, то и принимайте команду; а я прошу меня уволить».— Однакож после этой бутады начали обсуждать дело спокойнее и пришли к заключению, чтобы не решать теперь же вопроса и приказать войскам сильно укрепиться на занятых ими позициях, не предпринимая уже никаких наступательных действий. В этом смысле разосланы были приказания.—Кто знает, в каком положении сами турки? Каковы будут наши досада и стыд, если мы потом узнаем, что отступили в то время, когда турки сами считали невозможным долее держаться в этом котле, обложенном со всех сторон нашими войсками. Кажется, этот аргумент мой более всех других подействовал.—Мы возвратились в Раденицу к 8 ч. вечера, в таком же мрачном настроении, как и накануне. Никогда еще не видал я государя так убитого духом: у него изменилось даже выражение лица».

ковой бригады осталось, как говорят, всего от 200 до 300 человек Впоследствии оказалось гораздо более: собралось до 1600 чел. [107]. Когда ехали мы утром на позицию, а потом обратно, то встречали и обгоняли вереницы раненых, частью на повозках, частью пешком.

Во время пребывания нашего на обычном наблюдательном пункте, государь пожелал еще обсудить вопрос о предстоящем нам образе действий. На совещание призваны были, кроме великого князя главнокомандующего, его начальника штаба Непокойчицкого и меня, еще начальник артиллерии армии ген.-ад. кн. Масальский, ген.-л. Зотов и ген.-м. Левицкий. Все мы собрались кругом государя и поочередно должны были высказывать свое мнение. Великий князь и Непокойчицкий попрежнему признавали невозможным удержаться на занятых позициях под Плевной; кн. Масальский и Зотов склонялись к тому же мнению; только Левицкий имел мужество высказаться в противном смысле и весьма дельно привел доводы в пользу того мнения, которое было вчера выражено мною. Выслушав всех, государь очень положительно объявил свое решение — держаться и укрепиться на прежних позициях до прибытия ожидаемых подкреплений и затем предпринять систематически постепенную атаку неприятельских укреплений. Предоставив великому князю обсудить вместе с главными его помощниками все подробности первоначальных распоряжений, государь вместе с тем решил вытребовать сюда ген. Тотлебена, которому я и телеграфировал немедленно по возвращении нашем в Раденицу. *

---

* Первоначальный текст после слов «...а от стрелковой бригады осталось, как говорят, всего от 200 до 300 человек.» (стр. 215, строка 1 сн.): «Когда ехали мы утром на позицию, а потом обратно, мы встречали и обгоняли вереницы раненых, отправлявшихся кто в повозках, кто пешком. Государь пожелал еще раз выслушать мнения о том, что предстоит нам делать; около него на кургане уселись главнокомандующий, его начальник штаба Непокойчицкий, начальник артиллерии армии ген.-ад. кн. Масальский, ген.-л. Зотов, ген.-м. Левицкий и я. Главнокомандующий и его начальник штаба опять выставляли все затруднения удержания за нами позиции; кн. Масальский и Зотов более склонялись на их сторону; Левицкий же очень дельно объяснил свои соображения о возможности оборонительного занятия позиции пред Плевной даже и при настоящем ослабленном состоянии армии, по крайней мере, до прибытия подкреплений. Государь очень положительно высказался в этом же смысле, согласном с вчерашними моими доводами, и в заключение объявил главнокомандующему, что поручает ему немедленно обсудить вместе с названными лицами все подробности исполнения; при этом особенно было обращено внимание на необходимость возведения серьезных укреплений. Решено было даже вытребовать сюда ген. Тотлебена, которому я и телеграфировал по возвращении нашем в Раденицу».

3-го сентября. Суббота.—Вчера и сегодня все тихо около Плевны, изредка только постреливают наши батареи; а турки сделали ночью попытку против занятого нашими войсками редута, но, кажется, не очень серьезную. Сегодня утром приехали сюда, в Раденицу, великий князь главнокомандующий и принц Карл румынский, чтобы отдать отчет государю о результате своих совещаний относительно предполагаемых изменений в расположении войск, блокирующих Плевну. Меня не пригласили выслушать их доклад,—и, таким образом, я снова умываю себе руки во всем, что делается в нашей несчастной армии. Государь, по своему счастливому характеру, уже смотрит на дело с благодушным спокойствием, раздает награды, оказывает большое внимание и заботливость раненым, провозимым из-под Плевны. Вчера и сегодня розданс множество крестов и золотых сабель, в том числе большей части флигель-адъютантов, которых вся заслуга ограничивается тем, что им случалось проскакать в сфере неприятельских выстрелов. Государю приятно видеть пред собой довольные лица. Самому князю румынскому пожалован крест св. Георгия 3-й степ[ени]. Вчера государь ездил в Булгарени, где открыт военно-временный госпиталь. Обгоняя по дороге раненых, он некоторых из них, шедших пешком, посадил к себе в коляску и довез до госпиталя. Крайне грустное впечатление произвел на государя вид огромного числа скопившихся тут страдальцев.* Госпиталь, устроенный всего на 600 кроватей, не имел, конечно, достаточных средств, чтобы удовлетворить потребности свезенных в него нескольких тысяч раненых. Отвозить их далее назад также было затруднительно по недостатку потребного для того непомерного числа подвод.

---

* Первоначальный текст после слов «...я снова умываю себе руки во всем, что делается в нашей несчастной армии.» (строка 9 св.): «Государь, по своему счастливому характеру, уже смотрит на дело с благодушным спокойствием; его менее занимают стратегические и тактические соображения наших военачальников, сколько раздача наград и заботы о раненых, случайно провозимых под его глазами. Вчера и сегодня роздано множество крестов, золотых сабель и проч. Государю приятно видеть пред собой довольные лица. Самому князю румынскому пожалован крест св. Георгия 3-й степ[ени]. Большей части флигель-адъютантов роздано золотое оружие только за то, что им случалось проскакать в сфере неприятельских выстрелов. Вчера государь ездил в Булгарени, где разбит военно-временный госпиталь. Обгоняя на дороге раненых, он некоторых из них посадил к себе в коляску и довез до госпиталя. Это внимание к раненым трогательно, ⌊но иногда оно переходит за черту⌋, жаль только, что оно обращается иногда в произвольную раздачу георгиевских крестов случайно попавшим на глаза людям. Однакож вид огромного числа раненых, скопившихся в госпитале, оставил в нем грустное впечатление».

5-го сентября. Понедельник. Горний Студень.—Вчера государь и вся свита его возвратились в Горний Студень. По дороге посетили вторично военно-временный госпиталь в Булгарени. Здесь нашли еще большее, чем в первую нашу поездку, число раненых, не имевших помещения в шатрах и ожидавших дальнейшего отправления. Многие из них лежали на земле, открыто, под палящими лучами солнца, ожидая очереди для перевязки или операции. Государь раздавал офицерам присланные императрицей мелкие подарки.

Подъезжая к Горнему Студеню, государь остановился у бивака только что прибывшей гвардейской стрелковой бригады.

Сегодня и главнокомандующий со своим штабом переехал также в Горний Студень. Говорят, что под Плевной строются укрепления и нами, и турками. Перед обедом получена телеграмма от ген. Радецкого о том, что турки возобновили нападение на Шипку. После 9-ти часового упорного боя атаки неприятеля были отбиты, с большим уроном с обеих сторон.

В Горнем Студене я занял прежнюю свою комнату рядом с помещением государя. Перемещение под крышу оказалось очень кстати, потому что весь вчерашний вечер я пролежал в пароксизме лихорадки, обнаружившейся у меня еще 31-го числа на позиции пред Плевной.

7-го сентября. Среда.—Вчера под Плевной румыны сделали попытку выйти из своих траншей, чтоб овладеть неприятельским укреплением, беспокоющим войска в занятом нами большом редуте. Атака была отбита, с уроном до 200 чел.

Сегодня отслужена панихида в память покойного наследника Николая Александровича и по убитым в последнее время трем флигель-адъютантам: Шлиттере, Териеве и кн. Мещерском. Последний убит два дня тому назад на Шипке.

Потом был смотр гвардейской стрелковой бригады.

Вчера было у государя совещание с вел. кн. главнокомандующим, в присутствии ген. Непокойчицкого, Левицкого и меня. Оно еще раз подтвердило, что у начальства армии нет плана для будущих действий, даже и по прибытии всех подкреплений. Разговор более касался распоряжений на ближайшее время, так сказать, на завтрашний день; решено, чтобы ген.-м. Левицкий съездил в отряд наследника цесаревича, чтобы разъяснить расположение этих войск и положение дел на левом нашем крыле. Но когда государь возбудил вопрос о зиме, то ни у кого не оказалось определенной мысли о том, что́ нам предстоит. Вытребованный сюда из Петербурга главный интендант ген.-ад. Кауфман (Михаил Петрович) старается выяснить потребности армии на будущее время, собственно по интендантской части, на которую все в армии жалуются; но едва ли удастся ему в несколько дней исправить и направить эту крайне расстроенную часть полевого управления армии.

10-го сентября. Суббота.—Вчера получены были с двух сторон тревожные сведения: из-под Плевны телеграфируют, будто Сулейман-паша с 40/т. войска идет на выручку Османа-паши и находится уже в 3 часах пути от Плевны; с левого же крыла — что Мехмет-Али-паша атаковал войска Рущукского отряда на Баничском Ломе и в Чаркиое. Атака эта была отбита, но она подтвердила постоянное мое мнение о важности дороги от Новаче чрез Чаркиой к Тырнову. Ген.-м. Левицкий, ездивший к наследнику цесаревичу, чтобы разъяснить соображения, на основании которых стоявшая у Чаркиоя бригада 11-го корпуса (кн. Шаховского) была притянута к Церковне, возвратился с объяснениями, не вполне убедительными. Сегодня неприятель не возобновлял атаки,—и у нас несколько отлегло. Известие о близости Сулеймана-паши не подтвердилось, хотя, по телеграмме, полученной сегодня, кавалерия наша на левой стороне Вида имела дело; слышны были выстрелы.

Дня два холодной и дождливой погоды расстроили здоровье государя, он опять без голоса. Однакож это не помешало ему сделать сегодня смотр прибывшей в Акчаир бригаде 3-й гвардейской пехотной дивизии, а потом съездить в здешний госпиталь и снова раздавать раненым присланные из Петербурга, от имени императрицы, подарки.

11-го сентября. Воскресенье.—За утренним кофеем, на галерее, государь, по обыкновению прочитав мне и гр. Адлербергу полученные новые телеграммы, сказал нам, под условием хранения в тайне, что получил письмо от наследника цесаревича, который со всей откровенностью высказывает существующее в армии неудовольствие на главное начальство, потерявшее всякое доверие войск. Наследник * убеждает государя принять лично командование армией, назначив меня своим начальником штаба. Государь, читая это письмо, ** прослезился. Мысль не новая; она высказывалась уже многими и доходила до самого государя. Казалось даже, что мысль эта улыбалась ему. Однакож мы оба, гр. Адлерберг и я, сочли долгом совести откровенно представить невыгодные стороны предположения, чтобы государь принял на себя лично исправление испорченного дела и всю нравственную ответственность за дальнейший ход кампании. Да и на чем основано предположение, что дело пойдет лучше с переменой главного начальства армии?— Вопрос этот, конечно, не мог быть приведен в числе высказанных государю доводов; но я уверен, что в глубине мыслей гр. Адлерберга не менее, чем у меня, лежало сильное сомнение. ***

---

* прямо

** несколько раз

*** Первоначальный текст после слов «...она высказывалась уже многими и доходила до самого государя.» (строка 11 сн.): «Даже заметно было, что мысль эта улыбалась ему. Однакож мы оба, гр. Адлерберг и я, сочли долгом откровенно представить невыгодную сто-

Государь был очень смущен * и расстроен **. За обедней он не мог стоять и часто садился, чего никогда до сих пор не бывало. После завтрака приехал великий князь Владимир Александрович из Абланова; он имел с отцом продолжительный разговор. Догадываюсь, что речь была опять о личных вопросах ***. По крайней мере, после обеда, когда государь сел на свое обычное место под галереей и никого не было около него, кроме гр. Адлерберга и меня, он сказал нам вполголоса, что наследник цесаревич примет начальство гвардейским корпусом, а вел. кн. Владимир Александрович — 1-й гвардейской пехотной дивизией, и что, вместо ген. Гана, предполагается назначить командиром 13-го корпуса ген.-ад. кн. Дондукова-Корсакова, который по старшинству своему примет и общее начальство Рущукским отрядом. Вследствие этого возник вопрос о временном замещении кн. Дондукова-Корсакова в Киеве; я указал на ген.-ад. Черткова, остающегося здесь в свите в полном бездействии.

К вечернему чаю государь не вышел в большую палатку.

12-го сентября. Понедельник.—За утренним кофеем, в присутствии вел. кн. Владимира Александровича, государь снова завел речь о принятии им на себя командования армией. Видно было, что великий князь с тем и приехал сюда, чтобы словесными убеждениями подкрепить письменное заявление наследника цесаревича. Мне пришлось опять возражать против мнения обоих царевичей, будто стоит только государю облечься титулом главнокомандующего, чтобы все пошло как по маслу. Великие князья легко смотрят на вещи и не сознают всей затруднительности настоящего нашего положения. По их мнению, нетрудно будет отбросить Мехмета-Али к Шумле и в нынешнюю же осень покончить кампанию. Государь, однакоже, не поддается пока соблазнительным убеждениям своих сыновей; он не отверг их окончательно, но сказал, прощаясь с сыном, что до прихода всех подкреплений еще более месяца, что еще есть время подумать и сообразить.

рону предположения. Кроме тех соображений, которые относятся прямо к личности государя и по которым для него, собственно, нежелательно принять на себя прямую ответственность за дальнейший ход кампании, я с своей стороны имею убеждение (которое, однакож, не мог выставить в числе своих аргументов), что для успеха самого дела предполагаемая перемена личности главнокомандующего едва ли представляла бы какое-либо ручательство. Напротив того, насколько мне известен характер государя, я уверен, что он не может командовать армией. Во всяком случае, я с своей стороны не взял бы на себя трудной обязанности начальника штаба при таком главнокомандующем».

* духом

** здоровьем

*** касающихся командования армией.

Сегодня же окончательно решено вызвать сюда кн. Дондукова-Корсакова, киевского генерал-губернатора, чтобы поручить ему командование 13-м корпусом, вместо Гана, чувствующего свою старость и бессилие; он же, кн. Дондуков-Корсаков, примет и начальство Рущукским отрядом, как старший из корпусных командиров. Исправление должности его в Киеве временно поручается ген.-ад. Черткову.

Государь чувствует себя хуже прежнего; у него был настоящий пароксизм лихорадки, так что после утреннего кофея он лег в постель и уже не выходил в течение дня.

17-го сентября. Суббота.—По возвращении вел. кн. Владимира Александровича в Главную квартиру Рущукского отряда, наследник цесаревич снова написал длинное письмо государю, доказывая опять необходимость решительных действий; по письму видно, что Владимир Александрович не совсем верно передал старшему брату соображения государя, дав повод наследнику заключить, что на всю осень предполагается армии оставаться в пассивном положении. Наследник повторял, что берет на свою ответственность покончить с Мехмет-Али-пашой, если только ему дадут гвардейский корпус. Государь не ответил на это письмо, а вызвал сюда лично наследника. Его ожидали в среду (14-го числа); но в это утро получена была странная телеграмма от полк. Бискупского, начальника штаба 11-го корпуса, из-под Чаркиоя, что армия Мехмет-Али вдруг отступила со всех занятых ею позиций, повидимому за р. Черный Лом, и притом так поспешно, что даже не сняла своей телеграфной проволоки и побросала ящики с патронами. Мы ломали себе голову, чтоб объяснить себе причину такого неожиданного отступления турок. Вслед затем получено известие, что наследник отложил свой приезд в Горний Студень до другого дня. Мы приписывали это решение неожиданному отступлению турок и желанию наследника разъяснить, куда и почему они отступили; однакож потом оказалось, что отсрочка эта вызвана была просто дурной погодой и грязной дорогой.

Между тем из-под Плевны также приходили странные известия. Ген. Зотов доносил, что уже несколько дней не имел он известий от ген. Крылова, который действовал с кавалерией на левой стороне Вида. Не раз слышны были выстрелы по софийской дороге; но потом все утихло. Телеграмма эта дала повод к предположению, что кавалерия наша имела встречи с турецкими колоннами и транспортами на пути к Плевне. и что, по всем вероятиям, мы ошибались, воображая себе, что блокируем Плевну кругом, что отрезали Османа-пашу от его сообщений. * Теперь оказывается, что, действительно, колонна из 20 таборов, откинув нашу кавалерию, прошла в Плевну и провезла туда транспорт с продовольственными

---

* Первоначальный текст после слов «...Не раз слышны были выстрелы по софийской дороге;» (строка 8 сн.): «но потом все утихло,

и военными запасами,—а Крылов с своей многочисленной конницей занялся рекогносцировками к стороне Рахова.

Еще получены известия, что в Силистрии турки снова наводят мост, хотя очень медленно. Телеграмма из Вены предупреждала, будто они намерены переправить чрез Дунай несколько тысяч башибузуков и черкесов, чтобы действовать на сообщения нашей армии и навести страх в Румынии. С Шипки получались также сведения неутешительные: наши войска там бедствовали, не только от неудобной позиции, на которой они находились постоянно под неприятельскими выстрелами со всех сторон, но также и от холода и непогоды; в горах уже выпал снег, а наши бедные солдаты совершенно оборваны.

В четверг, 15-го числа, около полудня, приехал наследник с великим князем Сергеем Александровичем. В этот же день прибыли в Горний Студень ген.-ад[ъютан]ты Мещеринов и Тотлебен. Государь, не совсем еще оправившись от болезни, так устал от разных разговоров с приезжими, что отложил предположенное совещание до следующего дня.—Приезд начальника Рущукского отряда с начальником его штаба ген. Ванновским нисколько не разъяснил нам причин и обстоятельств неожиданного отступления Мехмет-Али-паши.

В пятницу, 16-го числа, утром, государь сел верхом пред занимаемым им домом и пропустил всю 3-ю гвардейскую пехотную дивизию. В это же утро приехал ко мне с бивака гвардейской кавалерии племянник мой Юрий Милютин, поступивший вольноопределяющимся в гвардейский Уланский полк.

В 4 часа было у государя совещание, в котором участвовали, кроме великих князей Николая Николаевича и наследника, генералы Непокойчицкий, Тотлебен, Ванновский, Левицкий и я. Государь изложил весьма разумно настоящее положение дел и поставил вопрос, с чего нам выгоднее начать действовать по прибытии подкреплений: с выручки ли отряда, бедствующего столько уже времени на Шипке, с довершения ли атаки Плевны и нанесения поражения Осману-паше или, наконец, с нападения на Мехмет-Али-пашу?—Великий князь главнокомандующий изложил весьма дельно свои соображения в том смысле, чтобы прежде всего покончить на правом фланге с Осман-пашой; соображения эти дополнил Непокойчицкий; затем Тотлебен пустился в подробности, мало разъясняющие поставленный вопрос. Я с своей стороны просил позволения сперва выслушать мнение великого князя наследника и его начальника штаба, не разделявших мнения главнокомандующего и желавших прежде всего покончить с Мехметом-Али-пашой.

а между тем, по всем признакам, туркам удалось ввести в Плевну войска и, повидимому, транспорты. Телеграмма Зотова опять встревожила государя; очевидно, мы ошибались, воображая себе, что блокируем Плевну кругом и отрезали Османа-пашу от его сообщений».

Тогда Ванновский высказал свои соображения, весьма шаткие и неубедительные, а сам наследник почти ничего не прибавил в подтверждение своего плана. Не оставалось сомнения в том, что при настоящих обстоятельствах, особенно после загадочного отступления Мехмета-Али, всего важнее для нас разрешение вопроса на правом нашем крыле — в Плевне. Поэтому я не мог колебаться и присоединился к мнению великого князя главнокомандующего, но присовокупил, что для окончательного решения самого плана действий против Османа-паши необходимо выждать результата подробных рекогносцировок и соображений ген. Тотлебена, имея в виду, что и с большими силами нелегко будет выбить Османа-пашу из созданного им под нашими глазами нового Севастополя. Окончательно принят план главнокомандующего с теми дополнениями, которые должны выясниться после рекогносцировки Тотлебена.

Сегодня утром наследник и вел. кн. Сергей Александрович уехали к себе в Дальний монастырь.—Государь сделал смотр гвардейской кавалерии, проходившей чрез Горний Студень на Липницу, где ей назначено пробыть некоторое время до разъяснения обстоятельств.

Завтра утром сам главнокомандующий отправляется под Плевну вместе с ген. Тотлебеном.

Погода поправилась, но свежо, особенно по ночам.

21-го сентября. Среда.—Великий князь главнокомандующий вместе с Тотлебеном осматривает местность под Плевной. Между тем государь озабочен сведениями о постройке турками моста чрез Дунай у Силистрии. К Каларашу направлена одна бригада 24-й дивизии, следующей пешим порядком к Зимнице. По желанию государя главнокомандующий сегодня дал приказание удержать временно на левой стороне Дуная всю эту дивизию и 1-ю кавалерийскую. От наследника получены сведения, что армия Мехмет-Али-паши расположилась за Черным Ломом, главными силами, повидимому, ближе к Рущуку.

Сегодня утром приехал сюда из Петербурга вел. кн. Павел Александрович, как раз в день своего рождения. Вел. кн. Сергей Алекс. также приехал из Главной квартиры Рущукского отряда, чтобы повидаться с своим братом.

24-го сентября. Суббота.—Вчера государь выезжал встречать гвардейский Финский стрелковый батальон и вместе с ним доехал до бивака гвард[ейской] стрелковой бригады, где по обыкновению был окружен массой офицеров и солдат, бежавших за ним с криками «ура». Сегодня выступила к Плевне и 1-я гвардейская пехотная дивизия, вместе с стрелковой бригадой. Государь, пропустив мимо себя эти войска, прощался с начальниками, говоря всем «до скорого свидания». Погода отвратительная, холодная, с резким ветром, а к ночи пошел дождь и термометр чуть не спустился до нуля.

Вчера возвратился из-под Плевны великий князь главнокомандующий. Он объяснил государю настоящее положение дел и свои предположения. Решено 1-ю и 3-ю гвардейские пехотные дивизии расположить на линии, занимаемой ныне 4-м корпусом, который должен перейти за р. Вид и вместе с кавалерией преграждать пути к Плевне неприятельским подкреплениям и транспортам. Таким образом, отказываясь от атаки укрепленной позиции турок, мы вынуждены довольствоваться блокадой Османа-паши, пока он в состоянии держаться в своем укрепленном лагере. С переходом 4-го корпуса за р. Вид решено вместо ген. Зотова назначить ген. Тотлебена ментором к князю Карлу, с титулом помощника его, а начальником штаба—ген.-м. кн. Имеретинского. Перемену эту нельзя не одобрить; князь Карл не сходился с Зотовым, назначение которого с самого начала меня удивило, так как я знаю его с молодых лет, еще с Кавказа; при всех его достоинствах, он наименее пригоден для той щекотливой роли, которая была на него возложена. Тотлебен хотя крайне тяжел и едва ли будет приятен для князя Карла, но, по крайней мере, будет иметь авторитет как по своей боевой репутации, так и по опытности в том именно деле, к которому теперь призван. Молодой же кн. Имеретинский, развитой и бойкий офицер, с большим тактом, сумеет ладить и с князем румынским, и с Тотлебеном, и с окружающими их. *

Что касается Рущукского отряда, то решено в отмену прежнего предположения, чтобы наследник цесаревич остался еще некоторое время командующим этим отрядом, пока приехавший вчера кн. Дондуков-Корсаков, по вступлении в должность командира 13-го корпуса (вместо ген. Гана), успеет осмотреться и освоиться с новым делом, от которого давно уже отстал, занимая около 20 лет административные должности. Об этом просил сам кн. Дон-

---

* Первоначальный текст после слов «...пока он в состоянии держаться в своем укрепленном лагере.» (строка 8 св.): «Вместе с тем решено, чтобы наследник цесаревич пока не принимал начальства над гвардейским корпусом; неловко было бы подчинить его румынскому князю. Ген. Зотов пойдет с своим корпусом за р. Вид; вместо него назначается ментором к князю Карлу, с титулом помощника его, ген. Тотлебен, а начальником штаба—ген.-м. кн. Имеретинский. Перемену эту нельзя не одобрить; князь Карл не сходился с Зотовым, назначение которого с самого начала меня удивило, так как я знаю Зотова с молодых лет, еще с Кавказа, и считаю его не только по характеру и манерам не соответствующим щекотливой роли, на него возложенной, но и просто неспособным в военном деле. Тотлебен также бездарен, крайне тяжел, но, по крайней мере, весьма опытен в своем специальном деле и принесет пользу собственно при настоящих действиях против укреплений Плевны. Молодой же кн. Имеретинский, развитой и бойкий человек; можно надеяться, что он сумеет ладить с князем румынским и его окружающими».

дуков. К тому же признается не совсем благовидным для наследника цесаревича покинуть Рущукский отряд и принять начальство над двумя гвардейскими дивизиями именно в то время, когда, по всем признакам, турки готовятся к решительному бою на Ломе. Великому же князю Владимиру Александровичу предназначается принять начальство своей 1-й гвардейской пехотной дивизией и вместе с тем временно всем гвардейским корпусом.

Что выйдет изо всех этих личных перестановок? Произведет ли прибытие гвардии благоприятный перелом в ходе военных действий?—Это вопросы будущего; а между тем осеннее время уже и теперь дает себя чувствовать. Войска не падают духом; однакож слышится отовсюду ропот на начальство. В России же этот ропот принимает характер общего неудовольствия; громко порицают и начальство армии, и самого государя. Не скрывают негодования на то, что должности в армии розданы великим князьям и принцам, как будто вся кампания ведется для того только, чтобы доставить случай членам царского дома украситься георгиевскими крестами. Этот боевой почетный знак, так высоко ценившийся в общественном мнении, раздается теперь с такой щедростью, достается так легко, что начинает терять прежнее высокое значение. Злые языки, даже в свите государя, громко говорят, что война ведется по образцу красносельских маневров. Ходят слухи, будто в России, в самом Петербурге, намереваются подать государю адрес для убеждения его возвратиться в свою столицу.

Кн. Дондуков-Корсаков уехал сегодня в Рущукский отряд, вместе с моим сыном, приезжавшим сюда на два дня с казачьих аванпостов, выставленных вдоль Черного Лома.

27-го сентября. Вторник.—Продолжается сквернейшая погода; по ночам термометр спускается чуть не до нуля; сильный ветер с дождем, страшная грязь;—а войска все еще не получают теплой одежды, не исключая и отряда на Шипке, который бедствует в лохмотьях, без крова и даже без огня на позиции. Гвардейские дивизии с трудом дотащились до Порадима, откуда предполагается направить их уже не на плевненскую позицию, для замещения 4-го корпуса, а прямо за р. Вид. Оказывается, что войска 4-го корпуса чуть не босые. Перевозка по железным дорогам и далее передвижение по грязным румынским и болгарским дорогам сопряжены с крайними затруднениями.

В газетах пишут, что Мехмет-Али-паша сменен, что на место его назначен Сулейман-паша, как человек известный своей энергией и решительностью. Отсюда выводят предположение, что в скором времени турки начнут решительную атаку со стороны Черного Лома на войска наследника цесаревича. Главные силы их видимо стянулись ближе к Рущуку и, стало быть, намерены перейти Лом в низовьях его. Наследник также стянул свои силы ближе к Дунаю.

Вчера приехал сюда молодой баварский принц Арнульф, племянник короля [180]. Удачно выбрал время! Вместе с ним приехал и адъютант мой Арапов, на смену уехавшего из армии Лярского.

Сделано распоряжение об осмотре и приготовлении квартир в Систове для размещения обеих главных квартир.

30-го сентября. Пятница.—Попрежнему отвратительная погода; в моей сквозной комнате не только холодно, но протекает сквозь потолок, так что среди комнаты поставлены лохани. Гвардейские дивизии с трудом двигаются чрез Ласкар к р. Виду.

Получены по телеграфу два известия: одно о смелом наступлении нашей речной флотилии, совместно с сухопутными войсками, по Сулинскому рукаву Дуная к самому Сулину, причем один большой турецкий военный пароход потоплен минами, а у броненосца взорван паровой котел; другая телеграмма извещает о проходе чрез австрийскую границу в Малую Валахию шайки в 1500 вооруженных людей.—Несколько дней тому назад австрийской полиции удалось расстроить подобное же покушение в другом пункте границы—около Кронштадта; на сей раз, видно, полиция австрийская прозевала. Трудно, однакоже, предположить, чтобы подобная шайка могла предпринять что-нибудь значительное.

Нелидов представил государю записку, в которой излагает свой взгляд на положение дел в настоящий момент и ведет к тому заключению, что нам следовало бы, в случае предложения посредничества со стороны других держав, согласиться на мир, хотя бы на самых скромных условиях. Прочитав эту записку, я высказал государю свое мнение, что прежде всего было бы необходимо нам самим точнее формулировать, в чем именно состоит тот minimum уступок со стороны Турции, при котором возможен для нас мир; только после того можно будет судить о том, есть ли вероятие, что Турция, которая еще до начала войны отвергла с такой самонадеянностью предложенные ей от имени всех шести держав крайне умеренные условия, согласится теперь на какие-либо уступки, при настоящем положении дел на театре войны. *

Государь вполне согласился с этим мнением и сказал, что по переезде в Систово можно будет пригласить туда канцлера для совещания с ним. На это я позволил себе заметить, что было бы желательно, чтобы инициатива этих совещаний шла не от главно-

---

* Первоначальный текст после слов «...согласиться на мир, хотя бы на самых скромных условиях.» (строка 14 сн.): «Прочитав эту записку, я высказал государю свое мнение, что, не возражая по существу на основную мысль, я полагаю, что необходимо было бы нам самим точнее формулировать, в чем именно состоит тот minimum уступок со стороны Турции, при котором мы можем согласиться на мир, не унизительный для нас; что только тогда можно будет судить, есть ли вероятие, что Турция при теперешнем положении дел на театре войны, при теперешнем самонадеянном и фанатическом ее настроении согласится на подобные уступки после того, что она еще до начала войны отвергла предложенные ей от имени всех шести больших держав крайне примирительные условия».

командующего (при котором Нелидов занимает пост начальника дипломатической канцелярии), дабы не подать повода к новым толкам о нашем военном бессилии, будто бы вынуждающем призвать дипломатию на выручку. Странным покажется такое соображение: как будто военная сила стоит в антагонизме с дипломатией, вместо того, чтобы служить ей орудием. Но, к сожалению, таков взгляд нашего канцлера, у которого всегда на первом плане его собственное «я». Тщеславие его заслоняет даже государственные интересы. Во всяком случае, едва ли можно ожидать какой-либо пользы от приезда канцлера в Систово. Не придется ли опять вызвать сюда Игнатьева, который еще из Белы, где он схватил сильную лихорадку, уехал в свое киевское имение. *

1-го октября. Суббота.—Телеграммы с разных пунктов театра войны неутешительны. Теперь удостоверились, что и после 10-го сентября Осман-паша получал в Плевне подкрепления и транспорты, которых не могла остановить ** наша кавалерия. Есть сведения, будто бы на днях прошло даже до 50 таборов; трудно доверять подобному показанию. Между тем Тотлебен дал знать, что он опасается двинуть две гвардейские дивизии на другую сторону Вида, пока не подойдут еще две дивизии (2-я гвардейская и 3-я гренадер-

---

* Первоначальный текст после слов «...можно будет пригласить туда канцлера для совещания с ним.» (стр. 226, строка 3 сн.): На это я позволил себе заметить, что было бы желательно, чтобы инициатива этих совещаний шла не от главнокомандующего (при котором Нелидов занимает пост начальника дипломатической канцелярии), чтобы не подать снова повода нашим дипломатам видеть в этом подтверждение хвастливых их предсказаний, что военное ведомство рано или поздно увидит себя в необходимости обратиться к вмешательству дипломатии. К сожалению, у нашего канцлера всегда на первом плане—его личность; она заслоняет от него все интересы государственные и национальные. Странный взгляд: как будто дипломатия и военная сила стоят в каком-то антагонизме. Можно ли ожидать чего-нибудь хорошего, если государственный человек, стоящий во главе дипломатии, не признает, что военная сила есть орудие к его услугам. Притом же ⌊сам⌋ князь Горчаков впал в старческое бессилие, окружают же его ничтожества, и среди их на первом месте бар. Жомини—человек без всяких убеждений, легкомысленный космополит, совершенно чуждый России и способный из-за «красного словца» проводить какие угодно взгляды. Это бойкий редактор, которого настоящее призвание было бы писать по заказу газетные статьи. Сам канцлер, так же. как и главный его советчик, вовсе не знают дел, касающихся внутренних вопросов Турции, и потому приезд их в Систово не приведет ни к чему серьезному. Постараюсь при первом случае высказать это государю. Думаю, что выпишут Игнатьева из его киевской деревни».

** одна

ская); но дивизий этих пришлось бы дожидаться чуть не до 20 октября, дав во все это время Осману-паше полную свободу получать новые подкрепления и транспорты. Притом ожидаемые дивизии прежде всего необходимы для поддержания Рущукского отряда, который ежедневно ожидает нападения гораздо превосходных сил Сулеймана-паши. Государь очень тревожится за левое наше крыло. Однакож сегодня же приказал вел. кн. Сергею Александровичу возвратиться в Главную квартиру наследника цесаревича.—Вчера вечером и сегодня у государя вырывались выражения: «я сам распоряжусь», «я сам туда поеду». По всему видно, что у него поколебалось доверие к главнокомандующему и его начальнику штаба; он видит ясно их несостоятельность и, к крайнему прискорбию своему, не находит уже возможности поправить дело. Сегодня пред завтраком и после него были у государя совещания с ними, в моем присутствии. Между прочим зашла речь о записке Нелидова, которую великий князь намеревался препроводить при своем письме к канцлеру. Государь, согласно с высказанным мною вчера мнением, признал неудобным, чтобы инициатива обращения к дипломатическому вмешательству шла от главнокомандующего. После ухода великого князя и ген. Непокойчицкого, оставшись наедине с государем, я высказал ему со всей откровенностью мои соображения относительно ведения этого щекотливого дела: объяснив некомпетентность кн. Горчакова и его ближайших советников, без участия Игнатьева, я позволил себе прямо заявить мое убеждение, что наши дипломаты не справятся с задачей, что вообще такое дело вести официальным дипломатическим путем невыгодно для нас и что в настоящий момент, более чем когда-либо, представляется нам случай воспользоваться существующими личными отношениями дружбы и родства между двумя императорами, чтобы вызвать на помощь нам императора Вильгельма и его энергичного канцлера. Как нельзя более кстати, приехал в Главную квартиру из Берлина состоящий в качестве нашего военного агента ген.-ад. Рейтерн, под тем предлогом, что император Вильгельм желает ближе узнать истинное положение дел на театре войны.* Такое поручение как раз

---

* Первоначальный текст после слов «... признал неудобным, чтобы инициатива обращения к дипломатическому вмешательству шла от главнокомандующего.» (строка 18 св.): «Когда великий князь и ген. Непокойчицкий вышли, я наедине высказал государю мои соображения относительно ведения этого щекотливого дела: со всей откровенностью объяснив некомпетентность в ⌊этих⌋ делах кн. Горчакова и его ближайших советников, напомнив, что в обсуждении вопроса они не могут обойтиться без Игнатьева, я, однакоже, позволил себе прямо заявить мое задушевное мнение, что наши дипломаты не сладят с этим вопросом и могут совсем испортить пути к успешному результату переговоров. Мне кажется,—сказал я,—что один только человек ⌊в Европе⌋ мог бы распутать этот узел и притом ⌊с некоторой выгодой⌋ безобидно для нас—кн. Бисмарк; при-

нам в руку: почему бы не поручить Рейтерну привезти в Берлин словесное заявление от имени нашего императора, что настало время, когда Германия может оказать нам дружескую услугу. Государь заметил, что вмешательство дипломатии может быть допущено только с нашего официального вызова; я же думаю, наоборот, что официальный призыв к нам на помощь дипломатического вмешательства более унизителен, выказывая явно бессилие наше справиться с Портой силой оружия. Государь заключил разговор словами: «Я подумаю еще об этом».

3-го октября. Понедельник.—Ничего замечательного; все то же томительное ожидание нападения турок со стороны Рущука, то же бездействие под Плевной, то же тяжкое положение войск на Шипке. Подошедшие первые два полка 2-й гвардейской и один полк 3-й гренадерской дивизий прибыли в Павло; наследник цесаревич требует, чтобы эти полки, не ожидая хвоста дивизий, придвинуты были к Беле.—Погода поправилась, и дороги быстро высыхают. В Главную квартиру приехал государственный контролер Грейг,—не знаю, с какой целью.

4-го октября. Вторник.—Наконец первая значительная победа: утром получена с Кавказа телеграмма о совершенном поражении армии Мухтара-паши в ее сильной позиции на горе Аладжа. Первая краткая телеграмма была дополнена вечерней, более подробной. Из нее можно заключить, что успех был полный, какого только можно желать: сам Мухтар едва ушел в Карс с небольшой частью левого своего крыла; все же правое крыло, состоявшее из трех дивизий, положило оружие с 7 пашами и 36 орудиями. Известие это произвело, конечно, большую радость у нас в Главной квартире. Государь, по своему обыкновению, сейчас же вышел на крыльцо своего дома и пред случившимися тут лицами свиты прочел вслух телеграмму. Затем отправился в лагерь л.-гв. Казачьего полка, праздновавшего сегодня свой полковой праздник. Объехав фронт полка, государь приказал мне пред полком прочесть телеграмму. По обыкновению, отслужено молебствие в походной церкви, оригинально устроенной из дубовых ветвей; потом все офицеры полка были приглашены к завтраку и при этом снова прокричали «ура» кавказским победителям.

5-го октября. Среда.—По случаю дня рождения вел. княгини Марии Александровны, герцогини Эдинбургской,—опять были у обедни, а после завтрака встречали и провожали сперва два полка

том я полагал бы не начинать дела официальным обращением к дипломатии, а воспользоваться установившимися личными отношениями между двумя императорами, чтобы вызвать императора Вильгельма и его даровитого и энергичного канцлера на помощь нам. В настоящее время здесь находится ген.-ад. Рейтерн, приехавший из Берлина под тем предлогом, будто император Вильгельм желает узнать чрез него истинное положение дел на театре войны».

2-й гвардейской пехотной дивизии (Павловский и Финляндский), проходившие от Павло к Плевне, а потом третий полк той же дивизии—Гренадерский, направленный туда же прямо из Царевицы. Все три полка имели вид бодрый, молодцоватый, несмотря на дальний поход.

Вчерашнее известие с Кавказа было общим предметом разговора. Поражение Мухтара представляется как бы первым признаком поворота в ходе кампании. Всякому приходит мысль—что, если б теперь и на здешнем театре войны совершилось что-нибудь подобное! Почему бы Осман-паше не испытать судьбы Мухтара!

Между тем по сведениям с левого крыла (от наследника) видно, что и Сулейман-паша, несмотря на прославленную энергию его и решимость, после произведенной 3-го числа рекогносцировки на левый берег Лома, не решился, однакоже, атаковать нас. Говорят, будто часть его войск потянулась к югу.

8-го октября. Суббота.—Вчера вечером, за чаем у государя, мы были обрадованы телеграммой принца Карла румынского, извещавшего, что второй турецкий редут взят румынами; вслед затем и ген. Тотлебен телеграфировал о мерах, принимаемых для удержания редута. Каково было наше разочарование, когда вслед затем другая телеграмма Тотлебена известила, что турки отняли опять редут у румын.

Делаются приготовления к начатию 11-го числа наступательных действий гвардейских войск за Видом. Великий князь главнокомандующий намерен туда отправиться, но боится, что вслед за ним поедет туда же и сам государь. Сегодня великий князь прямо жаловался на свое стесненное положение, лишающее его свободы распоряжений. И действительно, сегодня же, вопреки предположениям главнокомандующего, государь п р и к а з а л прибывшие уже полки 3-й гренадерской дивизии, не ожидая хвоста, отправить за Янтру в распоряжение наследника цесаревича. Трудно сказать, кто теперь настоящий главнокомандующий и на ком лежит ответственность.

10-го октября. Понедельник.—Великий князь главнокомандующий отложил до завтрашнего дня свою поездку под Плевно, вследствие просьбы ген. Тотлебена, который опасается, что приезд его высочества и самого государя укажет туркам намерение наше возобновить решительные действия. Понятно, что ген. Тотлебен желает иметь простор в своих приготовлениях и распоряжениях. Присутствие государя неизбежно стеснило бы его и даже отняло бы у него много времени. Сколько ни представляли государю все затруднения и неудобства его переезда под Плевно, намерение его не поколебалось. Свиты ген.-м. Тучков послан для осмотра и приготовления помещений, где именно—неизвестно.

13-го октября. Четверг.— Решено, что мы перемещаемся завтра в Порадим, где помещение для государя назначено в доме, за-

нимаемом до сего принцем Карлом румынским. Великий князь главнокомандующий отправился под Плевно 11-го числа и оттуда прислал телеграмму, в которой объяснил план действий на следующий день. Войска должны начать движение ночью, одновременно и за р. Вид, под начальством ген. Гурко, и на высоты левее Кришинского редута, и, наконец, с севера румыны должны от Рибена поддержать нашу кавалерию за Видом. Телеграмма эта получена государем только вчера утром, т. е. когда движения уже начались. Целый день он был в тревожном ожидании известий из-под Плевны; но получено было только с левого нашего крыла, от наследника цесаревича, печальное известие о смерти князя Лейхтенбергского Сергея Максимилиановича, который в одной из рекогносцировок на Ломе убит пулей наповал.

Только сегодня утром наконец получены известия о вчерашних действиях под Плевной; сначала пришли неясные телеграммы, а позже приехал генерального штаба полковник Фрезе с словесным донесением. Оказывается, что предположенное Тотлебеном по сю сторону Вида занятие высот и устройство новых батарей исполнено было успешно и почти без сопротивления. Возведенная ночью сильная батарея заставила турок покинуть редут, выдвинутый ими в недавнее время на так называемой Зеленой горе. На левой же стороне Вида было кровопролитное сражение: две гвардейские пехотные дивизии (1-я и 2-я) со стрелковой бригадой и гвардейской кавалерией атаковали укрепленную позицию турок у Горнего Дубняка и Телиша; после 10-часового упорного боя турецкие войска у Горнего Дубняка были сбиты, окружены и забраны в плен с пашой и 4-мя орудиями; также взят в плен целый кавалерийский полк. Из другой же позиции у Телиша выбить турок не удалось. В этом первом бое гвардия понесла очень большие потери, в особенности много раненых начальников: командиры бригад ген. бар. Зедделер и Розенбах, полковые командиры Лавров, Любовицкий и другие. Государь был глубоко опечален этим известием, так что несколько раз навертывались у него слезы. Отслужена панихида по князе Сергее Максимилиановиче и по всем другим убитым.

Великий князь главнокомандующий признал необходимым притянуть к Плевне еще одну дивизию и просил обратить туда 3-ю гренадерскую, уже поступившую в распоряжение наследника цесаревича. Государь предпочитает направить к Плевне 2-ю гренадерскую, но так как она приходит позже, то спросил наследника, находит ли он возможным до прихода этой дивизии отделить от себя 3-ю гренадерскую дивизию в том соображении, что Сулейман-паша, как заметно, не намерен пока действовать наступательно.

14-го октября. Пятница. Порадим.—Переехав сюда, расположились по плохим избам и землянкам. Государь занял дом, где жил доселе князь Карл, который переселился в другой домик, весьма неказистый. Мне отвели помещение в бывшем кабаке: не нарядно, но близко от государя и со вставленными стеклами, хотя от-

части и разбитыми. Часам к 3-м приехал из Богота великий князь главнокомандующий; он рассказал подробно ход сражения 12-го числа. По всему видно, что гвардия в этом первом своем бою поплатилась за увлечение и неопытность. Более всех пострадал л.-гв. Егерский полк, тогда как его назначение состояло лишь в том, чтобы наблюдать за неприятельской позицией у Телиша, а вовсе не брать укрепления. Другие полки бросались на штурм большого редута у Горнего Дубняка открыто, не дав артиллерии времени подготовить атаку. Великий князь прочел список убитых и раненых офицеров; государь заплакал, слыша имена стольких людей, которых привык видеть пред полками и ротами своей гвардии. Полагают, что вся потеря убитыми и ранеными простирается от 2 до 3 тысяч человек. Говорят, что потеря у турок громадная; взятые редуты были завалены трупами. В шести таборах пехоты и полку кавалерии, защищавших позицию, должно было состоять по крайней мере 5 или 6/т. чел.; в плен взято около 2/т; стало быть, остальные 3 или 4/т. погибли. К сожалению, впереди предстоят не менее кровопролитные дела. В тылу занятой нами и укрепленной новой позиции у Горнего Дубняка мы имеем неприятеля еще в более сильной позиции—у Телиша; тут турки могут каждый день получать подкрепления из Орхание. Уже в последние два, три дня, на глазах наших, позиция у Телиша значительно усилена вновь возведенными укреплениями. Таким образом, наши две гвардейские дивизии будут иметь неприятеля и спереди, и сзади. Главнокомандующий сделал распоряжение о поддержании их частью 3-й гвардейской пех. дивизии и повторяет свою просьбу о скорейшем отправлении туда же 3-й гренадерской. По расчету его, дивизия эта, хотя и находится уже между Янтрой и Ломом, может, однакоже, прибыть под Плевну днями 4-мя или 5-ю ранее хвоста 2-й гренадерской.

Великий князь главнокомандующий не остался к обеду в Порадиме и уехал обратно в Богот. К обеду у государя приглашен был князь Карл с его генерал-адъютантами.

Погода среди дня была прекрасная, даже жаркая, но утро и вечер—холодные. Слышен по временам гул плевненских батарей.

15-го октября. Суббота.—Государь ездил сегодня из Порадима в дер. Сгалевица, где осмотрел военно-временный госпиталь, а потом чрез Пелишат в Богот, где находится Главная квартира великого князя главнокомандующего, военно-временный госпиталь и лазарет, устроенный под покровительством великой княгини цесаревны. Государь прежде всего навестил двух раненых генералов—Зедделера и Розенбаха (оба бригадные командиры во 2-й гвардейской пехотной дивизии); они лежали в войлочной кибитке (юрте) в ожидании отправления их в Систово. Тут был знаменитый наш хирург Н. И. Пирогов, только что приехавший сюда из своего киевского поместья. После завтрака у великого князя происходило в палатке его совещание о дальнейших действиях. Все были одного мнения—что следует всячески избегать новых открытых атак на турецкие

укрепления, и потому предположено завтра попробовать действие против позиции турок у Телиша исключительно сильным артиллерийским огнем. Так как наследник цесаревич согласился на отправление 3-й гренадерской дивизии под Плевну, то решено направить ее за Вид с северной стороны, дабы усилить блокадную линию с той стороны, именно в Дольнем и Горнем Нетрополе, занятых теперь только 8-ю румынскими батальонами и кавалерией. Впрочем, 3-я гренадерская дивизия может прибыть сюда не ранее 22-го числа.

После совещания государь обошел шатры, наполненные ранеными гвардейцами. По обыкновению, он разговаривал с ними и некоторым солдатам навесил георгиевские кресты.

Возвратились в Порадим в 6-м часу вечера.

16-го октября. Воскресенье.—С утра отправились на плевненскую позицию. Проехав в экипажах чрез дер. Тученица, сели верхом и приехали на крайнюю левофланговую батарею 4-го корпуса, влево от Радишева. Отсюда, несмотря на туманную и серую погоду, видна была значительная часть наших и неприятельских позиций. По сделанному заранее общему распоряжению с целью отвлечь внимание турок от действий гвардии за р. Видом, открыта была усиленная пальба со всех наших батарей. Турецкие батареи почти не отвечали. Государь просидел сперва на одной, а потом на другой батарее, смотря в зрительную трубу, до 3 часов, и затем возвратились мы в Порадим.

17-го октября. Понедельник.—Рано утром, прежде чем я встал, пришел ко мне по приказанию государя молодой поручик гвардейской артиллерии Воронович с словесным донесением о вчерашнем деле под Телишем. После двухчасового сильного бомбардирования неприятельских укреплений 72 орудиями гвардейской артиллерии предложено было туркам сдаться. Они приняли предложение и, таким образом, позиция у Телиша, стоившая так дорого лейб-Егерскому полку 12-го числа, теперь занята почти без потерь. Говорю—почти, потому что и тут не обошлось без увлечения. Гвардейские уланы наткнулись на пехоту, засевшую в кукурузе, и даром потеряли до 50 человек. Не знаю, не попал ли в это число мой юный племянник. Известие о занятии Телиша государь принял с особенной радостью именно потому, что на сей раз, по его настоянию, цель достигнута без атаки открытой силой, а потому и без потери. Государь оставался сегодня дома, был весел и спокоен; к завтраку пришел принц румынский, чтобы поздравить с успехом. Узнав, что чрез Порадим провозят раненых гвардейцев, государь выехал встретить их.

20-го октября. Четверг.—Дождь снова испортил дороги, и потому предполагавшаяся вчера поездка на позицию была отменена. Государь, однакоже, ежедневно выезжает то в госпиталь в Сгалевицы, то навстречу полкам 3-й гренадерской дивизии, проходившим верстах в 12 отсюда по направлению на Вербицу и Рибен.

На нынешний день назначено было обложить неприятельскую позицию у Дольнего Дубняка и с утра открыть по укреплениям огонь артиллерии; но турки, увидев с вечера приближение наших гвардейских войск, сами в ночь очистили позицию и ушли в Плевну. Таким образом позиция эта досталась нам совсем даром; на левой стороне Вида уже нет турок.

Сегодня утром была в здешней деревенской церкви заупокойная обедня по случаю годовщины смерти императрицы Александры Федоровны. Принц румынский присутствовал со своим штабом.— К обеду приехали великие князья Сергей Александрович и Константин Константинович. Погода поправилась; ветер скоро высушивает дороги.

24-го октября. Понедельник.—В прошедшую пятницу великий князь главнокомандующий приезжал сюда, в Порадим, чтобы объяснить государю настоящее положение дел, и между прочим заявил, что теперь и государю возможно предпринять поездку за Вид, чтобы видеть гвардейские войска и лично поблагодарить их за боевые их подвиги. Несмотря на дождливую погоду, сделаны были все приготовления к этой поездке на 23-е число, т. е. на вчерашний день. К счастью нашему, погода в этот день прояснилась, и хотя дороги очень грязны, однакож предположенная поездка была исполнена вполне удачно.

Выехав из Порадима в 8 ч. утра и проехав Богот, прибыли к полудню в Медован—деревню, лежащую в долине Вида. Здесь нашли главнокомандующего с его штабом, позавтракали и затем, переехав чрез Вид вброд в экипажах, поднялись к лагерю 2-й гвардейской пехотной дивизии впереди Горнего Дубняка. Здесь были приготовлены верховые лошади. Само собою разумеется, что государь был встречен гвардией с восторженными криками «ура»;* он останавливался у каждого батальона, разговаривал с офицерами; затем поехал далее чрез Дольний Дубняк к биваку 1-й гвардейской пех[отной] дивизии. Здесь опять те же крики «ура», те же приветствия,—и в заключение благодарственное молебствие, среди поля, в виду турок, высыпавших из Плевны на ближайшие к р. Виду высоты, откуда они могли ясно видеть диковинное для них зрелище. Возвратились мы в Медован около 5 часов; тут был приготовлен для нас ночлег. Для государя нашлась в одном домике порядочная, теплая комната; примыкавшие к дому конюшни и сараи для скота были обращены в общую столовую и буфет. Небольшая свита государя разместилась в плохих крестьянских избах, в которых окнами служат небольшие отверстия без стекол и ставен, а широкая, прямая труба над очагом открывает доступ во внутрь дома холоду, дождю, снегу и т. д.

Переночевав в этих примитивных помещениях, сегодня утром поехали опять за Вид, к биваку стоящей у самого берега реки 1-й

---

* как водится

бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии, откуда возвратились в Медован и далее, вчерашней дорогой, в Порадим. На пути позавтракали в Боготе у главнокомандующего, который, однакоже, сам отсутствовал: он поехал осмотреть позиции, вновь занятые на высотах к югу от Плевны бригадой ген. Бремзена и войсками ген. Скобелева.

Пока мы находились вчера за Видом, видели оттуда происходившую на означенных высотах перестрелку и потом узнали, что небольшая часть турецкой пехоты попробовала подойти к нашим батареям, но была прогнана и рассеяна огнем нашей артиллерии.

Сегодня, на возвратном пути в Порадим, мы обогнали большую колонну пленных турок. Они составляли пеструю, разнообразную толпу. За завтраком в Боготе читалось вслух только что полученное донесение от начальника 3-й пехотной дивизии ген.-л. Карцова об успешном набеге, исполненном небольшим отрядом, отправленным из ловчинского отряда к Тетевеню. Городок этот оказался укрепленным и занятым 600-ми турок. Атакованные внезапно с двух сторон, турки бросили свою позицию и рассеялись. Можно полагать, что последние действия наши за Видом произвели сильное нравственное впечатление на турок, которые везде при встрече с нашими войсками обращаются в бегство. Ген. Гурко, командующий всеми войсками за Видом, подстрекаемый этими легкими успехами, намерен сделать нападение на Орханию, где турки, как слышно, имеют укрепленный лагерь и склад запасов. Орхание есть как бы ворота для дебуширования турецких войск от Софии к Плевне. Конечно, было бы очень выгодно для нас запереть эти ворота, но потому именно надобно ожидать и со стороны турок упорного противудействия в этом пункте. Боюсь, чтобы опять Гурко не увлекся* и не наткнулся на новую Ени-Загру. Можно также опасаться излишнего разбрасывания сил: в то время, когда одни авангарды выдвинуты в горы к стороне Орхании, большая часть кавалерии опять брошена к Рахову. Гвардейская кавалерия будет столь же изнурена и расстроена, сколько и армейская кавалерия за время командования ею ген. Крылова.

26-го октября. Среда.—Вчера и сегодня получены известия о новых успехах на Азиатском театре войны: генералы Гейман и Тергукасов разбили Мухтара-пашу, соединившегося с Измаилом-пашой, под самым Эрзерумом; в то же время под Карсом несколько рот, отразив вылазку турок, бросились вперед и ворвались в один из передовых фортов, называемый Гафиз-паша-Табия. По этому случаю сегодня утром было молебствие пред конвойным гвардейским отрядом. Князь Карл присутствовал при молебствии и обедал у государя. Великий князь главнокомандующий также был при молебствии; он приезжал со своим начальником штаба для получения разрешения государя на предположенные генералом Гурко движе-

---

* легкими успехами

ния к стороне Орхание. Было непродолжительное совещание, после которого предоставлено генералу Гурко с двумя гвардейскими дивизиями и гвардейской стрелковой бригадой, частью 3-й пехотной дивизии и частью кавалерии произвести нападение на Орханию и, в случае успеха, перейти даже за Балканы, чтобы не дать собраться новой турецкой армии около Софии. Для блокады же Плевны с западной стороны положено притянуть сюда же последний резерв— 2-ю гренадерскую дивизию. План весьма смелый, несколько даже рискованный.

Вечером получена от ген. Гурко телеграмма о том, что передовые его отряды уже заняли оба выхода из ущелья р. Верхнего Искера: Яблоницу и Осиково; один из отрядов подошел даже к Правцу, верстах в 10 от Орхании. Можно полагать, что завтра будет что-нибудь решительное около этого пункта. Говорят, будто во всем крае к западу от Вида мусульманское население в паническом страхе бежит за Балканы.

Между тем расспросы плевненских дезертиров не подтверждают предположения, будто бы в войсках Османа-паши продовольственные запасы истощены; надежда на скорую сдачу Плевны поколебалась.

30-го октября. Воскресенье.—Вчера вечером получена телеграмма об атаке, произведенной тремя полками гвардейской кавалерии на город Врацу, защищаемый 800-ми человек пехоты и двумя сотнями черкесов. Наша кавалерия, спешившись, выбила неприятеля из его траншей и захватила до 1000 повозок, нагруженных продовольствием и большими запасами разного рода.

Ночью, около 2 часов, государь прислал за мной; меня разбудили и я застал его величество на балконе, слушающего с беспокойством сильную пальбу со стороны Плевны, не только артиллерийскую, но и ружейную. Государя преследовала мысль, что турки сделают вылазку против румын, на стойкость которых нельзя слишком полагаться. В продолжение почти часа не умолкал грохот выстрелов и по временам черный горизонт освещался наподобие зарницы. В исходе 3-го часа все утихло, мы разошлись спать, а сегодня утром узнали, что поводом к ночной пальбе было, действительно, нападение турок на вновь занятую в предшествующий вечер генералом Скобелевым позицию на так называемой «Зеленой горе». Турки были отбиты ружейным и артиллерийским огнем; потери у нас вовсе не было.

Сегодня опять государь ездил на позицию. Я не всегда сопровождаю его в этих ежедневных поездках, не имеющих другой цели, кроме прогулки.—Пред обедом приехал с Кавказа ген. Обручев. Государь украсил его георгиевским крестом 3-й степени за участие в сражении 3-го октября. Можно было и прежде догадываться, что Обручеву принадлежит значительная доля влияния на тот блестящий оборот, который дела наши приняли в последнее время на Азиатском театре войны. Привезенные им бумаги подтверждают эту

догадку. Мне остается радоваться тому, что пришла мне мысль командировать Обручева на Кавказ.*

1-го ноября. Вторник.—Вчера государь со свитой своей ездил на позицию пред Плевной, на так называемые Радишевские батареи; ничего любопытного не видели. Сегодня же ездили в Богот и версты на 4 далее для смотра 2-й гренадерской дивизии на пути ее за р. Вид. В Боготе нашли всех в некотором волнении по случаю ожидаемого от Османа-паши ответа на сделанное ему вчера предложение сдаться. Чиновник Министерства иностранных дел Мокеев был послан с письмом к турецкому полководцу, который по прошествии некоторого времени объявил, что на другой день (т. е. сегодня), в 2 часа, пришлет ответ или приедет сам. Однакож весь день прошел, и никакого еще нет известия о том, получен ли ответ и в каком смысле.

Присланная из Бухареста телеграмма извещает, будто собранный в Константинополе военный совет решил послать к Осману-паше приказание уйти из Плевны. Из Лондона гр. Шувалов уведомляет, что Порта обращалась к английскому послу Лаярду с вопросом: не примет ли Англия на себя посредничество для заключения мира, на что́ английское министерство ответило, что до решения дел под Плевной было бы несвоевременно возбуждать вопрос о мире. На такое же предложение турок принцу Рейсс берлинский кабинет ответил, что Порта, если желает мира, может прямо обратиться с предложениями к русскому главнокомандующему. По всем получаемым сведениям, в Константинополе большое волнение и недоумение; партии мира и войны борются между собой. Особенно сильное впечатление произвели успехи наши в Азиатской Турции.

2-го ноября. Среда.—Осман-паша в ответном своем письме на сделанное ему предложение сдаться отказался наотрез, объявив, что намерен драться до последней крайности.

3-го ноября. Четверг.—Утром получена телеграмма, что в эту ночь была довольно сильная схватка с турками на позиции Скобелева. Турки атаковали наши траншеи, были отбиты, но потеря у нас до 100 чел., и сам Скобелев слегка контужен. Известие это встрево-

---

* Первоначальный текст после слов «...Пред обедом приехал с Кавказа ген. Обручев.» (стр. 236, строка 6 сн.): «Государь надел на него георгиевский крест 3-й степ[ени] за участие его в сражении 3-го октября. Можно было и прежде приписывать его влиянию тот блистательный оборот, который дела наши на Азиатском театре войны приняли в последнее время. Рассказы его подтверждают эту догадку. Они обрисовывают бесхарактерность великого князя Михаила Николаевича, вредное влияние на него князя Святополк-Мирского, интриги между разными партиями: грузинской, армянской и польской. Мне остается радоваться тому, что пришла мне мысль командировать Обручева на Кавказ».

жило государя; он сейчас же телеграфировал главнокомандующему, что приедет к нему в Богот. В 10 ч. утра все экипажи заложены, и мы покатили по знакомой дороге, которая после ночного дождя оказалась очень тяжелой. Здешняя почва мгновенно разжижается: еще вчера мы любовались, как дороги были укатаны проходящими по ним бесконечными обозами и парками. Целый день тянутся они в несколько рядов.—В Боготе мы ничего не узнали нового. На позициях все смолкло; но у государя и у главнокомандующего запала мысль, что Осман-паша после вчерашнего своего отказа в сдаче Плевны вознамерится прорваться чрез нашу линию обложения. Несколько времени они вдвоем совещались, призывали к себе Непокойчицкого; я же, к удовольствию моему, оставался в стороне. Хотя я и слышал уже упреки в том, что устраняюсь от влияния на распоряжения военными действиями, однакож упреки эти едва ли основательны. Командовать армией должен кто-нибудь один; у семи нянек дитя без глаза; вмешательство самого государя слагает ответственность с главнокомандующего, и если я не могу помешать этому вмешательству, то, по крайней мере, сам желал бы не быть соучастником его.

После завтрака, когда мы собирались уже в обратный путь в Порадим, государь вспомнил, что я не был призван к совещанию и спросил у великого князя, сообщал ли он мне состоявшееся решение. Разумеется, сообщать мне что-либо не было времени; только в ту минуту, когда мы садились уже в экипажи, его высочество что-то сказал мне вскользь и вполголоса о предположенных действиях генерала Гурко, в таких неопределительных словах, что, в сущности, я остался в таком же неведении, как и прежде. Одно, что́ мог разобрать,—что генералу Гурко будет приказано не предпринимать атаки на Орханию, если там собрались значительные турецкие силы.

По возвращении в Порадим государь объявил о своем намерении «завтра ехать на позицию». Видимо, он волнуется в ожидании чего-нибудь решительного.

4-го ноября. Пятница.—Утром получена телеграмма, что в ночь была опять сильная перестрелка на Зеленой горе, причем Скобелев ранен, впрочем, легко. После завтрака государь отправился на прежнюю позицию—на батарею у Радишева. При нас сделано было несколько залпов с наших батарей, и больше ничего не видели. Погода пасмурная, слегка моросит. Всё толкуют о намерении Османа-паши покинуть Плевну.

В течение дня два раза был у меня румынский первый министр Братиано. Мы имели длинный разговор о том, какие выгоды Румыния может для себя ожидать от нынешней войны. На днях открывается сессия румынской палаты; министерство ожидает бурных прений и затруднительных запросов со стороны оппозиции. Братиано объяснял мне, что для него необходимо, чтобы вывернуться, указать палате на какие-нибудь осязательные успехи оружия, обе-

щающие выгодные условия при замирении. С самого начала войны его план состоял в том, чтобы употребить румынские войска для постепенного овладения турецкими укрепленными пунктами на правом берегу Дуная: Никополем, Раховом, Лом-Паланкой, а впоследствии даже и Видином. Эти пункты были бы в руках румын материальным залогом для достижения желаемых уступок от Порты. К сожалению, до сих пор ничего не удалось сделать в этом отношении, вследствие упорного сопротивления со стороны великого князя главнокомандующего. Хотя теперь он согласился на отдельные наступательные действия румынских войск против Рахова, но румынский министр желал бы получить удостоверение, что и впредь не будут препятствовать дальнейшему выполнению его плана. При этом Братиано снова выражал, хотя весьма в мягких и дружелюбных формах, жалобы на обращение русского военного начальства (не исключая и самого главнокомандующего) с румынами, на фальшивое положение, в которое поставлен князь Карл, на самодурство ген. Столыпина в Никополе и проч. и проч.* Разговор коснулся возвращения под власть России отторгнутой от нее в 1856 г. южной части Бессарабии, с вознаграждением Румынии участком на правой стороне Дуная. Разумеется, я не раз напоминал, что мы ведем эту беседу совершенно как частные лица, «академически», что я высказываю только личные свои мнения, причем заметил, что отторжение от России в 1856 году означенного клочка Бессарабии составляет для всякого русского человека чувствительную рану, которую настоящая война должна залечить. Братиано отвечал на это очень уклончиво, что лично он нисколько бы не сожалел о возвращении нам этого клочка земли, с населением,** не сочувствующим Румынии; но что иначе судит большинство нации; что подобное со стороны России требование может произвести в крае весьма тяжелое впечатление, тогда как для самой России всего важнее привязать к себе население Румынии. Вообще утверждение нравственного влияния России на христианское население Балканского полуострова гораздо важнее для существенных интересов России, чем приобретение какого-либо клочка земли.—Мы касались еще многих других вопросов и разошлись *** совершенно дружественно.

Вслед за этой политической беседой мы опять сошлись с Братиано за обедом у государя; также приглашен был и князь Карл. После обеда я счел долгом передать весь свой разговор государю; это было тем необходимее, что утром Братиано, представляясь государю, коснулся было тех же предметов, но так поверхностно и кратко, что государь понял его совсем превратно. Опасаюсь, чтобы не вышло впоследствии каких-либо недоразумений: главнокоман-

---

* Я навел разговор на возвращение России

** не симпатизирующим Румынии

*** как и прежде, весьма дружественно.

дующий и его штаб будут продолжать вести дело в отношении наших союзников так же неловко, как и до сих пор.* Братиано между прочим подтвердил мне, что канцлер наш с своей стороны наотрез отказал ему входить в какие-либо объяснения, повторяя, что не хочет вмешиваться в дело, пока оно в руках военных.**

6-го ноября. Воскресенье.—Сегодня великая радость: телеграмма великого князя Михаила Николаевича о взятии Карса! Это весьма важный результат победы 3-го октября. В краткой телеграмме сказано только, что бой длился с 8 ч. вчерашнего вечера до 8 ч. утра сегодня; стало быть, атака начата была с вечера, при свете луны. Других подробностей пока нет. Теперь можно надеяться и на сдачу Арзерума, хотя вчера еще была телеграмма о том, что ген. Гейман, за дурной погодой и поздним временем года, признал необходимым отказаться от дальнейших наступательных действий и расположиться на зимовку, укрепив позицию свою на Деве-Бойну. Государь еще до получения известия о взятии Карса отвечал великому князю Михаилу Николаевичу, что сожалеет о таком решении, опасаясь, что наше бездействие под Арзерумом даст возможность туркам собрать новую армию и поставить в большое затруднение наш отряд, так смело бросившийся вперед к Арзеруму.—С падением Карса все дело принимает новый оборот; погода и время года не остановят наших войск, воодушевленных таким успехом, тогда как можно рассчитывать на*** сильный упадок духа в турецких войсках и панический страх в населении. Если б вслед за падением Карса удалось овладеть и Арзерумом, то можно бы надеяться,**** что такой, чувствительный удар отрезвил бы Турцию, сломил бы ее самонадеянность и высокомерие.

Газетные толки о наклонности султана к миру, о попытках его прибегнуть к посредничеству Англии, Германии и других кабинетов все более усиливаются. Но султан и министры его находятся под постоянной угрозой нового переворота. Интриги сераля и фанатизм толпы не позволяют еще партии мира действовать открыто.

———————

* Первоначальный текст после слов «...государь понял его совсем превратно.» (Стр. 239, строка 2 сн.): «Все мысли и суждения румынского министра были одобрены государем, который нашел возможным вполне удовлетворить желания его; но я опасаюсь, что из этого объяснения ничего не выйдет и что главнокомандующий и его штаб будут продолжать вести дело в отношении наших союзников так же неловко и нерасчетливо, как и до сих пор».

** Вот и патриот.

*** окончательный упадок духа

**** что Турции будет нанесен такой чувствительный удар, что она отрезвится от своего высокомерия и наглости.

Не раз я имел разговор с Нелидовым о том, что было бы необходимо с нашей стороны подготовить, хотя в общих чертах, соображения об основных условиях, на которых мы могли бы при первом удобном случае войти в переговоры о мире; мы оба * того мнения, что было бы желательно в этом отношении сговориться с берлинским кабинетом. Приступ к этому должен быть сделан теперь же, ранее, чем наступит момент, когда нам придется уже формально дать ответ на предложения противника. Тут, конечно, дело прямо подлежало бы компетенции государственного канцлера; но если этот выживший из ума эгоист продолжает ртачиться, объявляя во всеуслышание, что не хочет ни во что вмешиваться, пока продолжаются военные действия, то по необходимости приходится приступить к делу помимо Министерства иностранных дел. Я просил Нелидова составить записку в смысле наших неоднократных бесед, чтобы представить ее государю. Быть может, письменное мнение будет иметь более силы, чем неоднократные словесные мои напоминания.

Еще сегодня я имел случай возобновить этот вопрос при докладе государю присланного Фадеевым из Черногории плана совместных наступательных действий черногорцев и сербов в районе Старой Сербии. План этот, крайне поверхностный, составлен Фадеевым, очевидно, с личной целью—найти себе самому какую-либо роль в настоящей войне. Однакоже план этот читан им князю Николаю черногорскому и нашему консулу Ионину, и обоими ими одобрен. Кн. Николай снова выказал полную готовность подчиниться воле русского императора, как он сам выражается—действовать в качестве русского корпусного командира. В этом и нельзя сомневаться; но другой вопрос—можно ли рассчитывать на единодушное содействие сербов с черногорцами. Конечно, не такому авантюристу и пройдохе, каков Фадеев, удастся служить соединительным между ними звеном. Впрочем, предположения о наступательных действиях сербов и черногорцев ныне преждевременны; если суждено войне продолжаться в будущем году, то подобные действия можно иметь в виду к весне. Так и решено отвечать. Затем остается все-таки неразрешенным вопрос о личности самого Фадеева: какое можно дать ему безвредное положение?—

7-го ноября. Понедельник.—В 1-м часу было совершено благодарственное молебствие по случаю взятия Карса, на высотах пред Плевной, при залпах всех наших батарей боевыми зарядами. Обстановка была грандиозная. Вероятно, турки приняли этот адский огонь за предтечу новой атаки. Некоторые из их фортов отвечали, но слабо. С наших же батарей залпы продолжались и после отъезда государя с позиций. Они слышны отсюда до позднего вечера. Ночь светлая, лунная, хотя холодная. Днем же была восхитительная погода.

---

* даже

Утром приходил ко мне австрийский военный агент бар. Бехтольсгейм с объяснениями по поводу возбужденной дипломатической переписки о нейтрализации Сулинского рукава Дуная. Когда Австрия и Англия встревожились тем, что в этом рукаве сделаны были генералом Циммерманом заграждения посредством затопленных барок с каменьями, то мы же первые предложили мысль о нейтрализации этого рукава с тем, чтобы никакое военное судно не могло уже входить в Сулинское гирло. Англичане подхватили это предложение, но с переменой, повидимому незначительной, а в сущности весьма важной для нас: они предлагают нейтрализировать часть рукава только выше Сулина. Венский кабинет с своей стороны прикинулся непонимающим важности этого изменения. Однакож я объяснил Бехтольсгейму, что предложение английское клонится к тому, чтобы дать туркам, а, может быть, впоследствии и самим англичанам, пользоваться спокойно сулинским портом под защитой международной комиссии, а нам связать руки, так чтобы мы больше уже не могли угрожать Сулину и стоящей там турецкой броненосной эскадре. Вопрос этот обсуждался и позже, на позиции, с великим князем главнокомандующим и Нелидовым; решено наотрез отвергнуть предложенную англичанами перемену.

Во время обеда получена дополнительная телеграмма о взятии Карса. Оказывается, что взято нами до 300 орудий и 10/т. пленных, не считая найденных в госпитале 4.500 раненых и больных. Наша потеря около 2.500 чел. В то же время получены и неутешительные известия о восстании в Южном Дагестане, где оно приняло даже более значительные размеры, чем в других частях края. Мятеж распространился и на Закатальский округ. Остается надеяться не столько на укрощение восстания оружием, сколько на нравственное влияние, которое должны произвести в крае наши успехи над турками. Желательно, чтобы на сей раз по усмирении мятежа не сделали новой ошибки и не упустили случая окончательно обезоружить горцев.

8-го ноября. Вторник.—По случаю Михайлова дня опять было молебствие пред фронтом гвардейского отряда (царского конвоя); князь румынский и пр[инц] баварский присутствовали при молебствии и потом за завтраком у государя.

Вчера было довольно жаркое дело в Рущукском отряде: в то время как торжественно открывали вновь построенный мост чрез Дунай у Петрошана или Батина, турки со стороны Рущука атаковали наш левый фланг у Пиргоса и сожгли эту деревню, но потом были оттеснены обратно за Лом.

9-го ноября. Среда.—Румынам удалось овладеть Раховом; хотя атака их была отбита с большим для них уроном, однакож в ночь турки сами * ушли из города, и сегодня утром румынские войска заняли его.

---

* бежали

Утром приезжал сюда великий князь главнокомандующий. Он предупрежден о газетных известиях, что Мехмет-Али-паша намерен наступать от Софии чрез Берковицу к Плевне, между тем как большая часть нашей гвардии притянута к стороне Орхание и расположена в горном ущелье от Яблоницы до Осикова. Однакож разъезды наши, доходившие почти до Берковицы, до сих пор никакого движения турецких войск оттуда не замечали. Не будет ли вынужден Мехмет-Али обратиться против сербов, которые обещают чрез 10 дней сосредоточить до 68 батальонов частью на Тимоке, частью у Алексинаца. Румыны также намерены продолжать свои действия вверх по правому берегу Дуная к Лом-Паланке и Видину.

11-го ноября. Пятница.—Несмотря на густой туман, не позволявший видеть что-либо в 10 шагах, все-таки назначено было утром ехать «на позицию». Конечно, мы ничего не видели, да нечего было и смотреть, так что поездка эта была названа пикником: позавтракали на батарее с главнокомандующим и его свитой и затем разъехались по своим местам. Толки усиливаются о близкой сдаче Плевны. Два офицера 3-й гвардейской пехотной дивизии, заблудившиеся в тумане, наткнулись на турецкие аванпосты; не потеряв присутствия духа, они вынули белый платок и выдали себя за парламентеров. Их приняли очень учтиво, даже любезно, проводили далеко в средину расположения турок, без завязанных глаз, и отпустили назад. Офицеры уверяют, будто в говоре окружавших их турецких солдат и офицеров они слышали слова: «царь», «мир» и проч. Турки спрашивали, что такое происходило 8-го числа на позициях наших. Офицеры не решились сказать правду—что праздновали взятие Карса.

Нелидов представил записку, составленную им вследствие неоднократных наших с ним разговоров; в ней развивается мысль, что теперь было бы полезно заявить негласно императору Вильгельму и Бисмарку условия, на которых мы могли бы трактовать о мире с Портой, дабы тем предупредить* инициативу со стороны лондонского кабинета. Нелидов очень хорошо изложил как соображения, приводящие к такому заключению, так и самые основания возможного примирения. Мы с Нелидовым полагали передать это заявление помимо официальных дипломатических органов, чрез находящегося здесь временно ген.-ад. Рейтерна. Но государь, позвав меня после обеда в кабинет свой, чтобы переговорить о записке Нелидова, сказал мне, что, одобряя вообще содержание записки, находит, однакоже, невозможным в таком важном деле обойти канцлера и нашего посла в Берлине. Я выразил опасение, что, в случае направления дела обычным дипломатическим путем, оно получит уже совсем другой характер и притом не только разгласится

---

* всякую

ранее, чем дойдет до ушей императора Вильгельма, но даже, по всем вероятиям, будет встречено неприязненно самим кн. Горчаковым только потому, что инициатива идет из Главной квартиры армии, а не от него. Тем не менее трудно мне было и настаивать на оставлении в стороне государственного канцлера и его клевретов. Государь решил пригласить сюда Нелидова, чтобы еще посоветоваться с ним и затем отправить его самого с запиской в Бухарест, куда вызвать к тому же времени и Игнатьева. Я немедленно же телеграфировал и тому, и другому—в Богот и Казатин.

12-го ноября. Суббота.—В совещании у государя по записке Нелидова участвовали, кроме его самого, гр. Адлерберг, Амбургер и я. Решено, чтобы Нелидов отправился в Бухарест под видом передачи канцлеру словесных приказаний самого государя; по соглашению с Игнатьевым и под руководством кн. Горчакова должны быть редактированы проекты писем от имени его величества к обоим императорам. Нелидову поручено передать при этом желание государя, чтобы это дело велось в строгой тайне и не приняло характера официального дипломатического сношения. Нелидов предполагает выехать в понедельник.

Получено от ген. Гурко донесение о двухдневных делах, происходивших у Правеца, на пути к Орхании. Наша гвардия сбила наконец турок с крепкой позиции посредством обхода с фланга по едва доступной горной тропе. Говорят, что потери незначительны.

Известие это, при всей маловажности нашего успеха,* обрадовало государя. Он сам пошел пешком на бивак гвардейского конвойного отряда, чтоб объявить новую «радость». Услышав издали крики «ура», я вообразил себе, что в самом деле случилось что-нибудь важное, но скоро разочаровался и не имел духа поздравить государя с «новой победой». Я ограничился поздравлением его с новорожденным внуком—Борисом Владимировичем.

13-го ноября. Воскресенье.—Еще победа, такая же, как и вчерашняя: гвардейские войска выбили турок из Этрополя. После обедни и завтрака назначено было благодарственное молебствие пред гвардейским конвойным отрядом. Князь Карл румынский присутствовал как у обедни, так и за завтраком и у молебствия. Во время обедни приехал вел. князь главнокомандующий. Он доложил государю, в присутствии князя румынского и моем, о сделанных распоряжениях с целью открытия и задержания неприятеля в случае его движения со стороны Берковицы. Румынский отряд из Рахова должен продолжать движение к Лом-Паланке, под прикрытием кавалерии, выдвинутой в направлении к Берковице.

Во время обеда адъютант главнокомандующего Дерфельден привез подробное донесение о действиях при Правеце. К концу

---

* очень

обеда государь позвал гвардейских офицеров, обедавших в общей столовой (в шатре), для выслушания реляции, которую я прочел вслух. Реляция подтвердила мое предположение, что в этом деле не было никакой важности; главный подвиг заключался в том, что обходная колонна ген. Рауха должна была преодолеть большие природные трудности, разрабатывая себе дорогу чрез горы. В реляции вовсе не упомянуто о силе неприятельского отряда.

16-го ноября. Среда.—Турки ежедневно тревожат войска Рущукского отряда и 11-го корпуса. 14-го числа они повели серьёзную атаку на 12-й корпус у Мечки и Тростеника. Бой продолжался с 9 ч. утра до темноты. Турки отражены с уроном, но и с нашей стороны потеря от 600 до 700 чел. Командующий корпусом—вел. кн. Владимир Александрович награжден орденом св. Георгия 3 ст[епени]. С этим орденом отправлен вчера в Главную квартиру 12-го корпуса вел. кн. Сергей Александрович.

Получены более, чем прежде, подробные сведения о действиях ген[ерала] Гурко в горах к Орхание и Этрополю. Войска преодолевали чрезвычайные затруднения местные; каковы же были против них силы неприятеля—и теперь не разъяснено. Оказывается, что не на всех пунктах обошлось благополучно. Часть гвардейского драгунского полка, направленная от Врацы к стороне Орхание, встретила у Новачина сильный отпор от черкесов и, попав в чрезвычайно гористую местность, едва спаслась, бросив с кручи два конные орудия и потеряв до половины всего числа людей. Если гвардейскую кавалерию будут так безжалостно расточать в горных трущобах, без крайней необходимости, то можно опасаться, что вскоре не будет у нас ни армейской, ни гвардейской кавалерии.

Сегодня опять ездили завтракать «на позицию». После дождей дорога очень тяжелая, но погода ясная. Никто не может понять цели этих поездок. Сведения, получаемые из Плевны чрез турецких дезертиров, весьма противуречивы. Прежде мы верили безнадежному положению Османа-паши и считали, сколько д н е й может он еще продержаться; теперь как-то менее * доверяем этим расчетам. Сам государь, так недавно еще выражавший возможность празднования георгиевского праздника (26-го ноября) в Петербурге, теперь уже говорит о том, что и столетний юбилей со дня рождения императора Александра I, вместо 12 декабря, придется м о ж е т б ы т ь отпраздновать в рождество;—а кто поручится, что и к новому году удастся [109] нам возвратиться во-свояси. Вообще настроение у нас в Главной квартире подавленное; никто уже не предается розовым надеждам, и все завидуют доктору Боткину, который прямо объявил, что не в силах долее выносить нашу здешнюю жизнь, и отпросился уехать в Петербург.

---

* утешаемся этими розовыми надеждами.

18-го ноября. Пятница.—Вчера приехал мой сын из Рущукского отряда; он привез словесные объяснения бывшего 14-го числа боя у Мечки и Тростеника. Говорят, что турки атаковали в числе до 40 таборов и оставили на поле сражения от 1 500 до 2 000 тел. Но замечательно, что почти все начальство, не исключая и самого корпусного командира, не участвовало в деле: все были за завтраком в Брестовеце у наследника цесаревича, по случаю дня рождения цесаревны,—и прискакали на место боя только к концу.

Получено сведение, будто турки отошли от Берковицы за Балканы, также очистили Лом-Паланку, которую и заняли румыны. С нетерпением ожидаем известий от ген. Гурко.

20-го ноября. Воскресенье.—От Гурко получены сведения, что турки не только отступили от Берковицы, но очистили и Орханию. Части гвардии вышли по дороге от Этрополя на Стриглу и заняли перевал чрез Балканы, угрожая отступлению неприятельских войск, занимавших Орханию. Передовые наши разъезды нигде не встречали турецких войск по сю сторону Балкан. Между тем сегодня утром государь получил телеграмму от главнокомандующего о том, что вчера вечером замечены были какие-то движения турок к стороне Вида. Ночью и утром слышны были громче и чаще обыкновенного выстрелы наших батарей.* Государь**, занятый мыслью, что Осман-паша намерен пробиться сквозь наши линии, приказал, идя к обедне, приготовить экипажи для поездки в Богот. Однакож выстрелы утихли, и поездка была отменена.

24-го ноября. Четверг.—Во вторник вечером, когда все разошлись уже по домам на покой, пришло тревожное известие, что турки в больших силах наступают частью по осман-базарской дороге, частью от Беброва на Елену и на Златорицу; что князь Мирский, с слабым отрядом впереди Елены, окружен с трех сторон и не может держаться. На беду телеграфное сообщение с Тырновом прервано.

Положение опасное. Резервов нет. Однакож наследник цесаревич уже сделал распоряжение о передвижении войск 12-го и 13-го корпусов вправо, на подкрепление 11-го корпуса, которым временно командует ген.-л. Деллингсгаузен, за болезнью кн. Шаховского. Из Тырнова послана на подкрепление кн. Мирского стрелковая бригада.

---

* Первоначальный текст после слов «... замечены были какие-то движения турок к стороне Вида.»: «Случайно это известие совпало с другими сведениями о том, будто ночью и утром слышны были громче и чаще обыкновенного выстрелы наших батарей».

** вообразил себе

Само собой разумеется, что плохо спалось в ночь с 22 на 23-е число. На другой день, т. е. вчера, все утро прошло без известий со стороны Тырнова. Только к вечеру получена телеграмма, что турки возобновили настойчивые атаки, что Якутский полк едва держится у Златорицы, а Мирский отступил от Елены на укрепленную позицию у Яковицы, что войска наши понесли уже сильные потери. Однакож подкрепления подходят.

Только сегодня наконец мы успокоились: по донесениям Деллингсгаузена, турки окончательно отбиты и, угрожаемые с фланга, начали быстро отступать к Беброву. Таким образом, и на этот раз попытка Сулеймана-паши прорвать нашу оборонительную линию— не удалась.

С другой стороны ген. Гурко доносит, что занял высоты, с которых обстреливает позицию Мехмета-Али у Араб-Конака, т. е. на южном спуске Балкан. Колонна, посланная от Этрополя по дороге к Златице, также заняла южный спуск с гор.

Дезертиры из Плевны продолжают показывать, что бежали от голода, что в последние дни еще убавили дневную порцию хлеба и перестали выдавать мясо. Один из выбежавших уверяет даже, будто Осман-паша объявил своим войскам, чтобы потерпели еще только до мусульманского праздника курбан-байрама: если до того времени не получат помощи извне, то сами пробьются сквозь наши линии.

Сегодня утром, когда я пришел с докладом, государь сказал мне, что Нелидов возвратился из Бухареста и привез от кн. Горчакова проекты писем к императорам Вильгельму и Францу-Иосифу, с приложением статей, на основании которых Россия могла бы согласиться открыть переговоры о мире. Государь прочел мне эти проекты и сказал, что после завтрака намерен еще раз прочитать их в присутствии Нелидова. Между тем приехал и Игнатьев, участвовавший в совещаниях в Бухаресте и в составлении означенных проектов. Предварительно государь позвал в кабинет одного Нелидова и спросил его, в каком настроении нашел он канцлера. Нелидов откровенно отвечал, что нашел канцлера почти в детском состоянии, что он сначала даже вовсе не хотел входить в существо дела, порученного Нелидову, и что проекты были редактированы втроем: бароном Жомини, Игнатьевым и Нелидовым.

После завтрака происходило совещание. Кроме Нелидова и меня, присутствовали Игнатьев, гр. Адлерберг и Гамбургер. Привезенный Нелидовым проект мало отличался от составленного им первоначально. Государь одобрил с некоторыми весьма незначительными редакционными поправками и приказал приготовить все к отправлению с ген.-ад. Рейтерном, который проедет в Берлин чрез Вену.

Погода опять испортилась: утром сильный туман, а потом стало моросить и пошел дождь; на дорогах опять страшная слякоть.

26-го ноября. Суббота.—Бой под Еленой еще не совсем прекратился *. Еще вчера слышна была перестрелка на яковицкой позиции. Полученные вчера телеграммы навели снова грустное настроение: только теперь узнали, что в бою 22 числа кн. Мирский потерял 11 орудий и гораздо более людей, чем прежде полагали.

С другой стороны Гурко держится на позиции пред Араб-Конаком, имея пред собой, повидимому, главные силы Мехмета-Али.

На нынешний день готовилось торжество на высотах у Радишева по случаю праздника ордена св. Георгия. Приказано было все приготовить к завтраку на обычном месте, в редуте, названном в шутку «Закусочным» редутом. Однакож, к общему удовольствию, это неуместное торжество было отменено по случаю дурной погоды и страшной грязи. Тем не менее день св. Георгия мы все-таки отпраздновали завтраком в общей (столовой) палатке, с тостами и криками «ура». ** К обеду были приглашены князь Карл и все наличные георгиевские кавалеры, которые сидели за столом на почетных местах.

27-го ноября. Воскресенье.—Утром, как обыкновенно, были у обедни в деревенской церкви. Сегодня ген.-ад. Рейтерн уехал в Берлин чрез Вену с письмами государя к обоим императорам, с заявлением основных условий, на которых, при желании Порты заключить мир, могли бы быть ведены переговоры.

После завтрака государь пригласил к себе в кабинет ген. Обручева и меня, чтобы узнать его взгляд на предстоящий образ действий на здешнем театре войны. Все согласны в том, что после падения Плевны лучший для нас путь наступательных действий будет от Софии на Филиппополь и т. д.; но мнение Обручева расходилось с нашим, когда вопрос коснулся настоящего момента войны. Он находит, что генералу Гурко следует продолжать наступление за Балканы, чтобы нанести поражение Мехмету-Али-паше. Государь и я того мнения, что Гурко не довольно силен, чтобы предпринять самостоятельные наступательные действия за Балканы, пока держится еще Плевна и пока мы не можем считать вполне обеспеченным наш правый фланг со стороны Берковицы или Видина.

Положение дел около Елены вовсе не успокоительно. В течение вчерашнего и нынешнего дня известия от Деллингсгаузена заключались только в том, что «все спокойно»,—т. е. что наши войска продолжают стоять на своих позициях у Яковицы и Златорицы, лицом к лицу с турками, по временам перестреливаясь с ними. Такое положение, в нескольких часах расстояния от Тырнова, не может долго продолжаться. Турки по всем вероятиям укрепляются, поджидая подкреплений; мы же не можем уже ничем подкрепить войска на этих пунктах. Наследник цесаревич, отделив вправо все, что было возможно из войск Рущукского отряда, доносит, что с остаю-

---

* как мы полагали.

** К завтраку был приглашен и принц Карл румынский.

щимися у него войсками растянутая позиция занята очень слабо и что он считает свое положение не безопасным.

Авось дурная погода и невылазная грязь опять помешают туркам продолжать энергически начатое наступление.

28-го ноября. Понедельник.—Наконец дожили мы до счастливой развязки нашего долгого и томительного выжидания—падения Плевны! Повсюду слышны возгласы «ура»!

Рано утром получена была из Богота телеграмма о том, что, по слухам, Осман-паша намерен сегодня прорваться сквозь наши линии, а вслед затем пришло известие, что турки устраивают переправы чрез Вид, что в течение ночи они очистили главные свои редуты—Кришинский и на северном фронте. Немедленно государь собрался ехать на позицию. Приехав на обычное место*, на редут, увидели мы, что все наши войска, занимавшие линию блокады, уже двинулись вперед; Кришинский редут занят нами; продолжавшаяся все утро пальба прекратилась. Из телеграмм, приходивших одна за другой с разных пунктов на главную станцию полевого телеграфа, узнали, что Осман-паша, действительно, перешел было за Вид и сильно атаковал гренадер, но был отбит и отброшен обратно на Плевну. Государь сел верхом и выехал вперед на высоты, с которых Плевна выказалась как на ладони; нигде уже не слышно было перестрелки.

Нетерпеливо ожидая более обстоятельных известий, государь возвратился на прежнее свое место, на редут, куда направлялись один за другим желанные вестники. Первым прискакал флиг.-ад. Милорадович; запыхавшись, в сильном волнении, он рассказал, как проехал чрез Плевну, что́ там видел и слышал; после него приехал с северной стороны ген.-м. кн. Витгенштейн, а за ним полк. Моравский, рассказавший, как он сам был очевидцем сдачи раненного Османа-паши, со всей его армией, генералу Ганецкому.** По мере того как разъяснялось дело, все лица также прояснялись; все*** ободрились, поздравляли государя с счастливым концом. Сам государь как будто помолодел, тут же поздравил князя Витгенштейна генерал-адъютантом, а Моравского — флигель-адъютантом.

Когда еще мы ехали верхом к редуту, государь подозвал меня и очень любезно, протянув мне руку, спросил: «А кому обязаны мы, что не бросили Плевну и теперь овладели ею?—Кто 31-го августа, после неудачных атак, подал первый голос против отступления?» ****

---

* (так называемый «Закусочный» редут)

** Первоначальный текст после слов «...что́ там видел и слышал;»: «после него приехал ген.-м. кн. Витгенштейн, бывший на северной стороне, а потом полк. Моравский, рассказавший, как он сам, вместе с ген. Ганецким, был у Османа-паши, сдавшегося безусловно со всей его армией и раненного».

*** развеселились и поздравляли государя

**** Я несколько смутился от такого неожиданного вопроса;

Такой неожиданный вопрос несколько озадачил меня; но государь прибавил: «Я не забыл этой заслуги твоей; тебе мы обязаны нынешним нашим успехом». Глубоко был я тронут таким вниманием государя; но еще более тронуло меня несколько спустя, уже на редуте, когда я стоял и разговаривал с ген. Обручевым и некоторыми другими лицами свиты, и государь, подойдя к нам, повторил при них сказанное мне прежде одному,* а затем поздравил меня кавалером ордена св. Георгия 2-й степени.—Тут начались обычные поздравления и лобзания. Я протестовал сколько мог и со всей искренностью, что не считаю себя заслужившим такую награду, что мне совестно будет носить этот высокий знак боевых заслуг. Государь весьма любезно возразил: «Нет, я признаю, что ты заслужил вполне». Затем** с улыбкой спросил: «А считает ли военный министр, что и я заслужил георгиевский темляк?» [110]*** Восхищенные благодушием государя, все мы, окружавшие его, прокричали ему с неподдельным одушевлением «ура».****

На возвратном пути с позиции в Порадим, вместе с кн. Суворовым, я припоминал, что уже в третий раз в жизни приходится мне после продолжительного и тягостного обложения неприятельской укрепленной позиции испытывать впечатление резкого перехода от томительного выжидания к счастливой развязке: в 1839 г.—под Ахульго, в 1859 г.—под Гунибом и теперь—под Плевной. Гул орудий и перестрелка, постоянно слышанные в течение месяцев, вдруг умолкают; все войска, прятавшиеся осторожно от неприятельских выстрелов в траншеях, за насыпями, за естественными складками местности, бросили свои норы и уже впереди, занимают места, так долго остававшиеся для них недоступными; биваки, на которых еще вчера стояли наши резервы — теперь опустели; наши штыки блестят там, где еще вчера держался неприятель.*****

Немедленно по возвращении в Порадим государь призвал меня к себе и, вручив орденские знаки св. Георгия 2-й степени, обнял меня и снова благодарил в самых задушевных выражениях.

---

* прибавив, что он нарочно повторяет при свидетелях; и вслед затем, к пущему моему изумлению и смущению, объявил меня кавалером ордена св. Георгия 2-й степени.

** он, улыбаясь добродушно, спросил:

*** Я был растроган до слез благодушием его величества.

**** По возвращении в Порадим я немедленно вошел в кабинет государя, чтобы еще раз поблагодарить его и вместе с тем повторить мое искреннее убеждение, что считаю пожалованную мне награду выше моих заслуг. И в самом деле, я так мало ожидал подобного выражения отличия и такого признания принесенных мною услуг, что почел бы за насмешку, если б кто-нибудь прежде вздумал бы пророчить мне.

***** Уже поздно было ехать сегодня же в самую Плевну; надобно было засветло возвратиться в Порадим.

29-го ноября. Вторник.—В 11 ч. утра государь со всей свитой поехал в Плевну. Любопытно было проезжать мимо опустевших батарей и редутов как наших, так и турецких. Нас изумляли произведенные нашими противниками гигантские работы. Подъезжая к Плевне, государь был встречен великим князем главнокомандующим со всей его свитой. Оба брата обнялись сердечно; государь надел на великого князя ленту георгиевского ордена, тут же объявил о наградах генералам Непокойчицкому, Тотлебену, кн. Имеретинскому, Левицкому, кн. Масальскому и послал георгиевские кресты главным начальствующим лицам гренадерского корпуса, которому досталась главная роль во вчерашнем бое. Тут же, на высоте, в виду Плевны, отслужено было молебствие. Погода поправилась, даже выглянуло солнце. К молебствию подошли некоторые из ближайших частей войск. Они провели более суток в поле, почти без пищи; несмотря на то, шли бодро и имели воинственный вид.

После молебствия мы въехали в самый город по узким, грязным улицам, более похожим на канавы для стока нечистот. Многие кварталы были в развалинах; в иных домах выбиты стекла; но вообще город мало потерпел. Жителей было очень немного; попадавшиеся небольшими кучками болгары смотрели приветливо; но гораздо более видели мы угрюмых, диких лиц пленных турок. Мы наткнулись на целую колонну турецких пленных, препровождаемых под конвоем румынских войск. В одном из лучших домов города приготовлен был завтрак. Здесь мы сошли с лошадей, а после завтрака представился государю пленный Осман-паша. Он ранен в ногу, и потому его поддерживали под руки. Он держал себя с достоинством, отвечал на вопросы государя вежливо, но без унижения, и лицо его заметно оживилось, когда государь объявил, что оставляет ему оружие, в уважение мужественной его защиты.

После того государь, проезжая верхом по грязной улице, остановился у православной церкви, в которую вход был более похож на вход в какой-нибудь кабак. Он встречен был духовенством с крестом и хоругвями; после короткого молебствия сел в экипаж и выехал из города, по дороге к мосту на Виде; за ним и мы все, составлявшие свиту; ехали мимо огромной массы пленных и турецких семейств, занимавших долину по обеим сторонам дороги. Разноцветная эта толпа * с повозками и волами покрывала сплошь все скаты возвышений. Вид был живописный, но вместе с тем раздирающий сердце. Много израненных, изувеченных; многие из них тут же в наших глазах умирали; все имели истощенные лица, оборванную одежду. Повсюду разбросаны патроны, обломки, скелеты давно уже палых лошадей и волов. Да и тела человеческие едва были засыпаны ** землей; тут и там торчали *** руки и ноги.

---

* с повозками, волами, детьми

** еще свежей

*** из-под земли

Мы подъезжали довольно близко к мосту на Виде, за которым ожидали государя обе выстроенные в линию гренадерские дивизии; но по какому-то недоразумению экипаж государя повернул назад и мы все возвратились в Порадим. Государь, узнав потом об этом qui pro quo [111], очень сожалел, что не видел гренадер.

Вечером получено от наследника цесаревича известие, что турки опять переходили на левую сторону Лома и оттеснили было наши передовые посты между Пиргосом и Чифликом, но к вечеру сами отошли.

30-го ноября. Среда.—Утром мы были удивлены телеграммой от наследника цесаревича о том, что турки снова наступают от нижнего Лома на позиции 12-го корпуса и притом гораздо в бóльших силах, чем прежде (т. е. 14-го ноября). Вторая телеграмма, полученная в средине дня, сильно встревожила государя. Однакож к вечеру он был не только успокоен, но и обрадован известием о полном поражении турок, которые были опрокинуты и сильно преследуемы до самого Лома. Государь был в восхищении и объявил, что намерен наградить наследника орденом св. Георгия 2 ст[епени], а великого князя Владимира Александровича — брильянтовой шпагой с надписью: «14 и 30 ноября 1877 года».

К завтраку приезжал великий князь главнокомандующий с своим начальником штаба. Было у государя совещание относительно предстоящего плана действий. Кроме самого главнокомандующего и ген.-ад. Непокойчицкого, участвовали в совещании князь Карл румынский, ген. Обручев и я. Оказалось, что все единогласно признают за лучшее, оставаясь на Ломе в оборонительном положении, сосредоточить возможно бóльшие силы на нашем правом фланге, для наступательных действий к стороне Софии и оттуда, смотря по обстоятельствам, к Адрианополю или к Казанлыку. Последнее направление, как второстепенное, имело бы целью открыть выход войскам нашим, охраняющим балканские горные проходы (Шипку и другие). Затем предметом совещания были преимущественно подробности самого исполнения, как-то: распределение сил, назначение линий сообщения, употребление румынских и сербских войск. В заключение главнокомандующий поставил вопрос о том, как поступить ему в том случае, если б турки заявили желание прекратить войну или заключить перемирие. Положено было, что в таком случае главнокомандующий предъявит прежде всего постановленные нами главные основания, на которых могут начаться переговоры о мире; только в случае утверждения этих оснований Портой, можно будет приступить к переговорам о перемирии и приостановить военные действия.* Игнатьев взялся проектировать означенные основные условия мира. Завтра же приглашен сюда и Нелидов из Богота.

---

* На этом основании вечером мы совещались с Игнатьевым, который взялся проектировать означенные основные условия мира.

Князь Карл румынский заехал ко мне пред обедом и лично вручил мне орден румынской звезды 1 ст[епени]. Князь очень любезен и обходителен.

Между тем вся Главная квартира занята более всего приготовлениями к отъезду. Все суетятся и хлопочут о средствах переезда отсюда до первой станции железной дороги. Надеются, что подоспеет и поляковская железная дорога от Фратешти до Зимницы. Отъезд государя назначен в субботу, 3-го декабря, а приезд в Петербург — 10-го.

1-го декабря. Четверг.—Утренняя телеграмма от наследника цесаревича дополнила вчерашние известия о блистательной победе, одержанной войсками 12-го корпуса. По этому случаю после завтрака отслужено молебствие пред выстроенными войсками. Погода приятная, хотя сырая. После молебствия приглашены были к государю ген. Игнатьев, Нелидов, Обручев, Гамбургер и я. Игнатьев прочел проектированные им основания для открытия мирных переговоров; по некоторым пунктам пришлось поспорить и сделать кое-какие изменения. Однакож государь признал нужным отложить окончательное утверждение этих условий до свидания с кн. Горчаковым в Бухаресте.—После Игнатьева прочел Обручев свои соображения относительно проливов: Босфора и Дарданелл. Записка эта, отличаясь логичным построением аргументации, как все работы Обручева, носит характер академической диссертации; поэтому положено передать ее в Министерство иностр[анных] дел для соображений в свое время.

Ген.-м. свиты е. в. Протасов-Бахметьев приехал из отряда, действовавшего под Еленой; он рассказал подробности последних дел, с пояснением их на составленных им самим кроки местности. Только теперь можем несколько понять эти действия, казавшиеся нам загадочными *.

В Главной квартире только и слышишь толки об отъезде. Общая радость и общее желание — как бы скорее уехать.

2-го декабря. Пятница.—Сегодня ездили за р. Вид для смотра войск, участвовавших в бое 28-го ноября. Опять проезжали мимо той же толпы турок, которую видели 29-го числа, с женщинами, детьми, телегами и скотом; но пленных уже не было, их увели по направлению к Никополю. На всем пространстве от Плевны до Вида, а еще более за Видом, мы видели еще свежие следы недавнего кровопролитного сражения. Повсюду разбросаны патроны, оружие, амуниция, трупы людей и лошадей; в иных местах еще лужи крови и даже некоторые раненые турки, которых не успели еще прибрать и призреть. На самом поле сражения выстроены были в три линии наши и румынские войска (3-я гвардейская пехотная, 2-я и 3-я гренадерские дивизии, полторы дивизии румынской пехоты и несколько полков кавалерии). Вид этой массы войск,

* по кратким телеграфическим известиям.

стройно выровненных, производил * внушительное впечатление, в виду разбросанных пред фронтом немых следов недавнего боя. Говорят, что потеря турок в этот день доходила до 6/т. чел.—Государь объехал шагом все три линии, благодарил войска, ** роздал несколько георгиевских крестов и затем возвратился уже в 4-м часу в Плевну, где приготовлен был завтрак в том же самом доме, что и в первое посещение. На этот раз город был уже более оживлен; во многих местах, на пути государя, были толпы народа; видны были и женщины высшего слоя; депутация от города приветствовала речью.—Все это заняло так много времени, что мы не могли уже засветло доехать до Порадима. Притом же во весь день стоял густой туман; дорога грязная, тяжелая; лошади наши стали и пришлось перепрягать их. Таким образом, домой дотащились мы с кн. Суворовым только в 8-м часу, так что едва поспели к обеду, назначенному в 8 часов. К столу государеву опять был приглашен князь Карл. Тотчас после обеда разошлись, чтобы приготовиться к завтрашнему раннему выезду.

3-го декабря. Суббота. Брестовец.—Выехав в 7 ч. утра из Порадима, государь и за ним небольшая часть свиты прибыли к 4 часам в Брестовец—Главную квартиру наследника цесаревича. Государь благодарил его высочество, так же как и великого князя Владимира Александровича, за недавнюю их победу и поздравил новых георгиевских кавалеров: наследника—2-й степени, а Владимира Александровича—3-й. Также пожалован орден св. Георгия 3-й степ[ени] начальнику штаба Рущукского отряда ген.-лейт. Ванновскому, который выказал много умения, благоразумия и такта в трудном положении, в которое он был поставлен. Оставаясь пять месяцев в оборонительном положении и занимая растянутую линию против значительно превосходного в силах противника, Рущукский отряд *** выполнил свою задачу, ни разу не потерпев поражения.

В Брестовеце отвели мне теплое и довольно удобное помещение в маленькой болгарской хате. В 6 часов собралось в общую столовую многочисленное общество. Домашняя обстановка у наследника цесаревича отличается **** радушием и непринужденностью, хотя обычное распределение дня довольно странное. Наследник цесаревич не любит рано вставать; поэтому и в штабе его день начинается поздно; обед летом в 8 часов, а теперь в 7; после обеда долго сидят и ложатся очень поздно. Часа в 2 ночи и даже позже бывает ужин. Цесаревич обходителен и внимателен к своим подчиненным. Ванновский очень хвалил мне его служебные отношения; напротив того, жаловался на резкий и порывистый тон великого князя Владимира Александровича.

---

* какое-то грозное впечатление

** особенно полки, более отличившиеся,

*** благодаря распорядительности Ванновского,

**** большой про[стотой?]

В 9 часов вечера опять все собрались в столовую к чаю, и многие взялись за карты.

12-го декабря. Понедельник. Петербург.—Более недели не имел возможности заглянуть в свой дневник; да и теперь нет досуга, чтобы записать подробности переезда от Брестовца до Петербурга. Постараюсь припомнить хотя в главных чертах:

Воскресенье—4 дек[абря]—у наследника цесаревича — утром чтение реляций с Кавказа; завтрак; выезд из Брестовца.—Прекрасная дорога и спуск к переправе у Батина и Петрошан.—Обед в Петрошане у вел. кн. Алексея Александровича.—Близ Петрошан станция новой железной дороги, построенной Поляковым до Зимницы. Здесь уже ожидал нас императорский заграничный поезд, в котором и переночевали на месте.

5-го декабря—понедельник:—Приезд в Бухарест к 11 ч. утра; торжественная и блестящая встреча; город чрезвычайно оживлен.—Завтрак во дворце; возобновление знакомства с Когольничано, некоторыми другими румынскими министрами и двумя придворными дамами: m-me Mavroyani и m-lle Rossetti.—Мне отвели помещение в Grand-Hôtel du Boulevard. —В 6 ч. обед во дворце, а после обеда разыграна любителями театра маленькая французская пьеска.—Принцесса Елизавета очень мила и радушна.—В 11 ч. вечера, проехав по иллюминованным улицам Бухареста, сели в вагоны и выехали в $11^1/_2$ часов.

6 декабря—вторник:—проехали чрез всю Румынию; везде крики «ура», флаги, гирлянды.—В Яссах государь обошел бараки общества Красного креста.

7, 8 и 9 декабря:—проезд от Ясс чрез Брест-Литовск, Вильну, Динабург до Петербурга. Мороз до 18°Р.—Поочередно сопровождало местное начальство: Чертков, гр. Коцебу, Альбединский.—

10 декабря—суббота:—В Гатчине встретили государя великие князья Константин Ник., Павел Алекс., принцы Алекс. Гессенский и Мекленбург-Шверинский.—В 10 ч. утра приезд в Петербург.—Многолюдная встреча с обычными криками «ура».—В 1 ч. пополудни в Зимнем дворце молебствие: мы, путешественники,—в походной форме. Получаю бесчисленные поздравления.

Вчера, 11 декабря:—утро провел в разъездах. Родственный обед и обычный воскресный вечер.—Утром приехала дочь Надя из Воронежской губернии (от М. Н. Вельяминовой), а вечером—сын, с Дуная.

Сегодня, 12-го числа,—утром торжество по случаю 100-летнего юбилея рождения императора Александра I: в 10 ч. утра панихида в Петропавловском соборе; в 1 ч.—выход в Зимнем дворце, с войсками и духовенством.

В продолжение всей истекшей недели телеграммы с театра войны ограничивались известиями о сильных морозах, снегах и вьюгах, почти прекративших все движения войск и обозов. Повидимому, армия Сулеймана за Ломом ослаблена отделением войск на

южную сторону Балкан.—Сербы объявили войну Турции и начали наступательные действия к стороне Ниша и прохода св. Николая.—Сулейман и Мехмет-Али оба в Константинополе для совещаний.—Слухи о наклонности их ко вступлению в переговоры о мире.

19-го декабря. Понедельник.—Опять целую неделю не мог заглянуть в свой дневник; едва успевал ежедневно справляться с текущими бумагами. В дополнение к торжеству 12-го числа в память императора Александра I происходил на другой день, во вторник, смотр всем войскам, расположенным в Петербурге и окрестностях. Войска эти проходили церемониальным маршем мимо Александровской колонны. После смотра обычный завтрак во дворце для начальников частей.

Государь после этого смотра * почувствовал себя нездоровым и с тех пор не выезжает. Снова тревожат его политические дела: Англия затевает что-то против нас; парламент созван ранее обыкновенного срока. При последнем моем докладе, в субботу, государь передал мне утвержденные им основные условия, которые предполагается заявить туркам в том случае, если они попросят мира и обратятся прямо к одному из главнокомандующих. Однакож, прежде чем отправить эти условия к главнокомандующим, я нашел более осторожным переговорить с товарищем министра иностранных дел Н. К. Гирсом. Следовало обсудить: будет ли удобно заявить означенные требования наши прежде, чем получены ответы из Вены и Берлина на посланные с ген.-ад. Рейтерном собственноручные письма государя; тем более, что со стороны венского кабинета, как уже нам известно,** готовятся по некоторым пунктам возражения.—Гирс ничего не берет на себя; он поспешил доложить канцлеру о нашем разговоре и сей же час приехал ко мне просить, чтобы я сам повидался с князем Горчаковым. Гирс *** сознает, что канцлер почти впал в детство, но убеждал меня отнестись снисходительно к его старческим слабостям. Уступая этим убеждениям, я на другой день, в воскресенье утром, поехал к кн. Горчакову и нашел его в более скромном и серьезном настроении, чем он бывал обыкновенно в последнее время. Мы переговорили о настоящем положении дел, в присутствии Гирса, и условились быть вместе у государя во вторник, то есть завтра. Канцлер рассказал мне вчерашний свой разговор с лордом Лофтусом и показал телеграммы гр. Шувалова, равно как и ответы на них по поводу поползновений лондонского кабинета принять на себя посредничество между нами и Портой.

Вчера же имел я довольно продолжительный разговор с Грейгом о настоящем политическом положении.

---

* опять

** уже есть предупреждение, что по некоторым пунктам встречаются возражения.

*** мне глаз на глаз сознавался,

С Дунайского театра войны получаются сведения о морозах, снегах и метелях. Несмотря на то, войска наши спустились с Балкан на Софийскую равнину. Турки собирают новую армию впереди Адрианополя. За Ломом силы их значительно сократились.

27-го декабря. Вторник.—Опять прошло более недели напряженной работы и разнородных забот, не позволявших мне и вспомнить о своем дневнике. Да и теперь не имею лишнего времени, чтобы записать обстоятельно все, что осталось в памяти моей от этого калейдоскопа разнообразных предметов. Должен ограничиться одним перечнем.

С театра войны за Дунаем сведения хорошие. Действия ген. Гурко приняли характер решительный: несмотря на страшные преграды местные, морозы и снега, колонны наши спустились с Балкан по нескольким направлениям, обошли сильную неприятельскую позицию у Араб-Конака; 19 декабря выдержали горячий бой у Ташкисена; 20-го—турки бежали от Араб-Конака; 22-го—незначительная перестрелка на Искере близ Софии, а 23-го—вступление наших войск в Софию. По всем известиям, турки в большом смятении; Сулейман-паша с значительной частью дунайской армии поспешил за Балканы, чтобы приготовить новую систему обороны в Румелии; но едва ли успеет он в этом. Новая армия в Адрианополе образуется из всякого сброда. В Константинополе продолжается колебание, борьба между партией мира и партией войны. Турки, повидимому, начинают терять веру в поддержку Англии, которая попыталась было обратиться к нашему правительству с запросами, избегая, однакоже, слова «посредничество»; но получила ответ, что Россия не иначе заявит свои мирные условия, как в случае прямого к ней обращения Порты.

От великого князя Николая Николаевича получено государем письменное изложение сделанных по армии распоряжений и дальнейшего плана действий. Решено распределить всю армию на три группы: западный отряд, под начальством наследника цесаревича; средний—ген. Радецкого и восточный—ген. Тотлебена. По случаю такого перемещения наследник цесаревич телеграфировал государю, что просит себе в начальники штаба ген. Обручева. Выбор этот вполне одобряется всеми; государь призывал к себе Обручева, и дело казалось решенным. Однакож сегодня, когда я приехал во дворец к обеду, государь сказал мне, что получил от наследника шифрованную телеграмму, которая еще не разобрана, но что по некоторым прописанным в телеграмме словам можно догадываться, что выбор Обручева не одобряется главнокомандующим. И действительно, во время обеда подали государю разобранную телеграмму, в которой наследник пишет, что великий князь Николай Николаевич ни за что не соглашается на выбор Обручева; а другого начальника штаба наследник не желает, и если выбор его не состоится, то сам он не считает возможным остаться в армии. Государь с видом досады передал эту телеграмму императрице и вполголоса сказал ей: «Если так, то я прикажу наследнику приехать сюда, а чрез не-

сколько времени и сам, вместе с ним, отправлюсь в армию».—Слова эти, вырвавшиеся у государя, несмотря на присутствие посторонних свидетелей (гр. Гейден, Баранцов, ген. Бистром и члены семьи—принц Александр Гессенский, сын его пр[инц] Баттенберг и младшие великие князья), смутили императрицу. Когда вышли от стола, она подошла ко мне и заговорила о своих опасениях насчет здоровья государя и новой поездки его в армию. Между тем подали государю две шифрованные телеграммы от вел. кн. Николая Николаевича. Государь передал их мне, чтобы разобрать, сказав при этом: «Вероятно, о том же с другой стороны».—И действительно, возвратившись домой, я разобрал телеграммы и сейчас послал их к государю. В одной из них великий князь прямо просит не назначать Обручева, который, по его мнению, «неподходящий начальник штаба для наследника», и прибавляет, что с «давних времен» он (великий князь) имел л и ч н о е неудовольствие на Обручева.

28-го декабря. Среда.—Хотя среда не мой день доклада, однакож, по множеству накопившихся дел, государь приказал мне приехать с некоторыми, более серьезными докладами. Прежде всего государь заговорил с досадой о возникшем по поводу ген. Обручева столкновении между главнокомандующим и наследником цесаревичем. «Я полагаю настоять на своем решении»,—сказал государь, но прибавил, что прежде ответа обоим великим князьям желал узнать мое мнение и причины неудовольствия вел. кн. Николая Николаевича на Обручева. Я ответил, что не могу придумать, какие могли быть «с давних времен» неприятные «личные» отношения между ними; просил разрешения прямо спросить о том самого Обручева, но, во всяком случае, мне кажется, что едва ли можно ожидать выгодных последствий от присылки Обручева в армию вопреки желанию главнокомандующего. Мнение это взяло верх. Чрез несколько времени после моего доклада государь прислал мне для передачи шифром свои телеграммы к обоим великим князьям: приказано главнокомандующему отпустить наследника цесаревича (а также и вел. кн. Владимира Александровича) в Петербург на несколько недель, а вместе с тем объяснить причины неудовольствия на Обручева.—Что касается до этих причин, то я не мог пока открыть их: прямо с доклада заехав к Обручеву, я переговорил с ним откровенно об этом странном и неожиданном обороте дела, заставляющем приостановить отъезд Обручева. По словам последнего, не было никогда ни единого повода к неудовольствию со стороны великого князя Николая Николаевича, который притом постоянно был с ним, Обручевым, очень любезен, даже до последнего свидания их в Боготе.

Доклад мой сегодня касался многих довольно важных предметов: между прочим я прочел государю присланную мне князем Черкасским записку о необходимости заранее определить порядок ведения дел в Болгарии в том случае, если мы, кончив войну с благоприятным результатом, должны будем некоторое время занимать эту страну и организовать в ней новое управление. Вопрос, конеч-

но, очень важный сам по себе; но в записке явственно проглядывают заботы личные князя Черкасского: какое будет его положение? будет ли он поставлен в подчиненные отношения к военному начальству или же ему будет подчинен военный начальник?—Конечно, сам князь Черкасский, при всем своем самолюбии*, не может надеяться на эту вторую постановку, а вместе с тем не желает играть роль второстепенную и служить простым чиновником для гражданских дел при каком-нибудь генерале.—Государь прямо сказал, что необходимо выбрать лицо из военных генералов, знакомых с вопросами гражданской администрации,—и указал двух кандидатов: князя Дондукова-Корсакова и ген. Игнатьева 2 (позабыл прибавить новый графский титул его). Соображаясь с этим указанием, я ответил князю Черкасскому так, чтобы не оставлять его в напрасных иллюзиях.

Гр. Шувалов из Лондона предупредил наше Министерство иностранных дел, что английский кабинет советует Порте войти в прямые переговоры с Россией, предупреждая будто бы Порту, что она не должна рассчитывать на помощь Англии, и что вследствие этого заявления турки намерены просить п е р е м и р и я, причем наивно добавлено: «необходимого по соображениям стратегическим».—И действительно, сегодня, почти одновременно, оба главнокомандующие наши, и в Европе, и в Азии, телеграфируют, что получены ими из Константинополя вопросы: с кем и где могут они вести переговоры о перемирии.—Великий князь Николай Николаевич, имевший уже лично от государя указания на этот случай, прямо дал ответ, что перемирие может быть заключено не иначе, как по принятии Портой основных условий мира, для чего и предложено прислать уполномоченного в Главную квартиру армии.

К сожалению, наше Министерство иностранных дел продолжает бездействовать. Сам товарищ министра Гирс опять приезжал ко мне на днях с жалобами на инерцию государственного канцлера, который ищет всякого предлога, чтобы устраниться от участия в делах, сколько-нибудь имеющих связь с настоящей войной, и все сваливает на военного министра или, как он выражается—на министра «военных сил».—Так, по возбужденным мною разным вопросам—о том, наприм[ер], чтобы теперь же дружелюбно сговориться с Румынией, чтобы отвлечь албанцев от содействия туркам, чтобы подготовить отправление ген. Игнатьева в тот пункт, где могут открыться переговоры о мире, и проч. и проч.—по всем этим не терпящим отлагательства вопросам князь Горчаков на все настояния Гирса отвечал ему, что они до него не касаются. Гирс признался, что канцлер делает все возможное, чтобы стушевать Игнатьева, а сам не в силах заняться сколько-нибудь серьезными делами. У него сохраняются только как бы проблески прежнего блестящего дипломата, но старческая голова уже бессильна для связной работы.

---

* и самоуверенности

29-го декабря. Четверг.—Рано утром получена телеграмма о новой блестящей победе: вчера турецкая армия на Шипке в числе 41 табора, с 10 батареями, положила оружие. Таким образом, войскам ген. Радецкого удалось не только благополучно перейти чрез Балканы, несмотря на трудности суровой зимы, но и окружить неприятельскую армию, державшую в продолжение почти пяти месяцев, можно сказать, в блокаде наши несчастные войска на Шипке. Успех, действительно, блестящий. Государь в восторге. Когда пришел я к нему с докладом, тут только узнал, что сегодня же назначен съезд ко двору для торжественного молебствия в большой церкви Зимнего дворца. Государь приказал мне прочесть в самой церкви, пред началом молебствия, полученную телеграмму с кратким обзором предшествовавших военных действий со времени сдачи Плевны. Я должен был наскоро редактировать этот обзор, так что едва-едва поспел во дворец к назначенному часу. Съезд был многочисленный и не было конца поздравлениям.

Во время моего доклада приглашен был кн. Горчаков, чтобы переговорить об ответах, которые нужно дать обоим главнокомандующим по поводу сделанных Портой предложений о перемирии. Мне поручено было редактировать телеграммы и шифровать их, что отняло у меня много времени. Между тем мне пришлось высидеть до 5-ти часов в Государственном совете, в экстренном заседании, назначенном для утверждения финансовых смет на будущий год. Ежегодно в этих заседаниях разыгрывается пародия на парламентские прения о бюджете. Каждый раз приходится выслушивать длинный монолог А. В. Головнина,—как кажется, единственного члена Совета, имеющего довольно досуга и терпения, чтобы перечитывать и изучать сопровождающие сметы громадные кипы печатных объяснительных записок. Для соблюдения приличия некоторые из задетых министров отвечают несколькими словами, в полном сознании бесплодности разыгрываемой комедии, и после нескольких часов сидения подносится на подпись членов готовый уже журнал Совета.

Нынешнее торжество несколько сократило заседание Совета, открывшееся после молебствия, уже часу в третьем. По той же причине было мало присутствующих при погребении ген. Гринвальда.

31-го декабря. Суббота.—Сегодня доклад мой государю был особенно продолжителен; значительную часть времени мне пришлось присутствовать при докладе кн. Горчакова по предмету полученного наконец от императора Франца-Иосифа собственноручного ответа на письмо государя, отправленное из Порадима, с изложением предполагаемых основных условий мира с Турцией. В этом ответе явно проглядывает неудовольствие венского кабинета, которому прискорбно отказаться от той добычи, на которую он рассчитывал в случае распадения Турецкой империи. Теряя ныне надежду на присоединение Боснии и Герцеговины, Австрия протестует против нашего желания возвратить утраченную часть Бессарабии, и

в этих видах император Франц-Иосиф при своем письме препровождает записку графа Андраши, напоминающую весь ход соглашений, начиная с Рейхенбергского свидания.—Ответ этот произвел крайне неприятное впечатление на государя, который сделал на письме надпись: «Je suis outré»... «c'est détestable»[112] и пр. Его величество предположил назначить по этому поводу особое совещание, но встретил неожиданные возражения со стороны канцлера, который сегодня был особенно раздражителен и не в духе. Между государем и князем Горчаковым опять вышло довольно резкое пререкание: канцлер в особенности горячо возражал против участия Игнатьева в совещании, а взамен его советовал пригласить министра финансов. Однакож дело под конец обошлось. Когда кн. Горчаков вышел из кабинета, государь заметил, что он сегодня в каком-то странном настроении и как будто понимает в превратном смысле что ему говорят. И действительно, без видимой причины он горячился и краснел до ушей; например, с негодованием отзывался о присланной главнокомандующим записке Нелидова по вопросу о проливах, назвав ее бессмысленной, и т. п.—В числе вопросов, подлежавших еще общему обсуждению с канцлером, было возбужденное главнокомандующим сомнение относительно пределов предоставленного сербам района действий. Надобно было решить: могут ли сербы действовать на юг к Митровице, или не будет ли это направление действий противуречить нашей конвенции с Австрией.—На сделанный мне по этому предмету письменный запрос я вчера же вечером отвечал, что движение сербов в так называемую Старую Сербию вовсе не противуречит конвенции; канцлер сначала выражал сомнение, однакож не спорил, и так было решено государем.

В течение последних дней получены телеграммы, поясняющие действия на Шипке; сам великий князь Николай Николаевич собирается переехать из Сельви за Балканы. Оба главнокомандующие наши получили из Константинополя предложения о перемирии. Лондонский кабинет торопит нас, делая запросы: посланы ли главнокомандующим нужные инструкции.

Таким образом, мы заканчиваем 1877-й год надеждами на восстановление мира. Но осуществятся ли скоро эти надежды? достаточны ли нанесенные туркам поражения, чтобы заставить их смириться и действительно желать мира, или же они еще пробуют морочить нас в надежде получить только перемирие, необходимое им, чтобы оправиться, выждать решения английского парламента и собраться с новыми силами. Парламент открывается 5/17-го января; чрез неделю выкажется, к чему Англия ведет дело и суждено ли восточному вопросу получить вскоре благоприятное разрешение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет о бароне Корфе, получившем незадолго до смерти, в 1872 г., графский титул.
2. Новиков, Евгений Петрович.
3. Фридрих-Вильгельм-Карл.
4. Фридрих-Франц II.
5. наедине
6. Милан I Обренович.
7. Николай I Петрович Негош.
8. Игнатьев, Павел Николаевич.
9. сделать хорошую мину при плохой игре.
10. Имеется в виду циркулярная нота гр. Андраши от 18/30 декабря 1875 г., содержавшая в себе проект реформ в Боснии и Герцеговине. См. «Историю дипломатии», т. II, гл. II и монографию С. С. Татищева «Император Александр II, его жизнь и царствование», том II, Спб. 1903, стр. 299-300.
11. Речь идет о султанском ирадэ—повелении от 2 октября 1875 г., в котором предусматривались некоторые реформы в отношении христианского населения Турции. Об этом см. «Записки гр. Н. П. Игнатьева»—«Исторический вестник», 1914, № 2.
12. молчаливое соглашение
13. Карцов, Андрей Николаевич и Ионин, Александр Семенович.
14. Имеется в виду двойственная политика правительств Сербии и Черногории, которые наряду с переговорами с Россией вели также переговоры и с Австрией.
15. Речь идет о зачетных квитанциях, освобождавших от службы в армии. Они существовали до введения всесословной воинской повинности. Эти квитанции продавались правительством по числу вступивших в армию охотников. Кроме того, зачетные рекрутские квитанции выдавались как отдельным лицам, так и целым обществам в следующих случаях: во-первых—за ратников ополчения, оставшихся на военной службе или погибших в рядах ополчения; во-вторых—за сданных в рекруты сверх объявленной нормы набора. С введением всесословной воинской повинности оставшиеся на руках зачетные квитанции не утратили своей силы, но подлежали обмену на квитанции нового образца.

    В Особом о воинской повинности присутствии обсуждался вопрос об условиях выкупа этих квитанций казной. Было принято решение определить цену зачетной рекрутской квитанции в 485 руб. (Материалы о выкупе рекрутских квитанций.—Центральный Государственный Исторический Архив в Ленинграде—ЦГИАЛ, фонд Особого о воинской повинности присутствия, дело № 17).

16. это предвзятое мнение.

17. Персонаж произведения Вольтера «Кандид».

18. Мария-Александрина-Анна-София.

19. повод для объявления войны.

20. 27 марта 1876 г. Милютиным было направлено письмо главнокомандующему Кавказской армией вел. кн. Михаилу Николаевичу, в котором указывалось на недопустимость какого-либо движения на юг. «Несмотря на все доводы генерал-майора Франкини,—писал Милютин,—государь император соизволил остаться при своем прежнем решении и повелел мне довести до сведения вашего высочества, чтобы войскам Закаспийского края не было разрешаемо ни под каким предлогом предпринимать движение к верховьям Атрека и в земли ахал-текинцев по направлению к Асхабаду». «Взамен сего,—указывал Милютин,—его величество изволил признавать весьма полезным обратить внимание на пути, ведущие от Красноводска к Сорыкамышу с тою целью, чтобы окончательно обеспечить сообщение и торговое движение караванов от берегов Каспийского моря к Аральскому бассейну и Туркестанскому краю...» (Центральный Государственный Военно-Исторический Архив—ЦГВИА, фонд Военно-ученого архива (ВУА), дело № 6889, л. 57).

21. На этом совещании обсуждался вопрос об условиях возвращения Кульджи Китаю, а также о позиции России в предстоящем столкновении Китая с кашгарским владетелем Якуб-беком, ставленником английского правительства.

22. насмешливые прозвища.

23. На заседаниях Комитета министров 2, 9, 23 и 30 марта обсуждался вопрос о деятельности «Русского общества пароходства, торговли и Одесской железной дороги по предприятию пароходства». Комитет министров вынес пространное решение об эксплоатации пароходных линий в Черном и Азовском морях, изменил существующую тарифную плату, а также рассмотрел вопрос о субсидиях правительства Обществу.

Комитет министров высказал мнение о необходимости отделить Одесскую железную дорогу от Общества, так как в результате подобного соединения деятельность одесского порта искусственно увеличивалась за счет севастопольского, николаевского, таганрогского и других черноморских портов. (ЦГИАЛ, фонд Комитета министров, журнал № 159 за 1876 год).

24. Повидимому, Милютин все же не удержался и записал на полях этой же страницы дневника некоторые детали из рассказа Александра II, однако потом зачеркнул написанное, густо замазав строки чернилами.

25. Студент-медик Павел Феоктистович Чернышев, организатор революционных кружков молодежи и участник «хождения в народ», был арестован за пропаганду среди крестьян Самарской губернии. Тяжелые условия заключения вызвали заболевание Чернышева туберкулезом. Будучи в безнадежном состоянии, он был выпущен из дома предварительного заключения на поруки за 2 недели до смерти. Умер Чернышев в Михайловской клинической больнице 26-го марта 1876 г.

Похороны П. Ф. Чернышева 30 марта на Волковом кладбище превратились в крупную политическую демонстрацию. По донесению чинов с.-петербургской полиции, на Волковом кладбище присутствовало около 400 человек, причем ведущую роль играли студенты Медико-хирургической академии.

По поводу смерти П. Ф. Чернышева поэтом и беллетристом Г. А. Мачтетом, близким к революционным кругам, было написано стихотворение «Последнее прости», вскоре ставшее популярной революционной песней «Замучен тяжелой неволей».

Материалы о похоронах П. Ф. Чернышева хранятся в фонде Д. А. Милютина—Отдел рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ), М. 8084.

26. 29, 30 апреля и 1 мая 1876 г. в Берлине происходили совещания по восточным делам. См. С. С. Татищев «Император Александр II, его жизнь и царствование», том II, Спб. 1903, стр. 304-305.

27. Аббот и Мулэн.

28. безделью.

29. Повидимому, Милютин освещает события в Болгарии задним числом. Восстание началось в конце апреля 1876 года и было подавлено турками с исключительной жестокостью в конце мая. См. Н. С. Державин. «История Болгарии», т. IV, М. 1948, глава об Апрельском восстании 1876 г.

30. Свидание Александра II и Франца-Иосифа происходило 28-го июня (8 июля) 1876 г. в замке Рейхштадт, находившемся на территории Чехии и входившем в состав округа Рейхенберг (Либерец). Милютин в своем дневнике, говоря об этом свидании, называет его то Рейхштадтским, то Рейхенбергским.

31. В тексте допущена неточность: в Рейхштадтском (Рейхенбергском) свидании участвовали лишь Александр II и Франц-Иосиф, а не три императора, как указывает Милютин. Кроме того, никакого официального протокола, фиксирующего достигнутое соглашение, составлено не было. Сохранились лишь две записи текста соглашения: русский вариант, опубликованный в «Красном архиве» № 1 1922 г., и австрийский—в кн. Pribram «The secret treaties of Austria-Hungary», vol. II, Cambridge 1921. Appendix II, p. 188-190.

32. довоенного положения.

33. Повидимому, речь идет о записке Р. А. Фадеева по восточному вопросу, переданной им товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу 28 мая 1876 г. Эта записка опубликована в «Особом прибавлении к описанию русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове», вып. 1, Спб. 1890.

34. Измаил-паша.

35. Ген. Р. А. Фадеев—реакционный публицист и военный писатель, ярый поборник идей великодержавного панславизма, в 1875-76 гг. находился в Египте по приглашению хедива Измаил-паши в качестве своеобразного консультанта по военным вопросам. Авантюристически настроенный Фадеев предполагал использовать сепаратистские стремления Египта в предстоящей войне России с Турцией.

36. Умберто I.

37. Христиан IX и Луиза-Вильгельмина-Фредерика-Шарлотта.

38. Георг I и Ольга Константиновна.

39. Кн. Святополк-Мирский, Дмитрий Иванович.

40. Шамиль-Оглы.

41. целование руки

42. местах.

43. в заключение

44. Мендун-Мен.

45. изоляция

46. Гамбургер, Андрей Федорович.

47. во что бы то ни стало.

48. позировать.

49. Речь идет о воздействии общественного мнения Англии на консервативное правительство Дизраэли в связи с жестоким подавлением турками Апрельского восстания в Болгарии.

50. полный оборот

51. довоенного положения

52. путаница.

53. Эллиот, Генри.

54. Записка Н. Н. Обручева, датированная 1 октября 1876 г., опубликована в приложении к книге М. Газенкампфа «Мой дневник 1877-1878 гг.», Спб. 1908.

55. Я готов вам служить затычкой в ваших отношениях с сэром Эллиотом.

56. Наблюдается поворот (морской термин).

57. Абдул-Гамид II.

58. Имеются в виду деятели Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксаков, Пороховщиков и др.

Московский славянский комитет, так же как и другие славянские комитеты, стоял на позициях реакционного великодержавного панславизма. Однако объективно деятельность этих комитетов в период балканского кризиса имела большое положительно значение—через комитеты русский народ оказывал свою помощь братским славянским народам в их борьбе за освобождение от турецкого ига.

59. Речь Александра II приводится С. С. Татищевым в его монографии «Император Александр II, его жизнь и царствование», том II, Спб. 1903, стр. 310.

60. Неприязнь к кн. Черкасскому со стороны реакционных кругов обусловливалась его участием в подготовке крестьянской реформы, где он выступал с либеральными проектами, предусматривавшими наделение крестьян землей. К тому же в 1870 г. кн. Черкасский участвовал в составлении адреса Московской городской думы Александру II, в котором указывалась необходимость проведения ряда буржуазных реформ.

61. Циркулярная депеша государственного канцлера кн. Горчакова представителям России при иностранных державах опубликована в «Правительственном вестнике» 2 ноября 1876 г. № 244.

62. Мак-Магон.

63. Большой крест.

64. Имеются в виду военная конвенция с Германией, заключенная 24 апреля (6 мая) 1873 г., и военная конвенция с Австро-Венгрией—25 мая (6 июня) того же года. Обе конвенции опубликованы в журнале «Красный архив» № 1, 1922 г.

65. Имеются в виду сыновья эмира Сеида-Мозаффар-Эддина.

66. Вертер, Карл.

67. непременное условие

68. Шишкин, Николай Павлович.

69. Речь идет об известной революционной демонстрации у Казанского собора 6 декабря 1876 г., в которой принимал участие Г. В. Плеханов, произнесший речь, направленную против самодержавия.

70. Эта секретная конвенция между Россией и Австро-Венгрией была подписана 3(15) января 1877 г. в Будапеште. Она должна была обеспечить России благожелательное отношение со стороны Австро-Венгрии на случай русско-турецкой войны. Текст конвенции опубликован в журнале «Красный архив» № 1, 1922 г.

71. с оружием в руках.

72. После вашего отказа принять перемирие на более длительный срок и нашего ультиматума о двухмесячном перемирии невозможно нам взять на себя инициативу в деле прекращения военных действий до весны, не подвергнувшись упреку в непоследовательности и не подав повода для критики и подозрений в Европе. Мы только что предложили туркам на последнем заседании продлить перемирие на 2 недели, и я затрудняюсь тотчас же изменить это предложение без видимого мотива.

73. Я должен вас предупредить, что если австрийцы и особенно турки заметят ослабление нашей позиции и подумают, что мы не готовы к войне, нам будет очень трудно избежать ее, чего я искренно желаю, потому что высокомерие и упрямство турок возрастают и мы не можем ослабить своих сил, т. к. это создаст здесь невозможное и опасное положение дел.

74. Получил телеграмму от 13-го. Имеем существенные основания желать продления перемирия до 1 апреля. Сделайте все возможное для достижения этого.

75. Положение с каждым днем становится все серьезнее. Турки стараются выиграть время и откладывают заседание на четверг. Опьяненные конституцией, они жаждут войны с Россией. Уверяют, что они не только отвергнут предложение, сделанное Европой, но даже малейшее продление перемирия. Они готовы по-разбойничьи напасть и разгромить Черногорию и Сербию. Если мы действительно потребуем перемирия до 1 апреля, сомнительно, чтобы турки согласились. Мы декретировали бы таким образом во всяком случае оккупацию сербской территории турками до весны и помогли бы Эллиоту заключить безотлагательно мир порознь с Черногорией и Сербией, чтобы отложить до дальнейшего соглашения вопрос об автономии трех провинций. Я жду инструкций в отношении Сербии и Черногории. Солсбери сожалеет, что кабинет не уполномочивает его применять принуждение, необходимость которого он признает. Я говорил ему о совместных действиях, как средстве избежать войны между нами и Турцией.

76. безрассудство.

77. Наследник престола Александр Александрович оказывал активную поддержку деятельности славянских комитетов.

78. Конференция, предложенная нами, расстраивается. Солсбери, Вертер и я уезжаем в понедельник, другие выедут в течение недели. Условлено дать идентичные инструкции, предложенные мною, советникам, предписав им не заниматься политикой. Турок отошлют, если они будут делать новые предложения кабинетам.

79. Переговоры велись только с Сербией.

80. пустился в разговор.

81. мира во что бы то ни стало.

82. Эти записки под заглавием «Наше положение в настоящее время» и «Соображения на случай войны с Турцией» опубликованы в приложении к книге М. Газенкампфа «Мой дневник 1877-1878 гг.», Спб. 1908.

83. Записка ген.-ад. Н. П. Игнатьева «О мерах, которые следует принять для понуждения Турции к исполнению наших требований» от 12 февраля 1877 г. опубликована в «Особом прибавлении к описанию русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове», вып. 1. Спб. 1899.

84. Речь идет о поездке Игнатьева с целью подписания протокола Константинопольской конференции.

85. Имеется в виду так называемый «Процесс 50-ти» по делу народнической «Всероссийской социально-революционной организации», возникшей в Москве в конце 1874 г. и просуществовавшей до апреля 1875 г.

На этом процессе один из членов организации ткач Петр Алексеев произнес знаменитую речь, направленную против самодержавия; в ней

указывалось на руководящую роль рабочего класса в дальнейшей революционной борьбе.

86. составной частью Оттоманской империи.

87. Речь идет о ратификации Будапештской конвенции, подписанной 3(15) января 1877 года.

88. в форме словесного заявления.

89. если Порта примет советы кабинетов и выкажет готовность, став на мирную точку зрения, серьезно предпринять реформы, упомянутые в протоколе

90. Речь Аксакова, произнесенная 6 марта в Московском славянском благотворительном комитете, опубликована в сборнике статей И. С. Аксакова «Славянский вопрос 1860-1886», М. 1886.

91. Лондонский протокол опубликован в «Правительственном вестнике» 27 марта 1877 г. № 67, а также в «Особом прибавлении к описанию русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове», вып. 1. Спб. 1899.

92. Зиновьев, Иван Алексеевич.

93. Кабули-паша.

94. Договор с Румынией, заключенный 4 апреля 1877 года, состоял, собственно, из двух конвенций: 1) о праве свободного прохода русских войск через Румынию и 2) о порядке следования русской армии.

95. слишком поздно.

96. Бобринский, Алексей Васильевич.

97. Третьяков, Сергей Михайлович.

98. Речь идет о получении иностранного займа. В дневнике наследника престола Александра Александровича, в записи за 4 мая 1877 года говорится следующее: «В 1 час было финансовое совещание... Дело было о небольшом займе в 23 миллиона у берлинских банкиров». (Центральный Государственный Исторический Архив в Москве—ЦГИАМ, фонд Александра III, опись I, дело № 79, стр. 173). Валуев же в своем дневнике рассказывает об этом совещании более подробно. «На днях,—записывает он 8-го мая,—было у государя совещание по поводу заключенной министром финансов неудобной заемной сделки с банкирским домом Мендельсона и К°... Дело было очевидно предрешено. Министр финансов говорил, как всегда в критических случаях, наполовину добросовестно. Грейг, между нами порицавший сделку, ее защищал. Против нее были Абаза и я; за нее великий князь, генерал-адмирал. Абаза дошел до пафоса и убедился, что и аргументы, и пафос напрасны». (П. А. Валуев «Дневник 1877-84 гг.». Птг. 1919, стр. 11).

99. Вонлярлярский, Николай Михайлович.

100. Елизавета (Полина-Оттилия-Луиза).

101. Людвиг-Фридрих-Вильгельм-Карл.

102. людей, покровительствуемых вашим правительством.

103. Вонлярлярский, Владимир Михайлович.

104. См. биографический очерк Д. А. Милютин» в первом томе «Дневника Д. А. Милютина», М. 1947, стр. 49.

105. Диспозиция боя 30 августа приводится Паренсовым в его книге «Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба», т. 2, Спб. 1904, стр. 210-211.

106. Достоверность этого рассказа подтверждается рядом свидетельств современников, в том числе запиской Н. Н. Обручева, в которой подробно освещается со слов самого Александра II роль Милютина на совещании по

поводу Плевны. («Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877-78 гг. на Балканском полуострове», вып. IV, Спб. 1901, стр. 93-94, а также см. биографический очерк «Д. А. Милютин» в первом томе «Дневника Д. А. Милютина», М. 1947, стр. 50.

107. Эта приписка сделана Милютиным позднее в виде подстрочного примечания.

108. Людвига II.

109. В рукописи ошибочно написано «не удастся».

110. т. е. георгиевское или золотое оружие.

111. недоразумении

112. Я вне себя... Это отвратительно.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза, Александр Аггеевич (1821-1895), член Государственного совета, с 1874 по 1880 г. председатель департамента государственной экономии, с 1880 по 1881 г. министр финансов—14, 18, 27, 111, 144, 151, 167, 266.

Аббот (Abbot) (ум. в 1876 г.), германский консул в Салониках—47, 263.

Абдул-Азис-хан (1830-1876), турецкий султан с 1861 по 1876 г.—49.

Абдул-Хамид II (1842-1918), турецкий султан с 1876 по 1909 г.—99-100, 134, 208, 240, 264.

Абдурахман-Автобачи, руководитель национально-освободительного восстания в Коканде против царизма в 1875-1876 гг.—11, 17.

Адлерберг, Александр Владимирович, граф (1819-1889), генерал-адъютант, с 1872 по 1881 г. министр императорского двора и уделов—55, 84, 91-93, 95, 97-99, 101, 105, 111, 115-116, 123, 129, 135, 147, 153, 155, 159, 166, 168, 171, 173, 176, 178, 187, 189-190, 195, 203, 219-220, 244, 247.

Азис-паша (ум. в 1877 г.), турецкий генерал, в период войны 1877-1878 гг. начальник штаба турецкой армии, действовавшей на Балканском театре военных действий—198.

Аксаков, Иван Сергеевич (1823-1886), общественный деятель, славянофил, в 1876-1878 гг. председатель Московского славянского благотворительного комитета, стоявшего на позициях реакционного панславизма—108, 148, 264-265.

Александр, принц Баттенбергский (1857-1893), с 1879 по 1886 г. князь Болгарии—81, 258.

Александр Александрович, вел. кн. (1845-1894), с 1865 г. наследник престола, с 1881 г. император Александр III—12, 17, 23, 34, 42, 44, 55, 57, 60, 66, 71, 91, 93, 95, 98-99, 101, 103, 110, 116, 118, 127, 129, 131, 134-136, 149, 155, 163, 170, 186- 188, 192-195, 197-200, 202, 207-208, 212-213, 218-222, 224-225, 228-231, 233, 246, 248, 252-255, 257-258, 265-266.

Александр Владимирович, вел. кн. (1875-1877), сын вел. кн. Владимира Александровича—145.

Александр-Людвиг-Георг-Фридрих-Эмиль, принц Гессен-Дармштадтский (1823-1888), сын великого герцога Людвига II Гессен-Дармштадтского, отец Александра, принца Баттенбергского—15, 81, 186, 255, 257.

Александр II Николаевич (1818-1881), император с 1855 г.—3, 7-8, 11-15, 18-20, 22-24, 26, 28-30, 34-36, 38, 40-47, 50-63, 65, 67-71, 73, 75, 76-127, 129-142, 144-145, 147-150, 152-197, 199-207, 210-223, 225-238, 240-267.
144-145, 147-150, 152-197, 193-207, 210-223, 225-267.

Александра Федоровна (Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина) (1798-1860), императрица, жена Николая I—103, 234.

Алексеев, Петр Алексеевич (1849-1891), ткач, революционер 70-х годов—266.

Алексей Александрович, вел. кн. (1850-1908), четвертый сын императора Александра II—99, 166, 173, 178, 192, 255.

Альбединский, Петр Павлович (1825-1883), генерал-адъютант, с 1866 по 1870 г. генерал-губернатор лифляндский, эстляндский и курляндский, с 1874 по 1800 г.—виленский, ковенский и гродненский, с 1880 г.—варшавский—14, 137, 171, 255.

Альфред-Эрнест-Альберт, принц Великобританский, герцог Эдинбургский (1844-1900), второй сын английской королевы Виктории—25, 81, 90.

Андраши, Юлий, граф (1823-1890), австрийский государственный деятель, с 1869 по 1879 г. министр иностранных дел и императорского двора Австро-Венгрии—24, 32, 40-41, 46, 53, 60, 77, 80, 86, 88, 115-117, 121, 123, 144, 261-262.

Андреевский, Евгений Константинович (род. в 1848 г.), флигель-адъютант, в период войны 1877-1878 гг. состоял ординарцем при главнокомандующем вел. кн. Николае Николаевиче, в дальнейшем с 1890 по 1893 г. курский вице-губернатор, а с 1893 по 1903 г. черниговский губернатор—210.

Аничков, Виктор Михайлович (1830-1877), генерал-майор, профессор Николаевской академии Генерального штаба—143.

Анненков, Михаил Николаевич (1835-1899), генерал-майор свиты е. и. в., член и управляющий делами Главного военно-тюремного комитета, член Комитета по передвижению войск железной дорогой и водой—110, 127.

Арапетов, Иван Павлович (1811-1887), тайный советник, с 1859 г. член редакционных комиссий для составления «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», позднее член Горного совета Министерства государственных имуществ—47.

Арапов, Иван Андреевич, полковник, адъютант военного министра—225.

Арапова, Александра Петровна, повидимому, жена И. А. Арапова—23.

Аркас, Николай Андреевич (1816-1881), вице-адмирал, командующий черноморским флотом и военный губернатор г. Николаева—80, 91, 197.

Армфельд, Александр Густавович, граф (1794-1875), с 1842 г. министр-статс-секретарь Финляндского княжества—8.

Арнульф, принц баварский (1852-1907)—225, 242.

Афанасьев, Василий Васильевич (род. в 1838 г.), подполковник, в период войны 1877-1878 гг. заведывал работами по минному заграждению портов Черного моря, с 1881 по 1890 г. начальник минной части Черноморского побережья—78.

Багратион, Петр Романович, князь (1818-1876), генерал-лейтенант, с 1870 по 1876 г. лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор—14.

Баранов, Эдуард Трофимович, граф (1811-1884), генерал-адъютант, член Государственного совета—135.

Баранцов, Александр Алексеевич (1810-1882), генерал-адъютант, товарищ генерал-фельдцейхмейстера, фактически начальник Главного артиллерийского управления с 1863 по 1881 г.—11, 121, 140-141, 258.

Барятинский, Александр Иванович, князь (1815-1879), генерал-фельдмаршал, с 1856 по 1862 г. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией, с 1862 г. в отставке, член Государственного совета—67, 71.

Бенкендорф, Павел Константинович, граф, поручик лейб-гвардии конного полка, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг.—190.

Бехтольсгейм, барон, австрийский военный атташе—155, 198, 242.

Бибиков, Евгений Михайлович (1840-1900), капитан, в период войны 1877-1878 гг. адъютант главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, в дальнейшем генерал-лейтенант, начальник 2-ой гвардейской пехотной дивизии—201.

Биконсфильд, граф, см. Дизраэли.

Бискупский, Константин Ксаверьевич (1834-1892), полковник, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., начальник штаба XI-го армейского корпуса, затем с сентября 1877 г. генерал-майор и командир 2-ой бригады 14-ой пехотной дивизии—221.

Бисмарк, Отто-Эдуард-Леопольд, князь (1815-1898), германский канцлер с 1871 по 1890 г.—35, 41, 46, 73-74, 104, 109-110, 130, 132, 134, 142, 144, 146, 228, 243.

Бистром, Родриг Григорьевич (1809-1886), генерал-адъютант, помощник главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа—258.

Блудов, Дмитрий Николаевич, граф (1785-1864), в 1826 г. делопроизводитель Верховной следственной комиссии по делу о декабристах, с 1832 по 1864 г. последовательно министр внутренних дел, министр юстиции, главноуправляющий II отделением собственной е. и. в. канцелярии, председатель Государственного совета и Комитета министров—8.

Бобринский, Алексей Васильевич, граф (1831-1888), московский губернский предводитель дворянства с 1875 по 1883 г.—12, 163, 266.

Боголюбов, Андрей Андреевич (1841-1909), полковник, в 1876 г. был командирован в Главную квартиру черногорского князя Николая, при котором и состоял в период войны 1877-1878 гг.—66, 105, 127.

Богуславский, Александр Петрович (1824-1893), генерал-лейтенант, с 1873 г. начальник главного управления иррегулярных войск—11.

Бон-Ретиро (Buon-Retiro), бразильский гофмаршал—82.

Борель, владелец первоклассного ресторана в С.-Петербурге—141.

Боресков, **Михаил Матвеевич** (1829-1898), полковник, заведующий минной частью действующей армии на Дунае в период войны 1877-1878 гг.—78.

Борис Владимирович, вел. кн. (род. в 1877 г.), сын вел. кн. Владимира Александровича—244.

Боткин, Сергей Петрович (1832-1889), доктор медицины, член медицинского совета Министерства внутренних дел и Военно-медицинского ученого комитета, с 1873 г. почетный лейб-медик—10, 51, 66, 121, 171, 202-203, 245.

Брандт, Петр Федорович, генерал-майор свиты е. и. в., в период войны 1877-1878 гг. начальник 28-й пехотной дивизии—192.

Братиану (в тексте **Братиано), Ион** (1821-1891), румынский политический деятель, с 1876 по 1888 г. возглавлял румынское правительство—92, 112-113, 171, 204, 238-240.

Бремзен, Александр Густавович, генерал-майор, командир 2-ой бригады 3-ей гвардейской пехотной дивизии—235.

Бургоэн (Bourgoing), **Жан-Франсуа-Вильгельм, граф** (1821-1882), посол Франции в Константинополе с 1875 по 1877 г.—97, 106, 110.

Бутенев, Михаил Апполинариевич (род. в 1848 г.), секретарь русского посольства во Франции—48.

Бутовский, Александр Иванович (1814-1890), сенатор, директор департамента торговли и мануфактур Министерства финансов—23.

Валуев, Петр Александрович, граф (1815-1890), член Государственного совета, с 1861 по 1868 г. министр внутренних дел, с 1872 по 1879 г. министр государственных имуществ, с 1879 по 1881 г. председатель Комитета министров—12, 14, 18, 22, 54, 66, 140-142, 146-147, 150, 153, 167, 266.

Ванновский, Петр Семенович (1862-1904), генерал-адъютант, в период войны 1877-1878 гг., командующий XII армейским корпусом, а затем и. д. начальника штаба Рущукского отряда, с 1881 по 1898 г. военный министр—197, 200, 222-223, 254.

Вансович, Афанасий Николаевич (1815-1892), генерал-лейтенант, военный инженер—78.

Варшавский, Абрам Моисеевич, коммерции советник, подрядчик—179.

Васильчиков, Александр Илларионович, князь (1818-1881), земский деятель, с апреля 1876 г. председатель Петербургского славянского комитета—113.

Веймарн, Федор Петрович,—генерал-майор свиты е. и. в.—193.

Вейнберг, Аркадий Августович, чиновник Министерства иностранных дел—32.

Велеслей, английский военный агент в Петербурге, занимавшийся шпионской деятельностью—164, 167, 187, 198.

Вельяминова, Мария Николаевна, подруга дочерей Д. А. Милютина—22, 47, 255.

Вельяминовы—22.

Вердер, Бернгард-Франц-Вильгельм (1823-1907), генерал-лейтенант, с 1869 по 1886 г. военный атташе германского посольства в С.-Петербурге—105, 109, 155.

Верещагин, Василий Васильевич (1842-1904), художник-баталист—181.

Вертер, Карл, барон (1809-1894), с 1874 по 1877 г. германский посол в Турции—118, 128, 132, 265-266.

Виктория (1819-1901), с 1837 по 1901 г. английская королева—96, 135.

Виллье, Яков Васильевич, баронет (1765-1854), доктор медицины, с 1809 по 1838 г. президент Медико-хирургической академии, с 1854 г. главный инспектор медицинской части русской армии—10, 42, 146.

Вильгельм I (1797-1888), король прусский с 1861 г., император германский с 1871 по 1888 г.—27, 74, 105, 109, 146, 151,162, 195, 228-229, 243-244, 247-248.

Витгенштейн, Эмилий-Карл Людвигович, князь (1824-1878), генерал-майор свиты е. и. в.—194, 249.

Витовтов, Павел Александрович (1797-1876), генерал-адъютант, военный инженер—28, 30.

Владимир Александрович, вел. кн. (1847-1909), сын императора Александра II, начальник I-ой гвардейской пехотной дивизии—12, 34, 42, 44-45, 57, 110, 129, 135-136, 145, 149, 186-187, 195-196, 201, 212, 220-221, 225, 245, 252, 254, 258.

Воейков, Николай Васильевич (1838-1898), генерал-майор свиты е. и. в., управляющий делами императорской главной квартиры—155.

Вольтер (Франсуа-Мари-Аруэ) (1694-1778)—262.

Вонлярлярский, Владимир Михайлович (род. в 1852 г.), штаб-ротмистр лейб-гвардии кавалергардского полка, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., адъютант ген. Криденера—199.

Вонлярлярский, Николай Михайлович (1846-1906), полковник, с 1875 по 1883 г. адъютант военного министра—172, 225, 267.

Воронович, поручик гвардейской артиллерии—233.

Воронцов, Семен Михайлович, светл. князь (1823-1880), генерал-лейтенант, командир X армейского корпуса—91, 97.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович, граф (1837-1916), генерал-майор свиты е. и. в., с 1867 г. командир лейб-гвардии гусарского полка, с 1881 по 1897 г. министр двора и главноуправляющий государственным коннозаводством, член Государственного совета, после убийства Александра II был начальником царской охраны и одним из организаторов тайного общества по борьбе с революцией, так называемой «священной дружины», 1905 по 1915 г. наместник и командующий войсками Кавказского военного округа—155, 198.

Воронцова, Мария Васильевна, светл. княгиня, урожд. **кн. Трубецкая** (1819-1895), жена светл. кн. С. М. Воронцова—44.

Вяземская, Лидия Дмитриевна, княжна (ум. в 1876 г.), подруга дочерей Д. А. Милютина—21-22, 47.

Вяземский, Леонид Дмитриевич, князь (1848-1909), флигель-адъютант, в период войны 1877-1878 гг. командующий 2-ой бригадой болгарского ополчения, позднее член Государственного совета, с 1888 по 1890 г. астраханский губернатор—174, 206.

Вяземские, кн.—22.

Газенкампф, Михаил Александрович (1843-1913), генерал-от-инфантерии, военный писатель, в период войны 1877-1878 гг. состоял при главнокомандующем армии, действовавшей на Балканском театре военных действий—3, 264, 266.

Гальяр (Gaillard), полковник, французский военный агент в России—208.

Гамбетта (Gambetta), **Леон-Мишель** (1838-1882), буржуазный политический деятель Франции, с 1870 по 1871 г. министр внутренних дел, с 1879 по 1881 г. председатель палаты депутатов, с 1881 г. премьер-министр Франции—48.

Гамбургер, Андрей Федорович (1821-1899), тайный советник, управляющий департаментом личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел, член совета министра, с 1879 по 1896 г. посол в Швейцарии—24, 74, 171, 181, 244, 247, 253, 264.

Ган, Александр Федорович (1809-1895), генерал-лейтенант, в период войны 1877-1878 гг. командир XIII армейского корпуса, впоследствии член Военного совета—121, 195, 221, 224.

Ганецкий, Иван Степанович (1810-1887), генерал-лейтенант, в период войны 1877-1878 гг. командир гренадерского корпуса, с 1879 г. член Военного совета—249.

Гарин, полковник, начальник Петербургской военной прогимназии—37.

Гассан-паша (род. в 1853 г.), сын египетского хедива Измаила-паши, главнокомандующий египетским вспомогательным корпусом в Турции во время войны 1877-1878 гг.—193.

Гейден, Александра Федоровна, графиня, дочь графа Ф. Л. Гейден—23.

Гейден, Елизавета Николаевна, урожд. **графиня Зубова** (1833-1894), жена графа Ф. Л. Гейден—50-51.

Гейден, Федор Логгинович, граф (1821-1900), генерал-адъютант, с 1866 по 1881 г. начальник Главного штаба—11, 23, 113, 258.

Гейман, Василий Александрович (1823-1878), генерал-лейтенант, в период войны 1877-1878 гг. начальник 20-й пехотной дивизии в армии, действовавшей на Кавказском театре военных действий—235, 240.

Гемельман, полковник, военый инженер—48.

Георг, герцог Мекленбург-Стрелицкий (1824-1876), генерал-адъютант, генерал-инспектор стрелковых батальонов—14, 45.

Георг I (1845-1913), греческий король с 1863 по 1913 г.—59, 65, 264.

Георгий Александрович, вел. кн. (1871-1899), сын наследника престола Александра Александровича—165.

Гершельман, Федор Константинович (род. в 1853 г.), капитан, в 1877 г. был причислен к Генеральному штабу и назначен в штаб XIV армейского корпуса, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг.—179-180, 196.

Гика, Ион, князь (1817-1897), румынский политический деятель—156, 158, 161.

Гирс, Николай Карлович (1820-1895), с 1875 по 1882 г. товарищ министра иностранных дел и управляющий азиатским департаментом, с 1882 по 1895 г. министр иностранных дел—4, 23, 29, 32, 65, 113, 153, 256, 259, 264.

Гобино, граф (1816-1882), французский дипломат, ориенталист, был последовательно посланником Франции в Тегеране, Афинах, Рио-де-Жанейро—82.

Гоголь, Николай Васильевич (1809-1852)—38.

Голенищев-Кутузов, Александр Васильевич, князь (1846-1897), флигель-адъютант, полковник кавалергардского полка, в период войны 1877-1878 гг. состоявший при 2-ой пехотной дивизии—210.

Голицын, Николай Сергеевич, князь (1809-1892), генерал-лейтенант, член Военно-ученого комитета Главного штаба—9-10.

Головин, Евграф Александрович (1843-1909), надворный советник, почетный лейб-медик—171.

Головнин, Александр Васильевич (1821-1886), с 1861 по 1866 г. министр народного просвещения, член Государственного совета—260.

Горемыкин, товарищ Д. А. Милютина по гвардейскому генеральному штабу—10.

Горлов, Александр Павлович (1830-1905), генерал-майор, затем генерал-лейтенант, с 1873 по 1882 г. военный агент России в Англии, с 1882 г. инспектор местных арсеналов, член Артиллерийского комитета, изобретатель военного оружия—54.

Горчаков, Александр Михайлович, светл. князь (1798-1883), с 1856 по 1882 г. государственный канцлер и министр иностранных дел—4, 9, 19, 24, 31-32, 34, 36, 40-41, 46, 50, 52, 54, 56-57, 61-63, 65-66, 68-70, 72, 74-77, 80, 84-86, 89-90, 93-100, 102, 104-106, 109-111, 113-122, 125, 127-147, 149, 152-154, 163, 168-169, 171, 173-175, 179, 181, 227-228, 240-241, 243-244, 247, 256, 259-261, 265.

Горчаков, Андрей Николаевич (род. в 1836 г.), инженер, с 1877 г. заведующий военно-дорожным отделом полевого управления военными сообщениями действующей армии—179.

Горчаков, Михаил Иванович (1838-1910), профессор церковного права Петербургского университета—38.

Грейг, Самуил Алексеевич (1827-1887), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1874 по 1878 г. государственный контролер, с 1878 по 1880 г. министр финансов—14, 16, 18-19, 21, 25-27, 30-31, 63, 70, 111, 150, 152, 229, 256, 266.

Грибоедов, Александр Сергеевич (1795-1829)—38.

Гринвальд, Родион Егорович (1797-1877), генерал-адъютант, главноуправляющий государственным коннозаводством—260.

Грот, Константин Карлович (1815-1897), член Государственного совета, директор департамента неокладных сборов Министерства финансов—111.

Гурко, Иосиф Владимирович (1828-1901), генерал-от-кавалерии, в период войны 1877-1878 гг. начальник 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии, с 1878 по 1880 г. помощник главнокомандующего войсками Петербургского военного округа, с 1879 по 1880 г. временный петербургский генерал-губернатор, с 1883 по 1894 г. варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа—187-188, 190-191, 193-194, 201, 231, 235-236, 238, 244-248, 257.

Давыдов, Василий Евдокимович, полковник, адъютант начальника Главного штаба—23.

Данилевский, Николай Яковлевич (1822-1885), публицист, представитель реакционного панславизма—50, 61, 82.

Деказ, Луи, герцог (1819-1886), с 1874 по 1877 г. министр иностранных дел Франции—110.

Деллингсгаузен, Эдуард Карлович, барон (1824-1888), генерал-лейтенант, в период войны 1877-1878 гг. начальник 26-ой пехотной дивизии, затем временный командир XI армейского корпуса, с января 1878 г. командир IX армейского корпуса и андрианопольский генерал-губернатор—246-248.

Депп, Александр Филиппович (1835-1889), генерал-майор, начальник окружного инженерного управления Варшавского военного округа, в период войны 1877-1878 гг. начальник инженеров армии, действовавшей на Балканском театре военных действий—72, 200.

Дерби, Эдуард-Генри-Стэнли, граф (1826-1893), с 1868 по 1878 г. министр иностранных дел Англии, член палаты лордов—31, 57, 96, 135, 168-169, 175.

Державин, Николай Севастьянович (род. в 1877 г.), академик, известный советский ученый, филолог-славист—263.

Дерожинский, Валериан Филиппович (1826-1877), генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. командир 1-ой бригады 9-ой пехотной дивизии—206.

Дерфельден, Христофор Платонович, поручик лейб-гвардии Уланского полка, адъютант главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича—244.

Деспот-Зенович, Александр Иванович, действительный статский советник, в 1874 г. председатель комиссии «По переделению Азиатской России и уничтожению генерал-губернаторств»—29.

Дизраэли, Бенжамен (с 1876 г. граф **Биконсфильд,** 1804-1881), английский премьер-министр с 1874 по 1880 г.—57, 79, 96, 111, 115, 120, 126-127, 131, 135, 142, 147, 264.

Долгорукая, Екатерина Михайловна (светл. княгиня Юрьевская, 1847-1922), фаворитка Александра II, а с 1880 г. его жена—51.

Долгоруков, Владимир Андреевич, князь (1810-1891), с 1865 по 1891 г. московский генерал-губернатор—107, 164.

Долгоруков, Николай Сергеевич, князь, флигель-адъютант, капитан лейб-гвардии Преображенского полка—155, 159.

Дондуков-Корсаков, Александр Михайлович, князь (1820-1893), генерал-адъютант, с 1869 по 1878 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, в период войны 1877-1878 гг. командующий XIII армейским корпусом, а затем восточным отрядом армии, действовавшей на Балканском театре военных действий, с 1879 по 1880 г. императорский комиссар в Болгарии и командующий русским оккупационным корпусом, с 1882 по 1890 г. наместник Кавказа и командующий войсками Кавказского военного округа—13, 171, 221, 224-225, 259.

Дондуков-Корсаков, Михаил Александрович, князь (1853-1901), корнет кавалергардского полка, сын А. М. Дондукова-Корсакова—13.

Дондукова-Корсакова, княгиня, жена А. М. Дондукова-Корсакова—13.

Дохтуров, Дмитрий Петрович (1838-1905), полковник Генерального штаба—67.

Драгомиров, Михаил Иванович (1830-1905), генерал-адъютант, в период войны 1877-1878 гг. начальник 14-ой пехотной дивизии, с 1878 по 1889 г. начальник Академии Генерального штаба, с 1889 г. командующий войсками Киевского военного округа—17, 157, 183-184, 206.

Дрентельн, Александр Романович (1820-1888), генерал-адъютант, начальник 1-ой гвардейской пехотной дивизии, помощник председателя Главного комитета по устройству и образованию войск; в период войны 1877-1878 гг. начальник военных сообщений армии, действовавшей на Балканском театре военных действий, с 1878 по 1880 г. шеф жандармов и начальник III отделения собственной е. и. в. канцелярии—171, 209.

Дьяков, капитан 2-го ранга, член минной комиссии в крепости Керчь—78.

Елена Павловна (Фредерика-Шарлотта-Мария), вел. княгиня (1806-1873), жена вел. кн. Михаила Павловича—173.

Елизавета (Полина-Оттилия-Луиза), урожд. **принцесса Нейвидская** (1843-1916), королева румынская—173-174, 255, 267.

Енгалычева, Надежда Павловна, княгиня (1828-1877), дочь П. Н. Игнатьева—146.

Ермаков, Николай Андреевич (1823-1897), действительный статский советник, вице-директор департамента торговли и мануфактур Министерства финансов—23.

Ермолова, Мария Григорьевна, урожд. **Гежелинская** (1825-1905), инспектриса женских врачебных курсов при Военном министерстве—43.

Жилинский, Иосиф Ипполитович (род. в 1834 г.), полковник—44.

Жомини, Александр Генрихович, барон (1817-1888), действительный тайный советник, старший советник Министерства иностранных дел—40-41, 52, 56, 74, 94, 97, 106, 139-140, 152, 227, 247.

Жуков, Даниил Ефимович (1823-1891), генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. сначала командир 1-ой бригады 18-ой пехотной дивизии, а затем начальник 17-ой пехотной дивизии—180-181.

Заблоцкий-Десятовский, Андрей Парфенович (1808-1881), статс-секретарь, член ученого комитета Министерства финансов, с 1875 г. член Государственного совета, автор труда «Граф П. Д. Киселев и его время»—59.

Зедделер, Логгин Логгинович, барон (1831-1899), генерал-майор свиты е. и. в., в период войны 1877-1878 гг. командир 1-ой бригады 2-ой гвардейской пехотной дивизии—231-232.

Зеебах, Лео Альбин, барон, немецкий дипломат, зять Нессельроде—68.

Зеленой (в тексте **Зеленый**), полковник, русский военный агент в Константинополе—61, 105, 127.

Зиновьев, Иван Алексеевич (1835-1917), действительный статский советник, с 1876 по 1883 г. посланник России в Персии—153, 266.

Зичи, Франц, граф (род. в 1811 г.), с 1874 по 1879 г., австрийский посол в Турции—97, 162.

Золотарев, Василий Григорьевич (1837-1891), полковник Генерального штаба, в период войны 1877-1878 гг. состоял при штабах Рущукского и Восточного отрядов и исполнял обязанности систовского и рущукского губернатора—112.

Зотов, Павел Дмитриевич (1824-1879), генерал-от-инфантерии, в период войны 1877-1878 гг., командующий IV армейским корпусом, затем начальник штаба войск, состоявших под начальством румынского князя Карла—193, 208-211, 216, 221-222, 224.

Иванов, офицер лейб-гвардии Финляндского полка, пасынок Б. А. Милютина—9.

Игнатьев, Николай Павлович, граф (1832-1908), генерал-адъютант, с 1864 по 1877 г. посол России в Турции, с 1881 по 1882 г. министр внутренних дел, член Государственного совета—24, 31-32, 34, 36, 45, 49, 53, 57, 60-63, 70, 76-77, 79-81, 83-87, 89-97, 100-104, 114, 116, 118-119, 122-124, 126-127, 132-133, 136-147, 150, 153-156, 159, 174-175, 178, 198, 227-228, 244, 247, 252-253, 259, 261-262, 266.

Игнатьев, Павел Николаевич, граф (1797-1879), генерал-адъютант, с 1872 по 1879 г. председатель Комитета министров—19, 22, 27, 146, 149, 262.

Измаил-паша (1830-1895), с 1863 по 1879 г. хедив Египта—57, 264.

Измаил-паша, генерал турецкой армии, действовавшей в период войны 1877-1878 гг. на Кавказском театре военных действий—235.

Имеретинский, Александр Константинович, светл. князь (1827-1900), генерал-майор свиты е. и. в., начальник штаба Варшавского военного округа, в период войны 1877-1878 гг. начальник 2-ой пехотной дивизии—161, 191, 196, 200, 205, 209-213, 224, 251.

Иолшин Михаил Александрович (1830-1883), генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. командир 1-ой бригады 14-ой пехотной дивизии—184.

Ионин, Александр Семенович (1837-1900), русский консул в Рагузе и Цетинье—25, 114-115, 127, 153, 241, 262.

Исаков, Николай Васильевич (1821-1891), генерал-адъютант, с 1863 по 1881 г. начальник Главного управления военно-учебных заведений—37.

Кабули-паша, турецкий посол в России в 1876-1877 гг.—11, 55, 154, 266.

Кавелин, Константин Дмитриевич (1818-1885), историк-юрист, общественный деятель, либерал—17, 66

Казнаков, Николай Геннадиевич (1824-1885), генерал-адъютант, с 1875 по 1881 г. генерал-губернатор Западной Сибири и командующий войсками Западно-сибирского военного округа—23, 32.

Казнаков, Николай Иванович (1834-1906), капитан 1-го ранга, начальник штаба главного командира Черноморского флота и портов, впоследствии вице-адмирал, главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор г. Кронштадта—78.

Кантакузен, Михаил Алексеевич, князь (1840-1894), полковник Генерального штаба, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг.—196.

Карандеев, офицер гвардейского конно-гренадерского полка—196.

Карл-Вильгельм-Людвиг, принц Гессен-Дармштадтский (1809-1877), брат Людвига III, великого герцога Гессен-Дармштадтского—145.

Карл I (1839-1914), с 1865 г. князь, а с 1881 г. король Румынии—123, 155-156, 161, 171-173, 175, 207-208, 210-211, 213, 217, 224, 230-232, 235, 239, 242, 244, 248, 252-254.

Карлос, дон (Charles-Maria, de los Dolores), **принц Бурбонский** (1848-1909), претендент на испанский престол под именем Карла VII—136-137, 181.

Карцов, Андрей Николаевич, действительный статский советник, русский дипломатический агент и генеральный консул в Белграде—25, 235, 262.

Карцов, Павел Петрович (1821-1892), генерал-лейтенант, в период войны 1877-1878 гг. начальник 3-ей пехотной дивизии—111, 113, 118.

Катаржи, полковник, адъютант князя Милана I, дядя его жены княгини Натальи—161, 177.

Кауфман, Константин Петрович (1818-1882), генерал-адъютант, с 1867 по 1882 г. туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа, осуществлявший завоевание Средней Азии—11-12, 16-17, 32.

Кауфман, Михаил Петрович (1822-1902), генерал-адъютант, с 1866 по 1879 г. начальник Главного интендантского управления Военного министерства—18, 50, 218.

Келлер, Федор Эдуардович, граф (1850-1904), ротмистр кавалергардского полка, в 1876 г. вступил в ряды сербского добровольческого корпуса и был там начальником штаба дивизии, в период войны 1877-1878 гг. состоял для поручений при штабе XI армейского корпуса—67.

Кемпбель, английский военный агент при турецкой армии—66.

Кирилл Владимирович, вел. кн. (род. в 1876 г.), сын вел. кн. Владимира Александровича—108.

Киселев, Павел Дмитриевич, граф (1788-1872), государственный деятель эпохи Николая I, участник Отечественной войны 1812 г., кампании 1813-1814 гг. и русско-турецкой войны 1828-1829 гг., по окончании которой занимался организацией управления в Молдавии и Валахии, с 1835 г. член Государственного совета, с 1837 по 1856 г. министр государственных имуществ, с 1856 г. до выхода в отставку в 1862 году—посол в Париже—59.

Кишельский, Иван Кирович (1820-1881), болгарин, полковник, затем генерал-майор русской армии, деятель болгарского освободительного движения—41, 50, 97.

Клепш, австрийский военный атташе в Петербурге—20.

Когольничану (в тексте **Когольничано**), **Михаил** (1817-1891), румынский министр иностранных дел—171, 255.

Козлов, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., ординарец ген. Криденера—199.

Козлов, Николай Илларионович (1814-1889), врач, член Военно-медицинского ученого комитета, с 1869 по 1871 г. начальник Медико-хирургической академии, с 1871 по 1881 г. главный военно-медицинский инспектор—92.

Колпаковский, Герасим Алексеевич (1819-1896), генерал-лейтенант, с 1867 по 1882 г. командующий войсками Семиреченской области и наказной атаман Семиреченского казачьего войска—17-18.

Конаржевский, Даниил Альбертович (род. в 1831 г.), полковник, в период войны 1877-1878 гг. командир 121-го Пензенского пехотного полка 31-й пехотной дивизии—188.

Константин Константинович, вел. кн., (1858-1915), второй сын вел. кн. Константина Николаевича—99, 234.

Константин Николаевич, вел. кн. (1827-1892), сын Николая I, генерал-адмирал, с 1865 по 1881 г. председатель Государственного совета—8, 22, 25-26, 29, 63, 118, 122-123, 126, 129, 138-139, 147, 165, 255, 266.

Корженевский, Николай Осипович (1827-1879), хирург, профессор Медико-хирургической академии, в период войны 1877-1878 гг. начальник медицинской части Рущукского отряда—10.

Корна, французский генерал—69.

Корти, граф (1823-1888), итальянский посол в Турции с 1875 по 1885 г.—97.

Корф, Модест Андреевич, граф, до 1872 г. барон (1800-1876), статс-секретарь, член Государственного совета, автор пасквильного труда на декабристов «О восшествии на престол Николая I»—8, 9, 262.

Коцебу, Павел Евстафьевич, граф (1801-1884), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1874 по 1880 г. варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа—72, 171, 255.

Коцебу, графиня, жена П. Е. Коцебу—71.

Краббе, Николай Карлович (1814-1876), адмирал, с 1872 по 1876 г. управляющий Морским министерством—8, 9.

Кравченко, Павел Павлович (1829-1889), генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. начальник Сухумского отдела, впоследствии генерал-лейтенант, начальник 36-ой пехотной дивизии—170.

Красовский, Антон Яковлевич (1821-1898), доктор медицины, профессор Медико-хирургической академии—10.

Криденер, Николай Павлович, барон (1811-1891), генерал-лейтенант, в период войны 1877-1878 гг. командир IX армейского корпуса, действовавшего на Балканском театре военных действий—188, 191-193, 197-200.

Кропоткин, Петр Алексеевич, князь (1842-1921), революционер, теоретик анархизма—55.

Крыжановский, Николай Андреевич (1818-1888), генерал-адъютант, член Военного совета, с 1865 по 1881 г. оренбургский генерал-губернатор и командующий войсками Оренбургского военного округа—11, 32, 135.

Крылов, Евгений Тимофеевич (ум. в 1894 г.), генерал-лейтенант, начальник 4-ой кавалерийской дивизии—221-222, 235.

Кузминский, товарищ Д. А. Милютина по гвардейскому генеральному штабу—10.

Кузминский (ум. в 1877 г.), полковник лейб-гвардии Волынского полка—171.

Кумани, Алексей Михайлович, статский советник, с 1876 г. русский генеральный консул в Париже—48.

Лавров, Василий Николаевич (1838-1877), генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. командир лейб-гвардии Финляндского полка—231.

Лавров, Николай Николаевич, подполковник, состоявший для особых поручений при командующем войсками Одесского военного округа—196.

Лайярд (Layard), английский посол в Константинополе с 1877 по 1881 г.—158, 162-163, 237.

Ламберт, Иосиф Карлович, граф (1809-1879), генерал-адъютант, директор Николаевской Измайловской военной богадельни—44.

Лангенау, барон, австрийский посол в России—17, 111.

Левашов, Николай Васильевич, граф (1827-1888), генерал-адъютант, с 1871 по 1874 г. помощник шефа жандармов и начальника III отделения собственной е. и. в. канцелярии—155.

Левицкий Казимир Васильевич (1835-1890), генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. помощник начальника штаба армии, действовавшей на Балканском театре военных действий—156, 202, 207, 209, 212, 216, 218-219, 222, 251.

Лей (1832-1899), американский изобретатель—48.

Лейхтенбергские, герцоги, см. **Романовские.**

Леонид, архиепископ варшавский—73.

Леонтьев, Александр Николаевич (1827-1878), генерал-лейтенант, с 1862 по по 1878 г. начальник Николаевской академии Генерального штаба—33.

Лесовский, Степан Степанович (1817-1884), генерал-адъютант, адмирал, гидрограф-исследователь, с 1869 по 1880 г. помощник управляющего Морским министерством—63, 66, 99, 165.

Лешанин, Милойко (1830-1896), сербский генерал, участник сербо-турецкой и русско-турецкой войн, командир Моравского, а затем Тимокского военных корпусов—177.

Лефло (Le-Flo), **Адольф-Шарль-Эммануил** (1804-1887), с 1871 по 1879 г. французский посол в России—36, 68, 70.

Лигниц (Lignitz) (1841-1913), майор, с 1874 г. германский военный агент в России—167, 206.

Литтон, Эдуард (1831-1891), английский государственный деятель, с 1875 г. генерал-губернатор Индии—19.

Лобанов-Ростовский, Алексей Борисович, князь (1824-1896), с 1867 по 1878 г. товарищ министра внутренних дел, позднее посол России в Турции, Англии и Австрии, с 1895 г. министр иностранных дел—153.

Лобко, Павел Львович (1838-1905), полковник, профессор Николаевской академии Генерального штаба—137-138, 172.

Лорис-Меликов, Михаил Тариелович, граф (1825-1888), генерал-адъютант, в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. находился в армии, действовавшей на Кавказском театре военных действий, с 1879 по 1880 г. временный харьковский генерал-губернатор, в 1880 г. начальник Верховной распорядительной комиссии, в 1880-1881 гг. министр внутренних дел—170.

Лофтус, Август, лорд, с 1871 по 1879 г. английский посол в России—96-98, 100, 103-104, 168, 256.

Лошкарев, Александр Григорьевич, генерал-майор, начальник 9-ой кавалерийской дивизии—212-213.

Луиза-Вильгельмина-Фредерика-Шарлотта, принцесса Гессен-Кассельская (1817-1898), датская королева, жена короля Христиана IX—59, 264.

Любовицкий, Юлиан Викторович (1836-1908), флигель-адъютант, полковник, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., командир лейб-гвардии гренадерского полка—231.

Людвиг-Фридрих-Вильгельм-Карл (1837-1892), великий герцог Гессен-Дармштадтский с 1877 г.—186, 267.

Людвиг II (Отто-Фридрих-Вильгельм) (1845-1886), король баварский с 1864 г.—225, 267.

Маврогени, Ольга, румынская придворная дама—255.

Мак-Магон, Марк-Эдмон-Патрик-Морис (1808-1893), маршал Франции и президент французской республики—111, 265.

Мальцева, Анастасия Николаевна, урожд. **Урусова** (1820-1894), жена известного промышленника Сергея Ивановича Мальцева—169.

Мантейфель, Эдвин-Карл-Рохус, граф (1809-1885), генерал-фельдмаршал германской армии, в 1876-1878 гг. выполнял дипломатические поручения при русском дворе—72-74.

Маргарита-Мария-Тереза-Иоанна, принцесса Савойская (1851-1926), жена итальянского наследного принца Умберто—55, 57.

Маринович, Иован (1821-1893), с 1873 по 1874 г. министр иностранных дел Сербии, в 1876 г. сербский дипломатический представитель в Петербурге, с 1878 по 1889 г. посланник Сербии в Париже—111-112, 116.

Мария-Александрина-Анна-София-Августа-Елена, принцесса Саксен-Веймарская (род. в 1849 г.), жена принца Генриха Рейсса—28, 262.

Мария Александровна, урожд. **принцесса Гессен-Дармштадтская** (1824-1880), императрица, жена Александра II—19-20, 31 ,43-44, 46, 51, 54, 56, 60, 70, 75, 81-83, 95, 101, 133, 135, 145, 153, 163, 201, 257-258.

Мария Александровна, вел. кн. (1853-1920), дочь Александра II, с 1874 г. жена английского принца Альфреда Эдинбургского—25, 44, 60, 90, 95, 99, 163, 229.

Мария Максимилиановна, принцесса Баденская, урожд. **Романовская** (род. в 1841 г.), дочь герцога Максимилиана Лейхтенбергского—43.

Мария Николаевна, вел. кн. (1819-1876), дочь Николая I, в первом браке за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, во втором, морганатическом, за графом Г. А. Строгановым—19-22, 206.

Мария Павловна, вел. кн. (1786-1859), дочь Павла I, жена Карла-Фридриха, великого герцога Саксен-Веймарского—200.

Мария Федоровна (Мария-София-Фредерика-Дагмара) (1847-1928), дочь датского короля Христиана IX, жена наследника престола Александра Александровича, с 1881 г. императрица—60, 65, 71, 98, 101, 111, 163, 246.

Масальский, Николай Федорович, князь (1812-1880), генерал-лейтенант, начальник артиллерии Петербургского военного округа, в период войны 1877-1878 гг. начальник артиллерии армии, действовавшей на Балканском театре военных действий—213, 216, 251.

Мацнев, генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. начальник 2-ой пехотной, а затем 1-ой резервной дивизии—205.

Мачтет, Григорий Александрович (1852-1901), беллетрист и поэт народнического направления — 263.

Медем, Николай Васильевич, барон (1796-1870), генерал-от-артиллерии, профессор Николаевской академии Генерального штаба—9.

Мезенцов, Николай Владимирович (1827-1878), генерал адъютант, с 1864 г. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отделением собственной е. и. в. канцелярии, с 1874 г. товарищ шефа жандармов, с 1876 по 1878 г. шеф жандармов—110, 111, 153, 173.

Меллер-Закомельский, Сергей Николаевич (1848-1899), флигель-адъютант, командир конной стрелковой роты—17.

Мельников, Павел Петрович (1804-1880), инженер-генерал, член Государственного совета, в 1862-1869 гг. был министром путей сообщения—32.

Мендун-Мен (ум. в 1878 г.) император бирманский с 1852 по 1878 г.—68, 264.

Меншиков, Александр Сергеевич, светл. князь (1787-1869), генерал-адъютант, адмирал, с 1829 г. начальник Главного морского штаба, с 1830 г. финляндский генерал-губернатор, в 1853 г. возглавлял чрезвычайное посольство к турецкому султану, главнокомандующий Крымской армией в период войны 1854-1855 гг.—77.

Меншиков, Владимир Александрович, светл. князь (ум. в 1893 г.), генерал-адъютант, член Военно-госпитального комитета—155.

Мехмет-Али-паша (1827-1878), генерал турецкой армии, командующий отдельным корпусом в Боснии в 1875-1876 гг., в период войны 1877-1878 гг. главнокомандующий турецкой армией в Болгарии—199, 205, 207-208, 219-223, 225, 243, 248, 256.

Мещеринов, Григорий Васильевич (1827-1901), генерал-адъютант, с 1866 по 1881 г. помощник начальника Главного штаба, в дальнейшем генерал-губернатор Западной Сибири и командующий войсками Казанского военного округа—222.

Мещерский, Эммануил Николаевич, князь (1842-1877), участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., флигель-адъютант, полковник—218.

Микешин, Михаил Осипович (1836-1896), художник—68.

Милан I Обренович (1854-1901), с 1868 по 1889 г. князь, а затем король Сербии—18, 66-67, 70, 79, 98 ,102, 112, 161, 165, 176, 178, 262.

Миллер, бывший военный инженер, член строительного общества—55.

Милорадович, Григорий Александрович (1839-1905), флигель-адъютант, полковник кавалергардского полка, в дальнейшем генерал-лейтенант, сентор—249.

Милютин, Алексей Дмитриевич (1845-1904), сын Дмитрия Алексеевича Милютина, флигель-адъютант, впоследствии с 1892 по 1902 г. курский губернатор—23, 26, 47, 103, 161, 174, 198, 205, 246, 255.

Милютин, Борис Алексеевич (1830-1886), действительный статский советник, юрист—9.

Милютин Николай Алексеевич (1818-1872), директор хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, фактический руководитель всех работ по подготовке крестьянской реформы 1861 г., с 1864 по 1865 г. статс-секретарь по делам Царства Польского—107.

Милютин, Юрий Николаевич (1856-1812), сын Николая Алексеевича Милютина, в период войны 1877-1878 гг. вольноопределяющийся лейб-гвардии уланского полка, произведенный в 1878 г. в корнеты—23, 151, 222.

Милютина, Елена Дмитриевна, в замужестве **Гершельман** (1857-1882), младшая дочь Дмитрия Алексеевича Милютина—103, 179.

Милютина, Елизавета Дмитриевна, в замужестве **Шаховская** (род. в 1844 г.), дочь Дмитрия Алексеевича Милютина, фрейлина императрицы Марии Александровны—51, 75, 170, 179.

Милютина, Мария Дмитриевна (1854-1882), дочь Дмитрия Алексеевича Милютина—179.

Милютина, Надежда Дмитриевна, в замужестве **Долгорукая** (1850-1913), дочь Дмитрия Алексеевича Милютина—22, 47, 103, 179, 255.

Милютина, Наталья Михайловна, урожд. **Понсэ** (1821-1912), жена Дмитрия Алексеевича Милютина—47-48, 75, 93, 96, 103, 105, 117, 158, 168, 173, 179.

Милютина, Ольга Дмитриевна, (1848-1926), дочь Дмитрия Алексеевича Милютина—22, 47, 103, 127, 179.

Милютина, Прасковья Николаевна, дочь Николая Алексеевича Милютина—23.

Минквиц, Александр Федорович (1816-1882), генерал-адъютант, с 1873 г. помощник командующего войсками Варшавского военного округа, с 1877 г. командующий войсками Харьковского военного округа—72.

Митхад-паша (1825-1884), турецкий великий визирь с 1876 по 1877 г.—121, 126-127, 132, 134-135, 145.

Михаил Николаевич, вел. кн. (1832-1909), сын императора Николая I, с 1863 по 1881 г. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией—11, 31, 61, 81-82, 151-152, 160, 186, 189, 197, 237, 240, 256, 261-262.

Михаил Павлович, вел. кн. (1798-1849), младший сын императора Павла I, с 1831 г. главный начальник военно-учебных заведений, с 1844 г. главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами—33.

Мокеев, Николай Дмитриевич (ум. в 1889 г.), статский советник, драгоман русского посольства в Константинополе—237.

Мольтке, Гелльмут-Карл-Бернгард, граф (1800-1891), фельдмаршал германской армии, с 1858 по 1888 г. начальник Генерального штаба—91.

Моравский, Сергей Степанович, полковник, в период войны 1877-1878 гг. помощник начальника полевого интендантского управления действующей армии—249.

Морозов, Тимофей Саввич (1823-1889), московский купец, с 1865 по 1876 г. председатель биржевого комитета—108.

Мулен (Moulin), французский консул в Салониках—47, 263.

Муравьев-Амурский, Николай Николаевич, граф (1809-1881), генерал-адъютант, с 1847 по 1861 г. генерал-губернатор Восточной Сибири, с 1861 г. член Государственного совета—47.

Мурад V (1840-1904), турецкий султан с 30 мая по 31 августа 1876 г.—49, 55, 59.

Мухортов, Захар Николаевич (ум. в 1876 г.), юрист, вице-президент Вольного Экономического Общества—35, 38.

Мухортова, Александра Николаевна, жена З. Н. Мухортова—35, 36.

Мухтар-паша, сын султана Абдул-Азиза, генерал турецкой армии, в период войны 1877-1878 гг. главнокомандующий турецкими войсками на Кавказском театре военных действий—47, 51, 55, 59, 173, 229-230.

Мюнстер, Георг-Герберт, граф (1820-1902), с 1873 по 1885 г. германский посол в Англии—146.

Наср-Эддин, старший сын кокандского хана Худояра—17.

Наумов, Дмитрий Алексеевич (1830-1895), председатель Московской губернской земской управы—12.

Нейперг, Эрвин, граф (1813-1897), генерал австро-венгерской службы—71.

Нелидов, Александр Иванович (1835-1910), действительный статский советник, член русского посольства в Константинополе, с 1883 по 1897 г. русский посол в Турции—87, 92, 104, 114-115, 147, 158-159, 163, 226-228, 241-244, 247, 252-253, 261.

Непокойчицкий, Артур Адамович (1813-1881), генерал-адъютант, член Военного совета, с 1874 г. председатель особой временной комиссии по управлению Медико-хирургической академией и председатель Военно-кодификационного комитета, в период войны 1877-1878 гг. начальник штаба армии, действовавшей на Балканском театре военных действий—47, 109, 111, 123-125, 131, 159, 175, 178-179, 183, 187, 189-190, 197-199, 202, 204, 207-208, 210, 212, 214, 216, 218, 222, 228, 238, 251-252.

Нигра, Константин, граф (1827-1907), итальянский посол в России с 1876 по 1882 г.—54, 68-69, 134.

Никитин, Александр Павлович (1824-1891), генерал-лейтенант, с 1866 по 1878 г. начальник окружного штаба Виленского военного округа, в 1876 г. был командирован в Сербию с поручением, касавшимся боевой подготовки сербских войск—112-113.

Николаи, Александр Павлович, барон (1831-1899), статс-секретарь, член Государственного совета, с 1881 по 1882 г. министр народного просвещения—25.

Николай Александрович, вел. кн. (1843-1865), сын императора Александра II—158, 218.

Николай Александрович, вел. кн. (1868-1918), старший сын наследника престола Александра Александровича, с 1894 по 1917 г. император Николай II—66, 127.

Николай Константинович, вел. кн. (1850-1894), сын. вел. кн. Константина Николаевича—33.

Николай Николаевич старший, вел. кн. (1831-1891), сын императора Николая I, член Государственного совета, генерал-инспектор кавалерии и по инженерной части; в период войны 1877-1878 гг. главнокомандующий русской армией,

действовавшей на Балканском театре военных действий—3, 33, 43, 45, 71, 98, 101-103, 109-110, 112, 120, 122, 124, 129, 151-152, 154-159, 166, 176-179, 181-183, 187-189, 191, 195-218, 222-224, 227-228, 231-235, 237-240, 242-243, 245-246, 251-252, 257, 259, 261.

Николай Николаевич младший, вел. кн. (1856-1929), сын вел. кн. Николая Николаевича старшего, в период первой мировой войны верховный главнокомандующий русской армией (1914-1915 гг.), позднее главнокомандующий Кавказским фронтом—33, 42, 108, 146, 196.

Николай I Павлович (1796-1855), император с 1825 г.—8, 20, 58, 182.

Николай I Петрович Негош (1841-1921), с 1860 по 1919 г. князь Черногорский—18, 24, 55, 59, 66-67, 241, 262.

Николич, Тихомил (1833-1886), генерал сербской армии, с 1876 по 1878 г. военный министр Сербии—50.

Новиков, Евгений Петрович (1826-1903), тайный советник, с 1870 по 1879 г. русский посол в Австро-Венгрии, с 1879 по 1882 г.—в Турции—12, 23-24, 31, 32, 46, 84, 97, 100, 102, 104, 114, 116-117, 121, 123, 133, 170, 181, 262.

Новоселов, Семен Корнилович (1816-1876), генерал-майор в отставке, участник сербо-турецкой войны 1876 г. в должности командующего Ибарской армией—98.

Обручев, Николай Николаевич (1830-1904), генерал-лейтенант, с 1867 г. член и управляющий делами Военно-ученого комитета, профессор Николаевской академии Генерального штаба, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., с 1881 по 1898 г. начальник Главного штаба—34, 92-93, 96, 104, 127, 137-139, 236-237, 248, 250, 252-253, 257-258, 264, 267.

Оболенский, Владимир Сергеевич, князь, ротмистр лейб-гвардии кавалергардского полка, адъютант наследника престола Александра Александровича—199.

Озеров, Александр Петрович (1817-1900), шталмейстер двора, директор Петербургского тюремного комитета—101.

Озеров, повидимому, **Петр Сергеевич** (ум. в 1879 г.), флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Преображенского полка—184.

Олохов, Федор Алексеевич (1812-1877), генерал-майор, с 1874 по 1877 г. комендант Керченской крепости—78.

Олсуфьева, Анна Михайловна, урожд. **Обольянинова, графиня** (род. в 1835 г.), жена флигель-адъютанта А. В. Олсуфьева—47, 179.

Олсуфьевы—48.

Ольга Константиновна, вел. кн. (род. в 1851 г.), дочь вел. кн. Константина Николаевича, с 1867 г. королева греческая, жена короля Георга I—59, 65, 264.

Ольга Николаевна, вел. кн. (1822-1892), вторая дочь императора Николая I, с 1846 г. жена наследного принца, а затем короля Вюртембергского Карла—15, 70.

Орлов, Николай Алексеевич, князь (1827-1885), генерал-адъютант, с 1871 по 1884 г. русский посол во Франции—48.

Осман-паша (Осман-Нури-Гази) (1837-1900), генерал турецкой армии, в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. командующий войсками в Плевне—208-210, 212, 219, 221-224, 227-228, 230, 236-238, 245-247, 249, 251.

Павел (1827-1892), епископ кишиневский и хотинский—157-158.

Павел Александрович, вел. кн. (1860-1919), младший сын императора Александра II—51, 84-85, 223, 255.

Павлов, Платон Петрович (1834-1904), генерал-майор, начальник штаба Кавказского военного округа, в период войны 1877-1878 гг. начальник штаба Кавказской армии—81.

Пален, Константин Иванович, граф (1833-1912), с 1867 по 1878 г. министр юстиции—42, 144, 149-150.

Панчулидзев, Евгений Алексеевич, поручик Нижегородского драгунского полка—174.

Паренсов, Петр Дмитриевич (род. в 1843 г.), полковник, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., военный писатель, автор воспоминаний о войне 1877-1878 гг.—3, 267.

Педро II (1825-1891), император Бразилии с 1831 по 1889 г.—82.

Петрушевский, Михаил Фомич (1832-1893), генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. командир 2-ой бригады 14-ой пехотной дивизии, позднее начальник этой дивизии—184.

Петр Георгиевич, принц Ольденбургский (1812-1881), генерал-от-инфантерии, член Государственного совета, с 1861 по 1881 г. главноуправляющий IV отделением собственной е. и. в. канцелярии—19, 23, 28, 33, 149.

Пилкин, Константин Григорьевич (1824-1913), контр-адмирал, один из организаторов минного дела в русском флоте—66, 78.

Пирогов, Николай Иванович (1810-1881), известный русский хирург и педагог—232.

Плеханов, Георгий Валентинович (1856-1918)—265.

Половцев, Александр Александрович (1832-1910), сенатор, член Государственного совета—149.

Поляков, Самуил Соломонович (1837-1888), коммерции советник, железнодорожный предприниматель, строитель ряда железных дорог—179, 255.

Понсэ, Анна Евгеньевна, дочь Евгения Михайловича Понсэ—50, 127, 179.

Понсэ, Евгений Михайлович, брат жены Дмитрия Алексеевича Милютина—48, 127, 179.

Понсэ, Фредерика Михайловна, невестка Дмитрия Алексеевича Милютина—161.

Попов, Владимир Васильевич (1841-1896), капитан, адъютант вел. кн. Николая Николаевича старшего—195.

Попов, Павел Николаевич, подполковник—23, 174.

Пороховщиков, Александр Александрович (1809-1894), московский купец, член Московского славянского благотворительного комитета—83-87, 89, 267.

Посьет, Константин Николаевич (1819-1899), генерал-адъютант, адмирал, с 1874 по 1888 г. министр путей сообщения—18, 30-31, 58, 171, 179.

Потапов, Александр Львович (1818-1886), генерал-адъютант, с 1868 по 1874 г. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор, с 1874 по 1876 г. шеф жандармов и начальник III отделения собственной е. и. в. канцелярии—18, 29, 42, 70, 75.

Протасов-Бахметьев, Николай Алексеевич, граф (1834-1907), генерал-майор свиты е. и. в., в период войны 1877-1878 г. начальник сводной казачьей дивизии, в дальнейшем астраханский губернатор, член Государственного совета—253.

Протич, Коста (1831-1892), полковник сербской армии, участник сербо-турецкой войны, в период войны 1877-1878 гг. сначала начальник штаба Верховного командования, затем начальник Главного генерального штаба сербской армии—165, 177.

Пущин, Леонид Петрович (1843-1877), лейтенант, командир катера—177.

Пясецкий, Павел Яковлевич (род. в 1843 г.), доктор медицины, путешественник и писатель—23, 34, 36.

Рааслоф (Raasloff), **Вальдемар-Рудольф** (1815-1883), генерал датской армии, с 1865 по 1870 г. военный министр Дании—26.

Радецкий, Федор Федорович (1820-1890), генерал-лейтенант, в период войны 1877-1878 гг. командир VIII армейского корпуса—183-184, 205-208, 218, 257, 260.

Раух, Оттон Егорович (1834-1890), генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. командир 2-ой бригады 1-ой гвардейской дивизии—245.

Рейсс, Генрих VII, принц (1825-1906), с 1867 по 1876 г. германский посол в России, с 1877 по 1878 г. посол в Турции, с 1878 по 1894—в Австрии—27-28, 162, 237.

Рейтерн, Александр Евграфович (1824-1879), генерал-адъютант, с 1873 по 1879 г. русский военный агент в Берлине—228-229, 243, 247-248, 256.

Рейтерн, Михаил Христофорович (1820-1890), статс-секретарь, с 1862 по 1878 г. министр финансов—14, 18, 21, 23, 26-27, 29-30, 56, 61, 63, 81, 92-93, 109, 111, 113, 115, 124-126, 129, 138-140, 144, 146-147, 152-153, 167-169, 170, 179, 261, 266.

Ристич, Иован (1831-1899), сербский политический деятель, с 1867 г. министр иностранных дел Сербии—177.

Рихтер, Александр Карлович, генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. командир 3-й саперной бригады—192.

Рихтер, повидимому, **Оттон Борисович** (1830-1908), генерал-адъютант, с 1871 г. начальник 13-й пехотной дивизии—105.

Родич, Габриэль, барон (1813-1890), генерал австро-венгерской армии, с 1870 по 1881 г. генерал-губернатор Далмации—24.

Розенбах, Николай Оттонович (1836-1901), генерал-майор свиты е. и. в., с 1870 по 1877 г. командир лейб-гвардии Павловского полка, с 1877 г. командир 2-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, с 1878 г. начальник штаба гвардейского корпуса—231-232.

Розетти, румынская придворная дама—173, 255.

Романовский, Евгений Максимилианович, герцог Лейхтенбергский (1847-1901), флигель-адъютант в период войны 1877-1878 гг. командир отдельной кавалерийской бригады—186, 188.

Романовский, Николай Максимилианович, герцог Лейхтенбергский (1843-1890), генерал-адъютант, в период войны 1877-1878 гг. командир отдельной кавалерийской бригады—186.

Романовский, Сергей Максимилианович, герцог Лейхтенбергский (1849-1877), флигель-адъютант, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг.—231.

Ростовцев, Яков Иванович (1803-1860), генерал-адъютант, начальник Главного штаба по военно-учебным заведениям, с 1859 г. председатель редакционных комиссий для составления «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»—131.

Рудановский, Константин Васильевич, полковник Генерального штаба, начальник Петербургской прогимназии—37.

Рылеев, Александр Михайлович (1880-1907), генерал-адъютант, с 1864 по 1881 г. комендант императорской главной квартиры—155, 191.

Савфет-паша (1815-1883), турецкий государственный деятель, с 1876 по 1879 г. министр иностранных дел Турции—122, 148.

Салисбюри, см. **Солсбери.**

Салтыков, Александр Михайлович (род. в 1828 г.), генерал-майор свиты е. и. в., производитель дел военно-походной канцелярии—155.

Самарин, Юрий Федорович (1819-1876), крупный помещик, общественный деятель, славянофил, публицист либерального направления—32, 38.

Свистунов, Александр Павлович (род. в 1830 г.), генерал-майор, начальник Окружного штаба Кавказского военного округа—81.

Святополк-Мирский, Дмитрий Иванович, князь (1825-1899), генерал-адъютант, помощник главнокомандующего Кавказской армией, с 1880 г. член Государственного совета—62, 167, 237, 264.

Святополк-Мирский, Николай Иванович, князь (1833-1898), генерал-адъютант, с 1876 г. начальник 9-й пехотной дивизии, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., с 1881 по 1898 г. наказной атаман войска Донского—193, 246-248.

Седергольм, Карл Карлович (ум. в 1903 г.), генерал-майор, военный инженер, строитель крепости в Керчи—78.

Сеид-Мозаффар-Эддин-хан, с 1860 по 1885 г. бухарский эмир—116, 265.

Семека, Владимир Саввич (1816-1897), генерал-адъютант, с 1874 по 1879 г. командующий войсками Одесского военного округа—48-50, 80, 87, 91, 104, 171, 196.

Семиградов, Николай Иванович, штаб-ротмистр в отставке, предводитель дворянства Бендерско-Аккерманского уезда, Кишиневской губ.—157.

Семиградова, жена Н. И. Семиградова—157.

Семирадский, Генрих Ипполитович (1843-1902), художник—149.

Сергей Александрович, вел. кн. (1857-1905), реакционный политический деятель, сын императора Александра II, с 1891 по 1905 г. московский генерал-губернатор и командующий войсками Московского военного округа, убит в 1905 г. Каляевым—165, 170-171, 194, 200, 209, 222-223, 228, 234, 245.

Скалон, Дмитрий Антонович (род. в 1840 г.), генерал-от-кавалерии, председатель Русского военно-исторического общества, военный писатель; во время русско-турецкой войны состоял адъютантом главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича старшего—3.

Скобелев, Михаил Дмитриевич (1843-1882), флигель-адъютант, позднее генерал-адъютант, участник завоевания Средней Азии, руководитель подавления восстания в Коканде в 1875-1876 гг., с 1876 по 1877 г. военный губернатор Ферганской области, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и ахал-текинской экспедиции 1880-1881 гг.—11, 16-17, 23, 212, 214, 235-238.

Сланичану (в тексте **Сланичано**), **Георгий**, полковник румынской армии, в 1876 г. военный министр Румынии, в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. начальник штаба румынской армии—92, 171, 204, 208.

Соболевский, Василий Львович, генерал-лейтенант, начальник штаба местных войск Варшавского военного округа—72-73.

Соллогуб, Владимир Александрович, граф (1814-1882), писатель, в период войны 1877-1878 гг. находился при главной квартире Александра II и в 1878 г. издал «Дневник военных действий»—194.

Солсбери, Роберт Сесиль, лорд (1830-1903), с 1876 по 1878 г. английский уполномоченный в Константинополе, с 1878 по 1880 г. министр иностранных дел Англии—110-111, 113-114, 116-117, 120, 122, 124, 126, 132, 135, 143, 147, 266.

Сосновский, Юлиан Адамович (род. в 1842 г.), полковник, глава экспедиции по исследованию торгового пути в Китай—23, 34, 36.

Сперанский, Михаил Михайлович, граф (1772-1839), государственный деятель эпохи Александра I и Николая I—8.

Столетов, Николай Григорьевич (род. в 1833 г.), генерал-майор, в период войны 1877-1878 гг. начальник болгарского ополчения, действовавшего в составе русской армии на Балканском театре военных действий—108.

Столыпин, Аркадий Дмитриевич (1822-1899), генерал-от-артиллерии, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., позднее генерал-губернатор Восточной Румелии и Адрианопольского Санджака—239.

Стратимирович, Джордж (1822-1908), офицер сербской армии, участник сербо-турецкой и русско-турецкой войн 1876-1878 гг.—55.

Строганов, Григорий Александрович, граф (1824-1878), шталмейстер, муж вел. кн. Марии Николаевны—20, 56.

Струве, Аманд Егорович (1835-1898), инженер-полковник—12.

Струков, Александр Петрович (род. в 1840 г.), полковник, адъютант главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича старшего, с 1877 г. генерал-майор свиты е. и. в., с 1878 по 1881 г. командир лейб-гвардии Уланского полка—196-197.

Стюарт, Дмитрий Федорович, барон, статский советник, русский дипломатический агент и генеральный консул в Бухаресте—155-156.

Стюрлер, Александр Николаевич (1825-1901), генерал-адъютант, с 1872 г. шталмейстер двора наследника престола Александра Александровича—173.

Суворов, Александр Аркадьевич, кн. Италийский, граф Рымникский (1804-1882), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1848 по 1861 г. лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор, с 1861 г. генерал-губернатор С.-Петербурга, с 1866 г. генерал-инспектор всей пехоты—7, 171, 203, 250, 254.

Сулейман-паша (1838-1892), турецкий генерал, в период войны 1877-1878 гг. командующий турецкой армией, действовавшей на Балканском театре военных действий—189, 205, 207, 219, 225, 228, 230-231, 247, 255-257.

Сумарков-Эльстон, Феликс Николаевич, граф (1820-1877), генерал-адъютант, с 1875 по 1877 г. командующий войсками Харьковского военного округа—80-81, 83-84, 87, 89.

Татищев, Сергей Спиридонович (1846-1906), дворянский историк и публицист, автор ряда исторических монографий—262-264.

Тергукасов, Арзас Артемьевич (1819-1891), генерал-лейтенант, в период войны 1877-1878 гг. начальник Эриванского отряда армии, действовавшей на Кавказском театре военных действий—190, 235.

Териев, Заал Шавлиевич (ум. в 1877 г.), флигель-адъютант, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., подполковник 161-го пехотного Александропольского полка—218.

Тимашев, Александр Егорович (1818-1893), генерал-адъютант, с 1868 по 1878 г. министр внутренних дел, член Государственного совета—14-15, 18, 22, 25, 29, 42, 61, 109-111, 125, 140-141, 147, 149, 153, 168.

Тимашев, Николай Александрович (1849-1877), прапорщик лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады—153.

Тира, датская принцесса, дочь короля Христиана IX—59.

Толстой, Дмитрий Андреевич, граф (1823-1889), с 1866 по 1880 г. обер-прокурор св. синода и министр народного просвещения, с 1882 по 1889 г. министр внутренних дел—150.

Толстой, Илларион Николаевич, генерал-майор свиты е. и. в.—193.

Тотлебен, Эдуард Иванович (1818-1884), генерал-адъютант, военный инженер, участник Севастопольской обороны, с 1863 г. товарищ генерал-инспектора по инженерной части, в период войны 1877-1878 гг. сначала руководил осадными работами под Плевной, а затем, после заключения мира, был назначен главнокомандующим армией, находившейся на Балканском полуострове, с 1879 по 1880 г. временный одесский генерал-губернатор, с 1880 г. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор—90-93, 98, 104, 135, 146, 216, 222-224, 227, 230-231, 251, 257.

Трепов, Федор Федорович (1812-1889), генерал-адъютант, градоначальник С.-Петербурга, известный зверской расправой с революционерами—42.

Третьяков, Сергей Михайлович (1834-1892), московский купец-коллекционер, основатель Третьяковской галлереи, в 1876 г. исполнял обязанности старшины московского купечества, в 1877 г. городской голова Москвы—108, 163, 266.

Трубецкая, Елизавета Эсперовна, княгиня, урожд. **Белосельская-Бе**
ская (1830-1907)—48.

Тучков, Михаил Павлович (1832-1890), генерал-майор свиты е. и. в.

Тюрберт (ум. в 1877 г.), офицер гвардейской артиллерии, участник р
турецкой войны 1877-1878 гг.—186.

Убри, Павел Петрович, граф (1820-1896), с 1863 по 1879 г. русский
в Германии, с 1879 г.—в Австро-Венгрии, с 1882 г. член Государственно
вета—44, 46, 130, 132, 134, 146, 170, 175, 243.

Умберто I (1844-1900), итальянский наследный принц, с 1878 г. к
Италии—55, 57, 59, 264.

Урусов, Сергей Николаевич, князь (1816-1883), статс-секретарь, чле
сударственного совета, главноуправляющий II отделением собственной е.
канцелярии—22, 42, 109, 153.

Ушаков, Александр Иванович (1803-1877), генерал-от-инфантерии, с
по 1877 г. председатель Главного военного суда—141.

Фадеев, Ростислав Андреевич (1824-1883), генерал-майор, военный пис
и публицист реакционного направления, сотрудничал в «Московских ве
стях», «Русском вестнике» и «Русском мире»—53, 57, 86, 97, 108, 160,
241, 264.

Фельдман, Федор Александрович (1835-1902), флигель-адъютант, с 187
1881 г. русский военный агент в Вене—48.

Флореску (в тексте **Флореско**), **Ион** (1819-1893), генерал румынской
мии—171.

Фонтон, Николай Антонович, статский советник, первый секретарь рус
посольства во Франции—48.

Форбес (Forbes, Archibald) (1838-1900), специальный корреспондент ан
ской газеты «Daily-News»—206.

Франкини, Виктор Антонович (1820-1892), генерал-майор, начальник вое
горского управления Кавказского военного округа—31, 38, 263.

Франц-Иосиф I (1830-1916), австрийский император с 1848 г.—53, 80, 8
87, 89-91, 97, 100, 115, 121, 123, 145, 204, 247-248, 260-261, 264.

Фредерикс, Владимир Александрович, барон (1837-1892), с 1867 по 187
чиновник особых поручений при государственном канцлере—74.

Фредерикс, Владимир Борисович, барон, флигель-адъютант, командую
лейб-гвардии конным полком—35.

Фредерикс, Лев Александрович, барон (1839-1904), полковник, адъю
Д. А. Милютина, с 1876 г. военный агент в Париже—47.

Фредерикс, Платон Александрович, барон (1828-1888), генерал-адъют
с 1873 по 1879 г. генерал-губернатор Восточной Сибири—29.

Фрезе, Александр Александрович (род. в 1840 г.), полковник Генералы
штаба, в период войны 1877-1878 гг. состоял для поручений при начальн
штаба армии, действовавшей на Балканском театре военных действий—231.

Фридрих-Вильгельм-Карл (род. в 1819 г.), с 1860 г. великий герцог Мек
бург-Стрелицкий—14, 262.

Фридрих-Франц II (род. в 1823 г.), великий герцог Мекленбург-Швер
ский—14-15, 17, 255, 262.

Фулат-бек, хан кокандский в 1876 г.—17.

Ховен, фон-дер, капитан—121.

Хорватович, Джура (1835-1895), офицер сербской армии, участник сер
турецкой и русско-турецкой войн 1876-1878 гг., командир Тимокского, а за
Моравского военных корпусов—177.

Христиан IX (1818-1906), датский король с 1863 г.—59, 65, 264.

Цертелев, Александр Николаевич, князь (1848-1883), помощник секретаря русского посольства в Константинополе, с мая 1876 г. управляющий консульствами в Адрианополе и Филлипополе—75.

Циммерман, Аполлон Эрнестович (1825-1884), генерал-лейтенант, в период войны 1877-1878 гг. командир XIV армейского корпуса, с 1878 г. член Военного совета—178-180, 196-198, 205, 242.

Цюлов, адъютант великого герцога Мекленбург-Шверинского—17.

Черкасский, Владимир Александрович, князь (1824-1878), помещик, общественный деятель, принимавший участие в крестьянской реформе, умеренный либерал, в период войны 1877-1878 г. уполномоченный Красного Креста при действующей армии и заведующий гражданской частью на территориях, занятых русскими войсками—60, 107, 109-111, 113-114, 127, 175, 259-260, 264-265.

Чернышев, Павел Феоктистович (1854-1876), организатор революционных кружков молодежи, студент Медико-хирургической академии, исключенный из нее в 1874 г. за участие в революционном движении—42, 263.

Черняев, Михаил Григорьевич (1826-1898), генерал-майор, участник завоевания Средней Азии, генерал-губернатор образованной Туркестанской области, в 1866 г. вышел в отставку, с 1875 по 1876 г. редактор-издатель реакционной газеты «Русский мир», в 1876 г. командующий Главной сербской армией, с 1882 по 1884 г. туркестанский генерал-губернатор—53, 55-56, 70-71, 79, 97-98, 102, 105, 112, 121, 160.

Чертков, Михаил Иванович (1829-1905), генерал-адъютант, с 1877 г. временный киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа, с 1881 г. член Государственного совета—155, 221, 255.

Чингис-хан, Джангер, флигель-адъютант, с 1878 г. генерал-майор—214.

Чичагов, Леонид Михайлович (род. в 1856 г.), гвардейский офицер, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., автор «Дневника пребывания царя освободителя в Дунайской армии в 1877 году». С 1890 г. архиепископ кишиневский и хотинский под именем Серафима—3.

Шамиль (род. около 1798 г., ум. в 1871 г.), имам, вождь национально-освободительного движения горских народов Кавказа—62.

Шамиль-Оглы Ахмед Шафи, второй сын имама Шамиля, штаб-ротмистр императорского конвоя—62, 264.

Шаховский, Алексей Иванович, князь (1821-1900), генерал-лейтенант, в период 1877-1878 гг. командир XI армейского корпуса—192-193, 195, 200, 212, 219, 246.

Швейниц, Ганс-Лотарь. (1822-1901), прусский генерал, с 1871 по 1876 г. германский посол в Австрии, с 1876 по 1893 г.—в России—27-28, 68, 103, 117, 132, 134, 141.

Шелковников, Бегбут Мартиросович (1837-1878), полковник, с 1875 г. исполн. должность начальника штаба Черноморского округа, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг.—170.

Шернваль-Валлен, Эмилий Карлович, барон (1806-1890), с 1875 по 1881 г. министр—статс-секретарь великого княжества Финляндского—58.

Шильдер, Николай Карлович (1842-1902), полковник, адъютант ген.-ад. Тотлебена, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., с 1878 г. генерал-майор, историк, представитель дворянской историографии, автор ряда трудов по истории России—91.

Шильдер-Шульднер, Юрий Иванович (1816-1878), генерал-лейтенант, в период войны 1877-1878 гг. начальник 5-ой пехотной дивизии—195.

Шишкин, Николай Павлович (1830-1902), действительный статский советник, с 1875 по 1880 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Северо-Американских Соединенных Штатах—118, 265.

Шлиттер, Николай Петрович (1833-1877), флигель-адъютант, полковник, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., командир 17-го пехотного Архангелогородского полка—218.

Шодорди (в тексте Шотарди), граф (1826-1889), французский политический деятель, представитель Франции на Константинопольской конференции 1876 г.—110, 120.

Штубендорф, Отто Эдуардович (род. в 1837 г.), полковник, профессор геодезии Академии Генерального штаба, с 1877 г. член Военно-учебного комитета—44.

Штюрмер, товарищ Д. А. Милютина по выпуску из Военной академии—10.

Шувалов, Андрей Павлович, граф (1816-1876), петербургский предводитель дворянства с 1872 по 1876 г.—12.

Шувалов Петр Андреевич, граф (1827-1899), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1856 по 1874 г. шеф жандармов и главный начальник III отделения собственной е. и. в. канцелярии, с 1874 по 1879 г. русский посол в Англии—19, 31, 35-36, 46, 54, 90, 126-127, 131, 134-135, 142-143, 147-148, 150, 153, 167-170, 174-176, 178, 237, 256, 259.

Щел(о)ков, Василий Алексеевич (1809-1892), генерал-майор, в период 1877-1878 гг. военно-походный начальник управления телеграфов—191.

Эдем (Эдгем)-паша (1813-1893), в 1876 г. турецкий посол в Берлине, в 1877-1878 гг. великий визирь—134-135.

Эллиот, Генри, лорд (род. в 1817 г.), с 1867 по 1877 г. английский посол в Турции, с 1878 по 1884 г.—в Австрии—79, 87-88, 92, 97, 101-102, 113, 122, 124, 126, 264-265.

Якуб-бек (Магомет Якуб-бек Бадаулет) (1820-1877), правитель Кашгара, ставленник английского правительства—263.

Янышев, Иван Леонтьевич (1826-1910), священник—38.

Яфимович, Владимир Матвеевич (1809-1888), генерал-адъютант, с 1855 г. инспектор пороховых заводов, с 1877 г. генерал-от-артиллерии—140.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редактора 3

Дневник Милютина

1876 год 7

1877 год 129

262

Указатель имен 269